

ISSN 2949-1185

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

Кольского научного центра РАН

1/2022(1)

**СЕРИЯ: ЕСТЕСТВЕННЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

16+

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

1/2022(1)

Научно-информационный журнал
Основан в 2022 году
Выходит 4 раза в год

Кольского научного центра. Серия: Естественные и гуманитарные науки

Главный редактор
акад. РАН, д. г.-м. н. С.В. Кривовичев

Заместитель главного редактора
к. б. н. Е.А. Боровичев

Редакционный совет:
акад. РАН, д. б. н. Г.Г. Матишов,
чл.-корр. РАН д. б. н. В.К. Жиров,
чл.-корр. РАН д. т. н. А.И. Николаев,
чл.-корр. РАН, д. х. н. И.Г. Тананаев,
д. э. н. Ф.Д. Ларичкин,
д. ф.-м. н. Е.Д. Терещенко,
к. т. н. А.С. Карпов (отв. секретарь)

Редколлегия серии:
акад. РАН, д. г.-м. н. С.В. Кривовичев,
акад. РАН, д. б. н. Г.Г. Матишов,
чл.-корр. РАН, д. б. н. В.К. Жиров,
д. г.-м. н. В.В. Балаганский,
д. г.-м. н. Т.Б. Баянова,
д. и. н. С.Г. Веригин,
д. и. н. И.Ю. Винокурова,
д. ф.-м. н. В.Г. Воробьев,
д. г. н. В.А. Даувальтер,
д. и. н. В.В. Ефимова,
д. и. н. И.Л. Жеребцов,
д. ф.-м. н. В.Е. Иванов,
д. б. н. Л.А. Иванова,
д. ф.-м. н. Б.В. Козелов,
д. г.-м. н. Н.Е. Козлов,
д. б. н. Н.А. Константинова,
д. б. н. П.Р. Макаревич,
д. т. н. Д.В. Макаров,
д. и. н. Е.П. Мартынова,
д. т. н. В.А. Маслобоев,
д. ф.-м. н. И.В. Мингалев,
д. и. н. С.А. Никонов,
д. и. н. И.А. Разумова,
д. и. н. А.А. Селин,
д. и. н. Ю.П. Шабаев,
д. б. н. Н.Ю. Шмакова,
к. ф.-м. н. Ю.В. Балабин,
к. ф.-м. н. В.Б. Белаховский,
к. б. н. Е.А. Боровичев,
к. б. н. Д.А. Давыдов,
к. б. н. Д.Б. Денисов,
к. б. н. И.В. Зенкова,
к. и. н. К.С. Казакова,
к. б. н. Н.Е. Королева,
к. ф.-м. н. О.В. Мингалев,
к. г. н. Д.В. Моисеев,
к. г.-м. н. С.В. Мудрук,
к. ф.-м. н. К.Г. Орлов,
к. и. н. Е.А. Пивнева,
к. ф.-м. н. Ю.В. Федоренко

Ответственный редактор номера
к. и. н. К.С. Казакова

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Федеральный исследовательский центр “Кольский научный центр РАН”»
(ФИЦ КНЦ РАН)

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-83502 от 30 июня 2022 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.

Научное издание

Технический редактор В.Ю. Жиганов
Редактор Ю.Н. Еремеева
Подписано к печати 19.10.2022.
Дата выхода в свет 28.12.2022.
Формат бумаги 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 22,67. Заказ № 64. Тираж 500 экз.
Свободная цена.

Адрес учредителя, издателя и типографии: Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки «Федеральный исследовательский центр
“Кольский научный центр РАН”» (ФИЦ КНЦ РАН)
184209, г. Апатиты, Мурманская область, ул. Ферсмана, 14
Тел.: (81555) 7-53-50; 79-5-95, факс: (81555) 76425
E-mail: ksc@ksc.ru. www.ksc.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ

Разумова И. А.	Жанрово-видовые особенности книги воспоминаний Е. Б. Халезовой. Часть 2. Генеалогия и история семьи.....	5
Коткин К. Я.	Архивы и наука «в действии» (по материалам В. В. Чарнолуцкого).....	20
Змеева О. В.	Должностная инструкция для стражников военно-стратегического объекта (Российский Север. 1915–1916 годы).....	30
Бусырева Е. В.	Мемориальные предметы в семьях с немецкой родословной.....	42
Бодрова О. А.	Саамские этнокультурные артефакты в региональной туристской и культурно-массовой деятельности (на материале Мурманской области)	54
Сулейманова О. А.	Особенности презентации «саамских» сувениров в виртуальном пространстве (на примере социальной сети «ВКонтакте»).....	64
Давыдова А. С.	«Люди, занимающиеся духовным туризмом, должны путешествовать самостоятельно!»: представления гидов о туристических дестинациях Мурманской области.....	70
Тарова (Кузнецова) Л. А.	Изучение саамского сегмента российского Интернета в контексте проблематики киберэтнографии.....	84

ИСТОРИЯ

Шабалина О. В.	Личные документы персонального фонда геолога Б. М. Куплетского Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук.....	98
Петровский М. Н.	К истории горнозаводского дела в Русской Лапландии XVIII века.....	104
Казакова К. С.	История церковно-приходских школ Кольского Севера в конце XIX — первой трети XX века в архивных документах.....	121
Кожевникова Ю. Н.	Материальное обеспечение приходского духовенства Кольского Севера в последней трети XIX века.....	130
Дубровская Е. Ю.	Российская революция 1917 года и трансформация представлений активистов карельского национального движения о перспективах политического и экономического развития Российской Карелии.....	136
Сушко Е. О.	Непродолжительная история существования республик-фантомов Вологдаче и Беломорье в западных средствах массовой информации.....	149
Мартынова А. А., Асминг С. В.	Об истории больницы Кольского научного центра Российской академии наук...	159
Чаплыгина Д. А.	Хозяйство кольских саамов во второй половине XVIII века (по материалам статистических ведомостей).....	168

АРХЕОЛОГИЯ

Шахнович М. М.	Археологические работы в Русской Лапландии в 2017 и 2019 годах.....	175
Лихачев В. А.	Древняя «каменоломня» на Канозере: следы разработки камня и новые петроглифы панели Каменный 5.....	185

Russian Academy of Sciences

TRANSACTIONS

1/2022(1)

Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities

Editor-in-Chief

S.V. Krivovichev, Academician of RAS,
Dr. Sc. (Geology & Mineralogy)

Deputy Editor-in-Chief

E.A. Borovichev, PhD (Biology)

Editorial Council:

G.G. Matishov, Academician of RAS, Dr. Sc. (Biology),
V.K. Zhiron, Cor. Member of RAS, Dr. Sc. (Biology),
A. I. Nikolaev, Cor. Member of RAS, Dr. Sc. (Engineering),
I.G. Tananaev, Cor. Member of RAS, Dr. Sc. (Chemistry),
F.D. Larichkin, Dr. Sc. (Economics),
E.D. Tereshchenko, Dr. Sc. (Physics and Mathematics),
A.S. Karpov, PhD (Engineering) — Executive Secretary

Editorial Board:

S.V. Krivovichev, Academician of RAS,
Dr. Sc. (Geology & Mineralogy),
G.G. Matishov, Academician of RAS, Dr. Sc. (Biology),
V.K. Zhiron, Cor. Member of RAS, Dr. Sc. (Biology),
V.V. Balaganskiy, Dr. Sc. (Geology & Mineralogy),
T.B. Bayanova, Dr. Sc. (Geology & Mineralogy),
S.G. Verigin, Dr. Sc. (History),
I.Yu. Vinokurova, Dr. Sc. (History),
V.G. Vorobjov, Dr. Sc. (Physics & Mathematics),
V.A. Dauvalter, Dr. Sc. (Geography),
V.V. Efimova, Dr. Sc. (History),
I.L. Zherebtsov, Dr. Sc. (History),
V.E. Ivanov, Dr. Sc. (Physics & Mathematics),
L.A. Ivanova, Dr. Sc. (Biology),
B.V. Kozelov, Dr. Sc. (Physics & Mathematics),
N.E. Kozlov, Dr. Sc. (Geology & Mineralogy),
N.A. Konstantinova, Dr. Sc. (Biology),
P.R. Makarevich, Dr. Sc. (Biology),
D.V. Makarov, Dr. Sc. (Engineering),
E.P. Martynova, Dr. Sc. (History),
V.A. Masloboev, Dr. Sc. (Engineering),
I.V. Mingalev, Dr. Sc. (Physics & Mathematics),
S.A. Nikonov, Dr. Sc. (History),
I.A. Razumova, Dr. Sc. (History),
A.A. Selin, Dr. Sc. (History),
Yu.P. Shabaev, Dr. Sc. (History),
N.Yu. Shmakova, Dr. Sc. (Biology),
Yu.V. Balabin, PhD (Physics & Mathematics),
V.B. Belakhovskiy, PhD (Physics & Mathematics),
E.A. Borovichev, PhD (Biology),
D.A. Davidov, PhD (Biology),
D.B. Denisov, PhD (Biology),
I.V. Zenkova, PhD (Biology),
K.S. Kazakova, PhD (History),
N.E. Koroleva, PhD (Biology),
O.V. Mingalev, PhD (Physics & Mathematics),
D.V. Moiseev, PhD (Geography),
S.V. Mudruk, PhD (Geology & Mineralogy),
K.G. Orlov, PhD (Physics & Mathematics),
E.A. Pivneva, PhD (History),
Yu.V. Fedorenko, PhD (Physics & Mathematics)

Executive Editor

K.S. Kazakova, PhD (History)

14, Fersman str., Apatity, Murmansk region, 184209, Russia
Tel.: (81555) 79380. Fax: (81555) 76425
E-mail: ksc@ksc.ru. www.ksc.ru

CONTENTS

ETHNOLOGY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY

Razumova I. A.	Genre and specific features of the book of memoirs by E. B. Khalezova. Part 2. Genealogy and Family History.....	5
Kotkin K. Ya.	Archives and science “in action” (by V. V. Charnoluskiy’s materials).....	20
Zmeeva O. V.	Job description for the guards of the military-strategic facility (Russian North. 1915–1916).....	30
Busyreva E. V.	Memorial items of families with German pedigree.....	42
Bodrova O. A.	Sami ethnocultural artifacts in regional tourism and cultural activities (on the basis of the Murmansk region).....	54
Suleymanova O. A.	Features of the presentation of Saami souvenirs in the virtual space (on the example of the social network “VKontakte”).....	64
Davydova A. S.	“People involved in spiritual tourism should travel on their own!”: presentations of guides about tourist destinations of the Murmansk region.....	70
Tarova (Kuznetsova) L. A.	The Saami segment of the Russian Internet in the context of cyberethnography.....	84

HISTORY

Shabalina O. V.	Private documents from the personal fund of geologist B. M. Kypletsky of the Museum-Archive of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences	98
Petrovskiy M. N.	To the history of mining-factories business in Russian Lapland of the 18th century..	104
Kazakova K. S.	History of parochial schools of the Kola North in the late 19th — first third of the 20th century in archival documents.....	121
Kozhevnikova Yu. N.	Material support of the parish clergy of the Kola North in the last third of 19th century.....	130
Dubrovskaya E. Yu.	Russian revolution 1917 and transformation of ideas of Karelian national movement activists on prospects of Russian Karelia political and economic development.....	136
Sushko E. O.	A short history of the phantom republics of Wologdache and the White Sea in the Western mass media.....	149
Martynova A. A., Asming S. V.	About the history of the Kola science center hospital.....	159
Chaplygina D. A.	The economy of the Kola Sami in the second half of 18th century (based on the materials of statistical statements).....	168

ARCHEOLOGY

Shakhnovitch M. M.	Archaeological work in Russian Lapland in 2017 and 2019.....	175
Likhachev V. A.	Ancient quarry at Kanozero: traces of crystalline schist quarrying at the Kamenny 5 panel.....	185

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 82.09 : 929 + 55
doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.001

ЖАНРОВО-ВИДОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ Е. Б. ХАЛЕЗОВОЙ. ЧАСТЬ 2. ГЕНЕАЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СЕМЬИ

Ирина Алексеевна Разумова

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, irinarazumova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5960-9772>

Аннотация

Статья представляет вторую часть комплексного исследования книги воспоминаний Е. Б. Халезовой в качестве произведения документальной литературы и исторического источника. Цель состоит в том, чтобы выявить особенности реконструкции истории семейно-родственного сообщества российской научной интеллигенции в мемуарно-автобиографическом тексте. Определяется значение подобных сочинений для изучения истории российской семьи и динамики ее форм. По ряду литературных характеристик произведение соотносится с жанром семейной хроники. Оно содержит историко-биографические сведения о линиях Старынкевичей и Борнеманов, имевших дворянское происхождение. История родительской и репродуктивной семей автора основывается на биографии видного ученого И. Д. Борнеман-Старынкевич и автобиографии ее дочери. При всех различиях их семьи по типу можно отнести к «материнским». Данный источник не только содержит ценные сведения по истории семей русской интеллигенции, но и способствует пониманию того, как меняются различные общности, называемые «семьей», в течение жизни человека, а также в ходе глобальных и локально-исторических процессов.

Ключевые слова:

история семьи, семейная хроника, формы семьи, воспоминания, интеллигенция, советский период

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2022-0028.

Для цитирования:

Разумова И. А. Жанрово-видовые особенности книги воспоминаний Е. Б. Халезовой. Часть 2. Генеалогия и история семьи // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 5–19. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.001

ETHNOLOGY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY

Original article

GENRE AND SPECIFIC FEATURES OF THE BOOK OF MEMOIRS BY E. B. KHALEZOVA. PART 2. GENEALOGY AND FAMILY HISTORY

Irina A. Razumova

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, irinarazumova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5960-9772>

Abstract

The article presents the second part of a comprehensive study of the book of memoirs by E. B. Khalezova as a work of non-fiction and a historical source. The goal is to show how the history of the family-related community of the Russian scientific intelligentsia is reconstructed in a memoir-autobiographical text. The significance of such works for the study of the history of the Russian family and the dynamics of family forms is determined. According to a number of literary characteristics, the work correlates with the family chronicle genre. It contains historical and biographical information about the Starynkevich and Borneman families, who were of noble origin. The history of parental and reproductive families is based on the biography of the prominent scientist I. D. Borneman-Starynkevich and the autobiography of her daughter. With all the differences, both families can be attributed to the type of "maternal family". This source contains valuable information on the history of the families of the Russian intelligentsia. It also contributes to the understanding of how various communities called "family" change during a person's life and in the course of global and local historical processes.

Keywords:

family history, family chronicle, family forms, memories, intelligentsia, Soviet period

Acknowledgments:

the study was funded from the federal budget as a part of the state project No. FMEZ-2022-0028 assigned to the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation:

Razumova I. A. Genre and specific features of the book of memoirs by E. B. Khalezova. Part 2. Genealogy and family history // Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities. 2022. Vol. 1, No. 1. P. 5–19. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.001

Введение

Содержание мемуарно-автобиографической книги Е. Б. Халезовой «Дорога длиною в жизнь» закономерно включает семейно-генеалогическую историю, которая чрезвычайно важна для самоопределения человека, тем более описывающего свой жизненный путь. В аннотации, декларирующей сущность авторского замысла, сформулирована, в первую очередь, «мысль семейная»: «Без малого 200 лет жизни одной семьи — семьи замечательной, а, впрочем, обычной для того слоя, который можно назвать русской технической и научной интеллигенцией. Люди, которые всего-навсего честно работали, растили своих детей и помогали друг другу не пропасть в страшные времена. Люди, на которых держалась страна и удержалась от окончательного распада и самоуничтожения. <...> Большая семья и большая жизнь сильных и достойных людей» [1: 2]¹. Тем самым утверждается идея, что семья, основанная на групповой солидарности, представляющая «высокую» культуру и работающая ей во благо, была и остается оплотом национальной общности. Основой преемственной солидарности служит семейная память, что и выражает традиционная формульная адресация: «Для кого я пишу эти воспоминания? Для вас, мои потомки. Чтобы знали, какого вы рода племени, кто были ваши далёкие и не очень далёкие предки, как они жили и чем дышали» (с. 3).

Письменные повествования об истории рода и семьи на основе разных источников и авторских воспоминаний получили массовое распространение в дворянской среде еще в XVIII веке в виде «семейных записок», а к середине XIX века, как считают исследователи, они оформились в романский жанр семейных хроник [2]. В качестве основных признаков жанра отмечаются хронологическая определенность и последовательность, изложение истории семьи с ее родословием на протяжении нескольких поколений, линейное или гнездовое (по поколениям или генеалогическим линиям) построение, особый историзм, при котором время измеряется поколениями, а история преломляется через частную жизнь (см., напр.: [3–7]).

«Редкая как самостоятельный жанр хроника образует внутри многих произведений систему включения реального исторического времени в вымышленный сюжет», — согласно литературоведческому подходу [8: 487]. В случае документального произведения сюжет не вымышлен, а сконструирован на основании источников, жизненной драматургии. При этом в мемуарных и автобиографических документальных текстах, как и в художественных, семейно-хроникальное начало выполняет не самостоятельную, а формообразующую роль и сочетается с признаками других жанров. Литературоведческим приоритетом является семейный роман-хроника, однако в последнее время появились интересные исследования, посвященные произведениям с выраженным документальным началом — «беллетризованным биографиям», «невывымышленным рассказам» [9–11]. Особый аспект исследований — гендерный. Он связан с тем, что значительную часть авторов семейных записок и хроник составляют женщины [12–15].

Наша цель — показать, как реконструируется история семейно-родственного сообщества российской научной интеллигенции одной из его представительниц в мемуарно-автобиографическом тексте.

Линия рода — Старынкевичи

«О своих далеких предках я знаю только по линии мамы», — написала автор воспоминаний, отметив, что биографические сведения в книге «подтверждены выписками из Центрального государственного архива, находящегося в Санкт-Петербурге» (с. 3). Помимо семейного предания и архивных документов, она обращалась и к опубликованным источникам, тем более что некоторые предки имели заслуженную известность.

Прапрадед — Иван Александрович Старынкевич, 1785 года рождения, в 1804 году окончил Императорский московский университет. Начав с должности переводчика Комиссии составления законов, он быстро продвигался по службе, в связи с чем менял места жительства: от Могилевской губернии до Петропавловска. В 1834 году был пожалован дворянством. Он стал последним директором Московского благородного пансиона, в котором обучались дети из знатных семей, и первым директором Московского дворянского института. Е. Б. Халезова приводит текст документа 1833 года: «Формулярный список о службе Директора Московского Дворянского института Статского советника и Кавалера Ивана Александрова Сына Старынкевича» (с. 4–5).

У Ивана Александровича и его жены Надежды Антоновны было одиннадцать детей. Первенец Сократ, родившийся 18 декабря 1820 года, был прадедом мемуаристики. Отличавшийся немалыми способностями, он окончил Московский дворянский институт, директором которого был его отец, а затем Высшую школу артиллеристов. Сделал военную карьеру, оставил службу в чине генерал-майора, далее служил на административном поприще, в частности, херсонским губернатором. По выходе на пенсию был награжден орденом и пожалован казенным имением в царстве Польском, но деятельность не прекратил. В 1875 году ему предложили должность президента Варшавы (городского головы), которую он занимал до 1892 года. Именно эта страница жизни С. И. Старынкевича наиболее известна, изучена и является основой для биографов, в основном польских².

Будучи президентом города, Сократ Иванович Старынкевич прославился тем, что по его инициативе в Варшаве были проведены водопровод и канализация (которой не было даже в Петербурге). Он организовывал общественность, много занимался благотворительностью, ратовал за участие поляков в решении вопросов городской жизни, что шло вразрез с имперской политикой. По мнению биографов, бескомпромиссная порядочность, справедливость и уважение к людям отличали его от остальной коррумпированной русской администрации в Варшаве. Его именем названа площадь в центре города, воздвигнут памятник — бронзовый бюст, разрушенный в годы Второй мировой войны и восстановленный в 1996 году по инициативе городского предприятия водоснабжения и канализации. В 2002 году власти отреставрировали памятник на его могиле на Вольском православном кладбище Варшавы. В отличие от остальных чиновников, отбывавших в Россию по окончании службы, С. И. Старынкевич остался в городе, которому отдал много сил. О нем снят польский документальный фильм³. «На фоне повсеместной расправы с недавним прошлым, — пишет Виолетта Верницка, исследующая историю польско-российских отношений, — не появилось ни одного голоса за разрушение памятника русскому президенту Варшавы — генералу Сократу Ивановичу Старынкевичу, ибо его заслуги перед жителями столицы были настолько велики и бесспорны, что даже самый закоренелый русофоб не отважился бы ратовать за уничтожение памяти об этом человеке. На президентском посту Старынкевич провел 17 лет — с 1872 по 1892 год. За этот период из заброшенного, грязного города с устаревшей инфраструктурой и провинциальным обликом Варшава превратилась в современный мегаполис»⁴.

При написании биографии прадеда Е. Б. Халезова использовала книгу А. Слоновой о Сократе Старынкевиче, изданную в Варшаве в 1981 году (с. 9–18), фотографии памятных мест, связанных с его именем в польской столице, а также официальные и частные документы: послужные списки С. И. Старынкевича, его дневник, письма сыну и ряд других, перечень которых приводится в конце первой части книги, озаглавленной «Предки» (с. 64).

Дед Е. Б. Халезовой — Дмитрий Сократович Старынкевич, родился в 1863 году, с 12 лет жил в Варшаве. Он учился в гимназии в одном классе с братьями Ольденбургами, Федором и Сергеем, который впоследствии стал выдающимся востоковедом, академиком и секретарем Академии наук, директором Института востоковедения АН СССР. Все они одновременно поступили в Петербургский университет: Ольденбурги — на гуманитарные факультеты, Старынкевич — на математический. Они создали кружок молодых интеллектуалов, вскоре вовлеклись в общественную жизнь студенчества 1880-х годов. Это обернулось для Мити Старынкевича исключением из университета и высылкой по месту жительства родителей. Через несколько лет, после женитьбы на Елене Константиновне Лебедевской, происходившей из старинного известного рода Палицыных, он вернулся в Петербург, поступил на учебу в технологический институт. Молодые супруги «были в числе передовой молодежи своего времени. Несмотря на то, что оба выросли в глубоко верующих семьях, они стали атеистами, усердно посещали заседания съезда естествоиспытателей, и, кроме того, очень интересовались социальными вопросами», по взглядам были близки к народникам и участвовали в собраниях общественных деятелей (с. 41–42). Товарищем и однокурсником Д. Старынкевича по технологическому институту

был Андрей Борнеман — будущий дед Е. Б. Халезовой по отцу. По окончании института Д. С. Старынкевич служил в разных государственных учреждениях техником с повышением в чине. Согласно последней записи в формулярном списке, после 1910 года он был чиновником особых поручений VI класса при Министерстве торговли и промышленности (с. 46).

В семье Дмитрия Старынкевича было шестеро детей, второй, в 1890 году, родилась дочь Ирина — мать Е. Б. Халезовой. Воспитание было строгим. Кроме няни, воспитанием и образованием занимались француженка и немка. «Дети учились в гимназии, обучались языкам, и, кроме того, отец систематически занимался с ними высшей математикой» (с. 47). Об этом и о моральных требованиях родителей, прежде всего, их нетерпимости ко лжи, мемуаристке рассказывала ее мама. По этим рассказам и по воспоминаниям младшей сестры матери — Иоанны (Анки) известно, как был организован быт семьи, как расширялся кругозор детей, что представляла собой их социально-культурная среда. По окончании Ириной гимназии в 1908 году отец решил показать детям Европу, организовав поездку по Италии и Австрии. А два лета в 1911 и 1912 годах семья провела в родовом имении в Казанской губернии, куда съехалось много друзей (включая Ольденбургов). Дети и гости участвовали в полевых работах, косили, убирали сено, ездили с табуном в ночное и т. д. А Елена Константиновна (будущая бабушка автора) как медик ежедневно принимала пациентов-крестьян, поскольку другого врача в округе не было.

В 1918 году, после смерти жены, Д. С. Старынкевич, спасаясь от голода и эпидемии холеры, выехал с детьми из Петрограда в Ялту, а потом в Киев, где нашел работу. Там он женился на Наталье Павловне Милюковой (дочери П. Н. Милюкова, лидера кадетской партии). Семья пережила ужасы петлюровщины. Младший сын Сократ Дмитриевич чудом избежал расстрела. В Киеве он обвенчался с дочерью друга отца Зоей Борнеман. При этом новая женитьба отца вызвала разлад в семье и разъезд родных. Дмитрий Сократович с молодой женой и дочерью Ириной уехал в Ростов-на Дону. Там он и умер от брюшного тифа в 1920 году⁵. Вскоре, после взятия красными города, Наталья Павловна с Ириной вернулись в Петроград. В 1921 году Наталья Павловна, поступившая в Электротехнический институт, заболела и умерла в Полтаве, куда поехала навестить брата.

Линия рода — Борнеманы

Андрей Александрович Борнеман (1867–1927) — второй дед А. Б. Халезовой. По ее признанию, о линии отцовских родных она почти ничего не знала за исключением того, что они были из обрусевших немцев, выходцев из Германии в петровские времена, дворяне. А. А. Борнеман обучался в кадетском корпусе, затем в Санкт-Петербургском технологическом институте. Он был главным инженером ткацкой фабрики в Иваново-Вознесенской губернии, потом заведовал механическим и строительным отделами. Жена его Евгения Павловна преподавала в школе для рабочих, которую она же организовала. При А. А. Борнемане «мануфактура Красильникова в городе Родники стала образцовым предприятием. С 1919 года он профессор и декан инженерно-механического факультета Иваново-Вознесенского политехнического института. Важной заслугой Андрея Александровича была организация электрификации всей Ивановской губернии» (с. 61). Для закупки оборудования он в 1927 году выехал в Германию, где умер от сердечного приступа⁶.

Отец мемуаристки Борис Андреевич Борнеман (1897–1943) учился в Географическом институте ЛГУ (с. 63). Так указано в биографической справке, помещенной в книге Е. Б. Халезовой и взятой из издания «Репрессированные геологи». В то же время автор пишет, что ее мать вышла замуж на студента Горного института (с. 58), так что в сведениях о месте учебы есть разночтения⁷. По окончании института Б. А. Борнеман работал научным сотрудником в Геологическом комитете в Ленинграде, в Государственном гидрологическом институте, а после — в Казахстанской экспедиции Академии наук СССР, в Ташкентском университете (1938–1939). В 1940 году он переехал в Киев, в Геологический институт Украинской академии наук, где руководил сектором палеонтологии и стратиграфии.

С началом войны Борис Андреевич ушел на фронт, вскоре попал в окружение и оказался в плену. Ему удалось бежать и вернуться в Киев. По распоряжению оккупационных властей он возглавил Геологический институт. Позже в письмах родным он успел написать о том, что старался заботиться о сотрудниках, уберечься от принудительной эвакуации перед приходом советских войск и спрятать «все самое ценное», что было в институте, «но, увы, свой выдал, нашли и все вывезли». Письмо заканчивалось постскриптумом:

на следующий день Борнемана вызывали «куда-то по мобилизации» (с. 208). Е. Б. Халезова пишет: «Как выяснилось позже, его не мобилизовали, а посадили за то, что не уберег ценное оборудование института» (там же). На этом связь с отцом оборвалась. Попытки что-то выяснить в военкомате и Министерстве внутренних дел ничего, кроме пустых отписок, не дали. Впоследствии кто-то рассказал родным, что мать партизана, которого укрывал у себя Борис Андреевич, ходила просить за него, но в НКВД потребовали самого свидетеля, а тот погиб на фронте. Остались только предположения, что Б. А. Борнеман погиб или в лагере, на урановых рудниках, или в штрафбате в бою в конце 1943 года — скорее всего, именно в те дни, когда дочь получила его последнее письмо.

Ирина Дмитриевна Борнеман-Старынкевич

Она родилась 31 декабря 1890 года в Петербурге, в 1908 году с отличием окончила Царскосельскую гимназию, где среди ее одноклассниц была Аня Горенко (Ахматова), и поступила на высшие Бестужевские курсы. Там читал лекции А. Е. Ферсман. По окончании курсов в 1912 году Ирина продолжила образование в Германии, в Геттингенском университете, прошла курс у известного немецкого профессора Таммана, крупного физико-химика. В 1914 году ее пригласил работать под своим руководством в Петербурге В. И. Вернадский, занимавшийся в тот период вопросами радиоактивности минералов.

В 1918 году, когда семья Старынкевичей переехала из Петрограда в Крым, а затем в Киев, В. И. Вернадский, бывший в то время первым президентом Украинской академии наук, вновь пригласил Ирину к себе на работу. Он «поручил ей сделать первые анализы химического состава живых организмов. <...>. Таким образом, она стояла у самых истоков новой научной дисциплины, основанной В. И. Вернадским — биогеохимии, но ее мечтой было возвратиться к прерванной работе по анализу радиоактивных минералов (монацитов), которой она занималась в Петрограде» (с. 533). В 1920 году Ирина Дмитриевна вернулась в Петроград, где поселилась в главном здании Академии наук в квартире у С. Ф. Ольденбурга. Гостеприимный дом Ольденбургов приютил и чету Вернадских, за которыми И. Д. Старынкевич была специально командирована в Крым Академией наук (с. 58, 553–554). В 1922 году она стала работать в Государственном радиевом институте, созданном по инициативе Вернадского и возглавленном им. Одновременно продолжала работу в Ломоносовском институте АН СССР, директором которого был А. Е. Ферсман.

В 1923 году, выйдя замуж, Ирина Дмитриевна взяла двойную фамилию. Однако даже с рождением детей она не изменила стиль работы, который сохранился у нее всю жизнь и отличался полной самоотдачей, часто в ущерб сну. Подтверждением служат записи из ее дневника. Во многом переломным в биографии И. Д. Борнеман-Старынкевич стало событие, когда Ферсман принес в их лабораторию найденный в Хибинах камешек, который на основании сделанного ею анализа был определен как апатит, содержащий большое количество фосфора. По крайней мере в истории Кольского полуострова и академической науки региона это событие рассматривается как «судьбоносное». «В 1930 г. в Хибинских горах был построен стандартный разборный дом (барачного типа) Хибинской горной станции Академии наук. <...>. И вот теперь он (Ферсман — *И. Р.*) пригласил её в экспедицию для создания стационарной полевой химической лаборатории. Маму сразу очаровал этот край» (с. 81). В 1932 году А. Е. Ферсман пригласил Ирину Дмитриевну занять должность заведующей химической лабораторией на Горной станции «Тьетта». «Мама была отважной женщиной и, недолго думая, в июне 1932 г., взяв двух маленьких детей (меня и брата Юру) и нашу няню Николавну, отправилась на необжитой в те годы заполярный север, где на берегу озера Малый Вудъявр под горой Поачвумчорр, стояли всего два дома. В одном из них — стандартном одноэтажном, мама, приехав сюда в командировку в июле 1930 г., организовала маленькую полевую химическую лабораторию, где она анализировала собранные геологами минералы. А 10 апреля 1932 г. закончилась постройка второго с большими лабораториями, где должны были разместиться несколько химиков, которыми и собиралась руководить мама» (с. 90). Позже Ирина Дмитриевна вспоминала: «Через два года я со своими двумя детьми шести и восьми лет по приглашению Александра Евгеньевича Ферсмана переселилась в Хибины, где получила две прекрасные комнаты в “Тьетте” с выходом на балюстраду большого холла. Александр Евгеньевич не надеялся на мой приезд и радовался появлению оседлых жителей, научных сотрудинок» (с. 556).

Этот период семейной истории Е. Б. Халезова освещает, основываясь не только на дневниках, переписке, других документах и устных рассказах, но и на собственных впечатлениях детских лет, знаниях и последующем опыте. Каждую весну на Горную станцию съезжались в экспедицию минералоги, зоологи, ботаники, чтобы отправиться на полевые работы в разные точки Хибинских и Ловозерских тундр. Геохимики работали на базе. Ирина Дмитриевна «задерживалась за химическим столом до поздней ночи. <...>. Мама всегда целиком отдавалась работе, и благодаря этому ей удалось открыть в Хибинах ряд новых минералов» (с. 94). Вначале зимой на станции оставалось только шесть сотрудников. Электричество и паровое отопление появились в конце 1933 года. Постепенно увеличилось число сотрудников, «которые так же увлечённо, как и старшие их товарищи, делали сложные химические анализы хибинских минералов под руководством мамы» (с. 103).

В 1934 году Ирине Дмитриевне Борнеман-Старынкевич по совокупности работ присвоили кандидатскую степень. В сентябре того же года в Москве и Ленинграде прошёл 7 Менделеевский конгресс, посвященный 100-летию со дня рождения Д. И. Менделеева. Одна из выездных сессий конгресса состоялась в Хибиногорске, в составе делегации были В. И. Вернадский, А. Е. Ферсман, П. Н. Чирвинский, писатель Алексей Толстой. Гостей принимали на Горной станции АН СССР. Борнеман-Старынкевич сделала доклад о геохимическом изучении минералов Хибинского массива.

В 1934 году Академия наук СССР была переведена приказом правительства из Ленинграда в Москву. Ирина Дмитриевна с детьми должна была уехать из Хибин в сентябре 1935 года, но А. Е. Ферсман попросил ее еще на год задержаться. Квартиры в Москве не было, и чтобы работать в Ломоносовском институте, сотрудницей которого она являлась, она должна была жить в Москве одна.

Ирина Дмитриевна в течение всей жизни поддерживала связь с сотрудниками Кольского филиала Академии наук, ездила туда в командировки и на юбилейные сессии. Сотрудники когда-то созданной ею лаборатории составили ядро такой же лаборатории в организованном в 1951 году Геологическом институте КФАН СССР, и Ирина Дмитриевна продолжала консультировать химиков института. По воспоминаниям О. Б. Дудкина, сотрудника Геологического института КФАН, который познакомился с Борнеман-Старынкевич в 1952 году, «Ирина Дмитриевна приезжала обычно в марте – апреле и обязательно с лыжами. Вечерами и в воскресенье она отправлялась на лыжах в лес. <...> В те годы институт пополнился большим числом молодых специалистов, и Ирина Дмитриевна старалась понять, чем мы дышим, что нас интересует, зачем мы. <...>. О себе Ирина Дмитриевна говорить не любила. Ее воспоминания о жизни в “Тьетте” я услышал только в конце 1970-х гг., когда она приехала в Кировск по просьбе подруг, работавших с ней на горной станции»⁸.

В 1936 году И. Д. Борнеман-Старынкевич с дочерью и сыном обосновались в Москве. Она продолжала работу в Институте геохимии, кристаллографии и минералогии им. М. В. Ломоносова Академии наук СССР, который в 1932 году был переведен из Ленинграда в столицу, а с 1937 года вошел в Институт геологических наук АН СССР.

С началом войны, в последних числах июля 1941 года, Ирина Дмитриевна с детьми эвакуировалась в Уфу в составе Башкирской нефтяной экспедиции Академии наук СССР, где в тяжелых условиях продолжила работу. В эвакуации она потеряла сына, который с младенчества страдал неизлечимой болезнью. В Москву семья вернулась осенью 1943 года. Тогда же В. И. Вернадский, который признал Ирину Дмитриевну одним из лучших специалистов в мире по анализу «труднейшей, но очень важной группы минералов», писал в адрес Химического отделения АН СССР: «Я считаю, что по совокупности своих научных работ И. Д. Старынкевич-Борнеман давно заслуживает присуждение ей доктора химических наук. <.....>. К сожалению, она в пылу работы и из-за необходимости зарабатывать для своей семьи и семьи своего покойного брата не оформила её окончательно как диссертацию. Она все время дополняет работу новыми данными, и работа находится в рукописи. <.....>. К ней обращаются для разрешения с труднейшими аналитическими заданиями <.....> как к признанному авторитету как среди минералогов, так и среди химиков» (с. 557–559).

В 1945 году Ирина Дмитриевна защитила докторскую диссертацию и через несколько лет стала заведовать Центральной химической лабораторией в ИГЕМе (Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии РАН), которую возглавляла до своего 80-летия. Затем, по ее просьбе, была оформлена сотрудником на общественных началах. С тех пор основной ее работой

стал минералогический справочник. Всё осталось по-прежнему, за исключением того, что она за свою работу перестала получать деньги. В возрасте 93 лет она перевезла домой всю свою научную библиотеку и стала трудиться за письменным столом в своей комнате, появляясь в институте на заседаниях или в библиотеке. И. Д. Борнеман-Старынкевич ушла из жизни, когда ей было почти 98 лет, из них 74 года были посвящены работе в Академии наук.

Родительская семья

В результате тесных контактов между семьями получилось так, что брат и сестра Старынкевичи — Сократ Дмитриевич и Ирина Дмитриевна вступили в брак с братом и сестрой Борнеманами — Зоей Андреевной и Борисом Андреевичем, вторая пара создалась на четыре года позже — в 1923 году. В браке И. Д. Старынкевич и Б.А. Борнемана в 1924 году в Петрограде родилась дочь, названная в честь бабушки по отцу Евгенией, а на следующий год — сын Юрий.

Супруги расстались рано, еще до рождения сына. Согласно точке зрения Е. Б. Халезовой, инициатором была ее мать, которая заметила равнодушие мужа к ее младшей сестре и проявила гордость. Однако если супружеский союз и распался, то узы родительства, родства и свойства сохранялись. Факт развода родителей тщательно скрывался от дочери в течение многих лет. Родственные семьи брата и сестры Борнеман долгие годы жили совместно, имея достаточную по площади квартиру. Одним из самых ранних воспоминаний ленинградского детства мемуаристка считала запечатлевшийся образ расширенной семьи за общим столом в квартире деревянного дома на Черной речке: «За большим длинным столом сидит за самоваром вся наша семья: дедушка Андрей Александрович Борнеман, только что вернувшийся из Германии, где он был в командировке, бабушка Евгения Павловна, мой папа Борис Андреевич, его сестра Зоя Андреевна, ее муж и одновременно мамин брат Сократ Дмитриевич и моя мама» (с. 66). Когда брак родителей распался, отец просто переехал в комнату, смежную с комнатой своей матери, и «влился в семью Сократа и Зои» (с. 60).

В 1928 году семья переехала на Французскую набережную (теперь набережная Кутузова), в квартиру с семью комнатами и большой кухней с черным ходом (кухню конфисковали в 1930 году, переделав в отдельную квартиру). В обеих семьях было по двое детей, а в 1932 году у Зои и Сократа родились еще две дочки-близнецы, которые после смерти их родителей воспитывались у И. Д. Борнеман-Старынкевич. Отдельные комнаты в квартире имели бабушка Евгения Павловна и младшая сестра Ирины Анка — до своего замужества в 1929 году. Кроме того, в доме было три прислуги: одна из них растила еще Зою и Бориса, другая — старенькая няня, а третья — женщина, которую все звали Николавна, взятая на роль кухарки. Впоследствии Николавна станет фактически членом семьи Ирины Дмитриевны и ее дочери, в том числе в тяжелые военные годы. Сократ Дмитриевич умер в 1940 году от туберкулеза, Зоя Андреевна погибла в 1942 году во время блокады Ленинграда.

Дети родственных семей росли и воспитывались вместе: учились, читали, участвовали в семейных праздниках, музицировали. Зоя Андреевна, помимо филологического образования, имела и музыкальное. «Зимними вечерами бабушка или папа читали нам вслух. Обычно это были толстые книги сказок братьев Гримм, Андерсена или Гофмана. Мы все — Андрей, Дика⁹ и я — рассказывались вокруг бабушки, которая сидела в глубоком кожаном кресле, покрытом полотняным чехлом с оборками, и слушали, затаив дыхание» (с. 74). Развитием и досугом детей занимались оба родителя, распределяясь в зависимости от распорядка дня: «мама, как всегда, целые дни пропадала на службе» и приходила домой, когда дети ложились спать, поэтому она проводила с ними выходные, гуляя в Летнем саду или читая, в основном, русскую классику. Борис Андреевич имел возможность общаться с детьми и в будни, вечерами, читая, расспрашивая их, рассказывая. Именно рассказы отца, особенно о детстве и экспедициях, запомнились Жене больше всего и во многом определили выбор ее профессионального пути. Крестной Жени была Наталья Федоровна Ольденбург, работавшая художественным руководителем дома детского творчества, хорошая рассказчица, с ней они много гуляли. Иногда мама брала дочь в гости в семьи Вернадских или Фаворских (у них было трое детей)¹⁰. Ленинградское детство Е. Б. Халезовой выглядит идиллически, и ностальгия более чем объяснима: «много родных, большая квартира, вечера заполненные музыкой, чтением... Где всё это? Куда так быстро ушло?» (с. 65).

В 1932 году жизнь и быт Борнеман-Старынкевичей круто изменились. На новом этапе семья, состоявшая из матери с двумя детьми, оказалась в кругу «расширенной семьи» иного качества — спянного сообщества ученых, живущих и работающих на Крайнем Севере, в одном доме, территориально отдаленном от остального мира.

Время пребывания на Горной станции пришлось на тот возраст Жени, в котором дети учатся в начальной школе. Первой учительницей девочки стала мама, так как школы в горах не было. Основное внимание — арифметике и русскому языку: «Мы ежедневно писали диктанты и решали задачи в любое время года без выходных и каникул. Кроме того, над моей кроватью висели физические карты полушарий и Европы, и я обязана была знать все моря, океаны и реки, горы и низменности. Да еще мы занимались немецким языком» (с. 96). Сестра и брат вместе со взрослыми участвовали в работах по хозяйству, в заготовке продуктов: «Например, мы с Юрой должны были по очереди вместе с Николавной пилить дрова, которые она потом раскалывала колуном, а затем мы все вместе собирали их в охапки и складывали в поленницу. Обязательным был сбор ягод и грибов, которыми запасались на всю зиму» (с. 93). Общение с химиками, ботаниками и зоологами, которые, в отличие от геологов, не уходили далеко в горы, способствовало формированию увлечений: «Я со всеми по очереди увязывалась в маршруты и собирала коллекции минералов, насекомых и растений» (там же). Жизнь на природе в снежных горах сделала из Жени хорошую лыжницу. На праздничных маскарадах сотрудников и гостей станции она танцевала со всеми в «наскоро изобретенном» мамой костюме. В 1934 году прибыли еще двое детей из семей рабочих Горной станции, и Николавна присматривала за всеми, организовав «что-то вроде детского сада».

Летом в отпуск приезжал отец, останавливался на турбазе в нескольких километрах от «Тиетты» и все дни проводил с дочерью. Они совершали «далекие прогулки, во время которых он старался приучать меня к выносливости и вырабатывать твердость в характере. <...>. Приезды папы были для меня всегда большим праздником» (с. 102–103).

В какой-то момент Ирина Дмитриевна решила познакомить дочь со школой: «Закутали в тулуп, усадили в сани и повезли в темноту, в далекий Хибиногорск <...>. Вошли в плохо освещенный коридор и в такой же класс. Мне было страшно и неудобно — все чужие, никого не знаю, что написано на доске не различишь. Я совсем приуныла. Нет, не хочу я учиться в школе, не понравилась она мне. Да меня и не собирались там оставлять. Так, привезли для общего знакомства» (с. 109). Таким образом, начальное образование Женя получила в домашних условиях, в среде научной интеллигенции, что в дальнейшем сказалось на ее учебе в школе, сформировало способность к самообразованию и профессиональные интересы. По возвращении в Ленинград ей очень сложно было адаптироваться в ближайшей к дому школе к классу «второгодников и переростков», к большому коллективу «довольно шаловливых ребят». Зато, когда ее перевели в «образцовую школу», она сразу стала отличницей.

Отец использовал все возможности для общения с дочкой. После переезда в Москву в 1936 году Женя на каждых зимних каникулах ездила к нему в Ленинград, а тот, в свою очередь, приезжая в Москву, много гулял с ней, водил по театрам и приходил в гости вместе с другом, у которого останавливался. За сына этого друга Женя впоследствии и вышла замуж, став Халезовой. Последняя встреча с отцом произошла накануне войны. Женя приехала в Киев в июне 1941 года, окончив девятый класс. Борис Андреевич собирался в экспедицию в Закарпатье. Они гуляли по Киеву и за городом, говорили о прочитанных книгах, о будущем. «Он хотел видеть меня писателем или врачом, говоря, что это самые благородные профессии» (с. 139). Прощание Евгении Борисовне виделось символическим: у отца в глазах стояли слезы, что было необычно, потому что они привыкли к расставаниям.

Материнская семья

Война и эвакуация кардинально изменили не только образ жизни семьи. Другими стали ее состав и распределение семейных ролей. Как известно, эти процессы происходили почти во всех советских семьях, жизнеобеспечение и само выживание которых легло исключительно на работающих женщин. Семья И. Д. Борнеман-Старынкевич пополнилась двумя малолетними дочками брата, которые к началу войны гостили у них в Москве и в Ленинград уже не вернулись, на руках был больной сын Юрий. В такой ситуации старшей дочери пришлось принять на себя роль «добытчицы». В августе 1941-го она устроилась в ту же организацию, где работала мама, на должность коллектора геологического отряда, который выехал в район города Ишимбая, в 160 км от Уфы. Работа была тяжелая, дисциплина жесткая, отношение начальника оставляло желать лучшего. По окончании полевого сезона, в конце сентября, Женя поступила в Ишимбае

в десятый класс вечерней школы, что не одобрялось руководителем, так как укорачивало её рабочий день. «В класс появлялась прямо с работы в рабочей одежде — ватнике, платке и огромных кирзовых сапогах сорок второго размера. Как-то молодая учительница немецкого языка, эвакуированная из Москвы, спросила меня: “Девочка, из какой ты деревни?” — “Из Москвы”, — ответила я. Она рассердилась и сказала: “Я не шучу с тобой, а спрашиваю совершенно серьёзно”. В классе было грязно и неудобно. Свет такой тусклый, что трудно что-либо разглядеть на доске. Проучилась я всего полтора месяца, так как в ноябре мы возвращались в Уфу, где я собиралась продолжить свое вечернее образование. Но этому намерению не суждено было осуществиться — школа находилась настолько далеко и от дома, и от места работы, что при отсутствии транспорта о ней нечего было и мечтать» (с. 157).

В свою очередь, Ирина Дмитриевна писала в Москву подруге, что без Жени, которой удастся в деревнях доставать более дешевые продукты, ей было не прокормить домочадцев, что дочь — ее «большой товарищ и друг», но «очень обидно, что Женя не кончила школу. Она, по-видимому, опять хочет попытаться заняться в заочной школе, но боюсь, что это будет очень трудно, так как у нас много работы» (с. 174). Вместе с тем необходимость дальнейшей учебы обсуждению в этой семье не подлежала. На время войны в Уфу был эвакуирован Московский нефтяной институт. Зимой 1942 года в него можно было поступить, даже не имея аттестата. Женя так и сделала, уволившись с работы, что сократило ее хлебный паек вдвое, и перейдя жить в общежитие, поскольку располагался институт за городом.

В мае 1943 года умер брат Юра. «Я сидела в общежитии и готовилась к экзамену. Вдруг кто-то постучал в дверь — на пороге стояла мама. Я сразу поняла, что Юры уже нет. Она так была привязана к дому его болезнью, что не приехала бы, если б он был жив. Накормив хлебом измученную горем, голодом и бессонными ночами маму и уложив ее спать, я пошла в деканат договариваться о переносе экзамена» (с. 197).

В сентябре 1943 года семья вернулась в Москву. Московская квартира пропала, а с ней одежда, книги, домашняя утварь и другие вещи. Приходилось жить в семьях подруг, в тесноте, разделившись — у одних Ирина Дмитриевна с Женей, у других — Николавна с осиротевшими двоюродными сестренками. Через некоторое время дальний родственник академик В. Г. Хлопин, который в Москве бывал лишь наездами, уступил им свои две комнаты в академическом доме. С его же помощью Жене удалось перевестись на геологический факультет МГУ, это было ее давней мечтой. Постепенно жизнь входила в свою колею. Ирина Дмитриевна работала, Женя училась, и начались ее ежегодные продолжительные экспедиции. После получения диплома она была направлена работать в ИГЕМ.

Замужество Евгении Борисовны в 1951 году оказалось кратковременным и драматичным. Мемуаристка тактично не сообщает (даже в качестве версий), почему родители Андрея Халезова были столь категорически против их брака, что регистрироваться пришлось тайно от них. Вечером того же дня, когда молодые отметили бракосочетание втроем с Ириной Дмитриевной, муж ушел ночевать домой. Наутро его оттуда выгнали с чемоданчиком учебников. В последующие несколько месяцев несостоявшаяся свекровь сделала все, чтобы сын развелся, оставив беременную жену. Остаются факты: из роддома молодую мать и ребенка встречали Ирина Дмитриевна и двоюродная сестра, они же заботились о Жене в ожидании этого события, а новорожденного назвали не Андреем, как планировалось, а Александром. И. Д. Борнеман-Старынкевич заботилась о том, чтобы обеспечить для дочери полноценный отдых и отдельное съемное жилье, поскольку в двух комнатах коммунальной квартиры, где они жили вместе с сестрами, стало тесно. В новом доме у ребенка была новая няня. Далеко не всякая семья могла позволить себе съемную, пусть и небольшую, квартиру и наем помощницы по хозяйству. Надо полагать, в семье все держалось на Ирине Дмитриевне. Весной 1954 года Евгения Борисовна с сыном переехали из «деревянного строения» в кооперативный благоустроенный академический дом, деньги на вступление в кооператив дала мама. Хотя квартира была коммунальной, качество жизни матери-одиночки значительно улучшилось. Когда с няней расстались, маленького Сашу определили в академический детский сад. Если до этого на лето его отправляли на дачу с няней, то теперь такая возможность была благодаря детскому саду, имевшему свою дачу. Это позволяло Е. Б. Халезовой продолжать экспедиционные поездки, а Ирине Дмитриевне полноценно работать. Евгения Борисовна вспоминала, как однажды, посетив бабушкину лабораторию, внук предложил поменяться: «Ты будешь ходить в детский сад, а я к тебе на работу. Здесь интереснее, чем в детском саду» (с. 352). В полевой сезон 1957 года бабушка в свой отпуск вместе с внуком приехала к дочери на Урал, где та была в экспедиции. Она отказалась от комнаты в поселке геологоразведочной

партии, предпочтя палатку, и варила обеды на костре, когда геологи уходили на маршрут. В другие годы Ирина Дмитриевна брала отпуск, чтобы посвятить его внуку, выехать с ним куда-то летом. Летом 1966 года Евгения Борисовна с мамой и сыном совершили путешествие на пароходе от Москвы до Уфы, где посетили улицу и дом, в котором жили в эвакуации. Отыскать могилу брата уже не было возможности.

В 1958 году Евгения Борисовна вышла замуж за друга и коллегу Льва Бекасова (в воспоминаниях он именуется только Левой). Этому способствовало пожелание ребенка, чтобы дядя Лева был его папой. В браке супруги прожили десять лет (все школьные годы сына) и, судя по всему, дружно: вместе заботились о Саше, проходили с ним этапы и кризисы взросления, семьей отдыхали на подмосковных дачах. Вдвоем супруги совершали туристические поездки, например, летом в Коктебель или зимой на горнолыжный курорт в Теберду. В эти годы Е. Б. Халезова не ездила в экспедиции, пока сын не окончил школу, и ряд ее семейных историй связан со школьными происшествиями.

Тем временем Евгению Борисовну тяготила работа в лаборатории. Освободиться от нее можно было, лишь защитив диссертацию. Скорее всего, в отличие от матери, дочь увлекали в первую очередь полевая жизнь и работа, путешествия в разнообразные места и общение с людьми. Пока она готовилась к экзаменам в заочную аспирантуру, муж освободил ее от домашнего хозяйства, а во время подготовки к защите чертил для нее «все огромные листы таблиц и диаграмм». Однако за полтора месяца до защиты супруги «очень серьезно поссорились» и должны были расстаться. О причинах ссоры мемуаристка умалчивает, но, справедливости ради, уточняет, что больше половины таблиц и диаграмм было еще не начерчено, и она «осталась без руля и ветрил», в отчаянии. «Лева понял это и, несмотря ни на что, доделал всю работу, за что я, конечно, была ему благодарна» (с. 393). На праздновании по поводу успешной защиты ее больше всего растрогал тост сына: он пожелал маме большого личного счастья.

Событием семейной жизни стало поступление сына в МГУ на физический факультет. Уже на первом курсе он женился, причем молодые оба не сообщили об этом своим родителям, а свадьбу в доме невесты сыграли через год, после чего пара поселилась у Е. Б. Халезовой в коммунальной квартире. Вскоре последовало еще одно немаловажное событие — переезд в отдельную двухкомнатную квартиру. А в конце 1972 года родилась внучка Анечка, к которой Евгения Борисовна «прониклась нежной любовью», как почти все бабушки, нянчилась с ней, посвящала ей стихи и стала вести записи — наблюдения за поведением и разговорами. В 1976 году она уступила семье сына свою квартиру в «академическом районе» Москвы, переехав в район Бирюлево. На выходные к ней привозили внучку, на зимних каникулах бабушка с внучкой катались на лыжах. Для Е. Б. Халезовой это был период интересных экспедиций и общения (не исключавшего и романтические истории, запечатленные в ее стихах). В свою очередь, И. Д. Борнеман-Старынкевич продолжала продуктивно работать, заботиться о многочисленной родне, путешествовать с подругами по Волге, Оке, Каме, Енисею, Байкалу и т. д.

Вернувшись из экспедиции 1979 года, Евгения Борисовна узнала от сына о его разводе, это было ударом. Последовал размен ее бывшей квартиры — для невестки с внучкой и новым мужем. Переживания по этому поводу автор не описывает, оставляя лучшие страницы воспоминаний для рассказов о новых «полях». Исключение составляет подробный рассказ о тяжелой травме сына, полученной в туристической поездке, о проблемах с его лечением, тревогах. В этот период мать и сын жили вместе. О Саше беспокоился и Лева, который «считал его своим сыном, несмотря на наш разрыв» (с. 524). Между тем он сам уже тяжело болел и вскоре умер. О прощании и о судьбе родных бывшего мужа Е. Б. Халезова написала с глубокой печалью.

Александр женился вторично, в 1987 году родился внук Ваня, который тоже стал объектом любви и внимания бабушки. А летом 1988 года не стало И. Д. Борнеман-Старынкевич. До последнего часа она «была в полном сознании и уме» в свои 98 лет (с. 550). Под 1988 годом автор и поместила главу, посвященную маме. Этот очерк объединяет все биографические сведения, включает фотографии, шуточные стихи Ирины Дмитриевны, разнообразные юбилейные тексты, а также рассказ о том, как родственники помогли Евгении Борисовне пережить горе утраты.

Есть общее и особенное в судьбах и жизненных установках матери и дочери. Обе росли в интеллигентных, любящих семьях со сходными ценностными ориентирами, родители позаботились о достойном воспитании и образовании. Обе рано приобщились к интеллектуальной среде и были хорошо социализированы, имея сестер и братьев, многочисленных родных и друзей семьи, а также привычны к труду, адаптированы к любым жизненным обстоятельствам и не слишком озабочены ни бытом, ни материальным благосостоянием. Они были в высшей степени мотивированы к получению образования и выбрали профессии по личной склонности, посвятив им жизнь. При этом карьера матери была более успешной, а дочь ограничилась достаточно поздней защитой кандидатской диссертации. В то же время она реализовала свою

любовь к путешествиям, дружескому общению и стихотворчеству. Обе женщины не были счастливы в браке. Их первые браки, в которых родились дети, распались очень быстро. Однако муж Ирины Дмитриевны сохранил за собой функции отца. Дочь росла, осознавая, что у нее есть оба родителя, причем его влияние было весьма значительным. Ситуация в ее собственной супружеской семье была кардинально иной: первый брак сложно даже считать таковым, повторный брак распался. В отличие от матери, Евгения Борисовна пыталась вновь создать «полную» семью. Второй муж сохранил привязанность к пасынку даже после развода. Обе женщины воспитывали детей, не прекращая работать, только Ирине Дмитриевне пришлось растить нескольких детей и в очень тяжелое время, а Елене Борисовне — одного сына и в относительно благополучные годы, в течение десяти лет при полной поддержке мужа.

И. Д. Борнеман-Старынкевич приходилось брать на себя роль главы то расширенной, в том числе многопоколенной, то «малой» семьи. Семьи, руководимые женщиной, независимо от их демографического состава и числа поколений, принято называть «материнскими». Считается, что в России традиции материнской семьи, даже при ее полном составе (при наличии мужа, отца), особенно глубокие [16]. Применительно к ситуации начала XXI века исследователи говорят об институционализации материнской семьи, которая укрепляется, «создавая основу для трансформации не только семьи и семейных отношений, но и структуры социальных отношений», включая гендерный баланс в процессе воспитания [17: 83]. «Материнской» можно считать и «малую» семью Е. Б. Халезовой до и особенно после второго брака.

В 1991 году в силу исторических обстоятельств прекратилась экспедиционная деятельность Евгении Борисовны и завершилась ее профессиональная, но не семейная траектория. Как и ее мать, она дожила до преклонных лет, сохраняя круг друзей, интересов и занятий, в том числе по воспитанию внуков. При этом, если И. Д. Борнеман-Старынкевич до последних дней не оставляла научную работу, то Е. Б. Халезова, которая всегда имела склонность к литературе, взялась за описание своего профессионального опыта в виде воспоминаний.

Семейная хроника, создаваемая членом семьи, если понимать под ней историю цепи поколений, а не «жизненный цикл», имеет открытый финал, как и автобиография. Однако у нее есть эпилог. Это некая итоговая ситуация на момент написания, представляющая течение жизни здесь и сейчас. Заключительные главки воспоминаний Е. Б. Халезовой совокупно создают идеальный образ такой ситуации. Старшая женщина рода живет в благополучии: у нее элитное жилье, дача, подаренная сыном и расположенная в академическом поселке (здесь же, что особенно важно, находятся дачи сестер, и присутствует дух покойного брата). Она ощущает заботу сына, чей приезд всегда праздник, окружена внуками и правнуками и занимается достойным делом — пишет книгу жизни — своей, предков и потомков. Аналогию представляет классическая семейная фотография многопоколенной семьи.

Заключение

Идентичность женщины, усвоившей ценности образования и профессии, формировалась в России в XIX веке с развитием «просветительского проекта», как пишет О. М. Здравомыслова. В советский период в семьях потомственной интеллигенции она оказалась согласованной с советской идентичностью «работающей матери», которая поддерживалась государственной идеологией и политикой. В свою очередь, советская идеологема «работающая мать» базировалась на традиционных ценностях материнской жертвенности и патриархальной семьи. Социально-экономические и ценностные трансформации 1990-х годов в России, как показывают все социологические исследования, существенно затормозили процесс формирования современной идентичности профессионально ориентированной женщины, основанной на согласовании ценностей свободного выбора, семьи и самореализации [18].

Включенность в широкую сеть брачно-родственных связей («семейное родство»), признается основной чертой русской культурной модели. Оно отличало русскую семью от «западной» и ослабляло роль гражданского права в процессе регулирования социальных и семейных отношений. С точки зрения социологов, русская культурная модель семьи «совершенным образом воплощается в современных состоятельных семьях», в первую очередь, немногочисленной культурной элиты, ориентированной как на общественное благо, так и на развитие личности. Внутри слоя интеллигенции утверждается «принцип “проницаемости” семейных границ для внешнего общества» и «начинается развитие эгалитарного индивидуализма» [16: 155]. Именно такими были семьи Старынкевичей и Борнеманов, соединенные между собой родственно-свойственными отношениями и включенные в сети дружеских, университетских, коллегиальных, территориальных связей в пределах социально-культурного слоя вначале дворянской, а затем советской научной интеллигенции.

Хроникальный генеалогический и семейно-исторический пласт содержания книги Е. Б. Халезовой дает представление о том, как формировались и действовали сети социальной поддержки внутри и за счет родственного сообщества. С социально-исторической точки зрения интересны как преемственность, так и разрывы в способах функционирования таких сетей, с одной стороны, в предреволюционные десятилетия, с другой стороны, на разных этапах советской истории.

Мемуарно-автобиографический текст, в отличие и от художественного, и от документального, но созданного биографом, не включенным в описываемую общность, позволяет увидеть уникальную систему родственных связей человека так, как они видятся именно ему. Автобиография выявляет динамику семейно-родственных отношений на протяжении одной жизни. Описание индивидуальных жизненных путей людей и семей, как это сделано в книге Е. Б. Халезовой, подтверждает тенденцию к их все большему разнообразию в современных обществах. В настоящее время наука о семье основывается на признании вариативности семейных отношений и подчеркивает «поддерживающие и разрушающие взаимозависимости», которые устанавливаются между семейно-родственными группами за пределами малой семьи. Формы семей и браков все более разнообразны, как и жизненные траектории людей [19]. Социальное пространство современной семьи не укладывается в рамки привычных понятий «домохозяйство», «нуклеарная семья» и т. п. [20].

«Дорога длиною в жизнь» представляет один из вариантов репрезентации документированной семейной истории. Она является не только источником сведений по истории российских семей, но и предоставляет ценный материал для понимания изменений, которые происходят с различными общностями, именуемыми «семьей», как в течение человеческой жизни, так и в ходе глобальных и локальных исторических процессов.

Список сокращений

АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
ИГЕМ — Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии Российской академии наук
ИМГРЭ — Институт минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов
КФАН — Кольский филиал Академии наук
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
РМО — Российское минералогическое общество

Примечания

¹ В дальнейшем ссылки на текст книги приводятся в статье по этому изданию после цитат в круглых скобках.

² Маевский Ежи С., Ужиковский Т. Русский, европеизировавший Варшаву // Новая Польша 2/2016. URL: <http://novpol.org/ru/VJWFepZsl/Russkij-evropeizirovavshij-Varshavu> (дата обращения: 22.07.2022); Бохун Т., Борисенок Ю. Любимец варшавян // «Историк» онлайн. URL: <https://историк.рф/journal/10/lyubimets-varshavyan-b4.html> (дата обращения: 25.07.2022); Новский Н. Сократ Старынкевич. URL: <https://medium.com/@pannovsky/сократ-старынкевич-e6d04886fbe3> (дата обращения: 29.07.2022) и др.

³ Барбара Махницка. Интервью с режиссером польского документального фильма о Сократе Старынкевиче Тамарой Эльжбетой Якжиной // Меценат и мир. 2012. URL: mecenat-and-world.ru/53-56/mahnicka.htm (дата обращения: 27.07.2022).

⁴ Верницка В. Избежавший «демосковизации»: президент Варшавы. URL: <https://liberal.ru/povestka/izbejavshii-demoskovizacii-prezident-varshavu> (дата обращения: 01.08.2022).

⁵ См. также: Старынкевич Сократ Дмитриевич // Школа Карла Мая. Общество друзей школы К. Мая «Майский жук». URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=2960 (дата обращения: 25.07.2022). Информационную страницу составили Елена Диевна Сейфрид (правнучка Д. С. Старынкевича) и М. Т. Валиев. При составлении биографического текста о сыне Д. С. Старынкевича в числе других источников были использованы размещенные в Интернете мемуарные записки Е. Б. Халезовой, которая приходилась племянницей С. Д. Старынкевичу.

⁶ Сироткин А. Крестный отец Ивановских ТЭЦ // Иваново-Вознесенск, 2007. № 7. URL: <http://ispu.ru/files/Ivanovo-Voznesensk-07-2007.pdf> (дата обращения: 20.09.2022).; Борнеман Андрей Александрович // Ивановский государственный энергетический университет: офиц. сайт. URL: <http://ispu.ru/node/220> (дата обращения: 19.09.2022). Составители этого биографического очерка обращались за информацией о сыне А. А. Борнемана к Е. Б. Халезовой, найдя ее воспоминания в Интернете.

⁷ В биографических справках речь может идти о Географо-экономическом научно-исследовательском институте при Ленинградском государственном университете им. А. С. Бубнова, который был создан в 1918 году и впоследствии вошел в состав вновь созданного Географического факультета ЛГУ. См.: Географо-экономический научно-исследовательский институт при Ленинградском государственном университете им. А. С. Бубнова // Наркомпрос РСФСР. Университеты и научные учреждения URL: http://leftinmsu.narod.ru/library_files/books/Universytety_narkompros_files/211.htm# (дата обращения: 23.07.2022). Так же называется образовательное учреждение в биографической информации, помещенной на генеалогическом сайте: О Борисе Андреевиче Борнемане. URL: https://www.geni.com/people/Борис-Борнеман/6000000021924084956_ (дата обращения: 08.09.2022). При этом в статье одного из сетевых изданий, посвященной отцу и сыну Борнеманам, в качестве места учебы сына указан Горный институт: Отец и сын: два юбилея // Сетевое издание «Знамя-33». URL: <http://znamja.com/vse-novosti/media/2017/10/20/otets-i-syin-dva-yubileya/> (дата обращения: 12.08.2022).

⁸ Дудкин О. Б. И. Д. Борнеман-Старынкевич (1890–1988) // Тьетта. Апатиты: Кольское отделение РМО; Геологический ин-т КНЦ РАН. 2008. № 2. С. 21–22.

⁹ Двоюродные братья Е. Б. Халезовой Андрей Сократович (1919 г. р.) и Дий Сократович (1922 г. р.) Старынкевичи.

¹⁰ Алексей Евграфович Фаворский (1860–1945) — выдающийся ученый-химик, академик АН СССР.

Список источников

1. Халезова Е. Б. Дорога длиною в жизнь / К 90-летию Кольского научного центра Российской академии наук. М.: Наука, 2020. 607 с.
2. Николаева Н. А. Трансформация жанра семейных записок XVIII–XIX вв. в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 6. Интерпретация художественного произведения. Сюжет и мотив. Сборник научных трудов. Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск. 2004. С. 64–82.
3. Грачева А. М. «Семейные хроники» начала XX века // Русская литература. 1982. № 1. С. 60–75.
4. Dell K. The Family Novel in North America for Post-war to Post-Millennim: A study in Genre. Saarbrucken, Germany, VDM Verlag Dr. Mueller E. K. 2007. 248 p. URL: http://ubt/opus.hbznrw.de/volltexte/2005/330pdf/diss_dell.pdf (дата обращения: 22.07.2022).
5. Ащеулова И. В. Семейная хроника как формирование исторической памяти поколений в романе В. Шарова «След в след» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 2 (130). С. 48–53.
6. Евдокимова О. В., Коматесова А. С. Феномен семейной хроники в русской литературе XIX–XXI веков: опыт описания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (72): в 3-х ч. Ч. 3. С. 16–19.
7. Никольский Е. В. Романый субжанр семейная хроника: вопросы истории и теории (статья первая) // ART LOGOS. 2020. № 3 (12). С. 50–65.
8. Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
9. Михайлова М. А. «Невымышленные рассказы» писателей XX в.: проблема синтеза художественного и документального в мемуарах «Нового мира» эпохи А. Твардовского // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 6. С. 96–101.
10. Наумова О. А. Англоязычная беллетризованная биография последних десятилетий: мемуарно-художественная документальность и образы Сибири в «Истории Ольги» С. Вильямс // Филология и культура. Philology and culture. 2016. № 4 (46). С. 237–242.
11. Александрова-Осокина О. Н. Традиции семейной хроники в современной дальневосточной литературе // Научный диалог. 2021. № 5. С. 155–168. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-155-168
12. Пушкарева Н. Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62–69.

13. Савкина И. Л. Разговоры с зеркалом и зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 24–62.
14. Самофалова Е. А. Семейная хроника как жанровый элемент воспоминаний Т. П. Пассек // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 4 (20). С. 103–107. URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uchenye-zapiski-elektronnyu-nauchnyy-zhurnal-kurskogo-gosudarstvennogo-universiteta> (дата обращения: 21.07.2022).
15. Самофалова Е. Л. Саморепрезентация автора в женских мемуарных текстах XIX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 6. С. 107–113.
16. Курильски-Ожвен Русская культурная модель и эволюция нормативного регулирования семьи // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 155–168.
17. Верещагина А. В. Типологическая характеристика семьи в современном российском обществе // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2012. № 2. С. 79–91.
18. Здравомыслова О. М. Российские женщины и эмансипация: незавершенный проект // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2012. № 3 (83). С. 42–51.
19. Widmer E. D. Family Configurations. A Structural Approach to Family Diversity. London & New-York, Routledge. 2016. 178 p.
20. Family and space: rethinking family theory and empirical approaches / edited by Maya Halatcheva-Trapp, Giulia Montanari and Tino Schlinzig. New York: Routledge, 2019. 244 p. DOI: 10.4324/9781351017954

References

1. Halezova E. B. Doroga dlinoyu v zhizn' [The road of a lifetime]. Moscow, Nauka, 2020, 607 p. (In Russ.).
2. Nikolaeva N. A. Transformaciya zhanra semejnyh zapisok XVIII–XIX vv. v “Semejnoj hronike” S. T. Aksakova [Transformation of the genre of family notes in the 18th–19th centuries. in “Family Chronicle” S. T. Aksakov] // *Materialy k Slovarju syuzhetov i motivov russkoj literatury. Vypusk 6. Interpretaciya hudozhestvennogo proizvedeniya. Syuzhet i motiv* [Materials for the Dictionary of plots and motives of Russian literature. Issue 6. Interpretation of a work of art. Plot and motive]. Novosibirsk, Institut filologii Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj Akademii nauk [Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], 2004, pp. 64–82. (In Russ.).
3. Gracheva A. M. “Semejnye hroniki” nachala XX veka [“Family Chronicles” of the early twentieth century]. *Russkaya literatura* [Russian literature], 1982, no. 1, pp. 60–75. (In Russ.).
4. Dell K. The Family Novel in North America for Post-war to Post-Millennim: A study in Genre. Saarbrucken, Germany, VDM Verlag Dr. Mueller E. K., 2007, 248 p. Available at: http://ubt/opus.hbznrw.de/volltexte/2005/330pdf/diss_dell.pdf (accessed: 22.07.2022).
5. Ashcheulova I. V. Semejnaya hronika kak formirovanie istoricheskoy pamyati pokolenij v romane V. Sharova “Sled v sled” [Family chronicle as the formation of historical memory of generations in the novel by V. Sharov “Trace to trace”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], 2013, no. 2 (130), pp. 48–53. (In Russ.).
6. Evdokimova O. V., Komatesova A. S. Fenomen semejnoy hroniki v russkoj literature XIX–XXI vekov: opyt opisaniya [The Phenomenon of Family Chronicles in Russian Literature of the 19th–21st Centuries: An Experience of Description]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 2017. no. 6 (72), ch. 3, pp. 16–19.
7. Nikol'skij E. V. Romannyj subzhanr semejnaya hronika: voprosy istorii i teorii. (Stat'ya pervaya) [The novel subgenre family chronicle: questions of history and theory (Article one)]. *ART LOGOS* [ART LOGOS], 2020, no. 3(12), pp. 50–65. (In Russ.).
8. *Literaturnyj enciklopedicheskij slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya, 1987. 752 p. (In Russ.).

9. Mihajlova M. A. “Nevymyshlennye rassказы” pisatelej XX v.: problema sinteza hudozhestvennogo i dokumentalnogo v memuarah “Novogo mira” epohi A. Tvardovskogo [“Unfictional stories” of writers of the twentieth century: the problem of synthesis of fiction and documentary in the memoirs of the “New World” of the era of A. Tvardovsky]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities], 2015, no. 6, pp. 96–101. (In Russ.).
10. Naumova O. A. Angloyazychnaya belletrizovannaya biografiya poslednih desyatiletij: memuarно-hudozhestvennaya dokumental'nost' i obrazy Sibiri v “Istorii Ol'gi” S. Vil'yams [An English-language fictionalized biography of the last decades: memoir-fiction documentary and images of Siberia in the “History of Olga” by S. Williams]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture], 2016, no. 4 (46), pp. 237–242. (In Russ.).
11. Aleksandrova-Osokina O. N. Tradicii semejnoy hroniki v sovremennoj dal'nevostochnoj literature [Family Chronicle Traditions in Contemporary Far Eastern Literature]. *Nauchnyj dialog* [Nauchnyi dialog], 2021, no. 5, pp. 155–168. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-155-168. (In Russ.).
12. Pushkareva N. L. U istokov zhenskoy avtobiografii v Rossii [At the origins of women's autobiography in Russia]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2000, no. 3, pp. 62–69. (In Russ.).
13. Savkina I. L. Razgovory s zerkalom i zazerkal'em: Avtodokumental'nye zhenskie teksty v russkoj literature pervoj poloviny XIX v. [Conversations with a Mirror and Looking Glass: Autodocumentary Women's Texts in Russian Literature in the First Half of the 19th Century] Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review], 2007, pp. 24–62. (In Russ.).
14. Samofalova E. A. Semejnaya hronika kak zhanrovyj element vospominanij T. P. Passek [Family Chronicle as a Genre Element of Memoirs T. P. Passek]. *Uchenye zapiski: elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes: electronic scientific journal of Kursk State University], 2011, no. 4, (20), pp. 103–107. Available at: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uchenye-zapiski-elektronnyy-nauchnyy-zhurnal-kurskogo-gosudarstvennogo-universiteta> (accessed: 21.07.2022). (In Russ.).
15. Samofalova E. L. Samoreprezentaciya avtora v zhenskih memuarных tekstah XIX veka [Self-representation of the author in women's memoir texts of the 19th century]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 2014, no. 6, pp. 107–113. (In Russ.).
16. Kuril'ski-Ozhven Sh. Russkaya kul'turnaya model' i evolyuciya normativnogo regulirovaniya sem'i [Russian cultural model and evolution of normative regulation of the family]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1995, no. 5, pp. 155–168. (In Russ.).
17. Vereshchagina A. V. Tipologicheskaya karakteristika sem'i v sovremenном russijskom obshchestve [Typological characteristics of the family in modern Russian society]. *Vestnik instituta istorii, arheologii i etnografii* [Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography], 2012, no. 2, pp. 79–91. (In Russ.).
18. Zdravomyslova O. M. Rossijskie zhenshchiny i emansipaciya: nezavershennyj proekt [Russian women and emancipation: an unfinished project]. *Neprikosnovennyj zapas: debaty o politike i kul'ture* [Emergency reserve: debates on politics and culture], 2012, no. 3 (83), pp. 42–51. (In Russ.).
19. Widmer E. D. Family Configurations. A Structural Approach to Family Diversity. London & New-York, Routledge, 2016, 178 p.
20. Family and space: rethinking family theory and empirical approaches / edited by Maya Halatcheva-Trapp, Giulia Montanari and Tino Schlinzig, New York, Routledge, 2019, 244 p. DOI: 10.4324/9781351017954

Информация об авторе

И. А. Разумова — доктор исторических наук, главный научный сотрудник.

Information about the author

I. A. Razumova — Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 20.09.2022; одобрена после рецензирования 26.09.2022; принята к публикации 01.10.2022.
The article was submitted 20.09.2022; approved after reviewing 26.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.

Научная статья
УДК 001.51 + 930.253 + 316.2
doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.002

АРХИВЫ И НАУКА «В ДЕЙСТВИИ» (ПО МАТЕРИАЛАМ В. В. ЧАРНОЛУСКОГО)

Константин Яковлевич Коткин^{1, 2}

¹ Мурманский областной краеведческий музей, Мурманск, Россия, kostyakotkin@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3281-3036>

² Центр арктических и сибирских исследований Социологического института Российской академии наук — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Архив ученого анализируется с точки зрения истории и социологии науки на примере архива Владимира Чарнолуцкого, этнографа, наиболее известного как исследователя кольских саамов. Выявляются особенности архивов как мемориальных институций, сравниваются личные и официальные архивы. Метафора архива, наряду с другими (след, свидетельство), демонстрирует социальное измерение науки и формирования образа ученого, а также его дополнений и изменений. Предлагается «модель» стандартизированного и состязательного восприятия науки с соответствующими им «действиями» архивных материалов. Архивные свидетельства могут дополнять или изменять сформированные взгляды — от отдельных фактов до восприятия образа ученого с точки зрения тематики исследований, освещения фактов и теоретических проблем.

Ключевые слова:

социология науки, советская этнография, архив, саамы, Кольский полуостров

Для цитирования:

Коткин К. Я. Архивы и наука «в действии» (по материалам В. В. Чарнолуцкого) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 20–29. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.002

Original article

ARCHIVES AND SCIENCE “IN ACTION” (BY V. V. CHARNOLUSKIY’S MATERIALS)

Konstantin Ya. Kotkin^{1, 2}

¹ Murmansk Museum of Regional Studies, Murmansk, Russia, kostyakotkin@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3281-3036>

² Centre of Arctic and Siberian Exploration of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Saint Peterburg, Russia

Abstract

The scientist’s archive is analyzed as a history and sociology of science phenomena on the example of the Vladimir Charnoluskiy’s archive, an ethnographer, best known as a Kola Saami’ researcher. The features of archives as memorial institutions are revealed, personal and official archives are compared.

The archive as a metaphor (along with others — trace, evidence) demonstrates the social dimension of science and the formation of the image of a scientist, as well as its additions and changes. A “model” of a standardized and competitive perception of science with the corresponding “actions” of archival materials is proposed. Archival evidence can supplement or change formed views — individual facts, the perception of the image of a scientist in terms of research subjects, explanation of the facts and theoretical problems.

Keywords:

sociology of science, Soviet ethnography, archive, Saami, Kola Peninsula

For citation:

Kotkin K. Ya. Archives and science “in action” (by V. V. Charnoluskiy’s materials) // Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities. 2022. Vol. 1, No. 1. P. 20–29. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.002

История региональной науки почти ровесница формального начала функционирования академических институций на Кольском полуострове: 1938 годом датирована рукопись, освещающая первые годы образованной в 1934 году КБ АН СССР [1]. Ее автор А. М. Оранжева — одновременно

первый историк и архивист регионального научного центра. История научного учреждения и архив «оперативно» становятся элементами большой истории освоения региона и промышленного изменения страны. Первые обобщающие исследования по истории этнографии региона включают метанарративы героического освоения и покорения [2, 3]¹. Но параллельно присутствует неизбежное обращение к биографии и повседневности путешественников, показывая человеческое измерение исследований региона. Архив может работать на этом уровне, показывая почти семейную историю и взгляд на лабораторию исследователя через его личную переписку и полевые заметки об экспедиционном быте [5, 6]. Даже обобщающие этнографические публикации (Н. Н. Харузин) в любом случае рассматриваются через «микрополе этнографической литературы», «микродиалог» и «тонкую контактирующую поверхность» [7], предполагая горизонтальный уровень анализа, который подтверждается осмыслением на одном уровне текстов «профессиональных» этнографов, путевых заметок путешественников и художественных текстов писателей. Личный архив — медиатор между макроуровнем науки и микроисторией ученого. Именно о таком посреднике в контексте истории этнографии региона пойдет речь в статье — архиве Владимира Чарнолуского.

Архив(ы) Чарнолуского: следы жизни

«Архив Чарнолуского» — так в учетных документах МОКМ именуется совокупность материалов, связанных с исследованиями этнографа В. Чарнолуского в 1920–1960-е годы. Его работы производились в основном на территории Кольского полуострова. Параллельно с архивом существует ряд публикаций ученого, в которых он главным образом предстает изучающим различные аспекты саамской культуры. Две группы этих материалов представляют основной пласт данных об ученом.

Перипетии жизни В. Чарнолуского (революционные события, репрессии), смена нескольких мест работы, влияние различных теоретических подходов, издания публикаций и отказы в них — лишь некоторые внешние и внутренние по отношению к научной траектории рамки, которые формировали путь этого ученого.

Архив Чарнолуского в МОКМ — это более 600 единиц хранения основного и научно-вспомогательного фондов, включающих различные по объему, тематике и актуальности опубликованные и неопубликованные материалы. Источниковедчески по типу представления информации их можно разделить на две большие группы: визуальные (фотографии, рисунки (автора и местных жителей), карты, схемы) и текстовые (дневники экспедиций 1927, 1961 годов, рукописи, машинописные варианты статей и книг, заметки и записки, выписки и цитаты из публикаций исследователей, переводы статей иностранных авторов, библиографические записки)².

К теории архива: след, свидетельство, документ, социальная институция

Определение комплекса документов В. Чарнолуского как архива подталкивает к пояснению теоретических оснований этого понятия. Само по себе показательно перенесение наименования хранилища «материальных носителей, обладающих значимостью для граждан, общества и государства»³ в музейную сферу. Нет на данный момент документов или устных сообщений о том, что заставило именно так назвать архив Чарнолуского (стоит заметить, что в МОКМ не закреплено, например, наименование «архив Алымова», хотя есть целый комплекс документов, связанных с деятельностью известного на Мурмане регионального исследователя). Возможным предположением может быть объем комплекса, объединяющего довольно большое число разнотипных документов. Не случайно это наименование комплекса в связи с научной сферой деятельности В. Чарнолуского⁴.

Понятие «значимость» в формальном нормативно-правовом определении соотносит архив со сферой властных отношений. Возможно, передающие документы или принимающие сотрудники стремились подчеркнуть статус и одновременно особенность данных документов «столичного ученого».

Связь архивации и властных отношений один из главных элементов, подчеркиваемых теоретиками архива [14: 121]. Ж. Деррида выделял фундаментальность и властность как центральные элементы для этимологии анализируемого понятия [13: 9]. П. Рикер делает акцент на институционально-официальном измерении архивации и архива, через понятия «депонирование» и «правомочность». Преобразование свидетельства в текст и занесение в архив происходит через удостоверение в смысле установления истинности, родственного юридической процедуре свидетельствования в суде [15: 224–235].

Сам архив как совокупность документов не является тождественным простому множеству документов как свидетельств, собранных воедино. Нет нужды анализировать все термины в модели П. Рикера, однако само соотношение понятий «архив» и «свидетельство» является необходимым для акцента на личностном измерении, подчеркиваемом закрепившимся наименованием архива ученого «архив имярек», в котором сводится если не несводимое, то довольно далекое — личная и официальная история⁵. Важность свидетельств «от первого лица» уже примерно век не нуждается в апологии: личные архивы ничуть не менее значимы для представителей современных социальных и гуманитарных наук. Но сама фиксация разделения двух уровней и одновременно необходимость их анализа в ходе исследования биографии и научного наследия любого ученого фиксирует проблему сочетания двух уровней — монументальных архивов и архивов идентичности как именуют их Ф. Блоуин и У. Розенберг [16]. Сочетание или более жестко — дестабилизация единой картины истории позволяет слышать многоголосие прошлого.

Сохранение и отбор документов архива подводят к проблематике социальной памяти. Осевшие в архиве документы — только часть прошлого, они оторваны от создателей, пересобраны при архивации. Эти процессы заставляют говорить о «немоте» и «сиротливости» архива [15: 236]. Из частичности и фрагментарности архива следует лиминальность — в смысле пограничности и переходности между памятью и забвением — как одна из ключевых его характеристик [17: 465]. В то же время парадокс заключается в постоянной недостаточности архивов и одновременно обширности «следов» прошлого.

Разбирая теоретические взгляды П. Рикера на проблему архива, нельзя не сказать о еще одной ключевой метафоре исследований памяти — понятии «след». След и память связывались с первых работ по мемориальной проблематике [18]. Кроме устоявшихся ассоциаций (след как частный фрагмент, след как зримый остаток) диалектики памяти и забвения, «трасология» (от фр. la trace — «след») в мемориальной культуре возвращает к вещественной составляющей различных частей прошлого с точки зрения их пересборки и одновременно их сопротивления этому процессу.

Чего можно добиться в аналитическом смысле, поменяв крайние феномены в рикеровском анализе «след – свидетельство – архив»? Думается, кроме «алаверды» возвращению материального, так популярного в современных социальных науках, эта смена лишней раз демонстрирует активность вещей и невозможность забывания о вещественности/материальности и пространства в реальной практике анализа архивных материалов. Банальность максимы о том, что «любые следы социальны» уходит, когда исследователь архива погружается в повседневную работу: от разбора почерка и отсутствия важной отметки в дневнике до необходимости чтения, переписывания, набора большого объема листов или, наоборот, нехватки информации в архиве по какой-то проблеме и необходимости поездок в различные хранилища, разбросанные по территории страны.

Несколько слов о теме «антропология и архив». Оставив в стороне исследование этнографическими методами повседневной работы архивистов и музейщиков, обратимся к теме архивов антропологов как свидетельств их работы. Несмотря на «суррогатность» архивов⁶ с точки зрения антропологии, отмечается их актуальность для истории идей в той или иной науке вплоть до открытия нового-старого образа «классика» (случай Б. Малиновского [19]). Столь же важен пересмотр точек зрения на изучаемые сообщества или отрывание новых «молчащих» групп информантов [17]. Проблема заключается в двойственности. С одной стороны, не нуждается в доказательстве сила архивного документа с точки зрения возможности изменения стандартного образа исследователя. С другой, — архив чаще всего остается все тем же «банальным» источником, добавляющим очередной фрагмент в пазл устоявшейся картинки истории науки.

Архив как наиболее социальный (П. Рикер) феномен мемориализации в сравнении со следами и свидетельствами показывает активность изменения образа ученого, что заставляет сопоставлять его с историей и социологией науки в качестве элемента изменения научного знания — науки в действии по Б. Латуру [20].

Как след и трасология отсылают к активной работе в поле или лаборатории, так и архивы со свидетельствами отсылают к формированию науки и ее истории. Сближение, выглядящее случайным, становится, однако, почти закономерным во взгляде на развитие науки Б. Латура. Вне зависимости от темы, будь то лабораторные практики [20, 21] или теории социологии [22], обращение к наследию и формированию научных идей — «черный ход»/«кухня науки» (по Б. Латуру) — важная составляющая работы ученого. Архивы и свидетельства — источники усложненного взгляда на современный этап науки, позволяющие пересмотреть устойчивую схему прошлого, дающие возможность включения новых акторов, неизвестных или находившихся вне поля зрения исследователя.

Архив этнографа: на пути к концептуализации

Несколько абстрагированный ряд понятий и моделей теоретиков, представленный выше, удобно «заземлить» на примере архива Чарнолуцкого, собрав в некоторое подобие схемы подход к анализу архивных документов и прокомментировав ее (схема 1)⁷. Архив ученого может соотноситься с представлением, сформированным более ранней научной традицией, или взглядом, закрепившимся в современной науке. Это те самые статусы и властные институты, о которых говорят приведенные выше теоретики архива. Архив тогда актуален в качестве доказательства подтверждения устойчивости научной традиции за счет эмпирики. Чаще происходит некоторое дополнение сформированной ранее точки зрения: уточнение даты, дополнение хронологии и фактологии или обстоятельств жизни и научных исследований. Этот подход обозначается как стандартизация.

Взгляд на науку как постоянно преобразующуюся институцию показывает необходимость пересмотра устойчивой картины знания, ее состязательность. Архив работает в таком случае как изменяющая науку составляющая, разумеется, не на уровне большой научной революции, меняющей картину мира, но, вполне возможно, как элемент поворота в сфере гуманитарного и социального знания [26]⁸.

Подход к научному знанию	Варианты архива «в действии»
Стандартизация	Дополнение
Состязательность	Изменение

Схема 1. Связь архива и науки

Возникает целый массив вопросов: от теоретических, связанных с критериями различения стандартных дополнений и состязательных изменений, до этических, формирующих границы и последствия пересмотра устоявшейся картины по проблеме и/или образу ученого. Однако вопросы придется оставить в стороне и перейти к «эмпирике». Но прежде, чем остановиться на анализе примеров работы архива этнографа в существующей модели, следует описать стандартный образ В. Чарнолуцкого закрепившийся в науке.

В. Чарнолуцкий: взгляды на биографию, публикации и архив

Для образа ученого, олицетворяющего сформированную картину восприятия В. Чарнолуцкого, базовой, пожалуй, является статья Т. В. Лукьянченко «Певец земли саамской» [27]. Этнограф предстает при первом приближении как исследователь поколения «репрессированных этнографов», переживший различные повороты общественных и научных потрясений и изменений первой половины XX века. Это не линейная траектория, а, скорее, синусоида. В ней нет прямого восхождения от одной должности к другой⁹, но присутствуют смена различных институций, изучающих Север, и подчас неакадемический характер работы (чертежник, сторож, художник-оформитель). Лакуной с точки зрения данных является период после ареста в 1938 году и пребывания в лагере. Статусам и определенности тоже находится место. Принадлежность к научной школе этнографического отделения Географического института — свидетельство профессиональной подготовки и определенного научного уровня. Название статьи Т. В. Лукьянченко помещает В. Чарнолуцкого в одну — саамоведческую — тематику, что подтверждается опубликованными работами. Несомненна личная эмпатия автора статьи к ее предтече в этнографической работе и тематике. Следует также обратить внимание на восприятие младшими коллегами своего визави как полевого исследователя, чуждого вопросов теории. Так, в предисловии к опубликованной уже после смерти В. Чарнолуцкого книге «В краю летучего камня» авторы послесловия (Т. В. Лукьянченко и Ю. Б. Симченко) пишут: «Одни (исследователи, изучавшие саамов — К. К.) вошли в историю этнографической науки благодаря теоретическим исследованиям, другие — благодаря полевой работе, скрупулезной и тяжелой работе этнографа, имеющего дело не с книгами или архивными материалами, а с живыми людьми, многообразными, как сама жизнь. Именно к этой категории исследователей принадлежал В. В. Чарнолуцкий» [29: 249].

Архив ученого несколько раз упоминается в статье Т. В. Лукьянченко. В частности, указывается, что его систематизацией этнограф занимался после выхода на пенсию. Делается акцент на фольклорную саамскую составляющую.

Рассмотрим несколько вариантов дополняющего и изменяющего образ исследователя взгляда на архив¹⁰. Уже биографические материалы МОКМ¹¹ — «Биография В. В. Чарнолуцкого» и «Хронология к биографии» дополняют биографию, созданную Т. В. Лукьянченко. Приведем только два момента. Первый чисто хронологический, который уточняет историю разработки важнейшего сюжета для В. Чарнолуцкого и саамской этнографии в целом — мифа о Мяндаше. Итак, Т. В. Лукьянченко пишет, что В. Чарнолуцкий начинает собирать фрагменты мифа о Мяндаше в 1930-е годы, в архивных материалах указано, что уже в 1930 году готовится к печати статья о Мяндаше¹². Как минимум увеличивается время разработки темы. В данном случае не столь важен период работы, а, скорее, сам факт несоответствия публикации и архивного материала. Показательнее с точки зрения личностного взгляда на жизнь ученого и его семейной истории эмоциональные образы и оценки членов его семьи, которыми сопровождается изложение. Одновременно построение текста определяется формальной канвой дат, смены институций и выхода публикаций. Документы, учтенные как одна единица хранения, авторскими заголовками были разделены на два — несколько более пространную, художественную «биографию», и сформированную «годами и заголовками» «хронологию»¹³.

На границе дополнения и изменения в сравнении с публикациями самого В. Чарнолуцкого находятся связанные с поморской темой материалы. Это обширные коллекции фотографий и рисунков, а также текстов. Например, дневник и наблюдения 1929 года в Варзуге фиксируют осуществление в новых условиях практик, сформированных традицией — «рекрутских проводов» и празднования Успения, а также хотя и тезисное, но разноплановое описание различных аспектов поморской культуры знаменитого села Терского берега¹⁴.

Архивными материалами дополняются упоминания о лабиринтах в верховьях реки Варзуги, разбросанные по публикациям В. Чарнолуцкого. Новые факты (подтверждение данных об археологических памятниках) не исключают уточнения: методического (внимание к археологическим данным) и теоретического (очередных ответов на главные вопросы «лабиринтоведения» — «этнокультурная» принадлежность и назначение).

Разнообразные нестыковки в книгах и дневниках — еще один сюжет достойный разбора. Намного интереснее различия отношений и оценок в публикациях в сравнении с архивными материалами. Примеры разных периодов — рубежа 1920–1930-х и 1960-х годов — говорят сами за себя. В публикации 1931 года «Оленья изгородь» В. Чарнолуцкий предстает как сторонник практической этнографии, пусть и учитывающий специфику оленеводства саамов, но все же следующий в русле современных установок власти: «Перестроить на социалистических началах как основы хозяйства, так и быт оленеводов, тем самым вырвать их из кабальных условий полярной природы, а оленеводство включить в общую систему народного хозяйства СССР — вот задача текущего дня. В связи с этим зимою 1931 г. решено повысить поголовье оленьего стада в кратчайший срок до размеров, определенных по каждому району особо» [32: 4]. Дневник наблюдений в Варзуге фиксирует в лице председателя сельсовета другое отношение к власти и «архаике» рекрутских проводов: «Обратно я шел с сельсоветом, вечно приشلепнутый, он словно опирается в землю носом.

Я говорю ему:

- Как красиво и сильно провожают призывников.
- Все это надо разрушить!
- Зачем?
- Пьянство все, остатки старины, к чему этга.

Мне так и послышалась эта (неразборчиво — *К. К.*) казенной типографией фраза — пережитки язычества. Я отошел и оставался один, пока не подошел ко мне (неразборчиво — *К. К.*) жених»¹⁵.

Еще более диссонанс официального и личного проявляется во фрагментах «В краю летучего камня» в сравнении с дневником 1961 года. В книге восприятие переустройства региона в начале 1960-х годов акцентирует внимание на образах роста и комфорта осуществившейся мечты сродни волшебству, особенно через упомянутые сравнения с довоенным периодом [29: 10]. Но в дневнике 1961 года находится место отрицательным фактам, связанным с повседневной жизнью (например, медицинское обслуживание и влияние алкоголя на саамов в послевоенный период)¹⁶.

Архивные материалы доказывают разноплановость отношения к полевой работе, теории и научной традиции у В. Чарнолуского: схематичные полевые записи наблюдений о быте и хозяйстве в Варзуге соседствуют с личностными дневниковыми комментариями.

«Нетеоретическое» восприятие В. Чарнолуского на примере Т. В. Лукьянченко, которое приводилось выше, не единственно возможная точка зрения. Уже в первой монографии («Материалы по быту лопарей») автор ставит подзаголовок «Опыт определения кочевого состояния лопарей Восточной части Кольского полуострова». Он решает именно теоретическую задачу размещения саамского оленеводства в спектре культур кочевников территорий Севера и делает вывод о специфике кочевого уклада саамов, размещая их между кочевниками-самоедами и полукочевыми ижемцами¹⁷ [34: 140–156]. В публикациях 1960-х годов проблематика религии саамов рассматривается сквозь призму археологического и фольклорного материала [35], отчасти встраиваясь в разбор вопросов этногенеза или по меньшей мере исторической компаративистики через сходство тотемных образов оленя и лося в Беломорье и Приуралье [35: 104, 129]. Архивные материалы, свидетельствуют о попытке построения своей модели саамского пантеона¹⁸, опирающегося на наследие Н. Н. Харузина¹⁹ и А. Генетца²⁰. В последние годы жизни интерес ученого — история саамов, построенная на материале фольклора и устных свидетельств [28: 137]²¹.

Архив Чарнолуского показывает незаурядность поиска исследователя, которая не всегда доступна при знакомстве с опубликованными статьями и книгами. Сложно говорить о приоритете одной группы свидетельств над другой. Задача, скорее, заключается в необходимости внимания к обеим для дальнейших обобщений, изменений и дополнений частных вопросов и общей картины этнографических исследований региона. Реализацию этого невозможно представить без учета наследия ученых, рассредоточенного в том числе в многочисленных архивах.

Список сокращений

КБАН СССР — Кольская база Академии наук СССР

МА ЦГП КНЦ РАН — Музей-Архив Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра Российской Академии наук

МОКМ — Мурманский областной краеведческий музей

МОМ ОФ — Мурманский областной краеведческий музей. Основной фонд.

МОМ НВ — Мурманский областной краеведческий музей. Научно-вспомогательный фонд.

НА РГО — Научный архив Русского географического общества

ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

Примечания

¹ Об образе культурного героя в истории городов Кольского Севера у И. А. Разумовой [4].

² Наряду с архивом в МОКМ, имеется целый ряд документов в архивах других учреждений: НА РГО, МА ЦГА СПб, ЦГП КНЦ РАН. Коллекции фотографий и предметов из экспедиций В. Чарнолуского имеются в фондах РЭМ: Собиратели Чарнолуский Владимир Владимирович // Официальный сайт РЭМ. URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/PERSON/860142?page=3&index=103> (дата обращения; 21.09.2022). Часть наследия В. Чарнолуского НА ЦГП КНЦ РАН опубликована [6: 94–171, 8, 9]. Анализ публикаций и архивных материалов В. Чарнолуского представлен в нескольких работах, ряд из которых приведен у О. А. Зайцева [10]. О материалах В. Чарнолуского в РЭМ упоминала М. С. Куропятник [11].

³ Определение Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22.10.2004 № 125-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1406/ (дата обращения: 21.09.2022).

⁴ Понятие «архив» в музейной сфере закрепилось для «документов, создаваемых в процессе научной работы музея» [12: 42].

⁵ Разделение П. Рикером устных свидетельств и публикаций как свидетельств [15: 224] важно в следующем ниже в статье сравнении архивных материалов и публикаций В. Чарнолуского. Архив также помогает увидеть скрытые или проявляющиеся в позднейших работах подходы исследователя.

⁶ Определение Д. Цейтлина в цитированной выше статье.

⁷ Как и всякая схема, приведенная в статье, представляет собой условность. Сложная проблема «первого столбика» или, формулируя по-другому, развития истории, теории и социологии науки второй половины XX века, конечно, предельно упрощается здесь. Вместе с «пересобирающим» теорию социологии и историю науки Б. Латуром из классиков теории и истории науки прошлого века можно указать К. Р. Поппера с его идеями роста научного знания через опровержимость теорий и критику научного сообщества [23, 24]. Хотя британский теоретик, да и последующая рецепция его взглядов, акцентировали внимание на фальсификационизме и борьбе теорий в пике эмпиризму, следует сказать, что, наряду с опровержением, второй элемент роста знания — предположение опирается, кроме прочего, на «стандартное» наличие и приращение эмпирики [24: 250, 25].

⁸ Так, например, указывается роль архива в рефлексивном повороте с точки зрения взаимоотношений знания и власти [26: 187, 210], о том же цитированный выше Д. Цейтлин.

⁹ О разных вариантах и более стандартной траектории в качестве примера у И. А. Разумовой [28].

¹⁰ Акцент будет сделан на данные из архива В. Чарнолуского в МОКМ. Материалы других, указанных выше архивов, дополняют биографические факты периода обучения в Географическом институте, а также исследования и повседневную жизнь ученого позднее.

¹¹ Т. В. Лукьянченко пользовалась одной из копий из семейного архива Чарнолуских [28: 145].

¹² MOM ОФ 20593. Л. 11. Сам этнограф указывает экспедицию 1927 г. как первую, где удалось услышать об этом мифе [30: 301].

¹³ Выделение общего и особенного в трех варианта биографии, кроме указанных выше статьи и материалов МОКМ, — это знакомая Т. В. Лукьянченко статья В. В. Чарнолуского-младшего [31] — отдельная потенциально интересная тема.

¹⁴ Варзугские материалы — это, в частности, наблюдения (MOM НВ 3570/36. Л. 1–29) и дневник (MOM ОФ 23589. Л. 1–29 об.).

¹⁵ MOM ОФ 23589. Л. 29.

¹⁶ MOM ОФ 13898/148. Л. 1. Такого рода факты в дневнике можно рассматривать (с некоторыми оговорками), например, как свидетельство стратегии венаходимости [33]. Анализ публикаций и архивных материалов В. Чарнолуского в русле различных концепций восприятия советского строя его современниками — также потенциальная тема будущего анализа.

¹⁷ Именно такое определение употребляется как свойственный ижемцам признак [34: 155].

¹⁸ MOM НВ 3570/56.

¹⁹ Харузин Н. Н. Русские лопари. М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1890. 472 с.

²⁰ Genetz A. Kuollan Lapin murteiden sanakirja ynnä kielennäytteitä. Wörterbuch der Kola-Lappischen Dialekte nebst Sprachproben. Helsingfors: Finska Litteratur-Sällskapets tryckeri, 1891. P. III–XLVI.

²¹ Экземпляры хранятся в МОКМ и НА ЦГП КНЦ РАН.

Список источников

1. Оранжева А. М. Работа Академии наук СССР и социалистическое строительство на Кольском полуострове: (1920–1935). Апатиты: КНЦ РАН, 2008. 119 с.
2. Кошечкин Б. И. Тундра хранит след. Очерки об исследователях Кольского Севера. Мурманск: Книжное издательство, 1979. 150 с.
3. Кошечкин Б. И. Открытие Лапландии. Мурманск: Книжное издательство, 1983. 125 с.
4. Разумова И. А. Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой воды» и Хибин. Социально-антропологические очерки. СПб.: Гамас, 2009. 160 с.
5. Шабалина О. В., Пация Е. Я. Письма Василия Кондратьевича Алымова // Живая старина. 2005. № 4. С. 47–50.
6. Художники-участники экспедиций на Крайний Север: из собрания Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера КНЦ РАН / сост., ст., коммент.: Е. Я. Пация, О. В. Шабалина. СПб: Гамас, 2008. 207 с.
7. Бодрова О. А. В поисках отражения: саамы Кольского Севера в русской этнографической литературе второй половины XIX – начала XX вв. Апатиты: КНЦ РАН, 2014. 168 с.

8. Шабалина О. В. Материалы персональных фондов В. В. Чарнолуцкого, Я. А. Комшилова Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦПП КНЦ РАН как источники по истории этнографических исследований на северо-западе России // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2014. Т. 20. С. 13–28.
9. Шабалина О. В. Литературно-изобразительные материалы персональных фондов Г. Д. Рихтера и В. В. Чарнолуцкого как источники по истории организации и проведения арктических и субарктических экспедиций в аспекте их финансового и продовольственного обеспечения // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Вып. 11. С. 66–82.
10. Зайцев О. А. Личный архив В. В. Чарнолуцкого как источник по истории этнорелигиозных процессов в среде кольских саами в 1920–1930-х гг. (на материалах из фондов Мурманского областного краеведческого музея) // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Вып. 14. С. 84–96.
11. Куропятник М. С. Коллекции по этнографии саамов // Материалы по этнографии. Т. II: Народы Прибалтики, Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. С. 136–141.
12. Пищулин Ю. П. и др. Музейные термины // Терминологические проблемы музееведения: сб. науч. тр. М., 1986. С. 36–135.
13. Derrida J. Archive Fever A Freudian Impression // *Diacritics*. 1995. No. 25/2. P. 9–63.
14. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
15. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
16. Блоуин Ф., Розенберг У. Споры вокруг архивов, споры вокруг источников // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? / сб. ст. под ред. И.М. Каспэ. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 125–153.
17. Zeitlyn D. Anthropology in and of the Archives: Possible Futures and Contingent Pasts. *Archives as Anthropological Surrogates // Annual Review of Anthropology*. 2012. No. 41. P. 461–480.
18. Аристотель. О памяти и припоминании // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 161–168.
19. Малиновский Б. Дневник в полном смысле слова // Восточная коллекция. 2015. № 4. С. 27–35.
20. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Издательство Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
21. Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с.
22. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
23. Поппер К. Р. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
24. Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384.
25. Поппер К. Р. Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / сост., пер. с англ. Д. Г. Лахути. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 298–313.
26. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
27. Лукьянченко Т. В. В. В. Чарнолуцкий: певец земли саамской // Репрессированные этнографы / сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2003. Вып. 2. С. 128–146.
28. Разумова И. А. Биография советского ученого: прагматика текста // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Вып. 11. С. 5–17.
29. Чарнолуцкий В. В. В краю летучего камня: Записки этнографа. М.: Мысль, 1972. 271 с.
30. Чарнолуцкий В. В. О культе Мяндаша // Скандинавский сборник. 1966. Т. XI. С. 301–314.
31. Чарнолуцкий В. (младший). По выбору души и волею судьбы. Вспоминая отца // Северные просторы. 1994. № 5. С. 43–46.
32. Чарнолуцкий В. В. Оленья изгородь. М.–Л.: Гос. изд-во сельскохозяйственной и колхозно-кооперативной лит-ры, 1931. 32 с.
33. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 661 с.
34. Чарнолуцкий В. Материалы по быту лопарей: опыт определения кочевого состояния лопарей Восточной части Кольского полуострова. Л.: Государственное русское географическое общество, 1930. 176 с.
35. Чарнолуцкий В. В. Легенда об олене-человеке. М.: Наука, 1965. 140 с.

References

1. Oranzhireeva A. M. *Rabota Akademii nauk SSSR i socialisticheskoe stroitel'stvo na Kol'skom poluostrove: (1920–1935)* [Work of the Academy of Sciences of the USSR and socialist construction on the Kola Peninsula: (1920–1935)]. Apatity, 2008, 119 p. (In Russ.).
2. Koshechkin B. I. *Tundra hranit sled. Ocherki ob issledovatelyah Kol'skogo Severa* [Tundra keeps a trace. Essays on explorers of the Kola North]. Murmansk, 1979, 150 p. (In Russ.).
3. Koshechkin B. I. *Otkrytie Laplandii* [Discovery of Lapland]. Murmansk, 1983, 125 p.
4. Razumova I. A. *Kul'turnye landshafty Kol'skogo Severa: goroda u "Bol'shoj vody" i Hibin. Social'no-antropologicheskie ocherki* [Cultural landscapes of the Kola North: cities near the "Big Water" and Khibiny Mountains. Social-anthropological essays]. Saint Petersburg, 2009, 160 p. (In Russ.).
5. Shabalina O. V., Paciya E. Ya. Pis'ma Vasiliya Kondrat'evicha Alymova [Vasily Kondratievich Alymov's letters]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 2005, no. 4, pp. 47–50. (In Russ.).
6. *Hudozhniki-uchastniki ekspeditsij na Krajnij Sever: iz sobraniya Muzeya-arhiva istorii izucheniya i osvoeniya Evropejskogo Severa KNC RAN* [Artists-participants of the expedition to the Far North. From the collection of the Museum-archive of history of Studying and Exploration of the European North of the Kola Research Center RAS]. Saint Petersburg, 2008, 207 p. (In Russ.).
7. Bodrova O. A. *V poiskah otrazheniya: saamy Kol'skogo Severa v russkoj etnograficheskoj literature vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.* [In search of reflection: the Sami of the Kola North in the Russian ethnographic literature of the second half of the XIX-early XX centuries]. Apatity, 2014, 168 p. (In Russ.).
8. Shabalina O. V. Materialy personal'nyh fondov V. V. Charnoluskogo, Ya. A. Komshilova Muzeya-arhiva istorii izucheniya i osvoeniya Evropejskogo Severa CGP KNC RAN kak istochniki po istorii etnograficheskikh issledovanij na severo-zapade Rossii [V. V. Charnoluskiy's, Ya. A. Komshilov's personal funds materials in the Museum-Archive of the history of study and development of the European North BCH KRC RAS as sources on the history of ethnographic research in the north-west of Russia]. *Trudy Ob'edinennogo nauchnogo soveta po gumanitarnym problemam i istoriko-kul'turnomu naslediyu* [Proceedings of the United scientific council for humanitarian problems and historical and cultural heritage], 2014, issue 20, pp. 13–28. (In Russ.).
9. Shabalina O. V. Literaturno-izobrazitel'nye materialy personal'nyh fondov G. D. Rihtera i V. V. Charnoluskogo kak istochniki po istorii organizacii i provedeniya arkticheskikh i subarkticheskikh ekspeditsij v aspekte ih finansovogo i prodovol'stvennogo obespecheniya [Literary and pictorial materials of G. D. Richter's and V. V. Charnoluskiy's personal funds as sources on the history of organizing and conducting Arctic and Subarctic expeditions in the aspect of their financial and provision security]. *Trudy KNC RAN RAN. Gumanitarnye issledovaniya* [Proceedings of the Kola Science Center of the RAS. Humanitarian studies], 2017, issue 11, pp. 66–82. (In Russ.).
10. Zajcev O. A. Lichnyj arhiv V. V. Charnoluskogo kak istochnik po istorii etnoreligioznyh processov v srede Kol'skikh saami v 1920–1930-h gg. (na materialah iz fondov Murmanskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya) [Personal archive of V. V. Charnoluskiy as a source on the history of ethnoreligious processes among the Kola Sami in the 1920s – the 1930s (on the materials from the funds of the Murmansk Regional Local History Museum)]. *Trudy KNC RAN. Gumanitarnye issledovaniya* [Proceedings of the Kola Science Center of the RAS. Humanitarian studies], 2018, issue 14, pp. 84–96. (In Russ.).
11. Kuropyatnik M. S. Kollekcii po etnografii saamov [Collections on the ethnography of the Sami]. *Materialy po etnografii. T. II: Narody Pribaltiki, Severo-Zapada, Srednego Povolzh'ya i Priural'ya* [Materials on ethnography. Vol. II: Peoples of the Baltic, North-West, Middle Volga and Urals], Saint Petersburg, 2004, pp. 136–141. (In Russ.).
12. Pishchulin Yu. P. Muzejnye terminy [Museum terms]. *Terminologicheskie problemy muzevedeniya* [Terminological problems of museology], Moscow, 1986, pp. 36–135. (In Russ.).
13. Derrida J. Archive Fever A Freudian Impression. *Diacritics*, 1995, no. 25/2, pp. 9–63.
14. Ricoeur P. *Vremya i rasskaz. T. 1. Intriga i istoricheskij rasskaz* [Time and narrative. Vol. 1. Intrigue and historical story]. Moscow, Saint Petersburg, 1998, 313 p. (In Russ.).
15. Ricoeur P. *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Moscow, 2004, 728 p. (In Russ.).

16. Blouin F., Rozenberg U. Spory vokrug arhivov, spory vokrug istochnikov [Disputes over archives, disputes over sources]. *Status dokumenta: Okonchatel'naya bumazhka ili otchuzhdennoe svidetel'stvo?* [Document status: Final piece of paper or alienated evidence?]. Moscow, 2013, pp. 125–153. (In Russ.).
17. Zeitlyn D. Anthropology in and of the Archives: Possible Futures and Contingent Pasts. Archives as Anthropological Surrogates. *Annual Review of Anthropology*, 2012, no. 41, pp. 461–480.
18. Aristotle. O pamyati i pripominanii [Memory and Recollection]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2004, no. 7, pp. 161–168. (In Russ.).
19. Malinovskij, B. Dnevnik v polnom smysle slova [Diary in the full sense of the word], *Vostochnaya kolleksiya* [Eastern Collection], 2015, no. 4, pp. 27–35. (In Russ.).
20. Latour B. *Nauka v deistvii: sleduia za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in Action: how to Follow Scientists and Engineers through Society]. Saint Petersburg, 2013, 414 p. (In Russ.).
21. Latur B. Paster: Vojna i mir mikrobov, s prilozheniem “Nesvodimogo” [Pasteur: Microbial War and Peace, with an appendix of The Irreducible]. Saint Petersburg, 2015, 316 p. (In Russ.).
22. Latur B. *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: an introduction to actor-network theory]. Moscow, 2014, 384 p. (In Russ.).
23. Popper K. R. *Logika i rost nauchnogo znaniya. Izbrannye raboty* [Logic and the growth of scientific knowledge. Selected works]. Moscow, 1983, 605 p. (In Russ.).
24. Popper K. R. Ob'ektivnoe znanie. Evolyucionnyj podhod [Objective knowledge. Evolutionary approach]. Moscow, 2002, 384 p. (In Russ.).
25. Popper K. R. Logika social'nyh nauk [The logic of the social sciences]. *Evolyucionnaya epistemologiya i logika social'nyh nauk: Karl Popper i ego kritiki* [Evolutionary epistemology and logic of social sciences: Karl Popper and his critics]. Moscow, 2000, pp. 298–313. (In Russ.).
26. Bahmann-Medik D. *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kul'ture* [Cultural turns. New landmarks in the cultural sciences]. Moscow, 2017. 504 p. (In Russ.).
27. Luk'ianchenko T. V. V. V. Charnoluskij: pevets zemli saamskoi [V. V. Charnoluskij: Singer of the Sami Land]. *Repressirovannye etnografy* [Repressed Ethnographers]. Moscow, 2003, vol. 2, pp. 128–146. (In Russ.).
28. Razumova I. A. Biografiya sovetskogo uchenogo: pragmatika teksta [Biography of a soviet scientist: pragmatics of the text]. *Trudy KNC RAN. Gumanitarnye issledovaniya* [Proceedings of the Kola Science Center of the RAS. Humanitarian studies], 2017, issue 11, pp. 66–82. (In Russ.).
29. Charnoluskij V. V. *V kraiu letuchego kamnia: Zapiski etnografa* [In the Edge of a Flying Stone: Notes of an Ethnographer]. Moscow, 1972. 271 p. (In Russ.).
30. Charnoluskij V. V. O kul'te Miandasha [About Myandash' cult]. *Skandinavskii sbornik* [Scandinavian collection], 1966, vol. XI, pp. 301–314. (In Russ.).
31. Charnoluskij V. (junior). Po vyboru dushi i voleyu sud'by. Vspominaya otca [By the choice of the soul and the will of fate. Remembering the father]. *Severnye prostory* [Northern expanses], 1994, no. 5, pp. 43–46. (In Russ.).
32. Charnoluskij V. V. *Olen'ya izgorod'* [Deer fence], Moscow, Leningrad, 1931, 32 p. (In Russ.).
33. Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos' poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The last Soviet generation], Moscow, 2014, 661 p. (In Russ.).
34. Charnoluskij V. *Materialy po bytu loparei: opyt opredeleniia kochevogo sostoianiia loparei Vostochnoi chasti Kol'skogo poluostrova* [Materials on the Life of the Lapps: the Experience of Determining the Nomadic State of the Lapps in the Eastern Part of the Kola Peninsula]. Leningrad, 1930, 176 p. (In Russ.).
35. Charnoluskij V. V. *Legenda ob olene-cheloveke* [The legend of the deer-man]. Moscow, 1965, 140 p. (In Russ.).

Информация об авторе

К. Я. Коткин — кандидат философских наук, хранитель музейных предметов, ассоциированный научный сотрудник.

Information about the author

K. Ya. Kotkin — PhD (Philosophy), Curator (Museum Collections), Associated Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 22.09.2022; одобрена после рецензирования 29.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.
The article was submitted 22.09.2022; approved after reviewing 29.09.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Научная статья
УДК 930.253(98)
doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.003

ДОЛЖНОСТНАЯ ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ СТРАЖНИКОВ ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА (РОССИЙСКИЙ СЕВЕР. 1915–1916 ГОДЫ)

Ольга Васильевна Змеева

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра
«Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, zmeeva@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3909-1582>*

Аннотация

Руководство Мурманской железной дороги в целях обеспечения безопасности строительства привлекало в 1915–1916 годах разнообразные группы стражников. Регулирование социальных отношений между представителями охранной службы и другими участниками строительства (начальниками, военнопленными, вольнонаемными, местными жителями, приезжими) опиралось на существующие нормативно-правовые документы. Текст документа, определявшего права и регламентировавшего действия охраны, в статье публикуется впервые. «Инструкция стражникам, находящимся на стройке Мурманской железной дороги» приводится с комментариями.

Ключевые слова:

Мурманская железная дорога, охрана, стражник, должностная инструкция, нормативное регулирование

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2022-0028.

Для цитирования:

Змеева О. В. Должностная инструкция для стражников военно-стратегического объекта (Российский Север. 1915–1916 годы) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 30–41. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.003

Original article

JOB DESCRIPTION FOR THE GUARDS OF THE MILITARY-STRATEGIC FACILITY (RUSSIAN NORTH. 1915–1916)

Olga V. Zmeeva

*Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia,
zmeeva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3909-1582>*

Abstract

The management of the Murmansk railway, in order to ensure the safety of construction, attracted various groups of guards in 1915–1916. The regulation of social relations between representatives of the security service and other construction participants (administrators, prisoners of war, workers, local residents, migrants) was based on regulatory documents. The text of the document that defined the rights and regulated action of protection is published in the article for the first time. The document entitled “Instructions for guards who work on the construction of the Murmansk Railway” is provided with the author’s comments.

Keywords:

Murmansk railway, security, guard, job description, legal regulations

Acknowledgments:

the study was funded from the federal budget as a part of the state project No. FMEZ-2022-0028 assigned to the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation:

Zmeeva O. V. Job description for the guards of the military-strategic facility (Russian North. 1915–1916) // Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities. 2022. Vol. 1, No. 1. P. 30–41. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.003

В статье впервые публикуется должностная инструкция, специально разработанная для группы лиц, которые несли службу на участках и дистанциях военно-стратегического объекта — Мурманской железной дороги. Она определяла права и регламентировала действия представителей нижних чинов охраны. Это «Инструкция стражникам, находящимся на стройке Мурманской железной дороги» (далее — Инструкция)¹. Оригиналы нормативного документа хранятся в Национальном архиве Республики Карелия (НАРК)².

И в названии, и в тексте самого документа используется слово «стражник», которое в данном случае означает не просторечное его употребление, а принадлежность к социальному статусу. Стражник — это название должности, включенной в систему воинских чинов.

В должностной инструкции определены функции человека, выполняющего обязанности стражника; установлен перечень лиц, с которыми ему предстояло взаимодействовать; обозначена иерархия, в структуру которой включена должность. Кроме того, в документе представлен набор потенциальных социальных взаимодействий сотрудника охраны с другими участниками строительства, руководящим составом, а также прочими лицами, с которыми стражнику, возможно, предстояло контактировать. Любые его коммуникации, поступки и действия могли иметь негативные последствия в целом для органа охраны и всего руководства. Действия стражника имели разрешающий, предупреждающий, предписывающий, запрещающий и/или ограничивающий характер.

Структура документа

Инструкция состоит из пяти частей, каждая из которых, в свою очередь, структурирована и разбита на более мелкие, пронумерованные фрагменты. Основные элементы нормативного документа:

- общие обязанности стражников;
- о дисциплине;
- общие обязанности стражников при охране постов и военнопленных;
- об употреблении в дело оружия;
- о дисциплинарных взысканиях, налагаемых на стражников.

Стражники: должность, команда, система подчинения³

Определяющим и необходимым для вступления в должность являлось добровольное желание претендента исполнять обязанности стражника. Поступающий на службу должен был дать «перед Богом» присягу о службе Государю и Родине и защите их интересов. Приступая к выполнению обязанностей, стражник должен был ориентироваться на Устав гарнизонной службы. Инструкция отсылает читателя к отдельным пунктам Устава, регламентирующим внешний вид, порядок действий выходящего на пост, систему караулов⁴.

Группа стражников не была однородной, внутри нее существовала иерархия. У каждой команды был непосредственный начальник — заведующий командой. Один из стражников назначался старшим, в его обязанности входило наблюдение «за правильным несением службы», чистотой и порядком в помещении для стражников. «Старший» становился помощником заведующего командой. В каждой группе также назначался дежурный по команде, функции которого заключались в соблюдении порядка, сохранении «приличного» поведения команды в казарме.

В Инструкции обозначена иерархия, в структуре которой определено место стражнику. Подчинение нижнего полицейского чина вышестоящему представлено в документе в виде набора должностей и способов взаимодействия стражника с представителем конкретной должности. В документе указан перечень общего подчинения стражников вышестоящим должностям, по сути, тех, кто занимает руководящий пост в той или иной службе. Вертикаль власти для нижнего полицейского чина следующая: старший стражник, жандармский унтер-офицер, «в районе которого стражник несет службу»; начальники: пристав отделений, дистанций, участков, движения, служб Тяги и Пути, отделения и самого Жандармского Управления; помощник начальника работ и, собственно, начальник работ⁵.

Также перечислены должности, которые определяют круг «ближайших начальников» стражника. Ими являлись «начальники участков, дистанций, их помощники, полицейские пристава, старшие десятники, дорожные мастера, артельные старосты, жандармские унтер-офицеры, фельдфебель команды стражников и взводный»⁶.

Качества сотрудника охраны, бытовой и военный этикет

Кроме общих требований подчинения, выполнения, соблюдения и т. д., в функции стражника оказались включены манеры поведения, соответствующие отдельным качествам характера. Черты личности, указанные в Инструкции, приводятся в документе с целью облегчения «всех тягот службы». Стражнику следует быть вежливым, дисциплинированным, добросовестным, аккуратным, стойким и терпеливым, а когда складываются обстоятельства, обязывающие его «с оружием в руках» защищать интересы Государя и Родины, ему необходимо быть храбрым. Находясь на посту или на службе, следует «стоять бодро».

Успешности исполнения обязанностей способствовало строгое следование установленному военному и бытовому этикету.

На объекте, который возводился в малонаселенной местности, среди болот и озер, частично на территории, расположенной за пределами Северного полярного круга, Управлению⁷ необходимо было создать условия, при которых санитарно-эпидемиологическую ситуацию можно было контролировать. Нормативный документ обозначал правила заботы о здоровье сотрудников охраны и последовательность действий заболевших. Стражники самостоятельно заботились о здоровье, а в случае недомогания, во избежание заражения окружающих, должны были обратиться за медицинской помощью. Самостоятельная забота о здоровье, помимо соблюдения гигиенических правил, заключалась в ежедневной поддержке порядка в индивидуальном жилом пространстве. В случае «нездоровья» находящегося на посту представителя охраны ему требуется вызвать «для смены себя свистком или через прохожих разводящего или старшего в команде»⁸.

Поскольку служба стражника приравнивалась к военной, отдельный пункт инструкции посвящен «употреблению в дело оружия». Оружие, боевые припасы, снаряжение и обмундирование ему предписано «особенно оберегать». Если существует возможность избежать применения оружия, стражнику необходимо это сделать. Способами действия в этих случаях являются призыв на помощь и увещевание. Стражник мог использовать оружие только в определенных ситуациях: при отражении вооруженного нападения, при покушении на безопасность железнодорожного движения (нападении на поезд и других объектов, порче рельсового пути, похищении имущества), в случае побега военнопленных или «при открытом с их стороны возмущении», при попытке бегства задержанного злоумышленника⁹.

В случае применения оружия, стражник должен доложить начальству об этом факте, а начальник, в свою очередь, обязан приступить к расследованию. Если выяснится, что стражник использовал оружие в ситуации, которая позволяла прибегнуть к другим действиям, он подвергался уголовной ответственности¹⁰.

Функциональные обязанности стражника: надзор за военнопленными

Функциями стражника являлись охрана объектов, расположенных вдоль железной дороги и принадлежащих Управлению, наблюдение за военнопленными и рабочими. Его обязанности — «охрана сооружений дороги, как-то: мостов, складов, касс и т. п., наблюдение за правильностью исполнения военнопленными распоряжений технической администрации дорог и успешностью работ их на участках, наблюдение за порядком среди них, предупреждение и пресечение побегов, а также сопровождение пленных на работы»¹¹.

В документе приведены способы обращения охранников с военнопленными. Особым условием взаимодействия с ними считалась гуманность. Аргументация благодушного отношения к ним основывалась на том, что сегодняшние пленные — это не бывшие участники военных действий, а действующие (пусть и не в местах ведения боя) и законные «защитники своего отечества». Граждане воюющих с Российской империей государств были привлечены для земельных и плотничных работ, чтобы избежать «бездеятельного проживания пленных в концентрационных лагерях»¹². Поскольку военнопленные выполняли работы на объекте, который представлял собою государственный заказ, их не имели права привлекать на частные работы. В функции охраны входил «ближайший надзор» за военнопленными на рабочем месте и в местах отдыха с обязательным контролем их деятельности. Стражнику не следовало каким-либо способом воздействовать на военнопленного, даже в случае обнаружения или нежелания последнего работать. В подобных ситуациях ему стоило доложить о нарушениях ближайшему начальнику.

Что касается потенциальных социальных взаимодействий стражника и окружающих, выделялся его ближайший круг, то есть те, кому можно доверять, и те, с кем необходимо быть осторожным. К первым относились представители службы охраны, которым рекомендовалось поддерживать между собою «товарищеские отношения», избегать конфликтов, «недоразумения разрешать миролюбиво»¹³. Ко второй группе относились люди, называемые «посторонними», которые могли оказаться «злонамеренными» личностями. Задача стражника — не попасть под их влияние¹⁴.

Функциональные обязанности стражника: наблюдение за «объектами»

Действия стражников регламентировались также в ситуациях наблюдения за «объектами дороги», самыми важными из которых являлись поезда, мосты, водокачки и кассы. Стоящий на посту охранник имел возможность отойти «от указанного места в обе стороны не далее 20 шагов для наблюдения за прилегающей местностью»¹⁵. Были запрещены любые другие действия: «спать, есть, пить, курить, петь, разговаривать или принимать что-либо от посторонних лиц, отправлять естественную надобность и выпускать из рук оружие, а тем более отдавать его кому бы то ни было, за исключением ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА»¹⁶.

Охраняющие мост люди особое внимание должны были уделять проходящим по нему транспортным средствам, предотвращая возможные несчастные случаи. Так, часовой обязан не допустить пожар, «заботливо туша оставшиеся непотухшими по проходе поезда искры». Все его действия направлены на предотвращение злодеяний потенциальных правонарушителей. Наблюдая за проходящим поездом, он обязан следить за предметами, выброшенными из состава на полотно моста. Найденный предмет стражнику предписано «представить старшему в караул»¹⁷.

На земельных участках, прилегающих к железнодорожному пути, устанавливалась «полоса отчуждения», в пределах которой часовой не должен был допускать «никаких сборищ, стрельбы, разведения костров, ловли рыбы, прогулов и каких бы то ни было работ, земляных или подземных без письменного на то разрешения местного Начальника Пути»¹⁸.

Наблюдение за мостом и путевым проводом имеет такое значение, что оговариваются детали любого движения вокруг объекта, которое стражнику необходимо остановить. Перемещения людей на баржах, плотках и лодках, приближение или причаливание их к берегу «ближе 100 шагов с обеих сторон моста» не допустимы. Более того, продвижение людей под мостом по реке или по льду разрешалось только в случае, если оно осуществлялось без остановки и без оставления чего-либо в обозначенном районе.

Пристальному наблюдению со стороны стражников подвергались «водоподъемные здания», к которым было запрещено подпускать кого-либо на расстояние ближе 50 шагов, «за исключением машинистов». Машинистам (артельным старостам или железнодорожным мастерам) делегированы полномочия наблюдать за рабочими в указанном пространстве «для исправления какой-либо порчи водокачек»¹⁹.

Еще один особо охраняемый объект — кассы. Кассу необходимо охранять от нападения злоумышленников. Доступ к кассе был открыт только казначею и его помощникам.

Отпуск, дисциплинарные взыскания, увольнение

В нормативном документе определены не только обязательства стражника на службе, но и способы проведения им свободного времени. Понятие свободного времени, судя по Инструкции, весьма условно, так как стражник, даже отдыхая, продолжает исполнять обязанности. Ему предписано «быть должным во всякую минуту, в случае надобности, явиться на службу, а потому совершенно свободным он может себя считать только получив разрешение на отлучку из казармы»²⁰.

Рабочее время сотрудников охраны железной дороги зависело от времени года и распределялось равномерно в течение суток. На посту часовые несли службу караульным порядком и сменялись три раза в сутки, в зимнее время, «при морозах», продолжительность службы на постах сокращалась. Решение об оставлении поста стражник принимал в том случае, если «его временный уход не угрожает охраняемому посту и когда он своим приходом может оказать помощь посту или лицу, которому угрожает опасность от злоумышленников»²¹.

Охранники подвергались дисциплинарным взысканиям за несоблюдение правил караульной службы и правил, установленных начальством, за неодобряемое поведение. В случаях, когда дисциплинарные меры не возымели действия, стражника увольняли. Если же действия охранника имеют «важные последствия», «повлекут за собою убытки казны», «выяснится злой умысел или преступная небрежность», предписывалось отдать его под суд.

Взыскания на стражников накладывали «ближайшие» руководители, а главы участков дистанций сообщали о провинившихся начальнику отделения, который и принимал решение о дальнейшей судьбе сотрудника — наложить взыскание или ходатайствовать об увольнении виновного перед начальником жандармского управления.

ИНСТРУКЦИЯ СТРАЖНИКАМ, НАХОДЯЩИМСЯ НА ПОСТРОЙКЕ МУРМАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ²².

Общие обязанности стражников.

I.

Поступая по собственному желанию на эту должность, стражник должен всегда и при всяких обстоятельствах службы помнить о той присяге, которую он дал перед Богом в то время, когда удостоился быть призванным на служение для защиты интересов Г О С У Д А Р Я и Р о д и н ы. Служба стражника есть такое же служение Г О С У Д А Р Ю и Родине, как и действительная служба в войсках.

2.

Стражник, как всякий воинский чин, должен быть беспредельно предан Г О С У Д А Р Ю и Отечеству, беспрекословно исполнять приказания Начальства и также подчиняться ему, добросовестно и аккуратно исполнять свои обязанности, терпеливо и стойко переносить все тяготы службы и быть храбрым, когда это вызывается обстоятельствами и когда должен будет с оружием в руках защищать Г О С У Д А Р Я и Родину.

3.

Стражник во всех служебных надобностях обязан обращаться к своему непосредственному начальству.

4.

Стражник обязан исполнять все указания чинов жандармской полиции, которым в полицейском и строевом отношении стражники безусловно подчиняются. О всяком распоряжении, которое стражник получит непосредственно от жандармского офицера или унтер-офицера он по исполнении должен доложить своему старшему.

5.

Стражник должен особенно сберечь выданное ему оружие, боевые припасы, снаряжение и обмундирование.

6.

Стражники, как на службе, так и вне ее, должны вести себя чинно и трезво, не теряя воинского вида, вежливо обращаться с железнодорожными служащими и посторонними лицами, обращаясь ко всем на «Вы», даже в том случае, если кто-либо и обратится к стражнику на «Ты».

7.

Стражники состоят в подчинении: Начальника работ, его помощников, Начальника Жандармского Управления и отделений, Начальников: Служб пути, тяги, движения, участков, дистанций, приставов отделений, жандармского унтер-офицера, в районе которого стражник несет службу и старшего стражника.

8.

В свободное от служебного наряда время стражник должен быть готов во всякую минуту, в случае надобности, явиться на службу, а потому совершенно свободным он может себя считать, только получив разрешение на отлучку из казармы.

9.

Отпуска стражникам могут быть разрешаемы по соглашению Начальника работ или его ближайших помощников с Начальником Жандармского Управления или Отделений по прослужении не менее шести месяцев в стражниках, а отлучки из казарм разрешаются старшим по команде, согласно указания на то заведывающего²³ командой.

10.

Каждый стражник должен сам заботиться о своем здоровье и при недомогании должен сейчас же через старшего в команде обратиться к медицинской помощи, чтобы не запустить болезнь и не заразить других.

11.

Каждый стражник должен соблюдать чистоту тела, одежды и своего помещения. В баню ходить и менять белье обязательно каждую неделю, постельное белье должно быть всегда чистое, платье и сапоги вычищены и целы, кровать прибрана аккуратно, мусора и пыли под своим столиком и под кроватью не допускать.

12.

Стражнику следует быть осторожным в выборе знакомств с посторонними людьми, чтобы не попасть под влияние злонамеренных людей и не вступить в какую-нибудь политическую партию. Лиц, которые будут подговаривать или предлагать что-либо противозаконное, должен задержать и сдать своему непосредственному начальнику. Не должен водить знакомства с людьми порочными, нетрезвыми или бездельниками.

13.

В казарму посетителей не приглашать, кроме исключительных случаев, с разрешения дежурного по команде.

14.

В казарме безусловно запрещается иметь и распивать спиртные напитки и ханжу²⁴, а также играть в карты, орлянку²⁵ или другие игры на деньги.

15.

В казарме вести себя прилично, быть без шапок, /кроме дежурного по команде/, не сквернословить, не нарушать покоя отдыхающих, не плевать на пол, не курить в тех комнатах, где стоят кровати.

16.

Стражникам надлежит стараться поддерживать между собою хорошие товарищеские отношения, по пустякам не ссориться, всякие взаимные недоразумения разрешать миролюбиво или при посредничестве своих ближайших начальников.

17.

Ближайшими начальниками у стражников являются: Начальники участков, дистанций, их помощники, полицейские приставы, старшие десятники, дорожные мастера, артельные старосты, жандармские унтер-офицеры, фельдфебель команды стражников и взводный.

18.

Без разрешения начальства стражник не имеет права оставить службу или отлучиться.

19.

При желании уволиться от службы, стражник должен подать докладную записку заведывающему командой через своего ближайшего начальника, приурочивая таковую к наступающему 1 и 15 числу каждого месяца.

20.

Один из стражников назначается за старшего и обязан следить за правильным несением службы и за чистотой, и порядком, довольствием в помещении для стражников, являясь непосредственным помощником заведывающего командой стражников.

О ДИСЦИПЛИНЕ

I.

Стражники должны быть дисциплинированы, вежливы и оказывать всем должное уважение и почтение, как это требуется уставом от нижних чинов.

2.

Если к стражнику обратится частное лицо, которому одание чести не положено, то следует, вступая в разговор, приветствовать это лицо, приложив руку к головному убору или сняв убор. При входе лиц старше себя необходимо вставать и без их разрешения стражник не имеет права садиться, а при разговоре не должен перебивать лиц, говорящих с ним.

3.

Стражники отдают честь в точном основании устава внутренней службы всем тем лицам, которым одание чести в уставе положено, а также становясь во фронт: Министру Путей Сообщения, Начальнику работ, его помощникам, Начальнику Жандармского Управления, Отделения и заведывающему командой. Не становясь во фронт: Начальникам служб: Пути, Тяги и Движения, Начальникам участков и дистанций, всем офицерам, административным чинам дороги, если они будут в форме установленного образца, жандармскому унтер-офицеру, в районе которого стражник несет службу и фельдфебелю команды.

ОБЩИЕ ОБЯЗАННОСТИ СТРАЖНИКОВ ПРИ ОХРАНЕ ПОСТОВ И ВОЕННОПЛЕННЫХ

1.

Выходя на службу на пост, должен быть чисто и по форме одетым, надет поясной ремень с патронными сумками, свистком, осмотреть и зарядить винтовку и поставить затвор на предохранительный взвод /§154 уст. гарнизонной службы/.

2.

Постовая служба стражников несется на три смены. В зимнее время при морозах продолжительность службы на постах сокращается по распоряжению заведывающего командой.

3.

Стражники на посты и на службу назначаются старшим по команде, разводятся на места разводящими по особому указанию старшего по команде. Посты у мостов несут службу караульным порядком.

4.

На стражниках лежит ближайший надзор за военнопленными и рабочими как на работе, так в помещениях, и они не должны позволять играть в карты, пить спиртные напитки и производить беспорядки, являясь ближайшими помощниками старших десятников, жандармских унтер-офицеров, дорожных мастеров и артельных старост.

5.

Стражники должны гуманно относиться к пленным, помня, что они есть законные защитники своего отечества.

6.

Военнопленные не имеют права привлекаться на частные работы.

7.

В случае обнаружения или явного нежелания военнопленного работать, или нерадивого выполнения им уроков, или нарушения установленного порядка стражник докладывает об этом ближайшему начальнику.

8.

На стражника возлагается охрана сооружений дороги, как то: мостов, складов, касс и т. п., наблюдение за правильностью исполнения военнопленными распоряжений технической администрации дорог и успешностью работ их на участках, наблюдение за порядком среди них, предупреждение и пресечение побегов, а также сопровождение пленных на работы.

9.

Стражник, стоя на посту с винтовкой, считается часовым, а потому он обязан: 1/ бдительно охранять свой пост и все порученное его надзору и 2/ не оставлять своего поста, пока не будет сменен или снят, хотя бы жизни его угрожала опасность.

10.

Стражник может сойти с своего поста в том лишь случае, когда его временный уход не угрожает охраняемому посту и когда он своим приходом может оказать помощь посту или лицу, которому угрожает опасность от злоумышленников.

11.

Заболевший на посту стражник вызывает для смены себя свистком или через прохожих разводящего или старшего в команде.

12.

Стражник должен, находясь на посту или на службе, стоять бодро, ничем не отвлекаться от надзора за своим постом или от охраны военнопленных, не выпускать из рук и никому не отдавать своего оружия и точно выполнять те особые обязанности, которые указаны в инструкции для каждого поста.

13.

Стражнику на посту запрещается: спать, есть, пить, курить, пить, разговаривать или принимать что-либо от посторонних лиц, отправлять естественную надобность и выпускать из рук оружие, а тем более отдавать его кому бы то ни было, за исключением ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

14.

Стражник, находясь на посту или на службе, исполняет приказания своего разводящего или того лица, которым он был поставлен на пост или на службу, старшего в команде, местного жандармского унтер-офицера, заведывающего командой, пристава своего участка, Начальника жандармского отделения и Управления, которых стражник обязан знать в лицо.

15.

Сила караула определяется на основании нормальных табелей, выработка которых производится по соображению с местными условиями Начальником Жандармского Полицейского Управления железных дорог.

16.

Караул у мостов подчиняется отдельному старшему стражнику. Старший стражник караула исполняет свои обязанности применительно к обязанностям караульного начальника /ст. ст. 179, 229 Уст. о гарнизонной службе/.

17.

На постах должны вестись постовые ведомости с отметкою лиц, проверявших караулы.

18.

Начальники отделений и приставы по отношению караулов у мостов пользуются правами «комендантов» на основании устава гарнизонной службы.

19.

Караулы находятся под непосредственным наблюдением особого жандармского унтер-офицера. Жандармские унтер-офицеры в отношении надзора за караулами пользуются дежурным по караулам /ст. ст. 234, 235 и 236 Уст. гарниз. службы/.

20.

При проходе поезда постовой стражник должен становиться с правой стороны по направлению движения поезда.

21.

Стражнику, стоящему на посту у моста, разрешается отходить от указанного места в обе стороны не далее 20 шагов для наблюдения за прилегающей местностью.

22.

При проследовании поездов по мосту стражник, находящийся на посту, должен внимательно наблюдать за проходящим поездом и всякий выброшенный из поезда на полотно моста предмет обязан тотчас же представить старшему в карауле, а также следить, чтобы отпадающих из паровоза искр не произошло пожара, заботливо туша оставшиеся не потухшими по проходе поезда искры.

23.

Стражники, охраняя мост, обязаны не допускать прохождения по мосту посторонних лиц, кроме 1/ агентов дороги, имеющих билеты установленной формы и за печатью и подписью известного начальника участка сл. Пути, 2/ жандармских чинов с такими же билетами за печатью и подписью местного Начальника жандармского Отделения и лиц посторонних ведомств с такими же билетами.

24.

Обязаны следить, чтобы ближе 100 шагов с обеих сторон моста к берегам не причаливали баржи, плоты и лодки, а плывущие по реке или движущиеся по льду люди, не останавливались под мостом или у его устоев и ничего бы там не складывали; на берегах же в пределах полосы отчуждения не допускать никаких сборищ, стрельбы, разведения костров, ловли рыбы, прогулов и каких бы то ни было работ, земляных или подземных без посменного на то разрешения местного Начальника Пути.

На путевом проводе обязанности те же, что и на мостах, с проездами под ними.

25.

У водоподъёмных зданий охранять их и никого не допускать на расстояние ближе 50 шагов, за исключением машинистов. Для исправления какой-либо порчи водокачек беспрепятственно допускать рабочих под наблюдением машинистов и железнодорожных мастеров или артельных старост. Если они неизвестны караулу, то должны предъявлять караулу удостоверение личности с фотографическими карточками.

26.

На посту кассы обязаны охранять от нападения злоумышленников, стоя во время выдачи денег внутри комнаты, а по закрытии — снаружи у дверей. Допускает в кассу только казначея и его помощников, а если их не знает в лицо, должен потребовать удостоверение личности.

27.

При закрытии кассы должен осмотреть, чтобы в помещении никто не остался.

28.

В случае нападения на кассу должен подать звонок в помещение стражников, по которому стражники немедленно вооружёнными должны бежать на помощь посту.

29.

При отдавании чести на посту стражники становятся «смирно», держа ружье у ноги.

30.

При посещении поста или охраняемых лиц Начальником работ и его помощниками, Начальниками Жандармского Управления и Отделения, приставом, заведывающим командой стражников, и Начальником караула стражник рапортует: «Ваше Превосходительство /или иной чин/ по посту № /такой-то/ происшествий не случилось» / а если случилось, что именно/. При посещении названными лицами помещения рапортует им о состоянии и сопровождает их, а также немедленно сообщает об их приезде ближайшему начальству.

31.

При обращении к стражнику чинов городской полиции с просьбой оказать помощь или задержать требуемое лицо он должен им содействовать.

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ В ДЕЛО ОРУЖИЯ

I.

Стражники при исполнении служебных обязанностей могут действовать оружием в следующих случаях:

1/ При отражении всякого вооружённого нападения на них или на пост и при встречном вооружённом сопротивлении.

2/ При нападении или сопротивлении невооружённым, но сделанном несколькими лицами, или хотя бы одним лицом, но при таких обстоятельствах или условиях, когда стражнику угрожает явная опасность.

3/ При покушении злоумышленников на безопасность железнодорожного движения: нападения на поезд и железнодорожные строения, умышленной порчи рельсового пути или других железнодорожных сооружений, похищении железнодорожного имущества и т. п.

4/ Оружие против военнопленных употребляется при открытом с их стороны возмущении или совместном побеге нескольких из них.

5/ При побеге же отдельных лиц оружие может быть употреблено только в том случае, когда, невзирая на предостережение или оклик, сделанные во время бегства, военнопленный будет продолжать таковое.

6/ Когда задержанный злоумышленник сделает попытку к бегству, и не представляется возможным его задержать, а также когда злоумышленник после двукратного стражника «стой» и предупреждения, что будет стрелять, убегая, не остановится, и обнаружит намерение скрыться от преследования, и не окажется возможным настигнуть и задержать его.

2.

Во всех указанных случаях, если возможно избежать употребления оружия, как то: призвать на помощь, увещанием и т. п., то стражник обязан это сделать. В случае необходимости употребления оружия каждый из стражников соображает: действовать ли холодным или огнестрельным оружием.

3.

О всяком употреблении стражником оружия, должен немедленно донести по начальству, которое и приступает к производству расследования.

4.

Если стражник при исполнении служебных обязанностей употребит в дело оружие, в том случае, когда его можно было избежать и обойтись другими мерами или не употребить в дело оружия, когда оно обязательно, то за это подвергается уголовной ответственности.

О ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВЗЫСКАНИЯХ, НАЛАГАЕМЫХ НА СТРАЖНИКОВ

I.

За несоблюдение общих правил караульной службы, неодобрительное поведение и нарушение правил, установленных начальством, виновные стражники подвергаются дисциплинарным взысканиям. При недействительности же этих взысканий они увольняются от службы.

За несоблюдение особых обязанностей караульной службы, то есть таких обязанностей, ради которых учрежден караул, виновные в том стражники, если поступки не имели важных последствий, увольняются от службы. Если же их поступки повлекут за собою убытки казны или выяснится злой умысел или преступная небрежность, то стражники предаются суду.

2.

Нижние чины охранной стражи подвергаются следующим дисциплинарным взысканиям:

1/ Замечаниям словесным, письменным или в приказах по команде.

2/ Выговору словесному, письменному или приказанию по команде.

3/ Аресту не свыше 15 суток.

4/ Увольнению от службы.

Обязательно увольняются от службы стражники

1/ За нетрезвость при исполнении службы и появление в нетрезвом виде в казарме или на улице в форменной одежде.

2/ За самовольную отлучку из казарм.

3/ За воровство.

4/ За неисполнение приказаний своего начальства и дерзкое отношение к нему.

5/ За нарушение особых обязанностей караульной службы, то есть таких обязанностей, ради которых учрежден караул.

Замечания, выговоры и аресты объявляются начальником Жандармского Управления, Отделений и Заведывающим командой, а увольнение от службы осуществляется приказом по дороге по сообщению Начальника Жандармского Управления.

3.

Взыскания накладываются на стражников его ближайшими начальниками, а именно: взводным, фельдфебелем, заведывающим командой, Начальниками отделений и Начальником Жандармского Управления.

4.

Начальники участков, дистанций и их помощники о всех провинившихся стражниках, подлежащих увольнению сообщают Начальнику Отделения, который по расследовании налагает взыскание или входит с ходатайством об увольнении стражника перед Начальником Жандармского Управления.

]

Примечания

¹ Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Лл. 180–190 об.

² Автором найдены два идентичных документа. См: НАРК Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Лл. 180–190 об. То же: Ф. 320. Оп. 3. Д. 7/43. Лл. 14–24. Текст Инструкции публикуется по: НАРК Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Лл. 180–190 об.

³ Подробнее о нормативном регулировании социальных отношений стражников Мурманской железной дороги см. [1]

⁴ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 184.

⁵ Там же: Л. 181.

⁶ Там же: Л. 182 об.–183.

⁷ Строительное управление Мурманской железной дороги (Управление по постройке Мурманской железной дороги).

⁸ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 185 об.

⁹ Там же: Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 189.

¹⁰ Там же: Л. 189 об.

¹¹ Там же: Л. 185.

¹² Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района. Пг.: Издание Управления по постройке Мурманской железной дороги, 1916. С. 65.

¹³ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 182 об.

¹⁴ Там же: Л. 182.

¹⁵ Там же: Л. 186 об.

¹⁶ Там же: Лл. 185 об.–186.

¹⁷ Там же: Л. 187.

¹⁸ Там же: Л. 187 об.

¹⁹ Там же: Л. 188.

²⁰ Там же: Л. 181–181 об.

²¹ Там же: Л. 185–185 об.

²² Далее — текст Инструкции. Публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Нумерация разделов и способы выделения текста сохранены.

²³ Здесь и далее оставлен архаизм «заведывающий». То же, что заведующий.

²⁴ Ханжа — алкогольный напиток. Домашняя брага, самогон. Подробнее см. [2: 147–152].

²⁵ Орлянка — азартная игра. В. И. Даль: «Игра черни в деньги, назв. по орлу на монете; ее подкидывают, и если она ляжет личной стороной вверх (*кóпье*), то бросавший выиграл, и берет деньги с кону; если же ляжет нйкой вверх (*решето*), то проиграл ставку» [3: 691].

Список источников

1. Змеева О. В. Стражники Мурманской железной дороги: регулирование отношений и формирование этносоциального порядка (1915–1916 гг.) // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты: КНЦ РАН. 2019. Вып.16. С. 53–67.
2. Осипова К. В. Названия спиртных напитков на Русском Севере: этимолого-этнолингвистический анализ // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 146–165.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2: И–О. М.: Русский язык-Медиа, 2007. 779 с.

References

1. Zmeeva O. V. Strazhniki Murmanskoy zheleznoj dorogi: regulirovanie otnoshenij i formirovanie etnosocial'nogo poryadka (1915–1916 gg.) [Guards of the Murmansk Railway: regulation of relations and formation of the ethno-social order (1915–1916)]. *Trudy KNC RAN. Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Studies]. Apatity: KSC RAS, 2019, vol. 16, pp. 53–67. (In Russ.).
2. Osipova K. V. Nazvaniya spirtnyh napitkov na Russkom Severe: etimologo-etnolingvisticheskij analiz [Names of alcoholic beverages in Russian: etymology-ethnolinguistic analysis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. Issue 56. 2018. pp. 146–165. (In Russ.).
3. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, Russian Language-Media, 2007, 779 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О. В. Змеева — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

O. V. Zmeeva — PhD (History), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 05.10.2022; одобрена после рецензирования 08.10.2022; принята к публикации 10.10.2022.
The article was submitted 05.10.2022; approved after reviewing 08.10.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Научная статья
УДК 745:316.36(=112.2)
doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.004

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ В СЕМЬЯХ С НЕМЕЦКОЙ РОДОСЛОВНОЙ

Елена Владиславовна Бусырева

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, ebusyreva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2054-2910>

Аннотация

Статья посвящена повседневным культурным практикам семей с немецкими корнями, связанным с сохранением памяти об истории рода. Семейная историко-культурная память включает знания и представления о семейной истории. Источниками послужили интервью и реликвии информантов с немецкой родословной, проживающих в Мурманской области. В результате опроса тринадцати информантов было установлено, что только у четырех сохранились мемориальные предметы. Это вызвано прежде всего тем, что немецкие семьи в годы Второй мировой войны подвергались вынужденным миграциям, в результате чего мемориальные ценности неизбежно утрачивались. Значение семейных реликвий заключается в том, что они служат средством передачи памяти о предках, превращая ее в историю рода.

Ключевые слова:

немцы, история семьи, реликвии, память, наследование, предки

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2022-0028.

Для цитирования:

Бусырева Е. В. Мемориальные предметы в семьях с немецкой родословной // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 42–53. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.004

Original article

MEMORIAL ITEMS OF FAMILIES WITH GERMAN PEDIGREE

Elena V. Busyreva

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, ebusyreva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2054-2910>

Abstract

The article is devoted to the daily cultural practices of families with German roots, related to the preservation of the memory of a family-related community. Family historical and cultural memory includes knowledge about family history. The sources were interviews and family heirlooms of informants with German ancestry living in the Murmansk region. As a result of a survey of thirteen informants, it was found that only four families had memorial items. This is primarily due to the fact that German families were deported on a national basis during the Second World War. The significance of family heirlooms lies in the fact that they serve as a means of transmitting the memory of ancestors, turning it into a family history.

Keywords:

Germans, family history, relics, memory, inheritance, ancestors

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Center "Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences" No. FMEZ-2022-0028.

For citation:

Busyreva E. V. Memorial items in families with German ancestry // Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities. 2022. Vol. 1, No. 1. P. 42–53. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.004

Интерес к семейным мемориальным предметам вызван тем, что сохранение и передача реликвий потомкам способствует сохранению памяти, как об отдельных представителях семьи, так и о роде в целом. Семейная историко-культурная память в первую очередь включает знания и представления о семейной истории. Согласно теории культурной памяти, чтобы стать историей, память общности должна иметь «твердую опору» в виде мемориальных свидетельств прошлого [1: 19–21, 2: 21]. Такими свидетельствами прошлого рода (помимо семейных архивов) выступают мемориальные предметы. Они являются материальными носителями нашей памяти. Это любая вещь, доставшаяся от предков и хранящая память о них. История отдельной вещи — это история человека, семьи — часть истории нашего государства, маленький кирпичик в ней.

© Бусырева Е. В., 2022

Семейные реликвии — это вещи, имеющие особое значение для семьи, передающиеся по наследству из поколения в поколение [3: 161–174] и являющиеся связующим звеном между ними.

Практически любой предмет может выступать в качестве реликвии, если он связан с историей семьи или с кем-либо из предков персонально. Семейными реликвиями являются предметы, длительное время хранящиеся в семье, представляющие особую ценность для ее членов и имеющие символическое значение как воплощение идеи рода [4: 63]. Соответственно, семейными реликвиями могут быть и дорогостоящие вещи и совсем дешевые, но наделенные особой символикой для обладателей.

Как правило, семейными реликвиями становятся старинные предметы, обычно к ним относятся с особым почтением [5: 59]. Они объединяют ценности «памяти» и практики коммеморации в пределах родственной общности с ценностью «истории» как совокупности овеществленных знаний о старине, культуре, быте в целом.

К семейным реликвиям можно отнести и старые фотографии, открытки, однако в данной статье рассматриваются только мемориальные вещи.

Проблема сохранности мемориальных предметов

При сборе информации о семейных мемориальных предметах нам приходилось сталкиваться с их отсутствием, в подавляющем большинстве семей с немецкой родословной реликвии фактически не сохранились. Это вызвано тем, что они вынуждены были многократно переезжать. Большею частью это были вынужденные переселения, которые «проходили хаотично и в экстренном порядке» [6: 60]. Немецкие семьи, подвергшиеся депортации, практически не имели возможности взять с собой не только памятные, но и просто необходимые вещи. Коллективизация, конфискации, переселения — всё это неизбежно приводило к утере семейных реликвий [7]. Среди опрошенных представителей тринадцати семей лишь в двух сохранились единичные предметы. И только в двух семьях имеется значительное количество памятных вещей. Это объясняется тем, что одна семья благодаря смешанным бракам с русскими не подвергалась насильственным депортациям, а представителям второй семьи удалось оставить ценности у родственников, которые чудом смогли их сохранить во время блокады Ленинграда. Кроме того, следует учитывать, что многие предметы проблематично было сохранить из-за их хрупкости, например, изделия из фарфора.

К сожалению, далеко не все приучены бережно хранить доставшееся от предков наследие. Даже если дорогая вещь и сохранилась, но оторвана от конкретной личности, ее ценность падает. Реликвия превращается в «мертвый» предмет, теряет свою историческую ценность и значимость как для семьи, так и для исследователя. Поэтому рекомендуется составлять сопроводительную справку мемориальных предметов [7].

Классификация мемориальных предметов

Реликвии являются предметом семейной гордости и охотно демонстрируются. Особую ценность имеют самые старые реликвии, так как они указывают на древность рода, хорошую семейную историческую память.

Мемориальные предметы можно подразделить на ряд групп: *военные награды, бытовые вещи* (посуда, столовые приборы, предметы мебели, швейная машинка, лампа, шкатулка и т. д.), *религиозные* (Псалтырь, образок), ювелирные украшения, декоративно-мемориальные предметы (статуэтки, картины) [8].

Военные награды

Во многих семьях в качестве реликвий хранятся боевые награды предков (рис. 1). Информант Е. В. подчеркнула, что дядя ее матери — чистокровный немец, но ему удалось скрыть свое «нежелательное» этническое происхождение, поэтому он не был отозван из армии в сентябре 1941 года, как другие немцы-фронтовики, продолжал воевать на Ленинградском фронте, был награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги».

Рис. 1. Боевые награды. Из семейных вещей информанта Е. В.

Бытовые мемориальные предметы

Распространенным видом реликвий являются орудия труда, связанные с домашним хозяйством и семейными ролями. Чаще всего среди предметов данной группы фигурирует швейная машинка. На рис. 2 представлена машинка «Зингер», которая была дана бабушке информанта Е. В. в качестве приданого. В предвоенные годы швейная машинка высоко ценилась, она считалась хорошим приданым. Ее наличие свидетельствовало о достатке и благополучии семьи [9: 28]. В семье того же информанта хранятся и памятные орудия труда (рис. 3). Дядя матери информанта был хорошим мастером «на все руки», ножичек сделал сам.

Рис. 2. Швейная машинка. Из семейных вещей информанта Е. В.

Рис. 3. Отвертка, ножичек. Из семейных вещей информанта Е. В.

Многие вещи, которые используются в повседневной жизни, указывают на статус, профессию обладателя [10: 15]. Наиболее распространенными реликвиями, связанными с трапезой, являются серебряные ложки. В частности, к обладателям подобных предметов относились семьи петербургских мастеровых (рис. 4).

Общепринятой была практика делать памятные гравировки на предметах с нанесением вензеля, даты и т. п. Обычно серебряные ложки с дарственными надписями дарили на память в день рождения и другие знаменательные дни. Данные предметы используются потомками в повседневной жизни и в настоящее время.

Рис. 4. Серебряные ложки. Из семейных вещей информанта Е. В.

К памятным предметам, имеющим отношение к трапезе, относится и старинная фарфоровая посуда. На рис. 5–9 представлены столовые предметы из семьи информанта Е. В.

Как правило, появление реликвий связано со значимыми датами, фактами. Например, на рис. 6 — чашка, подаренная прабабушкой Луизой Людвиговной своей внучке, матери информанта, когда та была еще девочкой. *«Этими чашками (рис. 5 и 6) мы не пользуемся. Боюсь разбить, так как они сделаны из очень тонкого прозрачного фарфора. Хочу сохранить для потомков память о немецких предках».* Эти две чашки не несут в себе никакой функциональной нагрузки, в отличие от других столовых предметов. Но именно они в большей степени, чем другие, выполняют роль символических предметов, соотнесенных со временем предков [11: 90]. Постепенно чашки утратили свою прямую функцию, превратились в ценный антиквариат, в любимый экспонат, в вещь «для глядения» [12].

На рис. 8 представлена часть сервиза Дмитровского фарфорового завода в Вербилках, как можно определить по клейму начала 1920-х годов. Данный сервиз используется в семье «по праздникам».

У информанта М. Ф. сохранились фарфоровая емкость, *«кажется, для хрена».* Она же отнесла к семейным реликвиям салфетку с вышитыми на немецком языке инициалами: *«Есть салфетка моей родной бабушки Софьи, она свой вензель на ней вышила готическим шрифтом — София Эргарт»* (рис. 10).

В семье информанта В. И. передается из поколения в поколение дореволюционный сервиз, выпущенный Товариществом М. С. Кузнецова (рис. 11 и 12).

Рис. 5. Надпись на кофейной чашке: морской курорт Альбек-Зеебад (Передняя Померания). Из семейных вещей информанта Е. В.

Рис. 6. Чашка. Из семейных вещей информанта Е. В.

Рис. 7. Солонка. Из семейных вещей информанта Е. В.

Рис. 8. Предметы из сервиза. Из семейных вещей информанта Е. В.

Рис. 9. Графин для алкоголя. Из семейных вещей информанта Е. В.

Рис. 10. Ёмкость для хрена и салфетка. Из семейных вещей информанта М. Ф.

Рис. 11. Блюдо из сервиза. Из семейных вещей информанта В. И.

Рис. 12. Клеймо на блюде. Из семейных вещей информанта В. И.

В этой же семье сохранилась емкость для сосисок (рис. 13 и 14): *«Раньше мне казалось, что сосиски в ней вкуснее»*. Особая ценность этой мемориальной вещи заключается не только в том, что она антикварная, редкая, но и в том, что несет отпечаток этнических корней семьи. Благодаря подобным предметам происходит осознание причастности к определенному народу. Такие реликвии составляют этнически маркированный вещественный мир повседневной жизни [13: 79].

Рис. 13. Ёмкость для сосисок. Из семейных вещей информанта В. И.

Рис. 14. Клеймо на ёмкости для сосисок. Из семейных вещей информанта В. И.

В группу бытовых мемориальных предметов входят различные антикварные лампы, передающиеся по наследству. В семье информанта Е. В. сохранились люстра и настольная лампа (рис. 15 и 16): *«Люстру пришлось укорачивать, так как она была предназначена для высоких петербургских потолков, для современных квартир не приспособлена»*; *«Дедушка переделал керосиновую лампу в электрическую. У лампы первоначально был зеленый абажур, но его случайно разбили. Пришлось заменить. Мама говорила, что дедушка многое умел делать. Он в блокаду (до депортации летом 1942 года) мастерил печки-буржуйки, которые меняли на еду. Благодаря этому и выжили»*.

Рис. 15. Люстра. Из семейных вещей информанта Е. В.

Рис. 16. Настольная лампа. Из семейных вещей информанта Е. В.

К этой же группе относится и мебель. В семье информанта Е. В. сохранился столик, изготовленный ее прадедом (рис. 17): *«Прадед был мастером краснодеревщиком»*. К нему, естественно, в семье бережно относятся, тем более, что в нем запечатлен труд прадеда. В семье информанта В. И. сохранились старинные ручки от мебели (рис. 18). До настоящего времени сама мебель не сохранилась, но ручки используются по назначению.

Рис. 17. Столик. Из семейных вещей информанта Е. В.

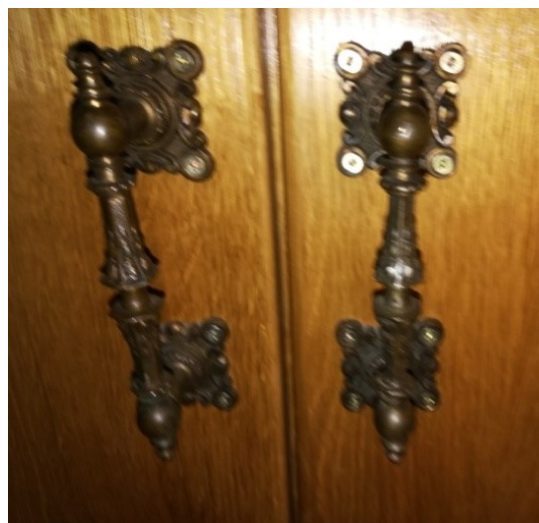

Рис. 18. Мебельные ручки. Из семейных вещей информанта В. И.

В этой же семье сохранился редкий в наше время настольный аксессуар — нож для разрезания бумаги и писем (рис. 19). Часто для удобства их хранения изготавливались ножны. Как правило, вплоть до начала XX в. владельцы таких ножей относились либо к среднему, либо к высшему классу, а не к основной массе населения [14].

Рис. 19. Нож для разрезания бумаги и писем. Из семейных вещей информанта В. И.

Ювелирные украшения

Памятные дореволюционные ювелирные украшения сохранились в семье информанта Е. В. (рис. 20, 21): «Есть старая фотография бабушки, где на ней этот медальон. Чьи фотографии там раньше были, я не знаю. Потом я вставила в медальон фотографии мужа и сына. А подвеску подарила на свадьбу моей бабушке ее свекровь Луиза Людвиговна. Есть еще и цепочка, но она со временем вся истерлась». Строго говоря, медальон представляет собой не собственно ювелирное украшение, но изначально символический предмет — хранитель и носитель и личного («потаенного»), и наследуемого знания. Случай наглядно показывает один из распространенных способов его использования, когда новый обладатель наполняет его (буквально «заполняет») новым, ценным именно для себя содержанием, не лишая мемориальной ценности и значения «продолжения рода».

Кое-что из ценностей семье Е. В. пришлось продать во время войны в обмен на еду: «Тетя мамы, она всю блокаду оставалась в Ленинграде, она всю жизнь проработала в Елисейском гастрономе на Невском, так вот она сокрушалась, что ей пришлось поменять свои золотые часики на хлеб». Тетя матери информанта и ее родная старшая сестра, бабушка информанта, обе вышли замуж за немцев. Так получилось, что мать информанта была единственным ребенком на две семьи, поэтому оказалась единственной наследницей.

Рис. 20. Медальон. Из семейных вещей информанта Е. В.

Рис. 21. Подвеска. Из семейных вещей информанта Е. В.

Декоративно-мемориальные предметы

В группу декоративно-мемориальных предметов входят, в частности, изделия из бисквитного (неглазурованного) фарфора. Бисквитный фарфор использовался для создания бархатистых поверхностей, которые идеально подходят для изготовления различных статуэток (рис. 22): «Мама мне говорила, что в детстве любимой у нее была девочка с яблоком».

Рис. 22. Предметы из бисквита. Из семейных вещей информанта Е. В.

Помимо декоративно-мемориальных предметов из бисквита, у информанта Е. В. сохранились семейные реликвии из металла (рис. 23 и 24).

Рис. 23. Шкатулка. Из семейных вещей информанта Е. В.

Рис. 24. Статуэтки. Из семейных вещей информанта Е. В.

Религиозные мемориальные предметы

Часть реликвий представляют религиозно-культовые предметы, свидетельствующие об этнической принадлежности семьи. К таким относятся церковные книги на немецком языке. В семье информанта Е. В. в качестве семейной реликвии хранится сборник псалмов на немецком языке, изданный в Петербурге в 1910 году (рис. 25). О существовании этой книги информант узнала только после смерти матери. В семье информанта А. Ф. сохранился образ (рис. 26): «Этот образочек у мамы всегда над кроватью висел. А больше у нас никаких ценностей нет». Это и не удивительно, так как семья была раскулачена, выселена, подверглась депортации по национальному признаку, и далее пришлось неоднократно переезжать. К группе религиозных мемориальных предметов можно отнести реликвию, хранящуюся в семье информанта Е. В. (рис. 27): «Здесь была записка, написанная карандашом, прочитанная невозможно. И прядь волос. Не знаю, чья». Возможно, данная реликвия (и записка, хранившаяся в ней) исполняла роль оберега.

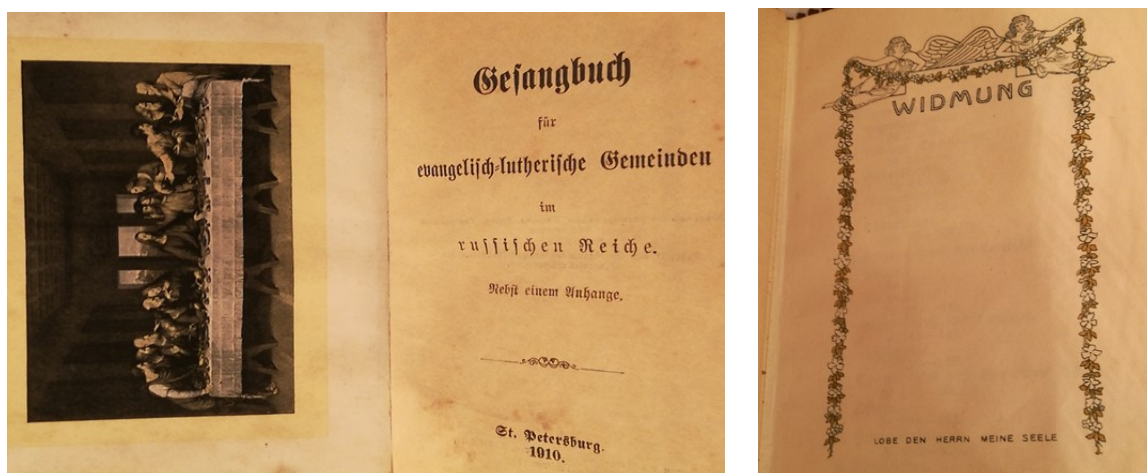

Рис. 25. Молитвенник. Из семейных вещей информанта Е. В.

Рис. 26. Образ. Из семейных вещей информанта А. Ф.

Рис. 27. Серебряный «сундучок» для хранения культовых предметов. Из семейных вещей информанта Е. В.

К особой группе мемориальных предметов относятся старые монеты (рис. 28). Полтинник и 1 рубль 1924 года были выполнены из серебра 900 пробы, а «никалаевские» 5 рублей 1900 года — из золота. На монетах 1924 года изображен герб СССР, а также популярный коммунистический девиз «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!». Наличие в семье подобных реликвий вызывает у информанта чувство гордости и благодарности к предкам, потому что они смогли сберечь ценности в тяжелое время ленинградской блокады.

Рис. 28. Монеты. Из семейных вещей информанта Е. В.

Наиболее значимыми мемориальными вещами являются реликвии дореволюционного периода. Можно сказать, что антикварные предметы — это символы респектабельности семьи. Если вещь передается в семье по наследству на протяжении нескольких поколений, она приобретает высокий культурный статус и становится частью истории семьи [5: 56–57].

Судя по нашим материалам, наиболее распространенными являются бытовые предметы-реликвии. Большинство из них, например, посуда, мебель, швейная машинка, столовые приборы, используются потомками немецких семей по прямому назначению.

Значение семейных реликвий

Приведенный обзор семейных реликвий позволил сделать вывод, что данные мемориальные предметы включаются в домашнюю жизнь. Как правило, члены семьи относятся к ним бережно и уважительно, поскольку они являются символом рода. Некоторые реликвии несут на себе отпечаток принадлежности к немецкой культуре. Отсутствие мемориальных предметов в большинстве семей связано с тем, что советский политический режим в годы войны подверг немцев депортациям, в результате которых они неизбежно были утрачены. Даже у информанта Е. Д., предки которой до революции относились к весьма известной зажиточной петербургской семье, ничего не сохранилось, кроме фотографий.

Значение реликвий состоит в том, что они представляют собой материализованную память о прошлом [8: 53], соединяют с ушедшими близкими и памятью о них, символизируют связь поколений. Семейные реликвии способствуют воспитанию интереса к истории своей семьи, которая является частью национальной истории.

Семейные реликвии — это невербальная форма передачи семейной памяти и истории. Старинные мемориальные вещи составляют своего рода «семейный портрет», демонстрирующий «родовые корни» [11: 84–85]. Проблема сохранения мемориальных предметов актуальна для поддержания историко-культурной преемственности поколений, так как семейные реликвии способствуют сохранению и передаче семейной истории и памяти о конкретных членах семьи [5: 76–77], помогают воссоздать атмосферу и исторические события эпохи [7].

Список информантов

- М. Ф., ж., 1938 г. р., из полиэтничной семьи, потомок немцев из пригорода Санкт-Петербурга.
- А. Ф., м., 1940 г. р., из моноэтнической немецкой семьи из пригорода Санкт-Петербурга.
- В. И., м., 1946 г. р., из полиэтничной семьи, потомок немцев из Украины.
- Е. Д., ж., 1949 г. р., из полиэтничной семьи, потомок немцев из Санкт-Петербурга.
- Е. В., ж., 1960 г. р., из полиэтничной семьи, потомок немцев из Латвии и Санкт-Петербурга.

Список источников

1. Ассман Я. Культурная память. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
3. Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. Традиционная духовная культура славян. Современные исследования. М.: Индрик, 2001. 376 с.
4. Разумова И. А. Семейные реликвии // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы // Сборник МАЭ. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. Т. LVII. С. 63–70.
5. Сулейманова О. А. Мигранты и вещи: опыт переезда и материально-бытовая адаптация городских семей Кольского Севера. М.: Наука, 2021. 191 с.
6. Сулейманова О. А. «Узелочек личных вещей» (из быта спецпереселенцев) // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (21). Вып. 5. С. 58–67.
7. Коншин-Рачинский А. Семейные реликвии — это история нашей страны! URL: <https://proza.ru/2016/07/18/2027> (дата обращения: 03.08.2022).
8. Сперанская А. Н. Семейные ценности в семейном дискурсе (на материале устных рассказов красноярцев начала XXI века) // Успехи современного естествознания. 2005. № 2. С. 42. URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=7993> (дата обращения: 02.08.2022).
9. Сулейманова О. А. Багаж переселенцев (к вопросу о жизни вещей в культуре) // Ученые записки ПетрГУ. Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 7. С. 27–30.
10. Капкан М. В. Культура повседневности. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 110 с.
11. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Издательство «РУДОМИНО», 2001. 218 с.
12. Утехин И. В. Любимые вещи // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2004. № 1 (33). С. 95–99. URL: <https://polit.ru/article/2004/04/26/utekhin/> (дата обращения: 01.08.2022).
13. Сулейманова О. А. Жилая среда и семейная культура: проблематика и направление исследований // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. С. 77–89.
14. Грачев С. Ножи для писем и книг. URL: <https://rezat.ru/2020> (дата обращения: 10.08.2022).

References

1. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat'* [Cultural memory]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 368 p. (In Russ.).
2. Halbvaks M. *Sotsial'nyye ramki pamyati* [Social framework of memory]. Moscow, Novoye izdatel'stvo, 2007, 348 p. (In Russ.).
3. Razumova I. A. *Potayennoye znaniye sovremennoy russkoy sem'i. Byt. Fol'klor. Istoriya. Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura slavyan. Sovremennyye issledovaniya* [Hidden knowledge of the modern Russian family. Gen. Folklore. Story. Traditional spiritual culture of the Slavs. Modern research]. Moscow, Indrik, 2001, 376 p. (In Russ.).
4. Razumova I. A. *Semeynyye relikvii* [Family relics]. *Zhenshchina i veshchestvennyy mir kul'tury u narodov Rossii i Yevropy* [Woman and the material world of culture among the peoples of Russia and Europe]. *Sbornik MAE* [Collection of the MAE]. Saint Petersburg, “Peterburgskoye Vostokovedeniye”, 1999, vol. LVII, pp. 63–70. (In Russ.).
5. Suleymanova O. A. *Migranty i veshchi: opyt pereyezda i material'no-bytovaya adaptatsiya gorodskikh semey Kol'skogo Severa* [Migrants and things: the experience of moving and the material and domestic adaptation of urban families in the Kola North]. Moscow, Nauka, 2021, 191 p. (In Russ.).
6. Suleymanova O. A. “Uzelochek lichnykh veshchey” (iz byta spetspereselentsev) [“Knot of personal belongings” (from the life of special settlers)]. *Trudy KNC RAN. Gumanitarnyye issledovaniya* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Humanitarian Studies], 2014, no. 2 (21), issue 5, pp. 58–67. (In Russ.).
7. Konshin-Rachinsky A. *Semeynyye relikvii — etoistoriya nashey strany!* [Family heirlooms are the history of our country!]. (In Russ.). Available at: <https://proza.ru/2016/07/18/2027> (accessed: 08.03.2022).
8. Speranskaya A. N. *Semeynyye tsennosti v semeynom diskurse (na material ustnykh rasskazov krasnoyartsev nachala XXI veka)* [Family values in family discourse (on the material of oral stories of Krasnoyarsk citizens at the beginning of the 21st century)]. *Uspekhi sovremennogo yestestvoznaniya* [Successes of modern natural science], 2005, no. 2, p. 42. (In Russ.). Available at: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=7993> (accessed: 02.08.2022).

9. Suleimanova O. A. Bagazh pereselentsev (k voprosu o zhizni veshchey v kul'ture) [Settlers' baggage (to the question of the life of things in culture)]. *Uchenye zapiski PetrGU. Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki* [Scientific notes of Petrozavodsk State University. Social and human sciences], 2011. no. 7, pp. 27–30. (In Russ.).
10. Капкан М. В. *Kul'tura povsednevnosti* [Culture of everyday life]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2016, 110 p. (In Russ.).
11. Bodriyyar J. *Sistema veshchey* [System of things]. Moscow: Izdatel'stvo "RUDOMINO", 2001, 218 p. (In Russ.).
12. Utekhin I. V. Lyubimyye veshchi [Favorite things]. *Neprikosnovennyy zapas, Debaty o politike i kul'ture* [Emergency reserve, Debate about politics and culture], 2004, no. 1 (33), pp. 95–99. (In Russ.). Available at: <https://polit.ru/article/2004/04/26/utekhin/> (accessed: 01.08.2022).
13. Suleimanova O. A. Zhilaya sreda i semeynaya kul'tura: problematika i napravleniye issledovaniy [Living environment and family culture: problems and direction of research]. *Kol'skiy Sever v XX–XXI vv.: kul'tura, nauka, istoriya* [Kola North in the XX–XXI centuries: culture, science, history]. Apatity, KSC RAS, 2009, pp. 77–89. (In Russ.).
14. Grachev S. *Nozhi dlya pisem i knig* [Knives for letters and books]. (In Russ.). Available at: <https://rezat.ru/2020> (accessed: 10.08.2022).

Информация об авторе

Е. В. Бусырева — кандидат исторических наук, научный сотрудник.

Information about the author

E. V. Busyreva — PhD (History), Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 23.09.2022; одобрена после рецензирования 29.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.
The article was submitted 23.09.2022; approved after reviewing 29.09.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Научная статья
УДК 391+74+394.2(=511.12)
doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.005

СААМСКИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АРТЕФАКТЫ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ТУРИСТСКОЙ И КУЛЬТУРНО-МАССОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ольга Александровна Бодрова

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, o.bodrova@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5312-6692>

Аннотация

Выявлены роль и функции материальных объектов культуры кольских саамов (элементов и комплекса национального костюма, этнических сувениров, этнографических экспонатов, продукции национальных ремесел и пр.) как этнокультурных артефактов со знаковым/символическим значением, использующихся в региональной туристской и культурно-массовой деятельности. В зависимости от специфики использования выделены некоторые группы этнокультурных артефактов и их функции в структуре саамских праздников.

Ключевые слова:

саамы, Кольский полуостров, Мурманская область, этнокультурные артефакты, национальные праздники, культурная индустрия

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2022-0028.

Для цитирования:

Бодрова О. А. Саамские этнокультурные артефакты в региональной туристской и культурно-массовой деятельности (на материале Мурманской области) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 54–63. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.005

Original article

SAMI ETHNOCULTURAL ARTIFACTS IN REGIONAL TOURISM AND CULTURAL ACTIVITIES (ON THE BASIS OF THE MURMANSK REGION)

Olga A. Bodrova

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, o.bodrova@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5312-6692>

Abstract

The role and functions of material objects of the culture of the Kola Saami are revealed in the paper. Namely elements of national costume and the full set of Sami folk costume, ethnic souvenirs, ethnographic exhibits, traditional handicrafts, etc. that are relevant to sign/symbol are investigated. These objects, in addition, are regularly used in regional tourism and cultural activities. The main functions of the Sami ethnocultural artifacts are analyzed. Depending on the specifics of use, some groups of ethnocultural artifacts and their functions in the Sami holidays are identified.

Keywords:

Sami people, Kola Peninsula, Murmansk region, ethnocultural artifacts, national holidays, cultural industry

Acknowledgments:

the study was funded from the federal budget as part of the state project No. FMEZ-2022-0028 assigned to the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation:

Bodrova O. A. Sami ethnocultural artifacts in regional tourism and cultural activities (on the basis of the Murmansk region) // Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities. 2022. Vol. 1, No. 1. P. 54–63. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.005

Введение

Как известно, этнокультурные традиции населения Мурманской области, в первую очередь аборигенов Кольского полуострова саамов, играют немаловажную роль для формирования историко-культурного образа западной части Российской Арктики, а также для развития этнографического туризма в регионе. Целью настоящей статьи является попытка проанализировать значение определенной категории материальной культуры саамов, обозначенной в данном исследовании как артефакты, а также рассмотреть прагматику саамских традиционно-культурных артефактов, используемых в региональной туристской и культурно-массовой деятельности.

Актуальность изучения материальных объектов, ассоциируемых с этнокультурными традициями саамов Кольского полуострова, не вызывает на сегодняшний день сомнений, но для представителей различных гуманитарных и общественных дисциплин определяется разными факторами: для этнографов, антропологов и социологов — социокультурным и этнокультурным, если учитывать функциональные особенности предметов саамской культуры, служащих одновременно средством демонстрации этнической принадлежности, формой сохранения и трансляции культурного наследия, средством формирования и укрепления этнической и региональной идентичности саамов как коренного малочисленного народа Севера, Сибири и Дальнего Востока; для экономистов, соответственно, на передний план выходит экономический фактор. Значительная часть региональных туристских продуктов, изделий индустрии народных ремесел и других активно развивающихся отраслей современного хозяйства основывается на использовании артефактов саамской культуры, признанной в ряде официальных документов и в медийном дискурсе одним из главных территориальных брендов Мурманской области^{1,2}.

Проблема подобных исследований обусловлена, с одной стороны, высоким коммерческим и социокультурным спросом на этническую культуру кольских саамов как один из главных региональных брендов, а с другой стороны, — разрушением этнокультурной и региональной идентичности через тиражирование и глобальное воспроизведение фейковых культурных форм, возникающих при дефиците этнокультурных данных о видах, функциях, стандартах и технологиях производства различных предметов саамской материальной культуры. Следует отметить, что попытка рассмотреть функции и роль материальных объектов саамской культуры как этнокультурных артефактов с символическим значением в контексте территориального брендинга, развития этнографического туризма и прикладных ремесел в Мурманской области предпринимается на материале нашего региона впервые.

Исследование основывается на: а) полевых материалах 2010 – начала 2020 годов, собранных во время проведения национальных праздников, спортивных и других культурно-массовых мероприятий, открытых лекций, официальных встреч органов власти с представителями саамского населения Мурманской области (в онлайн-формате), научно-практических семинаров; б) на анализе опубликованных источников, рассчитанных на массовую аудиторию (интернет-источники, СМИ, новостные и авторские телепередачи, публичные страницы представителей групп кольских саамов и пр.).

Методология

В научной литературе, посвященной кольским саамам, к исследованию их материальной культуры подходят с различных позиций. До сих пор центральным трудом в этой области остается работа Т. В. Лукьянченко [1]. Рассматриваются функциональные особенности бытовых предметов [2], саамские сувениры [3], особенности орнамента на изделиях художественных промыслов [4], продукция прикладного творчества в контексте этнографического туризма как «новый традиционный промысел» современного саамского населения [5], объекты саамской традиционной культуры как бренд и как этноконструирующий фактор [6]. В данной статье предметом внимания становятся любые предметы материальной культуры (элементы одежды, украшения, сувениры, музейные экспонаты, орудия труда и т. д.), наделенные символическим значением, понимаемые как артефакты.

Изучение саамских этнокультурных артефактов, с одной стороны, дополняет современные исследования, расширяющие понятие артефакта как исключительно материального объекта, имеющего определенную историческую/культурную ценность (экспоната в музейном деле, археологического объекта и пр.), до произведения материальной (или нематериальной) культуры со знаковым или символическим значением (см., например, [7–9]). С другой стороны, предметы саамской культуры рассматриваются в рамках этноконструктивистской методологии как способ (ре)презентации этнокультурных традиций в модернизированном обществе, ориентированном на товарно-рыночную экономику, в том числе и в отношении продукции культурной и креативной индустрии.

Понятия культурной и креативной индустрии/индустрий имеют не последнее значение для современных подходов к изучению различных аспектов современных традиционных культур. Термин «культурная индустрия» был введен в научный оборот западными социологами Т. Адорно и М. Хоркхаймером [10], описывающими влияние массовой культуры с ее стандартизированными, клишированными образами и образцами искусства на современного (в то время) обывателя. Адорно и Хоркхаймер связывали культурную индустрию с такими источниками массовой информации,

как СМИ (телевидение, газеты, журналы), кинематограф, книжная продукция, музыкальная индустрия, поп-искусство, — то есть со всеми теми явлениями, которые производят социальные смыслы и тексты. С середины XX века понимание культурной индустрии значительно расширилось. При определении саамских артефактов как феноменов именно культурной индустрии нам близка концепция А. Я. Флиера: «...культурные индустрии фактически распространяются не только на художественное производство как таковое, но и на производство социальное, на производство общества как культурного явления, на производство “человека культурного”, производство знания о культуре, да и производство культурных артефактов, не являющихся художественными по своим основным функциям (например, религиозных, этнографических и др.)»³.

Таким образом, культурные индустрии (отрасли культурной индустрии) создают некоторый продукт, чаще всего имеющий художественную природу (хотя и не обязательно) и наделенный символическим значением. Например, довольно большое количество отдельных предметов саамского этнического костюма символизируют и конструируют сегодня этническую культуру, выступают своего рода знаком традиционной культуры саамов и в этом смысле отличаются от таких же предметов одежды, не имеющих символического значения, хотя и те, и другие выполнены как изделия декоративно-прикладного творчества (ср. шамшур/перевязку, каньги/яры, печок/сарафан и т. д.). И первый, и второй элементы в данных парах представляют определенную категорию костюма: головной убор, обувь, платье, но в первом случае деталь символизирует саамскую культуру и является знаковой, во втором, скорее, является бытовым предметом одежды с утилитарной функцией).

Одним из самых очевидных проявлений материальной этнической культуры как феномена культурной индустрии является этнический сувенир, как отмечает О. А. Сулейманова в упомянутой ранее публикации, а также ряд других авторов. И. Х. Улинова на материале изделий традиционного декоративно-прикладного искусства в Калмыкии, анализируя выдающуюся роль этнических сувениров в пространстве массовой культуры и в области туризма, приходит к следующему выводу: «Для представителей других этносов сувениры нередко выступают наиболее репрезентативным и осязаемым источником, рассказывающим о том или ином этносе и непосредственно связанным с ним. Причем, данные артефакты нередко оказывают существенное влияние на сознание представителей самого этноса, чью культуру они представляют» [11: 36]. При этом автор считает, что, несмотря на некоторые пределы упрощения и замены материалов, с разной степенью приближенности к оригиналам, подобные изделия одновременно могут верно передавать значимые характеристики предметной сферы жизни калмыков [11: 36], поэтому ни этнокультурные артефакты, ни другие категории предметов материальной культуры саамской или любой другой этнической группы нельзя считать «неправильными», искаженными формами для данной культуры, как бы широко она не тиражировалась.

К концу XX века понятие культурных индустрий дополнилось термином «креативные индустрии». Сейчас оба понятия часто используются как синонимы. Отмечают, что первая попытка систематизировать и перечислить креативные индустрии была предпринята в Великобритании в 1980-х годах. Государственная программа включила в этот перечень рекламу и маркетинг, архитектуру, декоративное искусство и ремесла, дизайн, производство кино и видео, телевизионное и интернет-вещание, IT, программное обеспечение и компьютерные услуги, издательское дело, музеи, галереи и библиотеки, музыку, исполнительское и изобразительное искусство [12: 15]. Как видим, к отраслям креативной индустрии были отнесены и те институционализированные и неинституционализированные структуры, которые активно продуцируют, используют и воспроизводят в своей деятельности объекты материальной культуры, наделяя их символическим значением (художественно-прикладные ремесла, дизайн, СМИ, музеи, библиотеки). Если говорить о культуре кольских саамов, то эту линию можно продолжить такими современными и яркими креативными индустриями, как производство комиксов⁴, мультфильмов на фольклорном материале⁵, «саамский рэп»⁶, другие музыкальные направления⁷.

К сфере креативных индустрий можно отнести и деятельность такого известного саамского объединения, как Мурманская областная общественная организация саамских мастеров и художников «Чепесь самаь» (учредители — мастера рукоделия, с творчеством которых хорошо знакомы и в Мурманской области, и за рубежом: А. Е. Мозолева, Т. С. Кожевина, А. М. Сапельникова). Другой пример — Виртуальная арктическая сеть искусства коренных народов, созданная как неформальная платформа, объединяющая художников, мастеров, ремесленников и представителей других творческих профессий из числа коренных народов Арктики для обмена знаниями коренных народов через искусство.

Совсем в другом аспекте культурные и креативные индустрии рассматриваются в экономике, которая делает это с точки зрения рыночных отношений и маркетинговых технологий. Главным образом, здесь уже идет речь о так называемой коммерциализации культуры [13], хотя и представители экономического подхода не отрицали, что продукция культурных индустрий имеет в первую очередь художественную, социальную (укрепление региональной идентичности), историческую (этнографическую), символическую (смыслообразующую) ценность [14: 130–133].

Наиболее полно экономическая ценность предметов материальной культуры проявляется, когда мы говорим о сувенирной продукции. Как отмечают исследователи, продукция данного вида проявляет себя достаточно ярко во всех регионах мира, так или иначе соприкасающихся с туристической индустрией, однако при этом, в некоторых случаях полностью, может искажаться и нивелироваться этнокультурное смысловое значение сувениров как артефактов [15: 83–84]. Например, в тех случаях, когда в качестве сувениров продаются предметы, связанные с сакральным знанием или религиозным культом (шаманские бубны и пр.), что в традиционных культурах всегда накладывало полный запрет на обращение с ними со стороны непосвященных.

Результаты

В качестве этнокультурных артефактов в рамках данного исследования были проанализированы такие объекты материальной культуры кольских саамов, как предметы национального костюма, этнические сувениры, этнографические экспонаты, продукция национальных ремесел, элементы дизайна и интерьера. Перечисленные категории вещей можно с полным правом рассматривать как этнокультурные артефакты со знаковым/символическим значением, так как они не просто несут в себе информацию о этнографических особенностях саамского населения, но и символизируют регион Мурманской области, активно используясь в региональной туристской и культурно-массовой деятельности. Были выявлены роль и следующие функции таких саамских этнокультурных артефактов: 1) этносохраняющая, 2) этноконструирующая, 3) коммуникативная, 4) знаковая, 5) символическая, 6) экономическая, 7) социокультурная.

Безусловно, наиболее высокую степень актуальности в настоящее время, в условиях острой проблемы сохранения саамского национального языка, имеет этносохраняющая функция материальных объектов саамской культуры. Произведения художественно-прикладных ремесел кольских саамов являются неотъемлемой частью их культурного наследия наряду с уникальными приемами хозяйственной деятельности, устным творчеством, религиозными представлениями и другими элементами материальной и нематериальной культуры, способствующими сохранению этнического самосознания группы. Одним из механизмов, способствующих сохранению сведений о производстве материальных предметов саамской культуры, в первую очередь утилитарного назначения, на основе традиционных материалов и техник, является обучение национальным ремеслам на базе Северного национального колледжа (филиала ГАПОУ МО «Оленегорский горнопромышленный колледж», город Оленегорск), в кружках и на мастер-классах Ловозерского национального культурного центра (село Ловозеро) и в ряде других учебных программ некоторых государственных учреждений Мурманской области.

Одной из наиболее успешных форм сохранения этнокультурных традиций и реализации социально-экономических интересов кольских саамов является родовая община. В Мурманской области на настоящий момент действуют 41 родовая и территориально-соседская община коренного малочисленного народа Севера, а также 5 общественных объединений и 1 некоммерческий фонд⁸. Их основные виды деятельности — рыбная ловля, оленеводство, промысел морских животных, охота, сбор дикоросов, переработка и изготовление пищевой продукции, производство предметов повседневного быта и сувенирной продукции, реализуемой среди туристов, посещающих общины, а также на ярмарках во время проведения различных культурно-массовых мероприятий. Вообще, сувенир — это самая «говорящая» разновидность артефактов, призванная напоминать и отражать национальные, природные, культурные и другие особенности региона, в котором приобретается сувенир, своего рода «защепка памяти» [16: 22].

Упомянутый экономический подход к изучению культурных и креативных индустрий обуславливает то, что производство сувениров на основе традиционных технологий, как и туристская деятельность в целом, способствующая реализации этой продукции, должны оцениваться с точки зрения вовлечения коренного населения Мурманской области в современные экономические процессы с возможностью одновременного

сохранения этнокультурных традиций. Это позволяет некоторым исследователям рассматривать эти отрасли как специфический новый вид традиционного природопользования [5], а изделия сувенирной продукции — как артефакты, выполняющие экономическую функцию.

Этноконструирующая функция саамских этнокультурных артефактов, которые транслируют информацию о культурных традициях кольских саамов, способствуют также формированию визуальной идентичности их группы и репрезентации их культуры в предметной форме. Как было отмечено ранее, при визуализации саамской идентичности предметы национального костюма используются неодинаково: чаще всего — головной убор (главным образом женский — шамшур, а также зимняя шапка), традиционная обувь, пояс и предметы, которые к нему крепятся (например, нож (рис. 1)), полный комплект национального костюма как знак этнической принадлежности саами. Кроме того, подобные артефакты выступают в качестве этнографических экспонатов на временных выставках, приуроченных к саамским праздникам (например, к Международному дню саамов), и в экспозициях региональных музеев.

Национальный саамский костюм и его отдельные элементы могут выполнять коммуникативную функцию и служить для обмена культурной информацией, например, на различных фестивалях, представляющих разные этнические культуры. Информацию могут транслировать и отдельные элементы саамского костюма: нагрудные украшения (например, мужское у женатых мужчин), вышивка, отражающая родословную человека, его родовую принадлежность по обоим семейным линиям.

Национальный саамский костюм в своей символической функции служит способом демонстрации этнической принадлежности и знаком этнической самоидентификации. Согласно опросу, проведенному инициативной группой кольских саамов в своей среде, большинство представителей саамского сообщества (из 200 человек опрошенных) посредством национального костюма выражают свою принадлежность к саами и надевают его во время национальных праздников (67 %), а также при проведении других мероприятий (48 %), поэтому выступают против того, чтобы его надевали представители других этнических групп (62 %). Результаты опроса были представлены на встрече туристического сообщества Мурманской области, организованной и проведенной Комитетом по туризму Мурманской области 29 апреля 2021 года в онлайн-формате. Для представителей других этнокультурных групп и гостей Мурманской области национальный костюм кольских саамов является не только знаком этнической принадлежности последних, но и региональным символом, ассоциирующемся с территорией Кольского полуострова.

Обязательные атрибуты проведения всех национальных саамских праздников в Мурманской области — это национальный костюм и саамский флаг, которые также выполняют символическую функцию. Согласно Декларации, принятой на Саамской конференции, национальный саамский костюм, созданный на основе традиционного костюма скандинавских саами, наряду с саамским флагом и гимном, относится к национальным символам саамов Норвегии, Швеции, Финляндии и России и отражает историю становления саамской национальной идентичности⁹. Символизировать саамскую культуру могут и другие объекты материальной культуры, на основе чего возникают прецеденты признания за саамами символического права на владение такими предметами как этнокультурными артефактами (в качестве примера может служить репатриация 2200 музейных экспонатов, которые в 2021 году Национальный музей Финляндии должен вернуть Саамскому музею и Центру природы Siida)¹⁰.

Наряду с сувенирами, национальными символами, изделиями художественно-прикладного творчества кольских саамов в разряд культурных и креативных индустрий попадают и другие направления, продуцирующие материальные и в ряде случаев нематериальные объекты саамской культуры, — этнический дизайн, «саамская» архитектура ряда зданий села Ловозеро (рис. 2), производство саамских мультфильмов и комиксов, создание мобильных приложений на кильдинском диалекте саамского языка и многое др.). Все это одновременно и произведения массовой культуры, и прикладные творческие практики, вписывающиеся в современные экономические, маркетинговые и социокультурные модели.

Говоря о продукции направлений культурной/креативной индустрии, большой интерес для исследования представляют изучение культурно-массовых практик, а также вопросы изготовления и функционирования художественных артефактов саамской культуры, некоторых творческих кластеров и объединений мастеров региона: названных Мурманской областной общественной организации саамских мастеров и художников «Чепесь самь», Виртуальной арктической сети искусства коренных народов, Национального культурного центра села Ловозеро и др. Для определения

функций изделий саамских прикладных ремесел имеют значение использование традиционных технологий изготовления предметов материальной культуры саамов, а также обозначение художественного этнокультурного артефакта со стороны самих представителей креативных сообществ. Так, в зависимости от назначения и номинации выставки, в которой представлено изделие (рис. 3), продукция может относиться к следующим категориям: а) сувенир с использованием этнических элементов, б) современные утилитарные изделия на основе традиционных материалов и техник, в) художественная обработка традиционных материалов, г) этнографический костюм, д) сценический национальный костюм, е) современный авторский костюм, ж) кукла в национальном костюме и т. д.

Рис. 1. Нож и игольница — элементы саамского женского национального костюма. Фото О. А. Бодровой

Рис. 2. Использование саамской этнической символики в архитектуре. «Дикси»-кувакса, село Ловозеро Мурманской области, 2016 год. Фото О. А. Бодровой

Рис. 3. Декоративно-художественные изделия, победившие в разных номинациях выставки-конкурса изделий народных и художественных промыслов и ремесел фестиваля «Душа тундры»¹¹.

Примечательно, что и праздники кольских саамов могут рассматриваться и классифицироваться в зависимости от специфики использования этнокультурных артефактов. К основным видам современных праздников кольских саамов как культурно-массовых мероприятий, имеющих регулярный характер и внесенных в Календарный план мероприятий Мурманского областного центра коренных малочисленных народов Севера и межнационального сотрудничества¹² отнесены: 1) национальные, 2) спортивные, 3) реконструированные этнические, 4) событийные. Группы артефактов, задействованных во время проведения саамских праздников, выполняют различные функции. Можно выделить: а) национально-символические артефакты (национальный костюм, элементы саамского костюма, саамский флаг); б) предметы, связанные с национальными промыслами, в том числе трансформированными в национальные виды спорта кольских саамов (аркан, арбалет, элементы оленьей упряжи, лыжи, копье, лодка, мяч и сарафаны для саамского футбола); в) предметы быта как элементы этнического дизайна и символические атрибуты ритуальных действий (оленьи рога, оленьи и медвежьи шкуры); г) сувениры и изделия национальных художественно-прикладных ремесел. В качестве специфического вида саамских этнокультурных артефактов выделяется северный олень — как центральный символ подавляющего большинства саамских праздников (в виде элементов визуального оформления, экспонатов, персонажей театрализованных действий, реального участия животных в анимации (рис. 4)). С одной стороны, олень на саамских праздниках выступает как символ жертвы, которую саамы в древности приносили как языческим божествам, так и в канун православных праздников, с другой стороны, — как тотемный предок кольских саамов Мяндаш. Таким образом, на праздничных мероприятиях кольских саамов северный олень выступает атрибутом саамской культуры в качестве символа материальной основы жизнедеятельности и тотемного образа, закрепленного в фольклорной традиции и обрядовой культуре.

а

б

Рис. 4. Гонки на оленях (а) и метание аркана (б). Праздник Севера, село Ловозеро, 2016, 2022 годы. Фото О. А. Бодровой

Выводы

Культурные индустрии на сегодняшний день играют значительную роль в сохранении этнокультурных традиций кольских саамов, способствуя в числе прочего тому, что традиционная саамская культура естественным образом вписывается в современные социокультурные и экономические модели. Так, введение саамской этнической символики в структуру культурно-массовых мероприятий через артефакты сближает их с традиционными народными праздниками и ритуальными состязательными обрядами кольских саамов, превращая этнический праздник в феномен современной массовой культуры. Изготовление изделий художественно-прикладных ремесел транслирует широкому кругу потребителей этой продукции знания об особенностях декоративных промыслов у кольских саамов, о традиционных способах выделки материалов, значении орнаментов и т. д. Однако, если в экономическом аспекте использование этнокультурных артефактов (в первую очередь сувенирной продукции) в сфере развития регионального

туризма не вызывает видимых противоречий, то в процессах этноконструирования и формирования этнической идентичности остается ряд проблем. С одной стороны, создание и тиражирование этнокультурных артефактов способствует сохранению и распространению этнографических данных о специфике саамской культуры. С другой стороны, коммерциализация ряда предметов материальной культуры, сведение их до уровня сувенира приводит к утрате их первоначальной семантики (утилитарной, сакральной, знаковой и пр.) и к изменению функциональных особенностей. Отсюда часто и вытекает такая проблема, как появление фейковых образцов саамской культуры при презентации Мурманской области на культурных межрегиональных и внутренних мероприятиях и в коммерческой деятельности местных предприятий.

Примечания

¹ Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года: утв. Постановлением Правительства Мурманской обл. от 25 дек. 2013 г. № 768-ПП/20 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/16989070/> (дата обращения: 14.10.2022).

² Кольский полуостров должен ассоциироваться с уникальными традициями саамского народа: в Мурманской области развивают этнический туризм // Правительство Мурманской области. URL: <https://gov-murman.ru/info/news/394419/> (дата обращения: 05.10.2022).

³ Флиер А. Я. Культурные индустрии в истории и современности: типы и технологии // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Flier_Cultural-Industries/

⁴ Саамский // Finno-Ugric comics. URL: <http://www.finnougriccomics.com/ru/comics/sami.php> (дата обращения: 14.10.2022).

⁵ См., например, мультфильм «Чахкли» — проект Фонда саамского наследия и развития «Саамский мультфильм, Мончегорского дома-интерната «Муравьишка» и студии «ЭкоКадр». URL: <https://samifund.wordpress.com/2019/06/30/multfilm-chahkli/> (дата обращения: 10.10.2022).

⁶ Дуэт Ярсема Галкина и Романа Яковлева с композицией “Moajnas ‘Seejijaa’vr Bajas” (Сказка о Сейдозере) занял 3-е место в музыкальной премии “Årets Låt i Sapmi 2021” на «Радио Швеции» // URL: https://www.youtube.com/watch?v=nQuOIthA88Q&feature=emb_logo (дата обращения: 10.10.2022).

⁷ Саами Иван Афанасьев в национальном костюме исполняет композиции в стиле битбокс (записано на ежегодном мероприятии «Ночь музеев», в Музее-Архиве истории изучения и освоения Европейского Севера, 21.05.2022).

⁸ Краткая информация об общественных организациях, общинах и национальных предприятиях // Правительство Мурманской области. URL: https://gov-murman.ru/region/saami/short_info/ (дата обращения: 14.10.2022).

⁹ 19-я Саамская конференция, Рованиеми, 29–31 октября 2008 г. Декларация. URL: http://www.saamicouncil.net/fileadmin/user_upload/Documents/Julgg%C3%A1%C5%A1tusat/SR_mall_Rovaniemi_Declaration_2008_RUS.pdf (дата обращения: 11.11.2021).

¹⁰ Более 2 тысяч артефактов вернет саамам Финляндия // GoArctic. URL: <https://goarctic.ru/news/bolee-2-tysyach-artefaktov-vernyet-saamam-finlyandiya/> (дата обращения: 01.10.2022).

¹¹ Источник: Сайт Ловозерского районного национального культурного центра. URL: <https://lovozerocentre.murm.muzkult.ru/news/60745336> (дата обращения: 12.10.2022).

¹² Календарный план мероприятий государственного областного бюджетного учреждения «Мурманский областной центр коренных малочисленных народов Севера и межнационального сотрудничества» на 2022 год // Правительство Мурманской области. URL: <https://gov-murman.ru/region/saami/calendar/> (дата обращения: 14.10.2022).

Список источников

1. Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX–XX в. М.: Наука, 1971. 167 с.
2. Сулейманова О. А., Пация Е. Я. Повседневно-бытовые аспекты адаптации саамов к городскому образу жизни // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 8–10 (42). С. 89–106.
3. Сулейманова О. А. «Саамский сувенир» как этнотовар и бренд Мурманской области: к постановке проблемы // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 21–31.

4. Косменко А. П. Традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Западной России. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2002. 218 с.
5. Бочарникова А. В. Туризм как новый вид традиционного природопользования в качестве стратегии адаптации саамов Кольского полуострова // Россия в глобальном мире. 2016. № 9 (32). С. 33–39.
6. Бодрова О. А., Разумова И. А. О современных технологиях репрезентации и сохранения этнической культуры кольских саамов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 172–178.
7. Этнопсихологический словарь / под ред. В. Г. Крысько. М.: Московский психолого-социальный институт, 1999. 343 с.
8. Миссонова Л. И. Сакральное пространство и искусство его изображения в этнической культуре Северной Азии: артефакты Сахалина // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48). С. 119–129.
9. Беззубова О. В. Артефакт в системе антропологии и этнографии // Философский век. Вып. 22 «Науки о человеке в современном мире». Ч. 2. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2002. С. 184–187.
10. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 104 с.
11. Улинова И. Х. Значение культурных индустрий в сохранении этнического своеобразия калмыков // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 34–39.
12. Яковлев В. Ю. Основания культурных и креативных индустрий как явления современного общества // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 1 (26). С. 14–27.
13. Hesmondhalgh D. The Cultural Industries. 3rd edition. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC: Sage Publications Ltd, 2013. 480 p.
14. Тросби Д. Экономика и культура. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 256 с.
15. Леонов И. В. Репрезентации традиционных культур в индустрии сувениров // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2019. № 1 (3). С. 82–87.
16. Леонов И. В., Кириллов И. В., Пиянтинов А. О. Сакральные артефакты культуры и проблема их тиражирования в сувенирной продукции // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2020. № 3 (25). С. 20–32.

References

1. Luk'yanchenko T.V. *Material'naya kul'tura saamov (loparey) Kol'skogo poluostrova v kontse XIX–XX v.* [The material culture of the Saami (Lapps) of the Kola Peninsula at the end of the 19–20th centuries]. Moscow, Nauka, 1971, 167 p. (In Russ.).
2. Suleymanova O. A., Patsiya Ye. YA. Povsednevno-bytovyye aspekty adaptatsii saamov k gorodskomu obrazu zhizni [Everyday life aspects of adaptation of the Saami to the urban lifestyle]. *Trudy KNC RAN. Gumanitarnye issledovaniya* [Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian Studies], 2016, no. 8–10 (42), pp. 89–106 (In Russ.).
3. Suleymanova O. A. “Saamskiy souvenir” kak etnotovar i brend Murmanskoy oblasti: k postanovke problemy [“Saami souvenir” as an ethnic product and a brand of the Murmansk region: to the formulation of the problem]. *Trudy KNC RAN. Gumanitarnye issledovaniya* [Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies], 2022, series 22, vol. 13, no. 2, pp. 21–31. (In Russ.).
4. Kosmenko A. P. *Traditsionnyy ornament finnoyazychnykh narodov Severo-Zapadnoy Rossii* [Traditional ornament of the Finnish-speaking peoples of Northwestern Russia]. Petrozavodsk, Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2002, 218 p. (In Russ.).
5. Bocharnikova A. V. Turizm kak novyy vid traditsionnogo prirodopol'zovaniya v kachestve strategii adaptatsii saamov Kol'skogo poluostrova [Tourism as a new type of traditional nature management as an adaptation strategy for the Saami of the Kola Peninsula]. *Rossiya v global'nom mire* [Russia in the global world], 2016, vol. 32, no. 9, pp. 33–39. (In Russ.).
6. Bodrova O. A., Razumova I. A. O sovremennykh tekhnologiyakh reprezentatsii i sokhraneniya etnicheskoy kul'tury kol'skikh saamov [About modern technologies of representation and preservation of the ethnic culture of the Kola Saami]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography], 2021, vol. 52, no. 1, pp. 172–178 (In Russ.).

7. *Etnopsikhologicheskiy slovar'* [Ethnopsychological dictionary]. Moscow, Moscow Psychological and Social Institute, 1999, 343 p. (In Russ.).
8. Missonova L. I. Sakral'noye prostranstvo i iskusstvo yego izobrazheniya v etnicheskoy kul'ture Severnoy Azii: artefakty Sakhalina [Sacred space and the art of its depiction in the ethnic culture of North Asia: Sakhalin artifacts]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia], 2011, vol. 48, no. 4, pp. 119–129 (In Russ.).
9. Bezzubova O. V. Artefakt v sisteme antropologii i etnografii [Artifact in the system of anthropology and ethnography]. *Filosofskiy vek. Vyp. 22 Nauki o cheloveke v sovremennom mire Ch. 2* [Philosophical age. Human sciences in the modern world. Part 2], Saint Petersburg, St. Petersburg Center for the History of Ideas, 2002, pp. 184–187 (In Russ.).
10. Khorkkhaymer M., Adorno T. V. *Kul'turnaya industriya. Prosveshcheniye kak sposob obmana mass* [The Cultural Industry: Enlightenment as Mass Deception]. Moscow, Ad Marginem Press, 2016, 104 p. (In Russ.).
11. Ulinova I. Kh. Znachenije kul'turnykh industriy v sokhranenii etnicheskogo svoeobrazija kalmykov [The Importance of Cultural Industries in Preserving the Ethnic Identity of the Kalmyks]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture], 2019, vol. 39, no. 2, pp. 34–39 (In Russ.).
12. Yakovlev V. Yu. Osnovaniya kul'turnykh i kreativnykh industriy kak yavleniya sovremennogo obshchestva [Foundations of cultural and creative industries as a phenomenon of modern society]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury* [International journal of cultural studies], 2017, vol. 26, no. 1, 14–27 (In Russ.).
13. Hesmondhalgh D. *The Cultural Industries*. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC, Sage Publications Ltd, 2013, 480 p.
14. Trosbi D. *Ekonomika i kul'tura* [Economy and culture]. Moscow, Publishing house of the higher school of economics, 2013, 256 p. (In Russ.).
15. Leonov I. V. Rerezentatsii traditsionnykh kul'tur v industrii suvenirov [Representations of Traditional Cultures in the Souvenir Industry]. *Kul'tura v yevraziyskom prostranstve: traditsii i novatsii* [Culture in the Eurasian Space: Traditions and Innovations], 2019, vol. 3, no. 1, pp. 82–87 (In Russ.).
16. Leonov I. V., Kirillov I. V., Piyantinov A. O. Sakral'nyye artefakty kul'tury i problema ikh tirazhirovaniya v suvenirnoy produktsii [Sacred Artifacts of Culture and the Problem of Their Replication in Souvenirs]. *Uchenyye zapiski (Altayskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv)* [Scientific Notes (Altai State Academy of Culture and Arts)], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 20–32 (In Russ.).

Информация об авторе

О. А. Бодрова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

O. A. Bodrova — PhD (History), Senior Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 18.09.2022; одобрена после рецензирования 25.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.
The article was submitted 18.09.2022; approved after reviewing 25.09.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Научная статья
УДК 004.946:39(=511.12)
doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.006

ОСОБЕННОСТИ ПРЕЗЕНТАЦИИ «СААМСКИХ» СУВЕНИРОВ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)

Олеся Анатольевна Сулейманова

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, sul-olesya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5109-958X>

Аннотация

Культура коренного населения Кольского Севера активно «эксплуатируется» в имиджевом продвижении региона и развитии сувенирной индустрии. Рассмотрены особенности презентации и продвижения сувенирной продукции с саамской символикой в социальной сети «ВКонтакте». Использовались методы виртуального включенного наблюдения, контент-анализа текстового и визуального материала.

Ключевые слова:

кольские саамы, социальная сеть «ВКонтакте», сувенир, традиционная культура, этнический туризм, этнотовар

Благодарности:

статья выполнена по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2022-0028.

Для цитирования:

Сулейманова О. А. Особенности презентации «саамских» сувениров в виртуальном пространстве (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 64–69. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.006

Original article

FEATURES OF THE PRESENTATION OF “SAAMI” SOUVENIRS IN THE VIRTUAL SPACE (ON THE EXAMPLE OF THE SOCIAL NETWORK “VKONTAKTE”)

Olesya A. Suleymanova

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, sul-olesya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5109-958X>

Abstract

The culture of the indigenous population of the Kola North is actively “exploited” in the image promotion of the region and the development of the souvenir industry. The features of the presentation and promotion of souvenirs with Saami symbols in the social network “VKontakte” are considered. The methods of virtual participant observation, content analysis of textual and visual material were used.

Keywords:

Kola Saami, “VKontakte” social network, souvenir, traditional culture, ethnic tourism, ethnic goods

Acknowledgments:

the article was made on the topic of the state assignment of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences No. FMEZ-2022-0028.

For citation:

Suleymanova O. A. Features of the presentation of “Saami” souvenirs in the virtual space (on the example of the social network “VKontakte”) // Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities. 2022. Vol. 1, No. 1. P. 64–69. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.006

Еще недавно коренные северяне отличались скрытностью в отношении своих святынь и ритуалов; сегодня реликвии и их реплики, в том числе атрибуты шаманства, выставлены на показ и даже на продажу. <...>. В недалеком прошлом многие отказывались фотографироваться из-за опасений, что фото отнимает душу; сейчас на место страха пришла страсть к фото и мода на выгрузку своих «душ» в соцсети [1: 19].

В XXI веке коренные народы Севера презентуют этничность как в реальном (офлайн), так и виртуальном (онлайн) пространстве. Виртуальные социальные сети стали популярной онлайн-платформой для коммуникации и интеграции различных этнических сообществ, саами не стали исключением [2–4]. Презентация саамской культуры в киберпространстве осуществляется главным образом посредством ярких визуально воспринимаемых элементов материальной культуры как маркеров этнической

идентичности. «При визуализации саамской идентичности чаще всего эксплуатируются предметы национального костюма (головной убор, традиционная обувь с загнутыми носками, пояс), нож специфической формы, напоминающий «финку», схематическое изображение переносного жилища, нередко ошибочно называемого чумом, цвета национального саамского флага» [5: 174]. С этой целью используются как реальные этнографические экспонаты, так и их современные реконструкции — различные *предметы с саамской символикой и этнические сувениры*.

В самом общем смысле «этнический сувенир» — это художественно оформленное изделие, отображающее традиции и культуру какого-либо народа. У каждого народа имеются свои уникальные технологии (в том числе стиль, материалы) изготовления такого рода изделий, которые детерминированы природно-климатическими условиями и историко-культурными традициями.

Следует отметить, что в 2022 году был объявлен региональный конкурс “Murmansk.Travel Souvenir”, целью которого являлось выявление и поощрение создателей лучшей региональной сувенирной продукции и вовлечение их в процесс разработки уникальных локальных сувениров. К Положению о Конкурсе прилагались различные Приложения с рекомендациями, среди которых интерес представляет Положение № 4 с разработанными требованиями к саамскому этническому сувениру. В данном приложении выделены основные характеристики, которыми должен обладать этнический сувенир (табл.). Под «саамскими» сувенирами в рамках данной статьи мы будем понимать современные реконструкции национальных предметов/вещей по традиционным мотивам.

Требования к саамскому этническому сувениру¹

Приложение 4

Требования к саамскому этническому сувениру

Этнический сувенир наряду с основными предназначениями обладает рядом специфических функций. Как предмет традиционного художественного промысла он не претендует на то, чтобы заново открывать мир, это скорее напоминание о народных традициях. На территории Мурманской области народными художественными промыслами являются в первую очередь промыслы коренного населения. Следовательно, изделия, произведённые на этих промыслах, являются этническими сувенирами.

Этнический сувенир должен обладать следующими характеристиками:

1. обладание культурно-смысловой емкостью;
2. сувенир как родовая память человека;
3. сохранения традиционного стиля и колорита представляемого народа;
4. сувенир должен быть создан на основе традиционной культуры народа;
5. предельная экономия художественных средств при максимальной выразительности;
6. при малочисленной сюжетной линии, большое разнообразие и вариативность;
7. удовлетворять эстетические потребности;
8. выбор традиционных материалов (по возможности использовать натуральные материалы и при использовании национального узора не искажать его);
9. применение современных техник и оборудования с соблюдением традиционной технологии обработки материала при изготовлении сувенира.

Недопустимые вариации при изготовлении сувенирной продукции:

1. Применение оскорбительных наименований, относящихся к определенному этносу — народу (например, саамка, лопарка);
2. Недостоверное изображение традиционных этнических костюмов в использовании сувенирной продукции;
3. Использование этнических костюмов с нарушением гендерной принадлежности;
4. Применение узоров, символов и цветовой гаммы разных этнических групп в одном сувенире;
5. Использование различных элементов костюма относящихся к определенной возрастной группе, сезона и статуса в одном образе;
6. Применение элементов костюма различных этнических групп в одном костюме.

В Мурманской области функционируют различные сувенирные лавки, в которых представлены разнообразные изделия промышленного и ручного труда на «северный» и «саамский» мотивы. Изготовлением этносувениров, которые условно можно назвать «саамскими», занимаются как представители из числа коренного населения (кольские саамы), так и местные ремесленники. Некоторые представители ремесленных мастерских и владельцы сувенирных лавок создают отдельные виртуальные сообщества в социальной сети «ВКонтакте» с целью продвижения и реализации своих изделий. В рамках данного исследования нами была проанализирована официальная группа в социальной сети «ВКонтакте» — «Ловозерский сувенир»² (рис. 1).

В ходе сбора и анализа данных были использованы методы виртуального включенного наблюдения, контент-анализа текстового и изобразительного материала. Данное веб-сообщество создано с целью продвижения товаров сувенирного магазина с одноименным названием «Ловозерский сувенир», расположенного в селе Ловозеро, где представлены изделия ручной работы 80 мастеров, владеющих разнообразными технологиями декоративно-прикладного искусства (резьба по кости и дереву, изготовление изделий из глины, меха, кожи, бисера и многое др.). В «шапке» данного виртуального сообщества размещена следующая информация для посетителей группы: «Добро пожаловать! В магазин товаров высокого качества ручной работы из оленьего меха и кожи: бурки, тапки, изделия из оленьих шкур, кожи, а также подобного материала. В магазине работают мастера с опытом работы более 20 лет и делающие свои изделия на совесть»³.

Рис. 1. Аватар официальной группы «ВКонтакте» «Ловозерский сувенир»

Официальная группа «Ловозерский сувенир» в социальной сети «ВКонтакте» создана в 2014 году. В настоящее время в ней состоят 279 участников. Социальная сеть «ВКонтакте» предоставляет технологические возможности самопрезентации, создания и поддержания коммуникаций с другими пользователями сервиса через механизмы обмена личными сообщениями, комментирования размещенных пользователем текстов и мультимедийных материалов, размещения сообщений на стене пользователя, либо в темах в рамках группы. Основная стратегия, которую используют администраторы группы «Ловозерский сувенир» для продвижения этнотоваров — публикация на страницах сообществ постов с фотографиями изделий с северной и саамской тематикой. В рамках данного виртуального сообщества для участников и посетителей созданы так называемые «обсуждения»/«темы», среди которых: «Как можно снять мерки, чтобы заказать бурки и тапки?», «Прайс-лист» и «Почему так дорого?» (рис. 2). При этом отсутствует «тема», в рамках которой посетители и участники сообщества могли бы оставлять свои отзывы о заказанных товарах, что не характерно для подобных виртуальных сообществ, созданных с коммерческой целью. В группе «Ловозерский сувенир» представлено 3 виртуальных альбома, в которых размещено 14 фотографий, презентующих изделия ловозерских мастеров. В основной альбом данного

веб-сообщества под названием «Бурки, тапки» последние фотографии добавлялись в 2016 году. Остальные виртуальные альбомы практически пусты (например, альбом под названием «Рабочие моменты»). При этом следует отметить, что данная группа действующая, поскольку модераторы с определенной периодичностью размещают на «стене» сообщества фотографии различных изделий ручного труда с этнической и саамской символикой. Так, на стене сообщества представлены фотографии с изображением декоративных предметов из кости, рога, меха и кожи оленя (магниты, броши, брелоки, амулеты и обереги, кулоны, элементы национальной одежды саами и коми, а также многое др.). Наиболее аутентичны изделия ручной работы саамских ремесленников — *предметы национальной одежды и аксессуары*. Чаще всего встречаются фотографии с изображением национальной обуви и сумок (рис. 3). Основным материалом для них служат *шкурты оленей (кожа и мех)*. Также встречаются изделия, стилизованные под традиционные северные мотивы. Ирина Петровна Галанова — одна из основателей и администраторов веб-сообщества «Ловозерский сувенир» пояснила, что такая низкая «активность» наполнения контента группы связана с отъездом из села Ловозера одного из модераторов, который непосредственно занимался информационным наполнением группы. Однако она отметила, что интерес к данной группе достаточно высокий за счет имеющегося в нем архива фотографий с образцами изделий. Благодаря функционированию данной группы в социальной сети «ВКонтакте», потенциальными покупателями их сувенирного магазина-мастерской становятся не только местные жители, но и люди из разных регионов страны. Одни просят изготовить точную копию изделия, изображенного на какой-либо фотографии из архива сообщества, другие предпочитают индивидуальный дизайн.

При анализе визуальных источников интерес представляют комментарии участников групп (реальных и потенциальных покупателей). Комментарии под фотографиями, размещенными в группе «Ловозерский сувенир», свидетельствуют о том, что презентуемые изделия привлекают внимание и пользуются спросом. Самыми частотными являются комментарии с просьбой уточнить стоимость сувенирных изделий и условия их доставки (рис. 4). Также следует отметить, что в комментариях пользователей сетевого сообщества практически отсутствуют оценочные характеристики презентуемых изделий. Под некоторыми фотографиями нам удалось обнаружить лишь короткие оценочные комментарии следующего содержания: «очень красиво», «дорогое удовольствие» и т. п. Помимо прочего, коммуникация в виртуальном сообществе осуществляется через «лайки» — условное выражение одобрения материалу, фотографии.

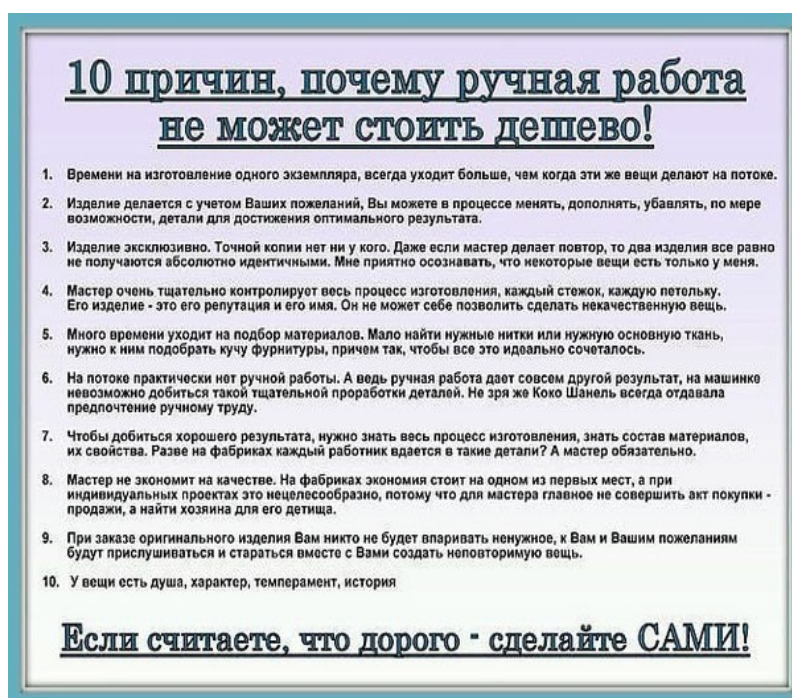

Рис. 2. Пост опубликован в официальной группе «Ловозерский сувенир» в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/topic-71108681_29985992?z=photo-71108681_327843104%2Fpost-71108681_2

Рис. 3. Фотографии с изображением этнических сувениров, опубликованные на стене веб-сообщества «Ловозерский сувенир»

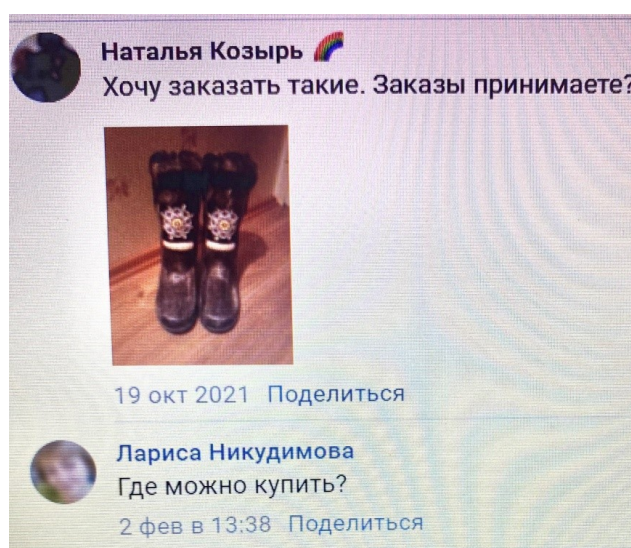

Рис. 4. Публикация на стене сообщества «Ловозерский сувенир»

С развитием индустрии туризма на Кольском Севере спрос на этнотовары заметно вырос, а изготовление сувенирной продукции стало одним из источников дохода местных мастеров и ремесленников. На основе анализа контента виртуального сообщества в социальной сети «ВКонтакте» «Ловозерский сувенир» можно сделать вывод, что такого рода виртуальные сообщества, помимо коммерческой функции (реализация этнотоваров), выполняют и ряд следующих: коммуникативную, познавательную (приобщению к культуре коренных малочисленных народов Севера), популяризации этничности и брендовую (посредством приобщения к региональным этническим сувенирам повышается туристическая привлекательность региона). Отличительная особенность такого рода презентации этносувениров в онлайн-пространстве — охват широкой аудитории, которая не ограничивается местными жителями и туристами. Вместе с тем надо признать, что активность пользователей, по крайней мере рассмотренного сообщества, ограничивается преимущественно потребительским интересом к этнически маркированным вещам. Для более полной реализации остальных возможностей ресурса, очевидно, требуются дополнительные презентационные технологии.

Примечания

¹ Таблица — Требования к саамскому этническому сувениру. Конкурс “MURMANSK TRAVEL SOUVENIER” // Официальный сайт «Управление культуры и международных связей администрации ЗАТО г. Североморск». URL: <https://www.dcir.ru/novosti/14960-konkurs-murmansk-travel-souvenir/> (дата обращения: 9.09.2022). Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

² Официальная группа «Ловозерский сувенир». URL: https://vk.com/topic-71108681_29985992 (дата обращения: 1.09.2022).

³ Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

Список источников

1. Головнев А. В. Новая этнография Севера // Этнография. 2021. № 1 (11). С. 6–24.
2. Разумова, О. А. Сулейманова О. А. Саамские сетевые сообщества в «этническом Интернете» России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2 (179). С. 114–122.
3. Сулейманова О. А. Презентация культуры кольских саамов в социальной сети «ВКонтакте»: динамика визуальных образов материальной культуры // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 169–199.
4. Кузнецова Л. А., Разумова И. А. Образовательный и культурно-просветительский компонент саамских этнических интернет-сообществ // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2020. Т. 11, № 1–18. С. 5–24.
5. Бодрова О. А., Разумова И. А. О современных технологиях репрезентации и сохранения этнической культуры кольских саамов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 172–178.

References

1. Golovnev A. V. Novaya etnografiya Severa [New ethnography of the North]. *Etnografiya* [Ethnography], 2021, no. 1 (11), pp. 6–24. (In Russ.).
2. Razumova O. A. Sulejmanova O. A. Saamskie setevye soobshchestva v “etnicheskom Internetе” Rossii [Saami network communities in the “ethnic Internet” of Russia]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Petrozavodsk State University], 2019, no. 2 (179), pp. 114–122. (In Russ.).
3. Sulejmanova O. A. Prezentaciya kul'tury kol'skih saamov v social'noj seti “VKontakte”: dinamika vizual'nyh obrazov material'noj kul'tury [Presentation of the culture of the Kola Saami in the social network “VKontakte”: the dynamics of visual images of material culture]. *Etnografiya* [Ethnography], 2020, no. 3 (9), pp. 169–199. (In Russ.).
4. Kuznecova L. A., Razumova I. A. Obrazovatel'nyj i kul'turno-prosvetitel'skij komponent saamskih etnicheskikh internet-soobshchestv [Educational and cultural-educational component of the Saami ethnic Internet communities]. *Trudy KNC RAN* [Transactions of KSC RAS], 2020, vol. 11, no. 1–18, pp. 5–24. (In Russ.).
5. Bodrova O. A., Razumova I. A. O sovremennyh tekhnologiyah reprezentacii i sohraneniya etnicheskoj kul'tury kol'skih saamov [About modern technologies of representation and preservation of the ethnic culture of the Kola Saami]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography], 2021, no. 1 (52), pp. 172–178. (In Russ.).

Информация об авторе

О. А. Сулейманова — кандидат исторических наук, научный сотрудник.

Information about the author

O. A. Suleymanova — PhD (History), Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 30.09.2021; одобрена после рецензирования 05.10.2021; принята к публикации 10.10.2021
The article was submitted 30.09.2021; approved after reviewing 05.10.2021; accepted for publication 10.10.2021.

Научная статья
УДК 908 (470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.007

«ЛЮДИ, ЗАНИМАЮЩИЕСЯ ДУХОВНЫМ ТУРИЗМОМ, ДОЛЖНЫ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНО!»: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГИДОВ О ТУРИСТИЧЕСКИХ ДЕСТИНАЦИЯХ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Алена Сергеевна Давыдова

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, a.davidova@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7967-5953>

Аннотация

В статье на основе анализа результатов опроса гидов, проживающих в Мурманской области, рассматриваются их представления о развитии туризма в Кольском крае и месте духовного туризма в этой инфраструктуре. Мы исходим из того, что гиды играют важную роль в разработке и формировании туристического опыта. Духовный туризм рассматривается как концепция в широком смысле, как туризм, привлекающий путешественников, основной мотивацией которых является стремление к духовному развитию, предполагающее самореализацию и самообогащение в процессе поездки. Результаты исследования показали, что гиды области слабо задействованы в качестве посредников в таком виде туризма. Во многом это связано с тем, что по мнению гидов духовные туристы должны путешествовать самостоятельно.

Ключевые слова:

Мурманская область, туристические гиды, духовный туризм

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2022-0028.

Для цитирования:

Давыдова А. С. «Люди, занимающиеся духовным туризмом, должны путешествовать самостоятельно!»: представления гидов о туристических дестинациях Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 70–83. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.007

Original article

“PEOPLE INVOLVED IN SPIRITUAL TOURISM SHOULD TRAVEL ON THEIR OWN!”: PRESENTATIONS OF GUIDES ABOUT TOURIST DESTINATIONS OF THE MURMANSK REGION

Alena S. Davydova

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, a.davidova@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7967-5953>

Abstract

Based on the analysis of the results of a survey of guides living in the Murmansk region, the article discusses their represents about the development of tourism in the Kola region and the place of spiritual tourism in this infrastructure. In our opinion, guides play an important role in designing and forming the travel experience. Spiritual tourism is considered as a concept in a broad sense, as tourism that attracts travelers whose main motivation is the desire for spiritual development, which involves self-realization and self-enrichment during the trip. The results of the study showed that the guides of the region are poorly involved as intermediaries in this type of tourism. This is largely due to the fact that, according to the guides, spiritual tourists should travel on their own.

Keywords:

Murmansk region, tourist guides, spiritual tourism

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Center “Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences” No. FMEZ-2022-0028.

For citation:

Davydova A. S. “People involved in spiritual tourism should travel on their own!”: presentations of guides about tourist destinations of the Murmansk region // Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities. 2022. Vol. 1, No. 1. P. 70–83. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.007

Гиды ... важнее всего на свете. Я могу провести тур с пятью плохими отелями. Если у меня будет хороший гид, который объяснит необходимость бедных отелей, поездка все равно будет удачной. С другой стороны, если у меня есть лучшие отели и плохой гид, поездка будет провалом в сознании клиентов. И я снова и снова удивляюсь, когда я слышу, что туроператоры во многих странах довольны тем, что «сегодня у нас есть этот гид, завтра приходит этот, а на следующий день тот» [1: 128].

Введение

Кольский полуостров — место, пользующееся большой популярностью среди туристов. Ежегодно регион посещают путешественники из разных частей страны. Анализ туристической индустрии Мурманской области за последнее время наглядно демонстрирует нам существенные изменения в этой сфере. В настоящее время упор делается в основном на инфраструктуру и услуги, связанные с дестинациями¹ [2].

В 2019 году поток туристов в области составил 458 тысяч человек, включая 78 тысяч иностранных граждан. По понятным причинам в 2020 году эти цифры уже существенно отличались — 357,9 тысяч и 42 тысячи соответственно [3]. В 2020 году в Мурманской области действовали 46 туроператоров, предоставляющих услуги на территории региона. Из них 14 туристических фирм специализировались на рыболовном туризме, дайвинге, прогулках с фотоохотой за морскими животными [2: 72]. Обычно программы экскурсионных туров составляют 5–8 часов, часто связываются с природными локациями и требуют квалифицированного сопровождения и технического обеспечения [4]. При этом рынок труда и квалифицированных специалистов в индустрии туризма весьма неустойчив [2]. Ситуация стала меняться в сторону признания необходимости обучения посредников между туристами и турпродуктом лишь в недавнее время. Сейчас мы можем наблюдать признание со стороны представителей туриндустрии важности подготовки такого рода специалистов. Так, в 2021 году в Мурманской области была создана «Школа гидов природного туризма в Хибинах». Цели этой школы: подготовка гидов и экскурсоводов, способных готовить и проводить успешные авторские экскурсионные программы на природных территориях и формирование сообщества гидов и экскурсоводов природного туризма в Мурманской области, готовых осуществлять деятельность в соответствии с принципами экологического туризма.

С июля 2022 года гиды в обязательном порядке должны будут проходить аттестацию. В дальнейшем планируется расширить требования к компетенциям таких специалистов².

Вопросы подготовки кадров, традиционно играющих ключевую роль в установлении связей между туроператорами, местным населением и туристами, на сегодняшний день являются одной из самых актуальных тем в зарубежных исследованиях, поскольку гиды больше, чем многие другие люди, занятые в туристическом бизнесе, вовлечены во взаимодействие с путешественниками, в примирение родной и чужой культур, а также раскрытие незнакомых мест для своих клиентов с учетом культурных особенностей [1].

В данной статье мы исходим из того, что гиды играют важную роль в разработке и формировании туристического опыта [5–8]. Для того чтобы понять, какое место они занимают в современной туристической индустрии Мурманской области, сначала мы познакомимся с эволюцией представлений исследователей об этом. Затем рассмотрим понятие духовного туризма. И, наконец, экстраполируем теоретические обобщения на результаты конкретного эмпирического исследования, целью которого было изучение представлений гидов Мурманской области о туристах и об основных туристических дестинациях Мурманской области.

Теоретические основы исследования

Первые упоминания о профессиональных гидах можно проследить уже с XVII и XVIII веков, когда стало традицией отправлять молодых аристократов в сопровождении наставника в двух-, трехгодичное путешествие по Европе с образовательными целями. Это путешествие называлось “Grand Tour” и было неотъемлемым компонентом образования [1]. Эрик Коэн исследовал различные теоретические и прикладные аспекты роли гидов [9]. Во время этих путешествий наставники выступали в первую очередь в качестве “pathfinder” («проводник») и “the mentor” («наставник»). Эти две роли по-прежнему важны для современного гида, который «сочетает и расширяет элементы обоих предшественников, — роль исследователя-проводника (или того, кто указывает путь) и роль наставника (тот, кто направляет человека в его пути или поведении)» [9: 9].

В результате экономического и технического развития после 1945 года появился новый вид туризма, который сегодня мы с несколько пренебрежительным оттенком называем «массовым». В 1950-х годах так называемая «учебная поездка» также развивалась как особый вид тура. Профессия гида пережила возрождение, чему способствовали изменения в организации туров. Одному человеку стало труднее планировать и проводить экскурсию, как это было изначально. Вместо этого постепенно возникло разделение труда, повлекшее за собой две отдельные сферы ответственности: одна включала планирование и логистику, а другая отвечала за проведение экскурсий и всего необходимого непосредственно по запросу на месте. Экскурсовод становился мобильным научным учителем во время поездки. Однако вскоре возникли первые проблемы. Любой человек, считающий себя способным возглавить учебную поездку, мог подать заявку на вступление в число операторов учебных туров, число которых постоянно росло. Возник вопрос о спецификациях работы и обеспечении качества обслуживания клиентов [1]. Данные проблемы актуальны в настоящее время и во многом связаны с быстро и постоянно меняющимися запросами и ожиданиями туристов [10]. Многие клиенты обладают большим туристическим опытом и, как правило, требуют не только идеальной организации и глубокого знания каждого направления, но также ожидают определенного уровня компетентности и с нетерпением ждут приобретения новых знаний и опыта во время отпуска. В этом контексте гид должен действовать не как учитель, а как «друг и партнер в туре» [11]. Ожидается, что гиды смогут обеспечить всем необходимым в туре или, как минимум, познакомить путешественников с незнакомой культурой и избавить их от страха перед неизвестным и, если возможно, предоставить опыт, который, по крайней мере, воспринимается как необычный.

В ранней работе Э. Коэна [9] были определены четыре роли гида: социальная, интерактивная, инструментальная и коммуникативная. Позднее было описано, что коммуникативная роль значительно влияет на впечатления клиентов от тура [8]. Питер Мейсон и Майкл Кристи [5] утверждали, что главной ролью гида была интерпретация, которая включает взаимодействие с туристами, способное спровоцировать обсуждение разных тем. Бэтти Вейлер и Розмари Блэк [7] предположили, что гиды совместно создают туристический опыт, выступая посредниками в четырех категориях: 1) физический доступ; 2) интеллектуальный доступ; 3) взаимодействия и 4) эмпатия (обеспечение эмоционального доступа). Сравнительно недавние исследования в области приключенческого и природного видов туризма [12] подтвердили, что эти сферы посредничества являются ключевыми параметрами качества впечатлений от экскурсий с гидом.

Стоит отметить, что туристические ожидания и впечатления в значительной степени могут быть опосредованы разными средствами массовой информации, включая, помимо прочего, путеводители, веб-сайты, инфоцентры для посетителей, подкасты и страницы в социальных сетях. Помимо гидов, официально нанятых в качестве посредников, есть много других лиц, официально и неофициально выступающих в роли посредников, таких, как таксисты и водители автобусов, местные жители, друзья, родственники и т. д.

Роль гида в качестве ментора, как мы уже упоминали, в настоящее время в том виде, в котором она описана у Коэна, едва ли встречается. Мы исходим из того, что современный гид может сочетать в себе сразу несколько функций. Как и в случае с другими формами туризма с гидом, гиды могут играть центральную роль в духовном туризме, эффективно продвигая этот не совсем обычный туристический продукт [7].

В то время как разные виды туризма, в том числе паломничество и религиозный туризм, уже давно привлекают интерес ученых, духовный туризм является новой областью исследований.

Духовный туризм возник как концепция в широком социальном контексте [13] в качестве подвида туризма для клиентов с особыми интересами. Он привлекает путешественников, стремящихся к духовному развитию, и предлагает (что особенно важно) такие преимущества, в сравнении с любым другим типом путешествия, как самореализация и самообогащение. Духовные туристы путешествуют с намерением способствовать духовному росту, достижению священного состояния или осуществлению духовных практик с помощью как религиозных, так и нерелигиозных традиций и занятий [14]. Духовные туристы представляют собой отдельную группу туристов, поскольку они непосредственно мотивированы возможностью самопознания или изменения и намеренно ищут возможности для саморазвития [13, 15], то есть этот тип в первую очередь руководствуется духовной мотивацией.

Отметим, что термин «духовный» расширился от своей первоначальной ассоциации с традиционной религией. Современная духовность все больше отличается от институциональной религии и определяется индивидуальным опытом, самопровозглашенной духовностью и самоаутентификацией [16]. Эндрю Синглтон ссылается на популярную фразу «духовный, а не религиозный», чтобы определить эволюцию термина [13]. Духовность характеризуется постоянным поиском цели и смысла жизни и связана

с позитивными установками и отношениями [17]. И что более важно — духовность может быть получена из различных видов досуга, начиная от тех, которые не являются строго религиозными, но имеют черты традиционных религиозных практик таких, как йога и ретриты³ в дикой природе, до тех, которые имеют мало явной связи с религией или духовностью [18]. Эмиль Дюркгейм [19] утверждал, что, когда институционализированная религия в конечном итоге уступает продвижению научного знания и рациональных убеждений, люди неизбежно ищут смысл в опыте и практиках, отличных от религии. Впоследствии, было высказано предположение, что превращение туризма в один из «светских заменителей» религии [20], который рассматривается как потенциальный источник эмоционального или духовного удовлетворения, не удивительно [21]. Действительно, в настоящее время туризм считается современной практикой, которая «функционально и символически эквивалентна другим институтам, которые люди используют для украшения и добавления смысла в свою жизнь» [22]. Ее смысл может заключаться либо в путешествии в целом, либо во взаимодействии туристов с конкретными местами, которые они посещают. И здесь гиды являются важнейшими элементами в предоставлении особого туристического опыта [23].

Несмотря на выдающуюся роль, которую гиды играют в туризме, эмпирических исследований на данную тему очень мало. В отечественной антропологии тема гидов, их роли как межкультурных посредников, в том числе в духовном туризме, не развита. Однако существует ряд работ, напрямую не связанных с данной темой, но вдохновивших автора на данное исследование [24–29].

Материал и методы

Статья основана на результатах опроса, проведенного в период с 1 сентября 2022 по 1 октября 2022 года в онлайн-беседах, связанных с темой туризма в Мурманской области. Одна беседа названа «Туризм Мурманской области», в ней состоят свыше 400 человек. Во второй беседе — 25 человек, в ее составе наставки, учителя и выпускники «Школы гидов природного туризма в Хибинах». Онлайн-опросник был составлен при помощи Google-форм и размещен в социальной сети. Также для распространения опроса был использован метод «снежного кома» для поиска гидов, проживающих в Мурманской области. Всего было получено 32 ответа ($N = 32$). Ряд вопросов были открытыми, что позволило получить развернутые ответы, которые были использованы для иллюстрации отдельных мыслей. Выборка была панельной, что позволило отсеять респондентов, не имеющих отношение к профессии и деятельности гида.

По возрастному критерию респонденты распределились приблизительно в равных пропорциях в диапазоне от 25 до 60 лет. При этом наиболее активной возрастной группой можно назвать респондентов в возрасте от 30 до 45 лет (36,7 %).

Подавляющее большинство ответов было получено от респондентов, являющихся независимыми гидами, — 50 %; остальных респондентов можно классифицировать как работающих гидом в турфирме — 3,1 %, в том числе являющихся владельцами — 12,5 % (всего 15,6 %); работающих в организации, имеющей отношение к туризму — 28,2 %; работавших гидом ранее — 3,1 %; работающих в турфирме, но не гидом — 3,1 %; 68,7 % опрошенных имеют специальное образование (гид-экскурсовод, горный проводник); 31,3 % не имеют специального образования, но могут провести по маршруту.

Результаты

По мнению абсолютного большинства опрошенных, туристический поток в Мурманской области за последние 5 лет сильно увеличился (93, 8 %); 6,3% ответили, что скорее увеличился, чем не увеличился. Это подтверждают и статистические данные, полученные из ранее проведенных исследований, посвященных туризму в области [2].

В качестве мест, откуда приезжают туристы, были указаны — Москва (68,8 %) и Санкт-Петербург (21,9 %); 3,1 % выбрали в качестве варианта ответа зарубежные страны и 6,3 % — из других регионов России. Ни один опрошенный не указал на интерес к местным туристическим дестинациям у населения, проживающего в Мурманской области.

Наиболее популярная категория туристов, по мнению гидов, это туристы, путешествующие: а) самостоятельно по известным туристическим маршрутам (43,8 %); б) самостоятельно или с группой туристов, уже знакомых друг с другом, с купленным турпакетом, в котором есть заранее выбранные продукты, в процессе путешествия могут изменить маршрут или продолжительность пребывания в пункте назначения (21,9 %); в) в группе с другими туристами, не обязательно знакомыми друг с другом, имеющие турпакет

по заранее определенному маршруту (21,9 %), получается, что, если туристы знакомы друг с другом, они с большей легкостью могут изменить маршрут в процессе путешествия, не смотря на уже купленный турпакет; г) 9,3 % указали на туристов, которые путешествуют сами по себе, стремясь исследовать новые туристические направления; лишь один человек высказался, что турпоток носит комбинированный характер.

Если воспользоваться классификацией Джона Урри и сравнить полученные результаты (а и б) с проведенными ранее исследованиями мнений местного населения о турпотоке в Териберке [30], то можно с уверенностью сказать, что самый распространенный тип туристов в области — это «романтический». Дж. Урри отмечал, что существует два типа туристов: один — «романтический», а другой — «коллективный». «Романтический» тип отличается тем, что в качестве мотивации к поездке у него выступает любование природой, пейзажем, сельской местностью, пасторалью, уединением, нетронутостью, во многом этот тип туриста индивидуален [31]. «Коллективный» тип предполагает скопление большого количества людей и ориентацию на них, то есть имеет значение возможность видеть и быть увиденным. Он может быть связан со зрелищем, основанном на световом шоу или шоу с лазерными лучами и т. п. Полученные данные наводят нас на мысль о том, что, с одной стороны, гиды являются неотъемлемой частью туристической индустрии, а с другой, при явно выраженном индивидуальном типе туризма вопрос о частоте включенности гидов в процесс путешествия по Мурманской области остается, как минимум, не ясным. В качестве дополнений многие респонденты указали на неразвитость туристической инфраструктуры, что мешает, по их мнению, ее развитию.

«Люди возвращаются, и первое, что они говорят, это хороший или плохой был гид» [1: 128]

Идеальный гид это — *«Не только Знающий все обо всем, где и куда он ведет группу, но и обладать Глубинной Мудростью и опытом жизни и личной харизмой...»*
(Из комментария одного из респондентов. Орфография и пунктуация сохранены)

Блок вопросов был связан с представлениями гидов об их месте в многогранной туристической инфраструктуре области (рис. 1). Мы взяли в качестве референтной фразу из исследования Николая Шерле и Альмута Нонненманна [1: 128], раскрывающую гида как элемент туристической индустрии, воплощение туристического продукта и, следовательно, олицетворение качества обслуживания.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Насколько, по Вашему мнению, верно выражение: “Люди возвращаются, и первое, что они говорят, это хороший или плохой был гид!”».

С тем, что эта фраза является абсолютно верной, никто не согласился. Из опрошенных 53,1 % склонились к тому, что это скорее верное высказывание, чем неверное. При этом чуть меньшее количество выразило свои сомнения в достоверности высказывания (31,3 %); 6,3 % назвали его абсолютно неверным и 9,4 % затруднились с ответом. Данные диаграммы могут свидетельствовать о неоднозначности оценивания и, скорее, даже о недооцененности роли гида в качестве посредника между туристом и турпродуктом, особенно если учитывать ответы на вопрос о том, что гид должен дать туристам в первую очередь (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос об основных задачах гида по мнению респондентов

Как мы видим, мнения о том, что должен предоставить гид путешественникам в первую очередь, отражают высокие требования к его квалификации. Гид должен обладать развитыми коммуникативными навыками, иметь максимальные знания об истории и культуре региона, обеспечивать безопасность и комфортные условия пребывания в туристической поездке. Обратим внимание на то, что развлекательная программа и получение новых впечатлений никак не связаны.

Представления об идеальном гиде дополняют результаты, полученные в ответ на вопрос о первоочередных его задачах. Идеальный гид — это компетентный, знающий человек, сочетающий в себе качества эмпатии, внимания, харизматичности, коммуникабельности. Идеальный гид обеспечивает технику безопасности, умеет оказывать доврачебную помощь, владеет на высоком уровне знаниями об истории и культуре региона. Перечисленное коррелирует с результатами исследований Бэтти Вейлер и Розмари Блэк [7], показавшим, что гиды являются непосредственными участниками в создании туристического опыта, выступая посредниками в четырех категориях: 1) физический доступ; 2) интеллектуальный доступ; 3) взаимодействия; 4) эмпатия. Остановимся более подробно на взаимодействии.

Шэрон Макдональд [32], Бэтти Вейлер и Хин Ю [33] подчеркивали, что коммуникация включает посредничество во взаимодействии между группой и принимающими сообществами, например, путем обеспечения языкового перевода и облегчения двустороннего общения. Гиды также могут ограничивать взаимодействие туристов с местными жителями, привлекая внимание группы внутрь, к гиду и туристической группе, а не направляя его наружу, к принимающему сообществу [9, 34], то есть гиды могут пассивно или активно выступать посредниками во внешних контактах между туристами и принимающими сообществами, а также между туристами и персоналом, работающим в отелях и местах туристических достопримечательностей.

Результаты нашего опроса показали, что гидам редко приходится выступать в роли посредника между местным и приезжим населением, так как 46,9 % не сталкивались с ситуациями, когда приходилось примирять местное население и приезжих, и не слышали о таких ситуациях; 31,3 % опрошенных выбрали вариант ответа — бывает, но редко; 18,8 % сами не сталкивались с подобными случаями, но слышали о них. И всего лишь 3,1 % указали, что такие случаи являются частыми (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Знаете ли Вы случаи, когда гидам приходилось примирять местное население и приезжих?»

Для того, чтобы узнать, чем мотивированы туристы, выбирающие в качестве путешествия Мурманскую область, нами был задан соответствующий вопрос (рис. 4).

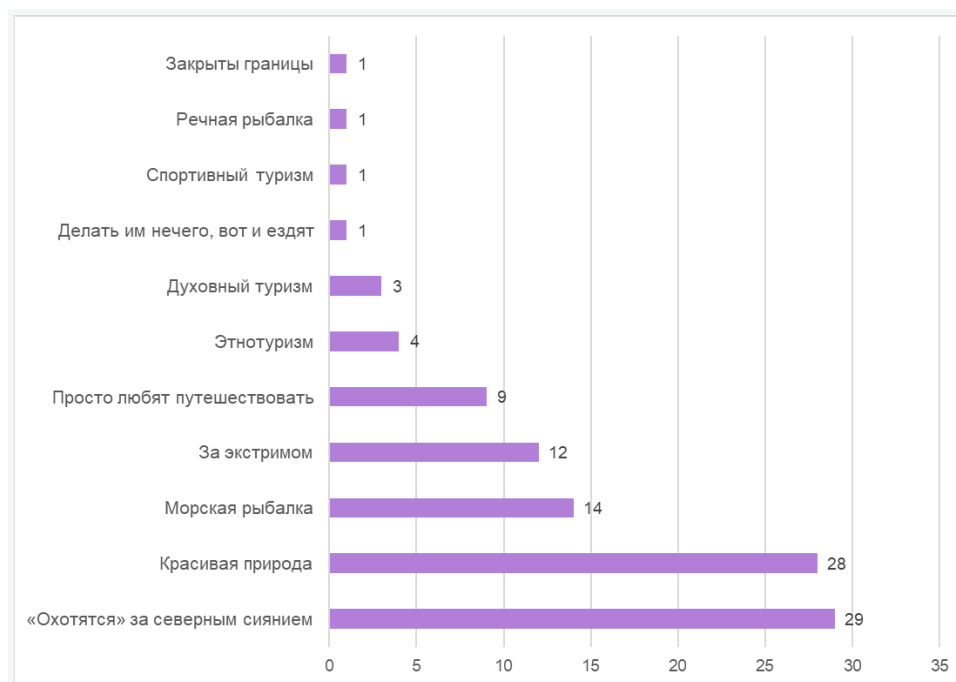

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Почему, как Вы думаете, туристы едут на Кольский полуостров?»

Респондентам предлагалось выбрать три наиболее популярных причины, которыми руководствуются туристы при выборе цели своего путешествия. Самыми распространенными ответами стали — северное сияние, красивая природа (все, что связано с посещением природных локаций), экстрим и рыбалка (морская и речная). Вышеперечисленное относится непосредственно к маркерам Арктики. Это подтверждает повышенный интерес туристов к данной территории как к месту природного туризма. Среди других непопулярных причин, как мы можем увидеть из диаграммы (рис. 4), были указаны (в порядке убывания) этнотуризм и духовный туризм.

На вопрос: «Что бы Вы показали в первую очередь туристам, приезжающим в Мурманскую область» ответы распределились следующим образом (по частоте упоминаний): горы (29,6 %), в том числе Хибины (20 %); природа (14,8 %); море (14,8 %); города (8,7 %), в том числе Мурманск (5,8 %) и Кандалакша (2,9 %); Териберка (8,8 %); Терский берег (8,8 %); полуостров Рыбачий (2,9 %); северное сияние (2,9 %); саамы (2,9 %); Сейдозеро (2,9 %); Лапландский заповедник (2,9 %) (рис. 5).

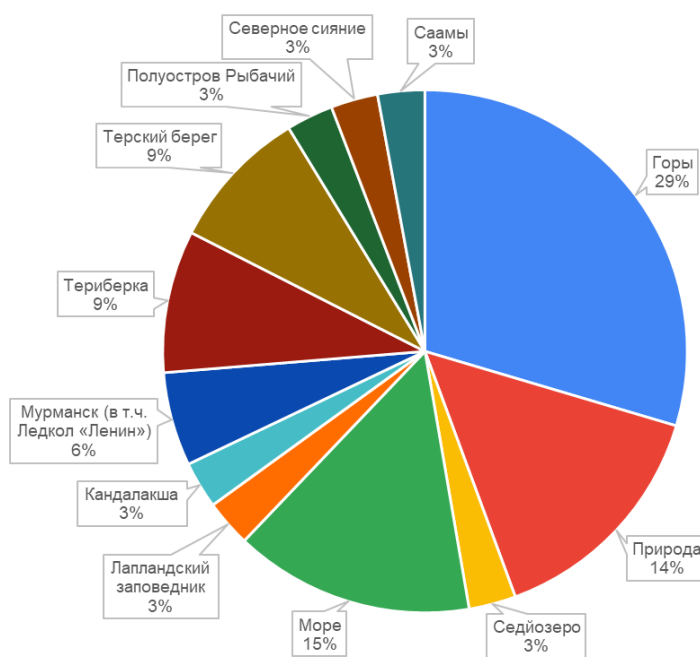

Рис. 5. Что бы Вы показали туристам на Кольском полуострове в первую очередь?

Если объединить природные локации (в целом более 60 % суммированных ответов), то данные совпадают с результатами из диаграммы (рис. 1) о главной мотивации, которой туристы руководствуются при выборе кольского направления — природный туризм.

Культурный туризм и посещение городских локаций является наименее популярным ответом. Один из комментариев, оставленных к данному вопросу, демонстрирует нам, как может быть презентован город и то, что в нем находится, через восприятие специфики края: «(Я бы показал — А. Д.) Ледокол Ленин. И рассказал о том, какое значение Арктика играет для человечества и какие покорители, рискуя жизнью открывали Арктику для будущих поколений» (пунктуация и орфография отражены в том виде, в котором были написаны). Здесь мы видим, как покорение природы человеком вписывается в историю региона и историю города Мурманска. Более подробно познакомиться с представлениями об истории создания промышленных городов Мурманской области можно в работах И. А. Разумовой [35].

Места, переполненные туристами, по мнению респондентов, это Териберка (48,2 %); Терский берег (10,4 %); Сейдозеро (10,4 %); Кировск (10,4 %); полуостров Рыбачий (10,4 %); Хибины (3,4 %); Белое море (3,4 %); Мурманск (3,4 %). Действительно, Териберка на сегодняшний день является одним из самых популярных туристических направлений в области [30].

Этнический туризм на Кольском полуострове, по имеющимся данным, не пользуется спросом. Данные актуального опроса это подтверждают (рис. 4). Тем не менее, мы задали вопрос о том, что показывают гиды, если есть запрос на этнотуризм. Самым популярным местом стало Ловозеро (42,9 %), следующие за ним — Терский берег (24,9 %), этническая деревня Семь съйт (14,4 %), Лопарское (10,7 %), Лесная Елань (7,1 %). Как видим, это по большей части места, ассоциированные с индигенным народом Кольского Севера — саамами.

Ряд вопросов в нашем исследовании был связан с туристами, которых можно отнести к категории духовных. Как отмечалось (рис. 1), духовный туризм также, по мнению опрошенных гидов, не пользуется спросом в Мурманской области. В отношении вопроса о том, стоит ли развивать его в области, мнения респондентов разделились: 31 % считают, что стоит, но необходимо определиться, что показывать туристам; 25 % ответили, что не понимают, что такое духовный туризм; 22 % ответили, что такой вид туризма стоит развивать и есть что показывать; 16 % указали на то, что это не очень востребованный вид туризма; 6 % затруднились с ответом (рис. 6).

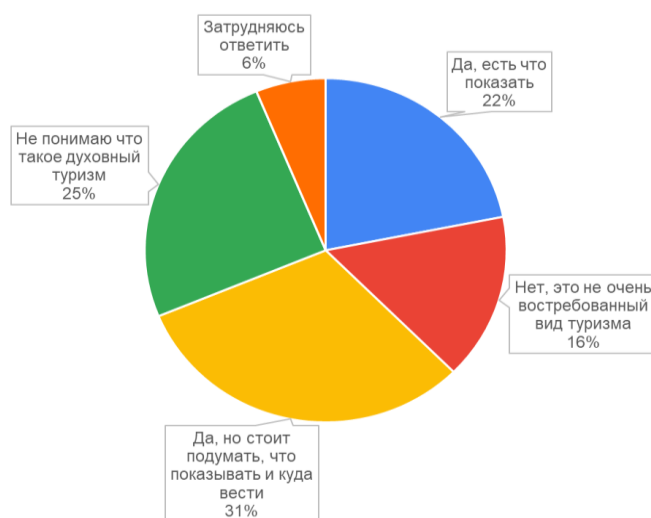

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Стоит ли, по Вашему мнению, развивать духовный туризм на Кольском полуострове?»

На вопрос о том, чем руководствуются туристы, от которых исходит запрос на духовный туризм, 31,3 % выбрали духовное развитие; 31,3 % указали, что с таким типом туристов не сталкивались; 12,5 % указали на любопытство в качестве основной причины, 9,3 % — личностный рост. Среди прочих причин были указаны: замаливание грехов, раскаяние, желание найти то место, где можно себя простить; мода, интерес к эзотерической тематике. При этом многие гиды категорично разделяют туры паломнические (очевидно, ассоциированные с православием) и эзотерические: «Запрос на туры-паломничества — это одно, а эзотерические, йога-туры с всевозможными практиками и посещением “мест силы” — другое». Один респондент написал комментарий: «Люди, занимающиеся духовным туризмом, должны путешествовать самостоятельно!».

Мы видим довольно неоднозначную реакцию гидов на такой необычный вид туризма. Примем также во внимание тот факт, что само понятие «духовный туризм» может быть для респондентов несколько сложным для понимания. Одной из задач нашего исследования было как раз выявление отношения к данному словосочетанию и его осмыслению. Как мы видим, представления об этом виде туризма вполне соотносятся с тем, что обсуждалось в теоретической части статьи.

Иначе обстоит дело с представлениями о посещениях сакральных мест области: 34,8 % опрошенных выбрали вариант ответа «достаточно востребована»; 17,4 % «скорее востребована, чем не востребована»; 17,4 % «скорее не востребована, чем востребована» и 13 % — «совершенно не востребована»; 17,4 % затруднились с ответом на данный вопрос. Если ответы распределить по полярной школе, то увидим, что запрос на посещение сакральных мест неплохой. Сакральные места области, по мнению гидов, это (рис. 7)

Сейдозеро (46,4 %); Варзуга (7,7 %); Хибины (7,7 %); полуостров Средний и Рыбачий (3,8%); Мурманск (3,8 %); Териберка (3,8 %); Лабиринты (3,8 %); Канозеро (3,8 %); 15,4 % затруднились с ответом, 3,8 % сказали, что таких мест нет. Сейдозеро занимает лидирующую позицию в списке сакральных мест, по мнению гидов. Как известно, это место является сакральным для индигенного народа Кольского полуострова — саамов.

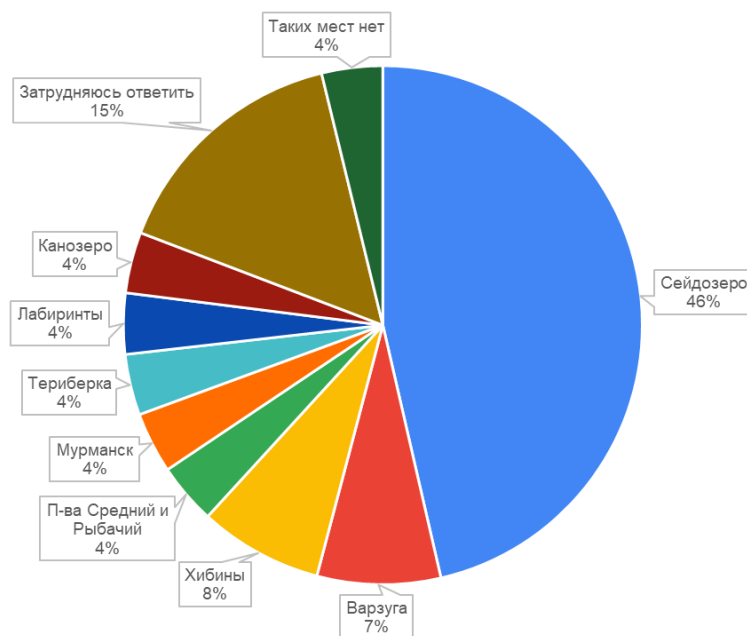

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Что бы Вы показали, если бы у Вас попросили показать сакральные места области?»

Сравнение данных диаграмм (рис. 5 и рис. 7) позволяет нам сделать интересный вывод — едва ли гиды стремятся презентовать Сейдозеро и делают это только, если необходимо показать сакральные места области.

Выводы

Подведем небольшой итог. Гиды являются важной частью быстро меняющейся туристической инфраструктуры. За последние несколько лет туристический поток в Мурманской области значительно вырос. По мнению гидов, самой популярной мотивацией, приводящей путешественников в регион, является природный туризм, при этом опрошенные неоднократно высказывались по поводу отсутствия инфраструктуры для его полноценного развития.

Этнический туризм на Кольском полуострове по имеющимся данным не пользуется спросом. Если путешественники просят показать места, где можно встретить коренное население полуострова, то гиды выбирают Ловозеро, Терский берег, этническую деревню Семь Сыйт, Лопарское и Лесную Елань. Самыми популярными местами в показе этнического туризма, как и духовного, являются локации, ассоциированные с территориями проживания коренного населения.

В целом обращает на себя внимание связь природных ландшафтов и сакральных мест. В настоящее время коренные народы и их сакральные места привлекают все больше внимания путешественников. Туристы все чаще ищут личный смысл на «духовном рынке» с разнообразными и альтернативными предложениями, выходящими за рамки традиционных религиозных практик. Современные духовные туристы мотивированы возможностью личного самопознания, изменения или развития, в отличие от более традиционных паломников, которые считают свое путешествие актом религиозного поклонения. Как и в случае с другими формами туризма, гиды могут играть центральную роль в духовном туризме, эффективно воздействуя на опыт получения необычных впечатлений. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что гиды должны и помогают получить опыт во всех областях, которые Б. Вейлер

и Р. Блэк обозначили как физический доступ, встречи, понимание и эмпатия. Во всяком случае, тот идеальный потрет, который был создан опрошенными, полностью соответствует их описанию.

Результаты также показали, что духовный туризм не презентуется на Кольском полуострове. Во многом потому, что туризм в представлениях жителей области — это секулярная сфера и такого рода туристы должны путешествовать самостоятельно. Более того, запрос на духовный туризм может быть и вовсе воспринят резко негативно, как это произошло после размещения нашего опроса в соответствующих группах, когда он вызвал весьма бурную реакцию и был подвергнут критике. Здесь интересно то, что духовный туризм, видимо, был ассоциирован потенциальными респондентами с религиозной институцией. Хотя блок вопросов, направленных на выявление места духовного туризма в целом в данной инфраструктуре, был весьма небольшим, из-за их наличия, по нашему мнению, мы получили относительно небольшое количество ответов. Несмотря на это, можно сделать ряд важных для дальнейших исследований гипотез. Во-первых, туризм в представлениях северян — это секулярная сфера, и природное, столь важное для духовных искателей, в ней отделено от сакрального. Во-вторых, несмотря на рост духовного туризма во всем мире, в российской туриндустрии он остается маргинализированным и/или латентным. Духовные туристы, безусловно, приходят на рынок туриндустрии области. Их приводит в Арктику поиск аутентичности, которую можно получить, лишь посещая места проживания индигенного народа.

Автор статьи сердечно благодарит всех, кто принял участие в опросе, а также высказавших свои мнения в чатах по поводу уместности некоторых вопросов и участия автора в исследовании туризма и сопредельных тем. Эти люди помогли выйти на новые обобщения и рассуждения в моих исследовательских изысканиях. Для автора остается загадкой, почему персональные данные составителя опроса были так легко обнаружены и подвергнуты всеобщему обсуждению, но пусть это останется на совести оных.

Примечания

¹ Туристическая дестинация — конкретная территория, которую турист выбирает для посещения и проводит там какое-то время, территория, на которой происходят основные процессы взаимодействия туриста с туристской инфраструктурой.

² Постановление Правительства РФ от 07.05.2022. №833 <http://government.ru/docs/all/140904/>

³ Под ретритами подразумевается времяпрепровождение, посвященное духовной практике.

Список источников

1. Scherle N., Nonnenmann A. Swimming in cultural Flows: Conceptualising tour guides as intercultural mediators and cosmopolitans // *Journal of Tourism and Cultural Change*. Vol. 6 (2). 2008. P. 120–137. <https://doi.org/10.1080/14766820802364147>
2. Желнина З. Ю. Туризм Мурманской области как драйвер развития территории // *Общество: политика, экономика, право*. 2021. № 9. С. 65–75. <https://doi.org/10.24158/per.2021.9.11>
3. Доклад о состоянии и развитии конкурентной среды на рынках товаров, работ, услуг Мурманской области в 2020 г. // Мурманская область: инвестиционный портал. 2021. URL: <https://invest.nashsever51.ru/pages/razvitie-konkurentsii>
4. Бертош А. А. Арктический туризм: концептуальные черты и особенности // *Труды КНЦ РАН*. Т. 10, № 7 (17). 2019. С. 169–180. <https://doi.org/10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.169-180>
5. Mason P., Christie M. Tour guides as critically reflective practitioners: a proposed training model // *Tourism Recreation Research*. Vol. 28 (1). 2003. P. 23–33. <https://doi.org/10.1080/02508281.2003.11081383>
6. Randall C., Rollins R. Visitor perceptions of the role of tour guides in natural areas // *Journal of Sustainable Tourism*. Vol. 17 (3). 2009. P. 357–374. <https://doi.org/10.1080/09669580802159727>
7. Weiler B., Black R. *Tour guiding research: Insights, issues and implications*. Aspects of tourism. 62. Bristol: Channel View Publications, 2015. 208 p.
8. Weiler B., Walker K. Enhancing the visitor experience: Reconceptualising the tour guide's communicative role // *Journal of Hospitality and Tourism Management*. Vol. 21. 2014. P. 90–99. <https://doi.org/10.1016/j.jhtm.2014.08.001>
9. Cohen E. The tourist guide // *Annals of Tourism Research*. Vol. 12. (1). 1985. P. 5–29. [https://doi.org/10.1016/0160-7383\(85\)90037-4](https://doi.org/10.1016/0160-7383(85)90037-4)

10. Buhalis D. The tourism phenomenon. In: *Tourism in the Age of Globalisation*. London; New York: Routledge, 2001. 28 p.
11. Vanhove N. Globalisation of tourism demand: The underlying factors and the impact on marketing strategy. In: P. Keller (ed.) *Globalisation and Tourism*. Sankt Gallen: Aiest Publications, 1996. P. 47–113.
12. Borges de Lima Ismar, Ronda J. Green. *Wildlife Tourism, Environmental Learning and Ethical Encounters: Ecological and Conservation Aspects*. 2017. Cham: Springer International Publishing. Imprint: Springer. 295 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-55574-4>
13. Singleton A. The summer of the Spirits: Spiritual tourism to America's foremost village of spirit mediums // *Annals of Tourism Research*. 2017. Vol. 67. P. 48–57. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2017.08.002>
14. Norman A. The varieties of the spiritual tourist experience // *Literature & Aesthetics*. 2012. Vol. 22 (1). P. 20–37.
15. Hirschorn S., Hefferon K. Leaving It All behind to travel // *Journal of Humanistic Psychology*. 2013. Vol. 53 (3). P. 283–306. <https://doi.org/10.1177/0022167813483007>
16. Heelas P. *Spiritualities of life: New Age romanticism and consumptive capitalism*. Malden, MA: Blackwell Pub, 2008. 282 p.
17. Kale S. Spirituality, religion, and globalization // *Journal of Macromarketing*. 2004. Vol. 24. P. 92–107. <https://doi.org/10.1177/0276146704269296>
18. Lehto X., Brown S., Chen Y., Morrison A. Yoga tourism as a Niche within the wellness tourism Market // *Tourism Recreation Research*. 2006. Vol. 31 (1). P. 25–35. <https://doi.org/10.1080/02508281.2006.11081244>
19. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система Австралии / пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой; под науч. ред. А. Апполонова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 736 с.
20. Allcock J. Tourism as a sacred journey // *Loisir et Société*. 1988. Vol. 11 (1). P. 33–48. <https://doi.org/10.1080/07053436.1988.10715288>
21. Sharpley R. Tourism, religion and spirituality // *The Sage Handbook of Tourism Studies*. London: Sage Publications, 2009. P. 237–253.
22. Graburn N. *Tourism: The sacred journey* // V. Smith (ed.) *Hosts and Guests: The Anthropology of Tourism*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1989. P. 21–36.
23. Parsons H., Mackenzie S. H., Filep S. Facilitating Self-Development: How Tour Guides Broker Spiritual Tourist Experiences // *Tourism Recreation Research*. Vol. 44 (2). P. 141–152. <https://doi.org/10.1080/02508281.2019.1582159>
24. Андреева Ю. О. «Места силы», «духи дольменов» и «знания первоисточков»: археологические памятники и движение New Age «Анастасия» // *Этнографическое обозрение*. 2014. № 5. С. 73–87.
25. Кормина Ж. В. Паломники: Этнографические очерки православного номадизма. М.: ИД Высшей школы экономики, 2019. 349 с.
26. Селезнев А. Г. Новая мифология истории: архетип «древних цивилизаций» и сакральный центр в районе деревни Окунево // *Этнографическое обозрение*. 2014. № 5. С. 41–59.
27. Селезнева И. А. Сакральный центр и внешний мир: проблемы взаимодействия // *Этнографическое обозрение*. 2014. № 5. С. 59–73.
28. Тюхтяев А. Е. Долина реки Жане как паломническое место: нью-эйдж духовность, перформанс и аутентичность: дис. на соискание ученой степени кандидата наук о культуре НИУ ВШЭ. М., 2021. [Рукопись].
29. Шнирельман В. А. Аркаим: археология, эзотерический туризм и национальная идея // *Антропологический форум*. 2011. № 14. С. 133–167.
30. Давыдова А. С. Воспроизведение сакрального ландшафта Териберки в контексте развития туризма в Мурманской области // *Труды КНЦ РАН (Гуманитарная серия)*. 2021. Вып. 21. Т. 12, № 4. С. 126–140. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.009>
31. Urry J. *The Tourist Gaze: Leisure and Travel in Contemporary Societies* (2nd edition). London: SAGE Publications Ltd, 2002. 184 p.
32. Macdonald S. Mediating heritage: Tour guides at the former Nazi Party rally grounds, Nuremberg // *Tourist Studies*. 2006. Vol. 6 (2). P. 119–138.

33. Weiler B., Yu X. Dimensions of cultural mediation in guiding Chinese tour groups: Implications for interpretation // *Tourism Recreation Research*. 2007. Vol. 32 (3). P. 13–22. <https://doi.org/10.1080/02508281.2007.11081535>
34. Holloway J. C. The guided tour a sociological approach // *Annals of Tourism Research*/ 1981. Vol. 8 (3). P. 377–402. [https://doi.org/10.1016/0160-7383\(81\)90005-0](https://doi.org/10.1016/0160-7383(81)90005-0)
35. Разумова И. А. Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой воды» и Хибин. Социально-антропологические очерки / науч. ред. О. Р. Николаев. СПб.: Гамас, 2009. 162 с.

References

1. Scherle N., Nonnenmann A. Swimming in cultural Flows: Conceptualising tour guides as intercultural mediators and cosmopolitans. *Journal of Tourism and Cultural Change*, vol. 6 (2), 2008, p. 120–137. <https://doi.org/10.1080/14766820802364147>
2. Zhelnina Z. Ju. Turizm Murmanskoy oblasti kak drajver razvitiya territorii [Tourism of the Murmansk region as a driver for the development of the territory]. *Obshchestvo: politika, jekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law], 2021, no. 9, pp. 65–75. <https://doi.org/10.24158/pep.2021.9.11>. (In Russ.)
3. *Doklad o sostojanii i razvitii konkurentnoj sredy na rynkah tovarov, rabot, uslug Murmanskoy oblasti v 2020 g.* [Report on the state and development of the competitive environment in the markets for goods, works, services of the Murmansk region in 2020]. *Murmanskaja oblast': investicionnyj portal*. 2021 [Murmansk region: investment portal. 2021]. Available at: <https://invest.nashsever51.ru/pages/razvitie-konkurentsii>
4. Bertosh A. A. Arkticheskij turizm: konceptual'nye cherty i osobennosti [Arctic tourism: conceptual features and features]. *Trudy KNC RAN* [Transactions of the Kola Science Centre], 2019, vol. 10 (17), no. 7, pp. 169–180. <https://doi.org/10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.169-180>. (In Russ.)
5. Mason P., Christie M. Tour guides as critically reflective practitioners: a proposed training model. *Tourism Recreation Research*, vol. 28 (1), 2003, p. 23–33. <https://doi.org/10.1080/02508281.2003.11081383>
6. Randall C., Rollins R. Visitor perceptions of the role of tour guides in natural areas. *Journal of Sustainable Tourism*, vol. 17 (3), 2009, p. 357–374. <https://doi.org/10.1080/09669580802159727>
7. Weiler B., Black R. *Tour guiding research: Insights, issues and implications*. Aspects of tourism, 62, Bristol: Channel View Publications, 2015, 208 p.
8. Weiler B., Walker K. Enhancing the visitor experience: Reconceptualising the tour guide's communicative role. *Journal of Hospitality and Tourism Management*, vol. 21, 2014, p. 90–99. <https://doi.org/10.1016/j.jhtm.2014.08.001>
9. Cohen E. The tourist guide. *Annals of Tourism Research*, vol. 12. (1), 1985, p. 5–29. [https://doi.org/10.1016/0160-7383\(85\)90037-4](https://doi.org/10.1016/0160-7383(85)90037-4)
10. Buhalis D. *The tourism phenomenon*. Tourism in the Age of Globalisation, London; New York: Routledge, 2001, 28 p.
11. Vanhove N. Globalisation of tourism demand: The underlying factors and the impact on marketing strategy. P. Keller (ed.) *Globalisation and Tourism*, Sankt Gallen, Aiest Publications, 1996, pp. 47–113.
12. Borges de Lima Ismar, Ronda J. Green. *Wildlife Tourism, Environmental Learning and Ethical Encounters: Ecological and Conservation Aspects*, 2017, Cham: Springer International Publishing, Imprint: Springer, 295 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-55574-4>
13. Singleton A. The summer of the Spirits: Spiritual tourism to America's foremost village of spirit mediums, *Annals of Tourism Research*, 2017, vol. 67, p. 48–57. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2017.08.002>
14. Norman A. The varieties of the spiritual tourist experience. *Literature & Aesthetics*, 2012, vol. 22 (1), p. 20–37.
15. Hirschorn S., Hefferon K. Leaving it all behind to travel. *Journal of Humanistic Psychology*, 2013, vol. 53 (3), p. 283–306. <https://doi.org/10.1177/0022167813483007>
16. Heelas P. *Spiritualities of life: New Age romanticism and consumptive capitalism*, Malden, MA: Blackwell Pub, 2008, 282 p.
17. Kale S. Spirituality, religion, and globalization. *Journal of Macromarketing*, 2004, vol. 24, p. 92–107. <https://doi.org/10.1177/0276146704269296>
18. Lehto X., Brown S., Chen Y., Morrison A. Yoga tourism as a Niche within the wellness tourism Market. *Tourism Recreation Research*, 2006, vol. 31 (1), p. 25–35. <https://doi.org/10.1080/02508281.2006.11081244>
19. Djurkgejm Je. *Jelementarnye formy religioznoj zhizni. Totemicheskaja sistema Avstralii* [Elementary forms of religious life. Australia's totemic system]. Moscow, Izdatel'skij dom "Delo" RANHiGS, 2018, 736 p.

20. Allcock J. Tourism as a sacred journey. *Loisir et Société*, 1988, vol. 11 (1), p. 33–48. <https://doi.org/10.1080/07053436.1988.10715288>
21. Sharpley R. Tourism, religion and spirituality. *The Sage Handbook of Tourism Studies*, London, Sage Publications, 2009, pp. 237–253.
22. Graburn N. Tourism: The sacred journey. V. Smith (ed.) *Hosts and Guests: The Anthropology of Tourism*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1989, pp. 21–36.
23. Parsons H., Mackenzie S. H., Filep S. Facilitating Self-Development: How Tour Guides Broker Spiritual Tourist Experiences. *Tourism Recreation Research*, vol. 44 (2), p. 141–152. <https://doi.org/10.1080/02508281.2019.1582159>
24. Andreeva Ju. O. “Mesta sily”, “duhi dol'menov” i “znaniya pervoistokov”: arheologicheskie pamjatniki i dvizhenie New Age “Anastasija” [“Places of Power”, “Spirits of Dolmens” and “Pristine Knowledge”: Archaeological Monuments and the New Age Movement “Anastasia”]. *Etnograficheskoe Obozrenie* [Ethnographic Review], 2014, no. 5, pp. 73–87. (In Russ.).
25. Kormina Zh. V. *Palomniki. Jetnograficheskie ocherki pravyslavnogo nomadizma* [Pilgrims: Ethnographic Sketches of the Orthodox Nomadism], Moscow, HSE Publishing House, 2019, 349 p. (In Russ.).
26. Seleznev A. G. Novaja mifologija istorii: arhetip “drevnih civilizacij” i sakral'nyj centr v rajone derevni Okunevo [New mythology of history: the archetype of “ancient civilizations” and the sacred center near the village of Okunevo]. *Etnograficheskoe Obozrenie* [Ethnographic Review], 2014, no. 5, pp. 41–59. (In Russ.).
27. Selezneva I. A. Sakral'nyj centr i vneshnij mir: problemy vzaimodejstvija [The sacred center and the outside world: problems of interaction]. *Etnograficheskoe Obozrenie* [Ethnographic Review], 2014, no. 5, pp. 59–73. (In Russ.).
28. Tiukhtiaev A. *Dolina reki Zhane kak palomnicheskoe mesto: n'ju-jejdzh duhovnost', performans i autentichnost'*. Diss. kand. kul'turologicheskikh nauk [The Zhane River Valley as a place of pilgrimage: new age spirituality, performance and authenticity. PhD (Cultural studies) diss.]. Moscow, 2021. 275 p.
29. Shnirel'man V. A. Arkaim: arheologija, jezotericheskij turizm i nacional'naja ideja [“Arkaim: archeology, esoteric tourism and national idea”]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological forum], 2011, no. 14, pp. 133–167. (In Russ.).
30. Davydova A. S. Vosproizvedenie sakral'nogo landshafta Teriberki v kontekste razvitija turizma v Murmanskoy oblasti [Reproduction of the Sacred Landscape of the “Edge of the Earth” in the context of tourism development in the Murmansk region (on the example of Teriberka settlement)]. *Trudy KNC RAN (Gumanitarnaja serija)* [Transactions of the Kola Science Centre], 2021, vol. 21 (12), no. 4, pp. 126–140. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.009>. (In Russ.).
31. Urry J. *The Tourist Gaze: Leisure and Travel in Contemporary Societies* (2nd edition), London, SAGE Publications Ltd, 2002, 184 p.
32. Macdonald S. Mediating heritage: Tour guides at the former Nazi Party rally grounds, Nuremberg. *Tourist Studies*, 2006, vol. 6 (2), p. 119–138.
33. Weiler B., Yu X. Dimensions of cultural mediation in guiding Chinese tour groups: Implications for interpretation, *Tourism Recreation Research*, 2007, vol. 32 (3), p. 13–22. <https://doi.org/10.1080/02508281.2007.11081535>
34. Holloway J. C. The guided tour a sociological approach. *Annals of Tourism Research*, 1981, vol. 8 (3), p. 377–402. [https://doi.org/10.1016/0160-7383\(81\)90005-0](https://doi.org/10.1016/0160-7383(81)90005-0)
35. Razumova I. A. Kul'turnye landshafty Kol'skogo Severa: goroda u “Bol'shoj vody” i Hibin [Cultural landscapes of the Kola North: cities near the “Bolshaya Voda” and Khibiny]. Saint Petersburg, Gamas, 2009, 160 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. С. Давыдова — кандидат исторических наук, научный сотрудник.

Information about the author

A. S. Davydova — PhD (History), Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 25.09.2021; одобрена после рецензирования 05.10.2021; принята к публикации 10.10.2021.
The article was submitted 25.09.2021; approved after reviewing 05.10.2021; accepted for publication 10.10.2021.

Научная статья
УДК: 394:004.7 (=511.1)
doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.008

ИЗУЧЕНИЕ СААМСКОГО СЕГМЕНТА РОССИЙСКОГО ИНТЕРНЕТА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ КИБЕРЭТНОГРАФИИ

Лариса Андреевна Тарова (Кузнецова)

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра
«Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, lalalissysorkuz@yandex.ru*

Аннотация

Рассматриваются основные направления исследований виртуальных сетевых сообществ кольских саамов в российском «этническом Интернете» в контексте общих проблем изучения киберэтничности. В историографическом обзоре представлены методологические основания изучения киберэтничности, ключевые вопросы, идеи, результаты работ, посвященных особенностям репрезентации этнической идентичности кольских саамов Мурманской области посредством онлайн-среды, а также процессов формирования и функционирования интернет-сообществ, нацеленных на сохранение и продвижение саамской культуры. Одним из актуальных аспектов является исследование современных этнических и социокультурных процессов, которые протекают в социальной реальности коренного малочисленного народа Кольского Севера и находят отражение в саамских этнических интернет-сообществах (сайтах, форумах, блогах, группах социальных сетей и др.).

Ключевые слова:

Интернет-сообщества, кольские саамы, Мурманская область, социокультурные проблемы, киберэтничность

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2022-0028.

Для цитирования:

Кузнецова Л. А. Изучение саамского сегмента российского Интернета в контексте проблематики киберэтнографии. // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 84–97. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.008

Original article

THE SAAMI SEGMENT OF THE RUSSIAN INTERNET IN THE CONTEXT OF CYBERETHNOGRAPHY

Larisa A. Tarova (Kuznetsova)

*Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia,
lalalissysorkuz@yandex.ru*

Abstract

The main directions of research of virtual network communities of Kola Sami in the Russian “ethnic Internet” are considered in the context of general problems of studying cyberethnicity. The historical review presents methodological grounds for the study of cyberethnicity, key issues, ideas, results of work devoted to the features of the representation of the ethnic identity of the Kola Sami of the Murmansk region through the online Sami cultural environment, as well as the development and functioning of Internet communities aimed at preserving and promoting Sami culture. One relevant aspect is the study of contemporary ethnic and sociocultural processes that are taking place in the social reality of the small indigenous people of the Kola North and reflected in the Sami ethnic Internet communities (sites, forums, blogs, social networking groups, etc.).

Keywords:

Internet communities, Kola Sami, Murmansk region, socio-cultural problems, cyberethnicity

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Center “Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences” No. FMEZ-2022-0028.

For citation:

Kuznetsova L. A. The Saami segment of the Russian Internet in the context of cyberethnography // Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities. 2022. Vol. 1, No. 1. P. 84–97. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.008

Введение

Исследование этнокультурной идентичности кольских саамов актуально с точки зрения современной социально-культурной антропологии, рассматривающей, в частности, проблемы этнической идентификации в условиях современной оцифрованной социальной среды, этнических и культурных границ. Всплеску этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов России на постсоветском пространстве сопутствует ее проблематизация в научном и общественных дискурсах. Острота обсуждений связана в первую очередь с риском утраты ценностного содержания культур КМНС, в том числе саамов Кольского полуострова [1]. Этноидентификационные процессы все более явно приобретают новые формы и содержание с развитием интернет-среды — уникального пространства социального взаимодействия. Вопреки опасениям, что Интернет как изобретение эры глобализма и одно из её наиболее действенных средств рискует обесценить и стереть представления об уникальности этнических культур, практика показывает, что основой современной киберэтничности (выражения этнической идентичности в онлайн-пространстве) [2] является активная презентация культурного потенциала этнической группы, стремящейся заявить о своей значимости и стремлении к объединению ее представителей без привязки к определенной территории. В последнее время исследователи отмечают исчезновение языков и прерванность межпоколенческой традиционной связи, благодаря которым осуществлялись передача и воспроизводство элементов материальной культуры кольских саамов (национальные костюмы, предметы быта), традиций, языков и т. п. Однако именно в связи с этими обстоятельствами процесс самопознания этнических групп все больше реализуется за счет не внутренних, как раньше, а внешних источников [3]. Среди них приобщение к сети Интернет занимает у современных саамов все более уверенные позиции. Кольские саамы, как и иные этнические группы, имеют не только различные организации (общественные объединения, музеи, творческие коллективы), призванные объединить сведения об истории, современной и традиционной культуре народа, а также бороться с рядом региональных и специфических для этнической общности социальных проблем. В то же время они презентуют деятельность этих официальных и неформальных организаций в сети Интернет, то есть создают киберсообщества или интернет-сообщества. В этом процессе Интернет с его техническими средствами предстает не просто как глобальное цифровое пространство с определенным набором технологий и сервисов, но и как социокультурная технология. Сам факт использования Интернета институтами, конструирующими этнокультуру, становится коммуникативной информационной технологией репрезентации, трансляции и сохранения данных [5].

На развитие реальной деятельности по укреплению этнокультурной идентичности и на степень ее репрезентации в сети Интернет влияет множество факторов — социокультурных, регионально-политических, социально-экономических, технологических. Сетевая популяризация жизни и культурной деятельности этнической общности — динамический процесс. В частности, распространение новых сведений в рамках этнической самопрезентации в онлайн-среде зависит от политики регулирования государственными органами доступа к информации; от степени готовности представителей этнической группы заявлять о своих проблемах широкой общественности и организациям по поддержке тех или иных народов; от технического совершенства интерфейсов интернет-источников, которое определяет способы взаимодействия с пользователем, и других обстоятельств. Отображение целей, ценностей и направлений этнокультурной деятельности в цифровой среде, постепенно развиваясь, привело к положительным и негативным последствиям (реализующимися как онлайн, так и в реальности) для представителей самих «публикующихся» этнических групп и для тех, кто их изучает с профессиональными и любительскими целями.

Цифровая этнография и изучение киберэтничности

Наша цель — определить основные направления, ключевую проблематику и результаты исследований, посвященных «саамскому» сегменту российского Интернета, в контексте общих проблем изучения киберэтничности и социально-культурных функций виртуальных сетевых сообществ, ориентированных на сохранение и продвижение этнокультур.

Цифровая этнография относится к относительно новым и активно развивающимся разделам социально-культурной антропологии, с множеством не изученных на данный момент явлений цифровой среды как социокультурной реальности в связи с ее динамичным развитием и изменением

соответствующих способов и средств связи. Культура кольских саамов, в свою очередь, не столько является малоизученной, сколько характеризуется недостаточной доступностью для изучения. Представители этой этнической общности в значительной части не склонны раскрывать достоверную информацию о ней. Причины такой сдержанности во многом коренятся в коммерческой театрализации и профанации саамской символики на фоне активного развития туризма в Мурманской области.

Изучение цифрового отражения этнической идентичности закономерно опирается на конструктивистский подход, согласно которому этничность коренится не «в сердцах», а «в головах» индивидов, являющихся членами этнических групп — «воображаемых сообществ» или «социальных конструкций». В свое время Ф. Барт предложил изучать не конкретный набор культурных особенностей, приписываемый всем или большинству представителей этнической группы, а те особенности, которые являются значимыми для идентификации другого индивида как члена своей или другой группы, то есть социальные границы. Задача исследователя состоит в определении признаков, которые сами люди считают значимыми и воспринимают в качестве маркеров, сигнализирующих о принадлежности к своей или другой группе [6]. Р. Брубейкер, Ф. Купер и А. Виммер, развивая эту методологию, предлагали исследовать социальные контексты, в которых конструируются этнические границы, поскольку идентичность формируется в активном взаимодействии человека с окружающей реальностью. Индивид «становится кем-то» в конкретных действиях, которые осуществляет в том или ином контексте, следовательно, обладает способностью воспринимать окружающую реальность определенным образом и устанавливать свое место в этой системе координат [7, 8].

Согласно В. А. Тишкову, этническая самоидентификация является осознанным соотношением личности с определенной этнической группой, что «превращает различия (как давние и явные, так и конструируемые, порою — иллюзорные) в коллективность» [9: 120]. Ключевую роль в конструировании этничности играет политика этнического предпринимательства и мифотворчества. Конструктивистское восприятие этничности сводится к рассмотрению этого феномена как формы социальной организации культурных различий. Особую значимость приобретают не позитивистские и натуралистические трактовки этнических феноменов (например, территория или исторические факты), а их субъективная сторона: групповое сознание, мифотворчество, чувство солидарности. Г. Р. Шакурова, ссылаясь на мнение В. А. Тишкова, подтверждает, что процесс социального конструирования может быть направлен на компенсацию дефицита культурной отличительности [10]. Соответственно, этническая принадлежность представляется не врожденной, а изменяющейся характеристикой человека. Здесь конструктивизм использует и наработки модернистской антропологии, рассматривающей этническую группу как ситуативную общность, возникающую в процессе межгруппового взаимодействия.

Исследование практик публичных массовых мероприятий, музейных и других культурно-образовательных анимационных программ, репрезентируемых в этнических онлайн-сообществах, в частности, кольских саамов, подкреплено идеями междисциплинарного направления «изучения перформативности» Р. Шехнера. Согласно этой концепции, перформанс происходит при реконструировании чужого поведения на основании существующей традиции, исторического и социального контекста [11], но существует он «в пределах относительно безопасных границ фантазии» [12]. Перформанс характеризует воображение человека, его способность «притворяться, умение одновременно быть собой и быть другим, существовать здесь и сейчас, и в то же время открывать невероятное разнообразие возможностей — быть кем угодно, где угодно и в каком угодно времени» [13]. Еще одним методологическим основанием служат идеи «театрального» подхода И. Гофмана о сценической постановке человеческих микровзаимодействий, приемах театрализации собственной деятельности в повседневности [14].

Говоря об основных предпосылках возникновения цифровой этнографии (как феномена и метода) и изучения онлайн-репрезентации этнической идентичности, важно отметить, что повышение внимания философов и представителей других научных дисциплин, прежде всего этнологов, к концепции конструктивизма совпало с активным развитием глобальной сети Интернет в конце XX века, что усилило восприятие виртуальной идентичности человека как конструктивистского явления. В результате, в этнологии произошла так называемая «революция воображения», при которой нация или народ воспринимаются как «воображаемые сообщества». Одной из вариаций формирования таких сообществ стала виртуальная консолидация разрозненных в пространстве пользователей по признаку этнического происхождения. Именно изучение так называемых цифровых аспектов этничности стало новейшим и наиболее перспективным направлением в этнографии, антропологии и социологии XXI столетия.

З. В. Сикевич напоминает, что первая попытка концептуального осмысления феномена этничности в информационном обществе была осуществлена еще в конце 1990-х годов классиком сетевого подхода М. Кастельсом, предрекшим неуклонное снижение актуальности этнической самоидентификации и реконфигурацию этничности перед лицом вызовов глобального мира [15]. А. В. Головнёв и др. ссылаются на синонимичное «киберэтничности» понятие «виртуальная этничность», предложенное М. Постером в 1998 году. Оно означает «взаимодействие реальных и виртуальных элементов в конструировании этнических групп» [16].

В разработку проблемы определения места этничности в формировании виртуальных сообществ особенно заметен вклад Т. Х. Эриксона — признанного теоретика в области изучения национализма. Он рассматривал виртуальную этничность в первую очередь как инструмент связи этнонациональных групп, испытывающих давление со стороны властных структур или обстоятельств, в силу которых кооперация группы не может быть осуществлена вне виртуального пространства. Итогом столкновения этнических групп с подобными трудностями становится феномен, названный Эриксом «виртуальным национализмом»: вид кооперации диаспор, непризнанных государств, угнетаемых культурных общностей и этнических оппозиций, решающих в Сети вопросы собственной идентичности. Как можно заметить, данная теоретическая концепция однозначно трактует виртуальную этничность как прямое продолжение реальных процессов идентификации по этнонациональному признаку, обладающее, однако, пространственной нестабильностью (отсутствием привязки этнических групп к определенной территории), в гораздо меньшей степени свойственной реальным нациям [15].

Что касается киберэтнографии (веб-этнографии, виртуальной и цифровой) как нового развивающегося раздела классической этнографии, предполагающего использование этнографических методов для изучения онлайн-сообществ [17], в том числе способов презентации этничности в цифровой среде (информационных ресурсов), то она, по большому счету, не является революционной научной дисциплиной. Возможности сети Интернет расширяют арсенал существующих методов этнографического исследования путем модификации и опосредования имеющихся способов сбора и анализа данных [18]. Учитывая огромную широту и разнообразие областей знания, которые можно назвать цифровой, интернет- или онлайн-этнографией, можно описать «этнографию в цифровую эпоху» как исследование культурных паттернов и образований, выявляемых при помощи определенных вопросов на пересечении технологии и людей в эпоху постинтернета. Этот экологический взгляд вполне уместен, поскольку исследует социальную и культурную динамику и личность в их неразрывной связи с коммуникационными технологиями. Киберэтнография отличается от классической специфичностью не только объекта, но и методов исследования, эволюционирующих одновременно с развитием сети Интернет, и изменениями практик его использования. По утверждению профессора информационных наук в Орхусском университете Дании и члена ассоциации интернет-исследователей (АОИР) Аннет Маркхам, ссылающейся на утверждения Г. Рейнгольда и К. Хайн, на момент начала ее изучения цифровых социальных контекстов (1980-е – 2000-е годы) «Интернет был в первую очередь средством связи, с помощью которого люди обменивались текстами», но в настоящее время интернет-интерфейсы стали «более банальны, более встроены, воплощены и повседневны» [19].

Киберэтнография прослеживает, как виртуальная жизнь встраивается в повседневную реальность, изучает реальную (офлайн) и виртуальную (онлайн) идентичность. Виртуальная идентичность предполагает самовыражение в киберпространстве, которое связано с позиционированием и презентацией этнических сообществ в социальных сетях, на сайтах и форумах. Изучающая метод цифровой этнографии А. Маркхам утверждает, что в исследованиях групп по интересам, которые появляются, растут и функционируют как стабильные онлайн-сообщества, приходится постоянно отмечать и пересматривать границы поля, поскольку границы этих сообществ выстраиваются дискурсивно, на основе связности, интересов и потоков, а не географии, национальности или близости [19]. К. Диамандаки выявляет механизмы виртуальной групповой консолидации по этнонациональному признаку. К наиболее распространенным исследовательница относит возможности: а) Интернета как глобального информационного поля, облегчающего поиск и хранение актуальной для группы истории и записанной коллективной памяти; б) сети как мировой публичной площадки для этнополитических заявлений и дискуссий; в) социальных сетей как зон схождения, позволяющих осуществлять поиск представителей своей группы [20]. Развивая идеи Диамандаки, Р. Саундерс выделил такой важный для виртуальной этничности аспект как возможность самостоятельного формирования медийного контента, содержащего символы и смыслы, разделяемые этнической группой [21].

В интернет-пространстве нередко происходит лишь внешнее оформление признаков принадлежности к культуре, социальной или культурной группе. В современных практиках активно воспроизводятся, реконструируются и возрождаются образы традиционной культуры, которая превратилась в удобный носитель, наполняемый новыми современными значениями. Исследователи, в частности, Н. А. Волокитина [22], говорят о том, что в процессе развития информационных технологий, следовательно, и интернет-пространства, утверждается этновизуальная культура, которая представляет собой совокупность национальных особенностей мировосприятия, заключающихся в трактовке характера человека, его внешнего облика, особенностей быта, образа жизни, отраженных в аудиовизуальных текстах. На данный момент возрождение этнических ценностей имеет несистематический характер и часто сводится к внешней атрибутике, возрождаются отдельные элементы — ритуалы, обычаи и пр. Уникальность культуры воспринимается через своеобразие внешних атрибутов и символов. При этом элементы и образы традиционной этнической культуры, привлекаемые для современного массового потребления, в основном вторичны, они являются результатом трансформации и изменения контекста их существования. Такие процессы, например, происходят с традиционной праздничной культурой в России, когда возрождаются традиционные этнические аутентичные праздники, но в соответствии с изменившейся реальностью, с изменением их функций и содержания конструируются новые по форме и содержанию праздники на основе традиционной культуры (символов, кодов, приемов, сценария, элементов). Нечто подобное наблюдается и в сфере репрезентации этнической идентичности, когда основной упор делается на внешние отдельные элементы этнической культуры. Иными словами, наблюдается тенденция к тому, что идентичность человека сетевой культуры строится через определение своей связи с объектами и отдельными элементами культуры и показ этой связи окружающим. Кроме того, этническая идентичность выражается через участие в тематических сообществах социальных сетей («пабликах», группах) и других видах интернет-сообществ («Самьбллимэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте» и т. д.).

Несмотря на активную репрезентацию саамского языка и литературы, общение участников подобных сообществ чаще всего происходит не на родном языке, а на русском, да и сам их состав практически всегда этнически разнородный, это не традиционные закрытые этнические группы.

Взаимодействие в интернет-пространстве происходит в условиях открытости, отсутствуют языковые, национальные, территориальные и иные барьеры. Активное участие в таких сообществах людей, которые ранее никогда не смогли бы себя идентифицировать с определенной этнической общностью ввиду отсутствия объективных показателей (язык, место рождения и прочее), показывает возрастание фактора осознанного личного выбора идентичности современного человека. Сейчас важнее не объективные признаки, а чувство принадлежности к группе, заинтересованности в культуре, собственное отношение к сообществу, собственно «индивидуальное оформление себя». В любом случае факт существования различных сообществ и групп в социальных сетях, нацеленных на популяризацию той или иной традиционной этнической культуры, показывает, что окончательная утрата этих культур в условиях глобализации, как опасались многие, не произошла.

Репрезентация этнической идентичности в интернет-пространстве выражается также в подчеркнутом участии в этнических праздниках и публичной демонстрации этого участия через фото или видео в социальных сетях, через феномен мобильной фотографии в этническом контексте (фото малой родины, со значимыми культурными объектами и людьми, фото отчего дома, фото с представителями своего старшего поколения), через активную публикацию и распространение материалов тематических этнических СМИ, через демонстративное выкладывание книг о культуре своего народа.

Репрезентация этнической идентичности происходит и через сетевое творчество (создание мемов или комиксов на родных языках и этнические темы), а также через демонстрацию своего участия в различных культурных сетевых акциях, например, чтение стихов на родных языках на видео, участие в конкурсе открыток и поздравлений ко дню родного языка и т. п. Нужно подчеркнуть, что подобная публичная демонстрация происходит постоянно, закрепляя образ. В современной ситуации человек транслирует свою идентичность на массовый уровень, отражая при этом свою принадлежность к конкретной «узкой» группе, поэтому он вынужден оперировать материалом, который понятен публике, принадлежащей двум этим разным уровням. По факту происходит сигнализирование о принадлежности к отдельной (уникальной) группе и показ отстраненности от других групп и масс в целом. Отсюда использование очень ярких элементов и символов этнической культуры, дабы стало ясно, с кем себя соотносит человек и от кого отстраняется. Собственно, так и формируется этновизуальная культура.

Важно отметить, что современная виртуальная культура приводит к потере телесного и искажению вещного. Вещь нужна и существует (интересна) только в контексте отображения в сети. Это происходит и с этнической традиционной культурой, которая для некоторых интересна только в связи со своей непохожестью на официальную доминирующую культуру. То же самое может происходить и с отображением этнической идентичности в сети Интернет. Выражать свою этническую идентичность интересно, поскольку так транслируется идея индивидуальности человека, его непохожести на остальных. Однако наблюдение показывает, что для многих выражение своей этнической идентичности в сети Интернет становится способом не просто привлечь внимание, а действительно отразить «себя». Особенно хорошо это заметно в среде активистов этнических движений, которые поддерживают отображение своей этнической принадлежности всеми способами и во всех аккаунтах в социальных сетях [22].

Операционализация терминов «этнический Интернет», «национальный Интернет», «интернет-сообщество»

С термином «киберэтничность/виртуальная этничность» тесно связаны понятия «этнического» и «национального» Интернета, обозначающие совокупности этноориентированных (этнических) интернет-сообществ. Следует учитывать, что обозначения «этнический Интернет» и «национальный Интернет», а также «интернет-ресурс» и само понятие «интернет-сообщество» в значительной степени переплетены в общественном сознании (вплоть до признания их синонимичными). Несмотря на это, между ними обнаруживаются некоторые различия. В силу того, что представители одной этнической группы могут проживать на территории различных государств, представляется более целесообразным говорить о саамском сегменте «этнического» Интернета как о сегменте Интернета «национального». Согласно определению Г. Ф. Габдрахмановой и З. А. Махмутова, под «национальным Интернетом» можно понимать сведения (сообщения, данные), которые повествуют (в форме реальных и воображаемых знаний — исторические, этнографические, фольклорные текстовые, фото-, аудио- и видеоматериалы и т. д.) и демонстрируют этничность (через характеристики этнической группы — национальный язык, ментальность, специфическая этнокультурная терминология и т. д.), а также дискурсивное поле, обеспечивающее общение и взаимодействие представителей одной или нескольких этнических групп в онлайн- и/или офлайн-пространстве. Данное определение позволяет рассматривать этничность в интернет-пространстве в разных контекстах: интерактивном (как форму межгруппового взаимодействия различных групп), атрибутивном (как совокупность характеристик, конструирующих этническую группу) и субъектно-символическом (как особую форму социальной идентичности). Особенностью такой виртуальной этничности является ее параллельность с существующим миром актуализированных этнических чувств граждан того или иного государства, проявляющихся в реальной жизни; в ней формируются новые формы взаимодействий (меж- и внутриэтнических), новые представления об этнических группах и об этнической идентичности [23].

Национальный Интернет объединяет социальные информационные и медиаресурсы. Обе эти группы подразделяются на официальный, медийный и познавательный сегменты. Информационные ресурсы национального Интернета включают в себя базы данных, связанных с этничностью, которые представлены на порталах органов государственного управления и власти, ведомственных учреждений (музеев, библиотек, архивов), сайтах экспертных сообществ, электронных СМИ и в других информационных системах. Часть этих информационных ресурсов не предполагают обратной связи между их создателями и пользователями. Это поток официальной, медийной, познавательной информации об этничности и ее разнообразии в том или ином государстве, который направлен в «одну сторону» и в который заложен ожидаемый позитивный коммуникативный эффект.

Если говорить о российском национальном Интернете, то в одних случаях он выступает в качестве средства реализации государственной национальной политики федерального центра и регионов РФ в целях гармонизации межэтнических отношений. Например, проект Министерства культуры РФ «Портал культурного наследия и традиций России «Культура.РФ»» направлен на получение познавательной информации о народных традициях путем ознакомления его посетителей с каталогом объектов нематериального культурного наследия страны. Активными участниками формирования информационных ресурсов являются российские музеи, которые ведут работу по оцифровке своих фондов и презентуют их на официальных сайтах, Федеральное агентство по делам национальностей, освещающее опыт в области укрепления межэтнических взаимодействий, Гильдия межэтнической журналистики, выкладывающая новостные материалы о современном положении проживающих в России народов.

Другие информационные ресурсы (официальные, медийные и познавательные) нацелены преимущественно на представителей какой-то одной этнической группы, и в качестве их «авторов» выступают политические элиты административно-территориальных единиц страны, журналистский корпус, а также национальные активисты.

В случае с российским национальным Интернетом руководство национальных регионов устремляется к новейшим информационным технологиям для сохранения культуры и языков народов, давших названия данным субъектам РФ, при сохранении государственного языка РФ — русского языка. Этот процесс наблюдается на специальных интернет-ресурсах, представляющих собой официальный сегмент информационных ресурсов национального Интернета. К ним относятся сайты органов власти и управления, учреждений образования, здравоохранения, культуры, науки, общественного транспорта, предприятий промышленности, социальной сферы, коммерческих организаций, расположенных на территориях республик. Информация на этих сайтах выкладывается на двух языках — национальном и русском. Аналогично выглядит языковая ситуация на сайтах из саамского сегмента национального Интернета Норвегии, Швеции, Финляндии. Однако фиксация факта использования национального языка на сайтах учреждений, расположенных на территориях республик РФ, не является достаточно показательным индикатором языковой ситуации на информационных ресурсах. Даже там, где присутствует контент на национальном языке, он по объему нередко уступает русскому языку [23].

В отношении познавательного сегмента информационных ресурсов национального Интернета, функционирующего для представителей одной этнической группы, следует отметить двух основных инициаторов его появления. Во-первых, это политические элиты республик РФ и регионов вышеуказанных государств, которые оказывают организационную и финансовую поддержку различным информационно-образовательным ресурсам. Во-вторых, в последние годы большой вклад в развитие информационных ресурсов национального Интернета стали вносить активисты, благодаря инициативам которых появилось множество познавательных проектов. Медийный сегмент информационных ресурсов национального Интернета, ориентированный на представителей одной этнической группы, включает в себя электронные национальные СМИ (официальные, коммерческие) и авторские проекты. Социальные медиа национального Интернета, в отличие от информационных ресурсов, предоставляют пользователям возможность устанавливать внутриэтническую коммуникацию и формировать пользовательский этноориентированный контент. Это веб-ресурсы, созданные для общения представителей преимущественно одной этнической группы — к ним относятся блоги, микроблоги, социальные сети, хостинги, форумы [23].

Необходимо также провести различие между понятиями «интернет-ресурсы» и «интернет-сообщества» (или «сетевые сообщества»). Ввиду постоянного и безграничного пополнения и расширения информации, дробления и увеличения количества ее категорий в сети Интернет, а потому кажущегося на первый взгляд стихийного, хаотического характера накопления и систематизации различных видов сетевых ресурсов, важно учесть, что отчетливое понимание интернет-сообщества на сегодняшний день еще не достигнуто. У разных исследователей встречаются антагонистические толкования этого понятия. Наибольшее значение для формирования и существования сообщества имеют следующие характеристики: 1) единство целей, интересов и потребностей; 2) единство ресурсов, к которым члены сообщества имеют доступ; 3) единство контекста и языка коммуникации, в который погружены члены сообщества. Самым общим определением интернет-сообщества можно считать формулировку «место (веб-ресурс), где стабильный контингент пользователей постоянно встречаются друг с другом». Однако возникает вопрос, каждый ли интернет-ресурс создает свое сообщество, то есть утверждение «ресурс — равно сообщество» вызывает сомнения. С формальной точки зрения, если у интернет-ресурса есть посетители, обращения которых к данному сайту регулярны, их можно считать сообществом. Однако появление сообщества не является прямым следствием наличия постоянной аудитории: у него могут быть постоянные читатели и подписчики (по аналогии с печатными СМИ и средствами массовой коммуникации), но далеко не все они проявляют активность, откликаясь на публикации. Авторство более точной формулировки термина «виртуальное сообщество» в некоторых работах приписывают Говарду Рейнгольду, исследователю социальных отношений в Сети [24]. В работе “Virtual Community” Рейнгольд обсуждает различные примеры коммуникаций между членами социальных групп на базе таких возможностей глобальной Сети, как рассылки, новостные списки, многопользовательские сообщества, IRC. Рейнгольд предлагает определение: «виртуальные сообщества являются социальными объединениями, которые вырастают из Сети, когда группа людей поддерживает открытое обсуждение достаточно долго и человечно для того, чтобы сформировать сеть личных отношений в киберпространстве» [25].

Развитие «саамского» сегмента российского Интернета и аспекты его изучения

Поле репрезентаций саамской культуры является неотъемлемой частью «этнического» или «национального» сегмента Интернета [23], особенно в качестве новой формы поиска и представления этнической идентичности. Если говорить об истории реконструирования этнического самосознания кольских саамов, сбора и цифровизации сведений на эту тему, то в 2010-е годы ведущую роль в представлении саамской культуры стали играть автопрезентации. Как утверждают И. А. Разумова и О. А. Бодрова, данная тенденция связана прежде всего с процессами, происходящими в саамском сообществе: консолидацией кольских и западных саамов, «укреплением их самосознания», созданием новых общественных организаций. Кроме того, изменилось отношение к роли этнической культуры в современном обществе, начали развиваться практики сохранения и воссоздания этничности. По мнению авторов, основной технологией данных практик стало воспроизведение «этнографических черт» языка, религии, фольклора и т. д., послуживших основой конструирования новой этнической культуры кольских саамов. Определяющим моментом всех публикаций и публичных мероприятий в Мурманской области является саамская речь в случае присутствия носителей языка или использование отдельных выражений и слов, цитирование саамских авторов и другие способы введения языковых элементов в культурное пространство в случае отсутствия носителей языка. Кроме того, сосредоточению и цифровизации информации для формирования российского саамского сегмента Интернета поспособствовал тот факт, что стали меняться роли отдельных социальных институтов, конструирующих этническую культуру саамов. Так, региональное правительство в лице Мурманского областного центра коренных малочисленных народов Севера приняло на себя в основном организационно-посреднические функции в том, что касается популяризации этнической культуры саамов, к представителям саамской культуры перешла активная роль по собиранию и публикации саамского фольклора и по организации мероприятий, направленных на сохранение языка [5].

Что касается методов, примененных в обозреваемых исследованиях онлайн-сообществ кольских саамов, то, по мнению многих ученых, метод киберэтнографии должен выстраиваться на принципах традиционной этнографии: так, согласно мнению Е. Круза, киберэтнография имеет много отсылок к прошлому опыту и «необязательно означает этнографию нового» [26: 305]. По утверждению С. Ю. Белоруссовой, ссылающейся на работы таких исследователей, как Х. Кноблаух и К. Хайн, виртуальной этнографической практике, в сравнении с реальной, свойственны менее длительные по времени, но более насыщенные по погруженности исследования, для которых Х. Кноблаух предлагает термин «сфокусированная этнография». Эта область этнографической науки не интересуется всей культурой изучаемого общества, фокусируясь на определенном ее разделе. В виртуальной этнографии нет границ, поэтому ее объектом является «тема, а не место». Задача метода виртуальной этнографии — «исследовать установление границ и создание связей, особенно между “виртуальным” и “реальным”» [27].

В исследованиях местных онлайн-сообществ в социальных сетях и специальных сайтов, ориентированных на «саамскую тематику», применяются различные методы анализа вербального и визуального контента, глубинные интервью, невключенное наблюдение. Так, с помощью традиционных контент-анализа и невключенного наблюдения, адаптированных к использованию для изучения социокультурных взаимодействий в цифровой среде, были исследованы материалы СМИ и публикации на специальных сайтах, посвященных культуре кольских саамов и в сообществах социальных сетей; в работах Л. А. Кузнецовой и И. А. Разумовой использован в том числе и метод сфокусированной этнографии, исследующий узкие аспекты киберэтничности кольских саамов [28, 29]. Для изучения оценки модераторами онлайн-сообществ специфики функционирования, целесообразности использования и перспектив развития саамских виртуальных групп О. А. Сулейманова применила метод интервью [30].

Проблематика целенаправленных исследований «саамского» сегмента российского Интернета постепенно расширяется. Прежде всего это касается изучения проявлений и репрезентации этнической идентичности кольских саамов. В самой первой статье на эту тему [31] авторы исходили из того, что определение онлайн-сообщества как этнического осуществляется не через социальные категории, а путем эмпирического описания содержания, значений и назначения информации.

Киберсообщества кольских саамов были изучены на материале групп российской социальной сети «ВКонтакте», среди которых выделены их типы по отношению к офлайн-сообществам и организациям (а) группы, представляющие общественные объединения, организации, фонды, союзы; б) группы, созданные муниципальными учреждениями культурного профиля; в) сообщества, созданные благодаря индивидуальным инициативам киберактивистов; г) группы, созданные коммерческими организациями и частными предпринимателями с рекламной целью; д) группы, созданные для обсуждения отдельных культурных инициатив и аспектов культуры).

На основании экспертного опроса и анализа контента саамских веб-сообществ определились их основные функции: коммуникативная, интегративная, информационно-познавательная, развлекательная и др. Также были установлены функции сетевой коммуникации, варьирующиеся в зависимости от статусов участников. Создатели сообществ, модераторы, администраторы и киберактивисты в значительной степени преследуют цели повышения статуса соответствующих им офлайн-объединений, активизации практической культурно-проектной деятельности, просветительские, этнополитические, коммерческие, а также индивидуального пиара. Для других участников и подписчиков сетевые коммуникации в этнических онлайн-сообществах служат целям познания, самовыражения, поиска единомышленников в сферах интересов и ценностей, поиска туристических услуг, этноспецифических товаров, обмена впечатлениями и т. п.

Исследование показало, что утверждение и трансляция киберэтничности является основной функцией всех типов групп, включая коммерческие (специализирующиеся, как правило, на продаже товаров с упрощенной, несколько утрированной или искаженной саамской символикой) виртуальные саамские сообщества репрезентируют традиционную культуру разносторонне, но неравномерно. Об этом свидетельствуют и результаты исследований репрезентации материально-визуальной [4, 32] и образовательно-познавательной [28] составляющих процесса популяризации культуры кольских саамов. Так, анализ визуальных единиц информации, проведенных в исследовании О. А. Сулеймановой, показал, что в визуальных образах не только отображаются обобщенные представления о саамах — оленеводстве и рыбной ловле как традиционных промыслах, обилии меховой одежды, традиционном жилище, но и транслируется субъективное восприятие этнической культуры извне и изнутри.

Популяризация этнической культуры онлайн — динамическая категория, характеризующаяся подъемами и спадами по ряду объективных и субъективных причин [29]. Большая часть саамского населения Мурманской области живет медленной онлайн-жизнью или не вовлечена в нее вопреки тому, что большинство онлайн-объединений кольских саамов претендуют на более широкие и взаимные контакты с региональной, российской и даже зарубежной общественностью, СМИ, властями. Функционирующие сетевые сообщества с трудом пытаются способствовать реализации социокультурных офлайн-проектов. Объективные социально-культурно-экономических проблемы саамов в офлайн-пространстве влияют на развитие саамской сетевой культуры и, напротив, распространение киберсообществ и разнообразие их контента, касающегося социокультурных проблем, влияют на разрешение этих проблем в реальности. Роль модератора онлайн-сообщества в киберсоциализации и популяризации культуры кольских саамов и проблемы, возникающие у самих модераторов, обозначились в результате их интервьюирования [30].

Одной из острых является проблема «профанации» саамской культурной символики в туристической и коммерческой среде средствами сети Интернет, на что в той или иной связи обращено внимание фактически во всех названных работах о саамских веб-сообществах, [5, 31], а также в статье социологической направленности О. В. Аксеновой и Р. В. Суляндзиги, посвященной развитию села Ловозеро [1].

Заключение

Подводя итоги, можно заключить, что результаты актуальных сегодня основных направлений исследований саамских онлайн-сообществ в российском сегменте сети Интернет (классификация сообществ по различным основаниям, динамика развития их функционирования и практическая значимость в популяризации культуры кольских саамов, динамика отображения образов материальной культуры и культурно-просветительского компонента, роль модераторов в функционировании сообществ и их субъективная оценка активности и перспектив действия этих онлайн-площадок и т. п. в будущем) свидетельствуют об определенных результатах деятельности саамских «сетевых» активистов, направленных на актуализацию традиционной культуры.

Высокую значимость для участников-саамов, а также создателей и руководителей интернет-сообществ имеют социокультурные проблемы, связанные с правовыми аспектами жизни саамов, трансляцией культурного наследия, достоверностью и аутентичностью репрезентации культурной символики, социализацией саамской молодежи, опасностью вымывания содержания из культуры вследствие исчезновения традиционного образа жизни. Есть объективная необходимость в активизации саамских

онлайн-сообществ с целью информирования тех социальных и профессиональных групп России и Мурманской области, которые могли бы, как можно больше узнав о социокультурных проблемах данной этнической группы, прямо или косвенно способствовать улучшению качества жизни ее представителей и сохранению саамского культурного наследия в России. В идее взаимовлияний объективных социально-культурных и экономических проблем саамов, с одной стороны, и активности киберсообществ, репрезентативности их социально-культурного контента, с другой, полностью реализуется задача метода виртуальной этнографии. Конструирование культурных образцов приводит к переформатированию этнической культуры саамов, изменению функциональности ее отдельных элементов и появлению новых этнокультурных форм.

Список сокращений

КМНС — коренные малочисленные народы Севера

ГОБУ — Государственное областное бюджетное учреждение

IRC (англ. “Internet Relay Chat”) — протокол прикладного уровня для обмена сообщениями в режиме реального времени

Список источников

1. Аксенова О. В., Суляндзига Р. В. Стратегия социокультурного развития села Ловозеро как основного места компактного проживания народа саами в Мурманской области // Природа и коренное население Арктики под влиянием изменения климата и индустриального освоения: Мурманская область / под ред. Е. А. Боровичёва и Н. В. Вронского. М.: «Графит», 2020. С. 115–136.
2. Белоруссова С. В., Головнев А. В. Виртуальная этничность — новация на фоне традиции? // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 36–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-etnichnost-novatsiya-na-fone-traditsii> (дата обращения: 26.09.2022).
3. Сулейманова О. А., Пация Е. Я. Повседневно-бытовые аспекты адаптации саамов к городскому образу жизни // Труды КНЦ РАН. 2016. № 8–10 (42). С. 89–106.
4. Сулейманова О. А. Презентация культуры кольских саамов в социальной сети «ВКонтакте»: динамика визуальных образов материальной культуры // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 169–199. DOI: 10.31250/2618-8600-2020-3(9)-169-199
5. Бодрова О. А., Разумова И. А. О современных технологиях репрезентации и сохранения этнической культуры кольских саамов // ВИАЭ. 2021. № 1 (52). doi.org/10.20874/2071-0437-2021-52-1-16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovremennyh-tehnologiyah-reprezentatsii-i-sohraneniya-etnicheskoy-kultury-kolskih-saamov> (дата обращения: 28.09.2022).
6. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006. С. 9–48.
7. Брубейкер Р, Купер Ф. За пределами «идентичности» // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 131–192.
8. Wimmer A. Ethnic boundary making: Institutions, power, networks. Oxford University Press, 2013.
9. Тишков В. А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 72–137.
10. Шакурова Г. Р. Современные подходы к изучению этничности // Этническая идентичность современных башкир: дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 155 с. URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/jetnicheskaja-identichnost-sovremennyh-bashkir.html> (дата обращения: 20.09.2022).
11. Демехина Д. О. К вопросу о концептуализации перформанса: версия Ричарда Шехнера // Киберленинка. 2017. 28 (4). С. 144–152. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kontseptualizatsii-performansa-versiya-richarda-shehnera/viewer> (дата обращения: 29.2022).
12. Теория перформанса // Издательство некоммерческого фонда V-A-C. URL: <https://v-a-c.org/publishing/performance-theory>
13. Теория перформанса. О книге // Подписные издания. URL: <https://www.podpisnie.ru/books/teoriya-perfomansa/>

14. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни // RoyalLib. URL: https://royallib.com/book/gofman_irving/predstavlenie_sebya_drugim_v_povsednevnoy_gizni.html (дата обращения: 12.09.2022).
15. Сикевич З. В., Федорова А. А. К проблеме соотношения реальной и виртуальной этничности // Социодинамика. 2018. № 8. С. 43–49. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27142 (дата обращения: 24.09.2022).
16. Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 100. URL: https://vk.com/doc505124243_530297875?hash=62d4ae91071ae1cdb1&dl=21cf4bd5cb02415f1e (дата обращения: 24.09.2022).
17. Мясникова М. Л. Онлайн-этнографический подход к исследованию интернет-сообществ: методологические разногласия и базовые принципы. рецензия на книгу: Hine C. *Ethnography fortheinternet: Embedded, Embodiedand Everyday*. Bloomsbury Academic, 2015 // ЖССА. 2017. № 1 / М. Л. Мясникова. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/onlayn-etnograficheskiy-podhod-k-issledovaniyu-internet-soobschestv-metodologicheskie-raznoglasiya-i-bazovye-printsipy-retsenziya-na> (дата обращения: 28.09.2022).
18. Полухина Е. В. Онлайн-наблюдение как метод сбора данных // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. Т. 6, № 7. С. 95–106. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=4383&l=&j=7&printmode (дата обращения: 21.09.2022).
19. Маркхам А. Этнография в цифровую эпоху: от полей к потокам, от описаний к воздействию. Ч. I. URL: <https://sysblok.ru/society/ethnography-in-the-digital-internet-era-1/> (дата обращения: 24.09.2022).
20. Diamandaki K. Virtual ethnicity and digital diasporas: Identity construction in cyberspace // *Global media journal*. 2003. 2 (2). P. 26–40.
21. Saunders R. *Ethnopolitics in Cyberspace: The Internet, Minority Nationalism, and the Web of Identity*. Lanham, MD: Lexington Books. 2011. 197 pp.
22. Волокитина Н. А. Этническая культура и репрезентация этнической идентичности в интернет-пространстве // Человек. Культура. Образование. 2019. № 3 (33). С. 39–45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-kultura-i-reprezentatsiya-etnicheskoy-identichnosti-v-internet-prostranstve> (дата обращения: 24.09.2022).
23. Габдрахманова Г. Ф., Махмутов З. А. Национальный Интернет России: к постановке проблемы // Вестник КИГИ РАН. 2018. № 3 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyu-internet-rossii-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 20.09.2022).
24. Шикуча Д. Интернет-сообщества как субъекты, формирующие глобальную информационную среду: понятие, происхождение, типы // Relga. 2006. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1055&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 21.09.2022).
25. Rheingold H. *The electronic version of The Virtual Community*. 1993. URL: <https://www.rheingold.com/vc/book/intro.html> (дата обращения: 29.09.2022).
26. Cruz E. G. *The (Be)coming of Selfies: Revisiting an Onlife Ethnography on Digital Photography Practices* // *The Routledge Companion to Digital Ethnography*. New York: Routledge, 2016. Pp. 300–307. Cruz 2016: 305.
27. Белоруссова С. Ю. Киберэтнография: методология и технология // Этнография. 2021. № 3 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberetnografiya-metodologiya-i-tehnologiya>
28. Кузнецова Л. А., Разумова И. А. Образовательный и культурно-просветительский компонент саамских этнических интернет-сообществ // Труды КНЦ РАН. 2020. № 1–18. С. 5–24.
29. Кузнецова Л. А. Анализ динамики функционирования саамских сетевых сообществ России и Мурманской области // Учёные записки ПетрГУ. 2022. Т. 44, № 6. С. 99–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.803
30. Сулейманова О. А. Саамские веб-сообщества глазами модераторов (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Вып. 21. Т. 12, № 4. С. 141–153. DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.010
31. Разумова И. А., Сулейманова О. А. Саамские сетевые сообщества в «этническом Интернете» России // Ученые записки ПетрГУ. 2019. № 2 (179). С. 114–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.299
32. Сулейманова О. А. Презентация культуры кольских саамов в социальной сети «ВКонтакте»: динамика визуальных образов материальной культуры // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 169–199. DOI: 10.31250/2618-8600-2020-3(9)-169-199

References

1. Aksenova O. V., Sulyandziga R. V. Strategiya sociokul'turnogo razvitiya sela Lovozero kak osnovnogo mesta kompaktnogo prozhivaniya naroda saami v Murmanskoy oblasti [The strategy of socio-cultural development of the village of Lovozero as the main place of compact residence of the Saami people in the Murmansk region]. *Priroda i korennoe naselenie Arktiki pod vliyaniem izmeneniya klimata i industrial'nogo osvoeniya: Murmanskaya oblast'* [Nature and Indigenous Population of the Arctic Under the Influence of Climate Change and Industrial Development: Murmansk Region]. Moscow, "Grafit", 2020, p. 115–136. (In Russ.).
2. Belorussova S. V., Golovnev A. V. Virtual'naya etnichnost' — novatsiya na fone traditsii? [Virtual ethnicity - an innovation against the backdrop of tradition?]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian historical research], 2019, no. 2, pp. 36–39. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-etnichnost-novatsiya-na-fone-traditsii> (accessed: 26.09.2022).
3. Sulejmanova O. A., Paciya E. Ya. Povsednevno-bytovye aspekty adaptatsii saamov k gorodskomu obrazu zhizni [Everyday life aspects of adaptation of the Saami to the urban lifestyle]. *Trudy KNC RAN* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2016, no. 8–10, pp. 89–106. (In Russ.).
4. Sulejmanova O. A. Prezentatsiya kul'tury kol'skih saamov v social'noj seti "VKontakte": dinamika vizual'nyh obrazov material'noj kul'tury [Presentation of the culture of the Kola Saami in the social network "VKontakte": the dynamics of visual images of material culture]. *Etnografiya* [Ethnography], 2020, no. 3 (9), pp. 169–199. DOI: 10.31250/2618-8600-2020-3(9)-169-199. (In Russ.).
5. Bodrova O. A., Razumova I. A. O sovremennykh tekhnologiyah reprezentatsii i sohraneniya etnicheskoy kul'tury kol'skih saamov [On modern technologies of representation and preservation of the ethnic culture of the Kola Saami]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography], 2021, no. 1 (52), pp. 172–178. doi.org/10.20874/2071-0437-2021-52-1-16. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovremennykh-tehnologiyah-reprezentatsii-i-sohraneniya-etnicheskoy-kul'tury-kolskih-saamov> (accessed: 28.09.2022).
6. Bart F. Vvedenie [Introduction]. *Etnicheskie gruppy i social'nye granicy. Social'naya organizatsiya kul'turnykh razlichij* [Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural differences]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2006, pp. 9–48. (In Russ.).
7. Brubejker R., Kuper F. Za predelami "identichnosti" [Beyond "identity"]. *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i nacionalizma* [Myths and delusions in the study of empire and nationalism]. Mosco, Novoe izdatel'stvo, 2010, pp. 131–192. (In Russ.).
8. Wimmer A. Ethnic boundary making: Institutions, power, networks. Oxford University Press, 2013, 304 p.
9. Tishkov V. A. Otkuda i kuda prishla rossijskaya etnologiya: personal'nyj vzglyad v global'noj perspektive [From where Russian ethnology came and where it came: a personal view in a global perspective]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2020, 2, pp. 72–137. (In Russ.).
10. Shakurova G. R. *Sovremennyye podkhody k izucheniyu etnichnosti* [Modern approaches to the study of ethnicity]. *Etnicheskaya identichnost' sovremennykh Bashkir: dis. ... kand. polit. nauk* [Ethnic identity of modern Bashkirs. PhD (Political Sciences) diss.]. Moscow, 2005, 155 p. (In Russ.). Available at: <http://www.dslib.net/polit-instituty/jetnicheskaja-identichnost-sovremennyh-bashkir.html> (accessed: 20.09.2022).
11. Demekhina D. O. *K voprosu o konceptualizatsii performansa: versiya Richarda Shekhnera* [On the question of the conceptualization of performance: Richard Schechner's version]. *Kiberleninka* [Kiberleninka], 2017, 28 (4), pp. 144–152. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kontseptualizatsii-performansa-versiya-richarda-shekhnera/viewer> (accessed: 29.2022).
12. *Teoriya performansa* [Performance Theory]. *Izdatel'stvo nekommercheskogo fonda V-A-C* [V-A-C Non-Commercial Foundation Publishing]. (In Russ.). Available at: <https://v-a-c.org/publishing/performance-theory>
13. *Teoriya performansa. O knige* [Performance theory. About the book]. *Podpisnye izdaniya* [Subscription editions]. (In Russ.). Available at: <https://www.podpisnie.ru/books/teoriya-performansa/>
14. Gofman I. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni* [Presenting yourself to others in everyday life]. *RoyalLib* [RoyalLib]. (In Russ.). Available at: https://royallib.com/book/gofman_irving/predstavlenie_sebya_drugim_v_povsednevnoj_gizni.html (accessed: 12.09.2022).
15. Sikevich Z. V., Fedorova A. A. *K probleme sootnosheniya real'noj i virtual'noj etnichnosti* [On the problem of correlation between real and virtual ethnicity]. *Sociodinamika* [Sociodynamics], 2018, no. 8, pp. 43–49. (In Russ.). Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27142 (accessed: 24.09.2022).

16. Golovnyov A. V., Belorussova S. Yu., Kisser T. S. *Veb-etnografiya i kiberetnichnost'* [Web ethnography and cyberethnicity]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2018, no. 1 (58), pp. 100–108. (In Russ.). Available at: https://vk.com/doc505124243_530297875?hash=62d4ae91071ae1cdb1&dl=21cf4bd5cb02415f1e (accessed: 24.09.2022).
17. Myasnikova M. L. *Onlajn-etnograficheskij podhod k issledovaniyu internet soobshchestv: metodologicheskie raznoglasiya i bazovye principy recenzii na knigu: Hine C. Ethnography fortheinternet: Embedded, Embodiedand Everyday. Bloomsbury Academic, 2015* [Online ethnographic approach to the study of Internet communities: methodological disagreements and basic principles. Book review: Hine C. Ethnography fortheinternet: Embedded, Embodiedand Everyday. Bloomsbury Academic, 2015]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2017, no. 1, pp. 199–208. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/onlajn-etnograficheskij-podhod-k-issledovaniyu-internet-soobshchestv-metodologicheskie-raznoglasiya-i-bazovye-principy-retsenziya-na> (accessed: 28.09.2022).
18. Poluhina E. V. *Onlajn-nablyudeniyе kak metod sbora dannykh* [Online surveillance as a data collection method]. *Interakciya. Interv'yuu. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation], 2014, vol. 6, no. 7, pp. 95–106. (In Russ.). Available at: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=4383&l=&j=7&printmode (accessed: 21.09.2022).
19. Markkham A. *Etnografiya v tsifrovuyu epokhu: ot poley k potokam, ot opisaniy k vozdeystviyu. Ch. I.* [Ethnography in the Digital Age: From Fields to Flows, From Descriptions to Effects. P. I]. (In Russ.). Available at: <https://sysblok.ru/society/ethnography-in-the-digital-internet-era-1/> (accessed: 24.09.2022).
20. Diamandaki K. Virtual ethnicity and digital diasporas: Identity construction in cyberspace. *Global media journal*, 2003, 2 (2), pp. 26–40.
21. Saunders R. *Ethnopolitics in Cyberspace: The Internet, Minority Nationalism, and the Web of Identity.* Lanham, MD, Lexington Books, 2011, 197 p.
22. Volokitina N. A. *Etnicheskaya kul'tura i reprezentaciya etnicheskoy identichnosti v internet-prostranstve* [Ethnic culture and representation of ethnic identity in the Internet space]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Man. Culture. Education], 2019, no. 3 (33), pp. 39–45. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-kultura-i-reprezentatsiya-etnicheskoy-identichnosti-v-internet-prostranstve> (accessed: 24.09.2022).
23. Gabdrahmanova G. F., Mahmutov Z. A. *Nacional'nyj Internet Rossii: k postanovke problem* [National Internet of Russia: to the formulation of the problem]. *Vestnik Kalmyckogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2018, no. 3 (37), pp. 142–151. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-internet-rossii-k-postanovke-problemy> (accessed: 20.09.2022).
24. Shikula D. *Internet-soobshchestva kak sub"ekty, formiruyushchie global'nyyu informacionnyuyu sredu: ponyatie, proiskhozhdenie, tipy* [Internet communities as subjects forming the global information environment: concept, origin, types]. *Relga* [Relga]. 2006. (In Russ.). Available at: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1055&level1=main&level2=articles> (accessed: 21.09.2022).
25. Rheingold H. *The electronic version of The Virtual Community*, 1993. Available at: <https://www.rheingold.com/vc/book/intro.html> (accessed: 29.09.2022).
26. Cruz E. G. *The (Be)coming of Selfies: Revisiting an Onlife Ethnography on Digital Photography Practices.* The Routledge Companion to Digital Ethnography. New York, Routledge, 2016, pp. 300–307. Cruz 2016: 305.
27. Belorussova S. Yu. *Kiberetnografiya: metodologiya i tekhnologiya* [Cyberethnography: methodology and technology]. *Etnografiya* [Ethnography], 2021, no. 3 (13). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberetnografiya-metodologiya-i-tehnologiya>
28. Kuznecova L. A., Razumova I. A. *Obrazovatel'nyj i kul'turno-prosvetitel'skij komponent saamskih etnicheskikh Internet-soobshchestv* [Educational and cultural component of the Saami ethnic Internet communities]. *Trudy KNC RAN* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2020, no. 1–18, pp. 5–24. DOI: 10.37614/2307-5252.2020.1.18.001. (In Russ.).
29. Kuznecova L. A. *Analiz dinamiki funkcionirovaniya saamskih setevyh soobshchestv Rossii i Murmanskoy oblasti* [Analysis of the dynamics of the functioning of the Saami network communities in Russia and the Murmansk region]. *Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Petrozavodsk State University], 2022, vol. 44, no. 6, pp. 99–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.803. (In Russ.).

30. Sulejmanova O. A. Saamskie veb-soobshchestva glazami moderatorov (na primere social'noj seti “VKontakte”) [Saami web communities through the eyes of moderators (on the example of the social network “VKontakte”). *Trudy KNC RAN. Gumanitarnye issledovaniya* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Humanitarian research], 2021, issue 21, vol. 12, no. 4, pp. 141–153. (In Russ.).
31. Razumova I. A., Sulejmanova O. A. Saamskie setevye soobshchestva v “etnicheskom Internetе” Rossii [Saami network communities in the “ethnic Internet” of Russia]. *Uchyonye zapiski PetrGU* [Proceedings of the Petrozavodsk State University], 2019, no. 2 (179), pp. 114–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.299. (In Russ.).
32. Sulejmanova O. A. Prezentaciya kul'tury kol'skih saamov v social'noj seti “VKontakte”: dinamika vizual'nyh obrazov material'noj kul'tury [Presentation of the culture of the Kola Saami in the social network “VKontakte”: the dynamics of visual images of material culture]. *Etnografiya* [Ethnography], 2020, no. 3 (9), pp. 169–199. DOI: 10.3 1250/2618-8600-2020-3(9)-169–199. (In Russ.).

Информация об авторе

Л. А. Тарова (Кузнецова) — аспирант, старший лаборант.

Information about the author

L. A. Tarova (Kuznetsova) — Postgraduate Student, Senior Laboratory Assistant.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.
The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 10.10.2022.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 091.5 : 069 : 55 (470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.009

ЛИЧНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПЕРСОНАЛЬНОГО ФОНДА ГЕОЛОГА Б. М. КУПЛЕТСКОГО МУЗЕЯ-АРХИВА ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА ЦЕНТРА ГУМАНИТАРНЫХ ПРОБЛЕМ БАРЕНЦ РЕГИОНА КОЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Ольга Вячеславовна Шабалина

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, o.shabalina@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0711-1913>

Аннотация

В публикации представлены два документа личного происхождения персонального фонда известного советского геолога Б.М. Куплетского, которые хранятся в Музее-Архиве истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. Личные документы ученого являются источниками биографических сведений и потенциальными историческими источниками для исследований в области истории геологического изучения Кольского полуострова в 20-е годы XX века.

Ключевые слова:

Б. М. Куплетский, геология Кольского полуострова, Хибины, источник личного происхождения

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2022-0028.

Для цитирования:

Шабалина О. В. Личные документы персонального фонда геолога Б. М. Куплетского Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 98–103. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.009

HISTORY

Original article

PRIVATE DOCUMENTS FROM THE PERSONAL FUND OF GEOLOGIST B. M. KYPLETSKY OF THE MUSEUM-ARCHIVE OF THE BARENTS CENTRE OF THE HUMANITIES OF THE KOLA SCIENCE CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Olga V. Shabalina

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, o.shabalina@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0711-1913>

Abstract

The article presents two documents from the personal fund of the famous Soviet geologist B. M. Kupletsky, which are stored in the Museum-Archive of History of Studying and Exploration of the European North of the Barents Centre of Humanities of the KSC RAS. The personal documents of the scientist are sources of biographical information and potential sources for research in the field of the history of geological exploration of the Kola Peninsula in the 20s of the 20th century.

Keywords:

B. M. Kupletsky, geology of the Kola Peninsula, Khibiny, personal source

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” No. FMEZ-2022-0028.

For citation:

Shabalina O. V. Private documents from the personal fund of geologist B. M. Kupletsky of the Museum-Archive of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences // Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities. 2022. Vol. 1, No. 1. P. 98–103. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.009

Геолог-петрограф, специалист в области количественно-минералогической классификации изверженных горных пород, изучения щелочных пород Кольского полуострова, Украины, Саян, Западной Монголии, Урала Борис Михайлович Куплетский родился в 1894 году в Петербурге. В 1921 году он окончил металлургическое отделение Петроградского политехнического института. Работал в вузах и научных учреждениях: в 1918–1920 годах — хранитель Минералогического музея Политехнического института; в 1920–1929 годах — ассистент по геологии и минералогии в Педагогическом институте им. Некрасова в Ленинграде и в Ленинградском политехническом институте; в 1929–1932 годах — доцент Ленинградского горного института. В 1938 году читал курс минералогии и петрографии в Заочном педагогическом институте в Москве.

С 1917 года Б. М. Куплетский также начал работать в Академии наук в отделе нерудных ископаемых Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС). В 1918 году — штатный сотрудник отдела каменных строительных материалов КЕПСа; с 1925 года — младший научный сотрудник Петрографического отделения Геологического института АН СССР; с 1930 года — старший научный сотрудник Петрографического института им. академика Ф. Ю. Левинсона-Лессинга АН СССР (позже — Петрографического сектора Института геологических наук АН СССР). В 1939 году заведовал Кабинетом систематики и номенклатуры горных пород в Петрографическом секторе им. академика Ф. Ю. Левинсона-Лессинга в Институте геологических наук АН СССР.

Кроме научной работы с 1918 по 1938 годы, исполнял обязанности ученого секретаря Петрографических учреждений АН СССР¹.

В 1935 году защитил докторскую диссертацию «Геолого-петрографическое строение Хибинских тундр на Кольском полуострове»².

Геолого-петрографические исследования Б. М. Куплетский в основном осуществлял на севере СССР, где, помимо полевой работы, им проводилась обработка коллекций других авторов.

Работы Б. М. Куплетского в других районах СССР носили менее систематический характер и определялись необходимостью осветить те или иные вопросы петрографии, как теоретического, так и общественного порядка.

Начав свои работы на севере с исследований горных пород и полезных ископаемых Беломорского побережья Кольского полуострова в 1917 году под руководством Д. С. Белянкина, Б. М. Куплетский позднее изучал полевые шпаты в Кемском районе (1924) и дал сводку по строительным материалам Кольско-Кемского района (1923). Пегматитам Северной Карелии и ее слюдяным месторождениям посвящена его работа «Геологические наблюдения в Кандалакшском районе Северной Карелии» (1932).

В 1921 году Б. М. Куплетский начал работы в Хибинских и Ловозерских тундрах, результаты которых были опубликованы в научных статьях в 1922–1937 годах³.

Основное петрографическое описание хибинских пород (по работам 1922–1923 годов) было дано им в книге «Хибинские и Ловозерские тундры» (1928). Геологическое строение массива на основе детальных съемок 1929–1930 годов и посещений массива в последующие годы было освещено в «Материалах по петрографии и геохимии Кольского полуострова» (1932), в книге «Академику В. И. Вернадскому к пятидесятилетию научной и педагогической деятельности» (1936) и в сборнике «Минералы Хибинских и Ловозерских тундр» (1937). В 1928 году на центральном водоразделе Кольского полуострова Б. М. Куплетским и О. А. Воробьевой были открыты мощные интрузии щелочных гранитов, дана их петрографическая характеристика и установлена генетическая связь с ними щелочных пород Хибин и Луяввурта.

С 1931 года Б. М. Куплетский проводит свои исследования в других районах Кольского полуострова и изучает основные породы Чуна-тундры (1931), ультраосновные интрузии Мончетундры (1932), Федоровой тундры (1933) и станции Африканды (1935), где открываются месторождения сульфидных руд и кнопита. Попутно им ведется обработка петрографических материалов различных авторов по районам хребта Кейв, верховьев реки Поной, бассейна реки Нивы, озера Колвицы и других мест, что позволило Б. М. Куплетскому опубликовать сводный труд «Петрография Кольского полуострова» (1932) и принять участие в изданиях «Геология СССР» (1934) и «Стратиграфия СССР» (1934) со сводками по докембрию Кольского полуострова⁴.

Значительная часть работ Б. М. Куплетского была посвящена обработке материалов академических коллекций по малоизученным районам Арктики. В 1932 году им были изучены диабазы Новой Земли и выяснен генезис альбитовых диабазов. Впервые дана характеристика пород приполярной Сибири (1930). Обработаны материалы: Арктического института по Колыме (1933–1934), Северной базы АН СССР в Архангельске по Северному Тиману (1938).

В 1924–1937 годах Б. М. Куплетский опубликовал ряд работ по петрографии Саян и Монголии. Спорадически им велись работы в центральных областях СССР (1918–1919), в Закавказье (1927), на Украине (1930) и в Туркестане (1934)⁵.

В 1944–1948 годах Борис Михайлович Куплетский руководил геолого-геохимическим отделом, сектором геологии и петрографии Кольской базы АН СССР.

В 1976 году председатель Северного филиала Географического общества СССР, к. г. н. Б. И. Кошечкин во время организации Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера в городе Апатиты Мурманской области обратился в письме к дочери Бориса Михайловича Куплетского и Эльзы Максимилиановны Бонштедт-Куплетской Марии Борисовне Куплетской, где особо подчеркнул «значительный вклад в изучение геологии и минеральных ресурсов Кольского полуострова» ее родителей и попросил «о помощи в формировании в музее-архиве фонда Куплетских и пополнении музейной экспозиции соответствующими материалами. Имелось ввиду «письма, фотографии, издания, картографические материалы, относящиеся к периоду работ Бориса Михайловича и Эльзы Максимилиановны в районах севера, а также письма и документы других лиц, связанных с ними по их работе в экспедициях». Также Борис Иванович поинтересовался: «Быть может сохранились какие-либо личные вещи <...> (геологический молоток, лупа и т. п.) и могут быть представлены в экспозиции»⁶.

М. Б. Куплетская ответила на письмо с просьбами в январе 1977 года. Она сообщила, что вместе с сестрой отобрала ряд книг, оттисков, фотографий и документов, которые готова передать в Музей-Архив⁷. Среди материалов, полученных сотрудниками СФ ГО СССР, из которых позже сформировали персональный фонд Б. М. Куплетского, были почетный отзыв Российского минералогического общества за подписью его директора академика А. Карпинского № 832 от 30 мая 1925 года⁸ и письмо Б. М. Куплетского академику А. Е. Ферсману от 14 августа 1929 года⁹. Эти документы представлены в данной публикации.

Знакомясь в течение ряда лет с деятельностью Хибинской экспедиции академика А. Е. Ферсмана, снаряженной совместными усилиями Северной научно-промысловой экспедиции и Российской академии наук, Российское минералогическое общество смогло в полной мере оценить научное значение полученных ею результатов и «посчитало себя обязанным особенным образом отметить ее заслуги в истории русской науки»¹⁰. Не имея в своем распоряжении ни одной из прежних почетных наград, Российское минералогическое общество на своем заседании 16 марта 1925 года единогласно постановило выдать Б. М. Куплетскому как деятельному участнику Хибинской экспедиции почетный отзыв им. А. И. Антипова, заменявший медаль имени этого исследователя, за работы на Кольском полуострове.

В 1923 году отряд геологов и минералогов под руководством Б. М. Куплетского на вершине Расвумчорра впервые встретил россыпи апатитовой породы на большой площади (рис. 1). В 1925 году А. Н. Лабунцовым под этими россыпями было обнаружено коренное месторождение, занимавшее площадь не менее 10 тыс. м². В 1926 году запасы апатитовой породы были определены в 3 млн т, а в 1927 году прогнозы увеличились до 15 млн т, встал вопрос о промышленной разработке месторождения для производства минеральных удобрений, поднимавших урожайность различных сельскохозяйственных культур в 2–10 раз¹¹.

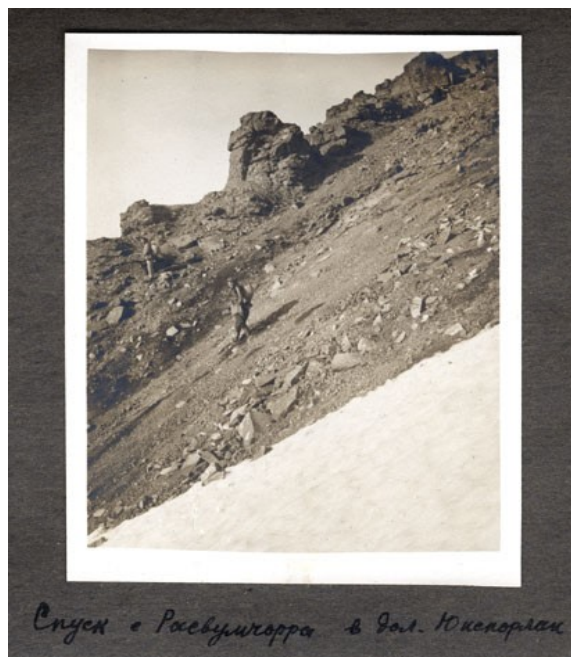

Рис. 1. Спуск с Расвумчорра в долину Юкспорик. Фото из альбома, принадлежавшего Б. М. Куплетскому. 1923(?). Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 361. Л. 7

Несмотря на многочисленные трудности и лишения, с которыми столкнулись исследователи Хибинских гор в 1920-е годы, они самоотверженно и с большим энтузиазмом изучали их. Хибины оказались настоящим кладом для минералогов, так как в них в изобилии встречались «очень красивые и редко встречающиеся в природе минералы: золотистый лампрофиллит, искрящийся и лучистый астрофиллит, кроваво-красный эвдиалит (лопарская кровь), темно-зеленые эгирины, белоснежные альбититы, янтарно-желтые маслянистые ловчорриты. Сочетание красок этих минералов дает изумительно эффектные образцы, могущие украсить коллекции любого Геологического музея»¹². В письме к академику А. Е. Ферсману Б. М. Куплетский описывает свои экспедиционные коллизии в августе 1929 года, связанные с необходимостью набрать 20 пудов эвдиалита.

При передаче текстов публикуемых документов сохранены авторские орфография, пунктуация и написание топонимов.

№ 1
Почетный отзыв Российского минералогического общества
им. А. И. Антипова

№ 832
Ленинград

30 мая 1925 г.

Настоящий почетный отзыв, заменяющий собою золотую медаль, выдан Российским минералогическим обществом Борису Михайловичу Куплетскому за его труды по исследованию кристаллографии, минералогии и петрографии Хибинских тундр на Кольском полуострове.

Директор общества, академик
Карпинский
Секретарь общества
Герасимов

А.[П.]

А.[П.]

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 426. Подлинник. Машинопись. Подписи – автографы.

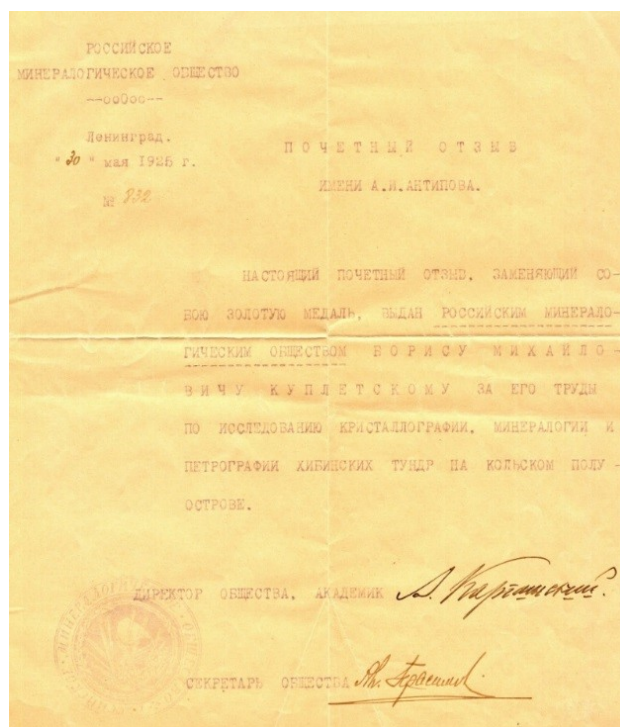

Рис. 2. Почетный отзыв Российского минералогического общества им. А. И. Антипова, выданный Б. М. Куплетскому. 30 мая 1925 год. Ленинград. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 426

№ 2

Борис Михайлович Куплетский Александру Евгеньевичу Ферсману

Лагерь на Рисйоке

14 августа 1929 г.

Дорогой
Александр Евгеньевич!

Сообщаю Вам свои последние новости. С приездом сюда 1-VIII Дмитр[рия] Михайлов[вича]¹³ и возвращении моем из Хибин мы с Д.[митрием] М.[ихайловичем] на 6 дней перенесли палатку на Партомиок у входа в Умбозерский перевал.

Обследовали уртиты по притоку Лявойока: довольно значительный шток, двумя пластами прорезающий хибиниты. Обнажены внизу долины и поднимаются по склону по обоим берегам реки метров на 50. Выше они перекрываются мелкозернистым неф.[елиновым]сиенитом и хибинитом. Выход оконтуриен и заснят, но апатитовых выделений нигде не обнаружено. Вероятно, мал выход материнской породы и фтористых эманаций не было.

Посетили и детально изучили Э[вдиалитовую]-жилу. Увы, это такой же покойник, как и ильменские копи; за полдня работы на жиле и день последующего молотобойства в палатке и отборки эвдиалита, едва набрали около килограмма эвдиалита. В жиле его почти нет, да и до жилы уже не доберешься, так она разворочена и выбрана. Прав, оказывается, был Александр Николаевич¹⁴, который при встрече с ним у Фивега¹⁵ 3-VIII предупреждал меня, что из Э[вдиалитовой]-жилы много эвдиалита не возьмешь, и что она вся выработана. Бывший с нами рабочий-подрывник Кириллов, работавший в Карелии, заявил, что взрывать жилу не стоит, т. к. взрыв обрушит нависшие скалы и засыплет и те остатки, которые сейчас видны.

Теперь я в панике, Ал-[ексан]др Евг.[еньевич], где мне взять 20 пудов эвдиалита. Укажите, ради Бога, чтобы мне знать куда ткнуться. И можно ли брать эвдиалиты из разных мест, можно ли брать также заведомые эвколиты.

Но вся беда в том, что ведь район Рисчорра и Кукисвумчорра не эвдиалитовый и мы пока никакой коренной жилы с крупным эвдиалитом во время работ не встретили.

Я должен еще, дорогой Александр Евгеньевич, исправить свои географические неточности прежних писем. Я ошибочно называл Рисчорр – Ньюхчалатчорром, а Каскаснюначорр – Рисчорром.

Последняя новинка: на Умбозерском перевале метрах в 20 выше центрального озера на склоне Рисчорра нами найдены в лейстовых хибинитах отдельные гнезда с эвколитом, золотистым сфеном, лампрофиллитом и эгирином.

Интересно, что все эти минералы содержат в большом сравнительно количестве довольно приличные кристаллики лопарита с отличными двойниками. Мы условно с Д.[мирием] М.[ихайловичем] называем эти выделения «Лопаритовая жила», но ее можно с равным успехом называть золотисто сфеновой, эвколито-сфеновой, эвколито-полевошпатовой и даже апатитовой, т. к. местами здесь же имеются гнезда и жилки апатита. Здесь как-будто мешаются все типы жил, т. к. отдельные гнезда обогащены то тем, то другим минералом.

Ближайшие дни будем обследовать Кукисвумчорр и восточные отроги Каскаснюнчорра. Затем еще раз дней на 5 перейдем в Умбозерский перевал для сборов лопаритов, нового посещения Э[вдиалитовой]-жилы и осмотров висячих цирков Рисчорра. В начале сентября думаю перенести лагерь ближе к перевалу Кукисвум и заняться цирками Кукисвумчорра.

Топографы кончают сейчас съемку Умбозерского перевала и затем возьмутся за отроги Кукисвумчорра. На этом пока кончаю. Надеюсь, все-таки увидеть Вас на апатитовых разработках.

Ваш Б. [М.] Куплетский

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 360. Подлинник. Автограф.

Примечания

¹ Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН (далее — Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН). Научно-вспомогательный фонд (далее: НВФ) 994. Л. 4.

² Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. Основной фонд (далее — ОФ) 430.

³ Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 994. Л. 4 об.

⁴ Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 994. Л. 5.

⁵ Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 994. Л. 5 об.

⁶ Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. Переписка, 1976, исх. № 684.

⁷ Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. Переписка, 1977, вх. № 408.

⁸ Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 426.

⁹ Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 360.

¹⁰ Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 427.

¹¹ Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 992. Л. 4.

¹² Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 992. Л. 3–4.

¹³ Неизвестный.

¹⁴ Александр Николаевич — Александр Николаевич Лабунцов (1884–1963), российский военный, геолог-минералог, участник геологических экспедиций на Кольский полуостров в 1922–1929 годах, первооткрыватель хибинских апатитовых месторождений.

¹⁵ Фивег — Михаил Павлович Фивег (1899–1986), горный инженер и геолог, д. г.-м. н., в 1928–1935 годах руководил геологоразведкой на месторождениях апатита в Хибинах.

Информация об авторе

О. В. Шабалина — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Information about the author

O. V. Shabalina — PhD (History), Leading Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.
The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Научная статья
УДК 94+929 (470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.010

К ИСТОРИИ ГОРНОЗАВОДСКОГО ДЕЛА В РУССКОЙ ЛАПЛАНДИИ XVIII ВЕКА

Михаил Николаевич Петровский

Геологический институт Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, petrovskiy@geoksc.apatity.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9103-1616>

Аннотация

Статья посвящена истории горнозаводского дела в Русской Лапландии в первой половине аннинского правления. В ней на основании архивных и опубликованных официальных документов рассматриваются преобразования, произошедшие в 1730–1736 годах в горнозаводском деле Российской империи. Рассказывается об истории открытия и начале добычи серебряных руд в Поморье на Медвежем острове. В статье сделан акцент на биографии и истории приглашения в Россию саксонского обер-берг-гауптмана и камергера, барона Курта Александра фон Шёнберга, ставшего в 1736 году генерал-берг-директором, главой всей горной промышленности Российской империи. Очерчены роли обер-камергера и фаворита Анны Иоанновны графа Эрнста Иоганна фон Бирона и «души» Кабинета министров — вице-канцлера графа Андрея Ивановича Остермана в приглашении и деятельности Шёнберга в России.

Ключевые слова:

Русская Лапландия, горнозаводское дело, 18 век, Анна Иоанновна, Курт Александр фон Шёнберг, Бирон, Остерман, серебряная руда, остров Медвежий

Для цитирования:

Петровский М. Н. К истории горнозаводского дела в Русской Лапландии XVIII века // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 104–120. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.010

Original article

TO THE HISTORY OF MINING-FACILITIES BUSINESS IN RUSSIAN LAPLAND OF THE 18TH CENTURY

Michail N. Petrovskiy

Geological Institute of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, petrovskiy@geoksc.apatity.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9103-1616>

Abstract

The article is devoted to the history of mining-facilities business in Russian Lapland in the first half of the Annian rule. Based on archival and published official documents, it examines the transformations that took place in 1730–1736 in the mining business of the Russian Empire. It tells about the history of the discovery and the beginning of the mining of silver ores in Pomorie on the Medvezhiy Island. The article focuses on the biography and history of the invitation to Russia of the Saxon Ober-Berg-Hauptmann and chamberlain, Baron Kurt Alexander von Schönberg, who in 1736 became General-Berg-Director, head of the entire mining industry of the Russian Empire. The roles of the chief chamberlain and favorite of Anna Ioannovna, Graph Ernst Johann von Biron and the “soul” of the Cabinet of Ministers, Vice-Chancellor Graph Andrei Ivanovich Osterman in the invitation and activities of Schönberg in Russia are outlined.

Keywords:

Russian Lapland, mining-facilities business, 18th century, Anna Ioannovna, Kurt Alexander von Schönberg, Biron, Osterman, silver ore, Medvezhiy Island

For citation:

Petrovskiy M.N. To the history of mining-facilities business in Russian Lapland of the 18th century // Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities. 2022. Vol. 1, No. 1. P. 104–120. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.010

Введение

В 30 годы XVIII столетия, времена аннинского правления в России, которые в исторической литературе принято называть «засильем иноземцев», «бионовщиной» (хотя согласно современным историческим исследованиям было бы более правильно называть «остермановщиной»¹ [1–4]), продолжился начатый Петром I процесс развития русской горной промышленности. В первое десятилетие после смерти Петра открываются новые рудные месторождения и на них строятся горные заводы. В большей степени это можно объяснить не столько деятельностью частных промышленников таких, как крупные Демидовы и Строгановы, или мелких, почти безвестных, Небогатовых, Тряпициных, Осокиных, Турчаниновых, Замощиковых и др., а деятельностью выдающихся организаторов горнозаводского дела: Вильгельма

Георга де Геннина (1676–1750) и Василия Никитича Татищева (1686–1750), основывавших казённые горные заводы в Олонецкой губернии, на Урале и в Сибири. Вместе с тем в горной промышленности Российской империи, анненское время — это время возрождения неудавшейся политики Петра I поощрению частного горнозаводского дела и попытке раздачи казённых горных заводов «партикулярным» лицам. Она затронула не только богатые горные заводы Урала, но и не примечательные заводы Русской Лапландии. Следствием этой политики явилось создание генерал-берг-директором Куртом фон Шёнбергом частной «Берг-компани» под управлением «купца польской нации Еремея Мейера». В ведение «Берг-компани» отошли Кушвинский и Верхнетуринский железные заводы Урала и медный Лапландский завод, здесь же следует отметить, что широко распространённое мнение о владении «Берг-компанией» серебряными рудниками острова Медвежий официальными документами не подтверждается, серебряные рудники от начала работы и до своего закрытия оставались в ведении казны.

Историки характеризовали политику раздачи следующим образом. «Она открыла дорогу небывалому дотоле на Руси явлению — хищничеству казенного имущества не в виде мелких и тайных похищений, а открыто и в громадных размерах под флагом выгодных для казны операций»³. «Подобного явления не знала западноевропейская горная промышленность»⁴ [6: 109–112]. «Одним из таких проходимцев был саксонец Курт Александра фон Шемберг, который в 1736 году получил пост начальника казенных горных заводов России. Очень скоро Шемберг прибрал к рукам серебряные рудники на острове Медвежем» [7: 185].

Со времён «Лексикона» Татищева считается, что главную роль в приватизации государственных заводов играл, как всегда, оставаясь в тени, фаворит императрицы, герцог курляндский Эрнст Иоганн Бирон (1690–1772), сделавший главным исполнителем своей воли саксонского и польского камергера и обер-берг-гауптмана барона Курта Александра фон Шёнберга (*Curt Alexander von Schönberg*, 1703–1761). Татищев в своём «Лексиконе» писал: «...когда Герцог Курляндский Бирон, вознамерился оной великой государственный доход похитить, тогда он призвав из Саксонии Шомберга, которой хотя ни мало знания к содержанию таких великих казенных, а паче железных заводов не имел, и никогда не видел, учинил его Генералом, Берг Директором, с полною властью, частью подчинённой Сенату, но потом видя, что Сенат требует о всем известия и щета, а Тайный Советник Татищев, которому все Сибирские заводы поручены были, писменно его худые поступки и незнания представил, тогда оставя все о том учиненной комиссии представления, все заводы под именем Шомберга, оному Бирону с некоторыми темными и весьма казне убыточными договоры отдал, но в 1742-м году паки все оное уничтожено, Шомберг за похищение многой казны арестован, и учинена паки по прежнему Берг Коллегия»⁵. Затем Татищев указывал что Бирон и Шёнберг «в 2 года 400 000 рублей похитили»⁶. В то же время Христофор Манштейн⁷, лично в 1740 году арестовавший по приказу Миниха их общего врага — герцога Бирона и не испытывавший к нему и его приближённым любви и иллюзий, в своих «Записках о России» отчасти защищал Шёнберга от огульных обвинений: «В царствование Анны рудники значительно увеличились; были открыты новые прииски в Сибири; императрица вызвала из Саксонии барона Шемберга для приведения их в порядок и поручила ему главное управление этим делом. *Шемберг, заведовавший рудниками в Саксонии, знал основательно все, что необходимо для этих работ и устроил их наилучшим образом* (курсив — М. П.); но так как двор отдал ему в то же время эти рудники в аренду, то он много приобрел через них и захотел жить сообразно получаемому доходу; это открыло глаза министерству, которое увидело, что заключенный контракт был слишком выгоден для Шемберга, а двор получал от него мало прибыли. Уже в царствование Анны начали привязываться к Шембергу, но тогда не удалось сделать его несчастным; наконец, в царствование Елисаветы враги нашли средство не только нарушить контракт, двором с ним заключенный, но даже арестовать и отдать под суд. Он просидел год в тюрьме и считал себя весьма счастливым, что получил свободу и позволение возвратиться в Саксонию, отказавшись от всего нажитого богатства. *Между тем двор пользуется улучшениями введенными Шембергом в горном деле, и извлекает из этих рудников значительные доходы*»⁸ (курсив — М. П.).

В русской исторической литературе, посвящённой как истории горной промышленности Российской империи, так и аннинскому времени, имена Курт фон Шёнберга и Эрнста Бирона всегда упоминаются вместе. Имя польского купца Еремея Мейера, главного помощника Шёнберга в деятельности его «Берг-компани», в исторической литературе вообще не упоминается. Характеристика же деятельности Шёнберга в России, как правило, кратка, относится к работе Уральских горных заводов, и ограничивается обвинительными словами⁹ [6: 110–111; 8: 29, 65, 78, 221, 342; 9: 172–173; 10: 14–19]. Исключением здесь является мурманский историк-краевед И. Ф. Ушаков, посвятивший истории деятельности Шёнберга в Русской Лапландии статью в газете «Советский Мурман» [11] и трёхстраничный раздел в книге «Кольский Север в досоветское время» [7]. Только в последнее время историки стали с осторожностью относиться к обвинениям Шёнберга в развале

горного дела России и к утвердившемуся мнению о роли Бирона в приглашении Шёнберга в Россию. Как справедливо отметил в своей монографии «Бирон» историк И. В. Куракин, что по имеющимся в России документам, отследить роль Бирона в деятельности Шёнберга очень сложно [4: 260–262]. Немецкие историки, не снимая полностью обвинений с Шёнберга, более осторожны в оценке его деятельности [12, 13].

В настоящее время с уверенностью можно говорить, что история деятельности Курта фон Шёнберга и его «Берг-компаний» в России, а также история горных заводов Русской Лапландии почти не разработаны. Совершенно не анализировались причины приглашения Шёнберга в Россию, почему была создана «Берг-компания», почему Шёнберг взял в частное пользование только Гороблагодатские и Лапландский заводы, какова роль Бирона в деятельности Шёнберга. По вековой традиции Шёнберг считается плохим горным специалистом, но мнившим себя большим знатоком, поэтому его деятельность в горнозаводском деле России оценивается сугубо отрицательно. Действительно ли это так и были ли положительные стороны в его деятельности? Насколько масштабной и системной была раздача казённых заводов? Кто такой Еремей Мейер, какой была его роль в деле Шёнберга? В чём главная вина Шёнберга — в плохом управлении работой взятых им горных заводов или другой его деятельности?

Изучение дела Шёнберга интересно не только тем, что позволяет уточнить историю российской горной промышленности, но и тем, что помогает лучше понять суть политики русского самодержавия в аннинское время, функционирования власти, складывания в ней механизмов патронажно-клиентского поведения. Оно приоткрывает завесу над подлинным механизмом управления империей, где значимую роль играли неформальные структуры «порождающие зыбкость и непредвиденную изменчивость правового статуса высших учреждений и распределения полномочий внутри реально правящей элиты» [14]. В своей статье на основе архивных и опубликованных официальных материалов я попробую, хотя бы кратко, рассмотреть причины приглашения Курта Александра фон Шёнберга в Россию и роль Бирона в этом, биографию Шёнберга, а также историю начала создания в XVIII веке горных заводов Русской Лапландии.

С чего всё начиналось

В январе 1730 года в провинциальный мир Митава — столицы герцогства Курляндия и Семигалия, где влачила жалкое существование племянница Петра Великого, вдовствующая курляндская герцогиня Анна Ивановна¹⁰ (1693–1740), вторгся мир большой политики. На совещании, длившемся в течение ночи и дня 19 (30) января, члены высшего государственного органа страны, Верховного тайного совета, решили дальнейшую судьбу российской монархии, единогласно избрав на российский престол Курляндскую герцогиню Анну. Посольство «верховников» прибыло в Митаву 25 января (5 февраля) и уже вечером растерянная Анна подписала знаменитые «кондиции» [1: 26–27, 4: 66], ограничив тем своё самодержавие.

Пятнадцатого (26) февраля новая императрица въехала в Москву, а 25 февраля (8 марта) во дворце по требованию гвардии шляхетство подало прошение с просьбой «принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имели». Вслед за тем Анна потребовала подать «кондиции», которые тут же «всемилоостивейше изволила изодрать» [1: 48, 4: 74]. Возврат к самодержавию вывел из тени любимца Анны, мелкопоместного курляндского дворянина Эрнста Иоганна Бирона. Его возвышение было очень стремительным, 6 (15) марта он приобретает официальный статус при дворе, получив должность камергера (пока одного из нескольких), а уже 20 апреля (1 мая), накануне своей коронации¹¹, Анны делает его кавалером ордена святого Александра Невского¹² и обер-камергером — начальником придворного штата и официально ближайшим к ней лицом. Летом 1730 года Бирон становится крупным землевладельцем Лифляндии; осенью — сначала рейхсграфом Священной Римской империи, а затем графом Российской империи и повторно награждается орденом святого Андрея Первозванного, а Август II присылает ему высший польский орден Белого орла. Этой же осенью на российскую военную службу были приняты братья Бирона: Карл Бирон (1684–1746) и Густав Бирон (1695–1746). На момент начала своего возвышения Бирон уже был зрелым человеком, ему исполнилось 39 лет, и все эти годы прошли в бедности, что наложило на его характер своеобразные черты. Современниками он характеризовался как человек волевой, тщеславный и честолюбивый, жаждущий богатства и власти, но в то же время он был гибким, не лишённым обаяния и красноречия [4: 81–83]. Но только одного тщеславия, желаний и привязанности императрицы мало, судьба императорских милостей изменчива, тем более к человеку, имеющему поверхностное образование, незнающему языка, обычаев и людей страны. Бирону, прежде чем заняться обогащением, сначала было необходимо определить и укрепить своё положение при дворе, а соперников из приближённых к Анне было достаточно, тем более что это были фигуры гораздо более крупные, чем он. Основными соперниками Бирона стали: Андрей Иванович Остерман (1686–1747), Семён Андреевич Салтыков (1672–1742), Карл Густав (16?? –1735) и Рейнгольд Густав (1693–1758) Лёвенвольде, Бурхард Христофор Миних

(1683–1767), Павел Иванович Ягужинский (1683–1736). Поэтому в 1730–1732 годах Эрнсту Бирону пришлось отдать немало сил борьбе за власть и своё влияние при дворе. Рубежом в активном этапе этой борьбы, по мнению Курукина, является середина 1732 года [4: 95]. Но окончательно Бирон утвердился в начале 1733 года, когда из столицы в армию был отправлен главный его враг Б. Х. Миних. В это время интересы Бирона начинают выходить за пределы его курляндских владений и двора Анны Иоанновны. Бирон очень быстро приучил должностных лиц империи доставлять ему необходимую информацию в виде официальных донесений «для препровождения до рук ее величества» или более интимных доносов [4: 123–124]. Его интерес обращается и к казённому горнозаводскому делу страны. В. Н. Татищев лично ему докладывает о работе казённых горных заводов и своих конфликтах с частными горнопромышленниками, в особенности о своих разногласиях с Демидовыми. Английские купцы Джон Шифнер и Яков Вульф, обладающие монопольным правом продажи российских казённых поташа и железа за рубеж, сообщают Бирону о том, как продвигается их торговля и какие доходы от этого получает казна¹³.

Преобразования 1730–1731 годов в горном деле Российской империи

Во время борьбы Бирона за власть в горной промышленности Российской империи был проведён первый этап преобразований. Их начало датируется 22 мая (2 июня) 1730 года, когда восстановленный Правительствующий Сенат по указу императрицы на основании «Берг-регламента и «плаката» Петра I возвратился к вопросу «об отдаче казенных заводов партикулярным компаниям» и «учинил» Берг-коллегии сделать следующее: «1) Составить подробныя ведомости о действии казенных заводов, начиная с 1720 года, по следующей программе: а) когда каждый завод построен, по какому распоряжению, и кем именно; б) какая устройства в нем возведены, во что они обошлись казне, сколько и каких изделий произведено; в) сколько в каждом заводе приписных крестьян и мастеровых постоянных и пришлых (беглых) вольнонаемных; г) во сколько обходяца все изделия и металл, и сколько выручает прибыли от продажи их Империя. 2) Обсудить вопрос, совместно с генералом Дегенниным, и ведомости со мнением представить в Сенат»¹⁴. Затем сенатским указом от 25 июня (6 июля) была ликвидирована Берг-контора, учреждённая ещё Петром I для «хозяйственных и счетных дел» при Берг-коллегии, «дабы напрасно от казны расхода не было, а вместо оной определить комиссара, который должен ведать продажу металлов»¹⁵.

Требование Сената Берг-коллегией было выполнено очень точно, согласно всем пунктам. В апреле 1731 года она представила «Ведомость» в Сенат. Оказалось, что на Урале под командой де Геннина находится 7 железных и 4 медеплавильных завода, на которых с 1720 по 1730 годы было сделано изделий и металлов на сумму 1 334 870 руб. Казённые горные заводы Урала и Олонецкой губернии производили в год до 200 тыс. пудов железа и до 8 тыс. пудов меди. С учётом издержек на плату крестьянам и мастеровым, за материалы и припас 484 283 руб. 87 коп. и за провоз в обе столицы 67 769 руб. 21 коп. — это давало в казну по 71 тыс. руб. чистой прибыли с каждого завода [6, 8, 15, 16]. Берг-коллегия приложила к «Ведомости» своё мнение и мнение де Геннина. Эти мнения были противоположны: де Геннин настаивал на отдаче заводов в частные руки, Берг-коллегия, напротив, настаивала на удержании заводов в казне. По расчётам Берг-коллегии при казённом управлении каждый завод будет давать казне чистой прибыли более 70 тыс. руб. в год, а в частных руках не дадут более 10 тыс. руб. дохода. При этом она ещё утверждала: «...заводы несут на себе расходы от содержания гарнизонов, артиллерии и пехотных солдат, гошпиталей и школ, от значительной платы иноземным мастерам, а частныя люди елико примут оныя расходы на свой кошт, а паче, то наук тех дел остаеця в забвении; в казне заводы один другому помогают, а от частных лиц того ждять нельзя»¹⁶. Сенат, получив «Ведомости» с приложением Берг-коллегии и де Геннина, передал их в Монетную коллегию, предложив ей рассмотреть и подать заключение: «горныя заводы на казенном-ли коште содержать, или отдать партикулярным охотчим людям, и в одну или несколько компании, по плакату Петра Великаго», причём было предложено также обсудить и решить вопросы о приписных крестьянах, о таможенных, питейных и других сборах, а также о подати с частных заводов¹⁷. Далее Берг-коллегия высказала своё пожелание, «если Ея Величество, ни взирая на то, отдать заводы в частныя руки соизволит», их было необходимо отдавать на следующих условиях: «взять стоимость в которую обошлась постройка заводов; заводы отдавать не в одни руки, а только компаниям; обязать компании не снижать производительность металлов; компанию должны отдавать всю медь в казну по цене в Москве 6 руб. за пуд, а Санкт-Петербурге по 50 коп. за пуд». Де Геннин в своём «доношении» от 29 марта (9 апреля) 1731 года, представил следующие условия отдачи заводов: «все заводы подразделить на 8 округов и каждый округ отдать разным компаниям; стоимость заводов не взыскивать, потому что все расходы уже окупились; приписных крестьян оставить при заводах; заводских мастеров также оставить при заводах пока новые

владельцы не выучат своих; все заводы подчинить Обер-берг-амту; дать заводам годовую льготу от десятины»¹⁸. В заключение де Геннин поставил неременное условие, чтобы при отдаче заводов спрашивали его совета. Комиссия Монетной коллегии в составе начальника Тайной канцелярии Андрея Ивановича Ушакова (1672–1747), сенатора и друга Бирона графа Василия Яковлевича Новосильцева (1680–1744), сенатора Семёна Ивановича Сукина (1680–1738) после рассмотрения вопроса высказалась за отдачу казённых заводов «партикулярным компаниям». Сенат согласился с мнением комиссии, разработал «кондиции» для отдачи заводов и представил их Анне для утверждения 30 июня (11 июля) 1731 года. Анна «кондиции» не утвердила. Причина этого остаётся не известной, но, возможно, сказалось противодействие Берг-коллегии, для которой это же противодействие имело большие последствия. Восьмого (19) октября 1731 года был издан именной указ «О соединении Берг-Коллегии и Мануфактур-Конторы с Коммерц-Коллегиею и о разделении дел на три Экспедиции»¹⁹. Этот указ ликвидировал Берг-коллегию как самостоятельное государственное учреждение «понеже от Берг-Коллегии никакой пользы не оказалось, кроме убытка и делам затруднения, а отпуск железа за границу и прежде того велся через Коммерц-Коллегию, и тако одно дело в разных руках находилось». Решение о ликвидации Берг-коллегии лоббировал тайный советник князь Алексей Михайлович Черкасский (1680–1742), в начале аннинского правления примкнувший к Бирону в его борьбе с Остерманом [4]. Черкасский объяснял необходимость ликвидации Берг-коллегии тем, что «она не так смотрит над заводами, как следует»²⁰, при этом совершенно забывая о том, что под его управлением, когда он был Сибирским губернатором с 1719 по 1724 годы, горные заводы Урала были доведены до почти полного разорения. Только благодаря Берг-коллегии, отдавшей в 1724 году их управление капитану от артиллерии В. Н. Татищеву, они были спасены от закрытия. После указа от 8 октября до марта 1733 года в горнозаводском деле России наступило затишье — при дворе шла борьба за власть. Здесь же следует отметить своего рода пользу работы комиссии. При составлении «кондиций» была высказана здравая мысль, что для пользы горнозаводского дела в России его необходимо законодательно урегулировать и составить «Горный Устав» для «установления порядка».

Открытие серебряной руды на Медвежьем острове и начало её добычи

Во время окончательного утверждения Бирона весной 1733 года произошло знаковое событие, заставившее Кабинет-министров, императрицу, и лично Бирона, обратить пристальное внимание на Русскую Лапландию как источник серебра, в котором очень нуждалось государство²¹.

Ещё с 1669 года при дворе царя Алексея Михайловича было известно о добыче самородного серебра в Поморье, не далеко от Умбы, монахами Кирилло-Белозёрского монастыря. Но допросы в Москве монахов и мастеров серебряного дела этого монастыря ничего не дали. Отправленные в Умбу из Москвы в 1671, 1673, 1676, 1680 и 1721 годах на поиски месторождений серебра государевы люди, смогли обнаружить в ямках на берегах Медвежьих островов лишь несколько небольших самородков, но месторождение найти не удалось [17: 156]. Крестьяне Умбы даже под страхом порки кнутом, которой их «стращали» в 1721 году «капитан рудных дел Василий Лодыгин», место добычи серебра не выдали [7: 68]. В начале аннинского правления поисками серебра занялись архангелогородские купцы Егор Собинский, Фёдор Прядунов и Фёдор Чирцов, но им удалось обнаружить на острове Большой Медвежий только свинцовую руду. Об этой находке в Берг-коллегию в 1731 году от Собинского поступило «доношение»²². После чего ему и его компаньонам было выдано «позволение» на дальнейшие поиски в Поморье серебряной и свинцовой руды. Несмотря на государственное разрешение, работам рудоискателей противилась администрация Соловецкого монастыря, о чём Собинский подал жалобу на имя императрицы²³. После этого притеснения прекратились, а поиски серебра успешно завершились в 1732 году. Компаньоны прибыли в Санкт-Петербург в феврале 1733 года и «объявили» в Кабинет, что они в 1732 году добыли на Медвежьем острове в Кандалакшском заливе и сплавляли чистого серебра 35 фунтов. Вместе со слитком они представили и несколько образцов «натуральной серебряной руды». Слиток был преподнесён императрице 12 (23) марта, а 15 (26) марта последовал именной указ об отправке для осмотра серебряных руд Медвежьего острова саксонских горных мастеров, работавших в России со времён Петра I, вице-бергмастера Олонецких заводов Вольфа Мартина Циммермана (?–1739) и признанного знатока серебряных руд унтер-штейнгера Филиппа Трейгера (?–1746). Мастерам было «велено для осмотра и произведения сысканных Архангелогородцами Федором Прядуновым с товарищи в поморье на Медвежьем острове серебряных руд, ехать с теми Архангелогородцами вам Циммерману и Трейгеру; а приехав в поморье на вышеозначенный остров, чинить по нижеследующим пунктам: 1. На оном острове, как кругом всего берега, так и в середине,

искать с прилежанием серебряной и свинцовой и других руд, и где покажется, смотреть как велика жила, и далеко ли идет, и чинить из разных мест разные пробы с запискою, и оныя смотреть, и сыскать не только сверху, но копаючи и камень разбиваючи в довольной глубине, и оное записывать, где как глубина руды найдена будет. 2. Осмотря оный остров и по довольном искании руды и по учинении надлежащих проб, смотреть противу того острова лежащий берег крепкой земли, и по всему тому берегу как сверх, так и в глубину копать и искать со всевозможным прилежанием серебряной и прочих руд. 3. Притом осмотреть сысканную свинцовую руду и описать, в каких местах она лежит, и как довольна и продолжительна и из приготовленной свинцовой руды переплавить свинцу до ста пуд, записывая все расходы, чтоб видно было, во что пуд свинцу станет»²⁴.

Компаньоны также не были обойдены императорской милостью, 15 (26) мая был издан именной указ «О пожаловании привилегии Архангельским посадским Прядуну, Чирцову и Собинскому за отысканную ими в Поморье, на Медвежьем острове, серебряную руду и об оказании им местными начальствами содействия в дальнейших розысканиях и разработке найденной руды. В нынешнем 1733 году Марта 12 дня, явились к Нам Архангелогородцы посадские люди, Федор Прядун, Федор Чирцов, Егор Собинский, которые имели позволение искать свинцовую руду, и ныне при всеподданнейшем своем прошении объявили Нам сысканная ими в Поморье на Медвежьем острове выплавленного из серебряной руды серебра чистаго до 35 фунтов и несколько натуральной серебряной руды, которая по свидетельству явилась весьма к прибыли Государственной полезная, и об оной они не токмо по совести своей сущую правду объявили, но и к дальнейшему прииску надежду подают, и в том со всякою верностию и ревностию поступать обещают»²⁵. За это купцы были пожалованы 3 тыс. рублей. Данный же указ объявлял, что если обследование Циммермана и Трейгера покажет, «что возможно будет полезный и прибыточный завод учинить», то согласно «Берг-привилегии» 1719 года, «они и их наследники к прибыли того завода допущены будут». Он же предписывал Архангелогородскому губернатору предоставлять в помощь вышеуказанным посадским людям, а также Циммерману и Трейгеру, архангелогородских солдат, мастеров, инструменты, припасы, ямские или уездные подводы, а для «бурения и подрывания горнаго камня» — порох.

Такое «государево дело», как осмотр серебряной руды на Медвежьем острове, не могло быть оставлено без присмотра Кабинета. Поэтому 19 (30) июня, для надзора за работой «рудобискателей» на Медвежий остров был отправлен секретарь Кабинета Антон Ижорин²⁶. Ему предписывалось по прибытии на остров, взять у Циммермана «обстоятельную ведомость обо всём, что в осмотрах и работах и сыскании руды и пробах происходило, и что они учинили», самому осмотреть руду, места её обнаружения и определить, насколько они «благонадежны», и о том немедленно рапортовать в Кабинет. Ижорин, если по необходимости он будет вынужден покинуть места работ и не сможет лично контролировать работу «рудобискателей», был обязан вместо себя оставлять надёжного подьячего, «не объявляя им (рудобискателям — *М. П.*) о том, чтоб они поступали в том деле прилежно и верно». При отыскании «Прядуновым с товарищи» серебряной руды в других местах Поморья, Ижорин был обязан об этом немедленно, раньше, чем это сделают «рудобискатели», уведомить Кабинет.

Начавшие работать летом 1733 года Циммерман и Трейгер дополнительно к найденным «Собинским со товарищи» рудным жилам обнаружили «на морском берегу, при самой воде, серебряной руды две жилы, в которыхы серебро с малою частию свинца скипелось слитками». Сначала 28 октября (8 ноября) об этом уведомил Кабинет Антон Ижорин, а 7 (18) ноября в Кабинет пришло «доношение» от Вольфа Циммермана, и к этому «доношению» были приложены самородки серебра, которые в дальнейшем (1 (12) мая 1734 года) были переданы для описания в Академию наук²⁷. В начале 1734 года Циммерман и Трейгер покинули Медвежий остров.

Одновременно с отправкой Татищева в Сибирь в марте 1734 года Кабинет министров передал вышеупомянутое «доношение» Циммермана в Коммерц-коллегию «понеже в той коллегии, по прежнему указу, сочиняются определения, каким образом там, для лучшаго обыскания оной руды, землю в глубину и по местам рыть и сколько и откуда мастеров и работных людей определить»²⁸. В апреле Коммерц-коллегия определилась отправить на Медвежий остров для «производства действительною работою серебряных и свинцовых руд» бергмастера Конрада де Травеса и гитен-фервальтера Фёдора Милокова, которые прибыли туда в первой половине августа. Активные работы по добыче руды под руководством Милокова начались 16 (27) августа. Сенатским указом от 2 (13) ноября всем «рудобискателям» Поморья велелось отправлять все сведения о найденных рудах лично Фёдору Милокову.

К началу 1736 года, до приезда Шёнберга в Россию, согласно присылаемым Милоковым ведомостям на Медвежьем острове были проведены следующие работы.

1. «Гитен-фервальтером Милюковым с 1734 года августа 16 дня по 1735 года январь при помощи Федора Прядунова с товарищами, при 9 рабочих, добыто серебра: 1) натурального (самородного), от камня отбитаго: 4 пуда 4 ½ фунта; 2) особливо в малых кусках с камнем 5 фунтов; 3) серебряной руды, разбитой на мелко 2 пуда; 4) да разбитой же с камнем мелкой 35 пудов. На это задолжено: жалованья горным служителям 252 рубля 10 5/8 копеек, работникам по плакату 21 рубль 37 копеек, на припасы 97 рублей 85 ½ копеек, всего же 377 рублей 33 1/8 копейки»²⁹.

2. «Гитен-фервальтером Милюковым с 1735 года января 1 дня по 1735 июня 1 дня добыто одними казенными рабочими: 1) серебра натурального, от камня отбитаго 10 пудов 30 фунтов; 2) руды разбитой и высеченной с камнем 28 пудов 20 фунтов. На это издержано 100 рублей 18 ½ копеек»³⁰.

3. «С 1735 июня 1 дня по 1736 года января 1 дня добыто серебра бергмейстером Детравесом: 1) натурального, от камня отбитаго 15 пудов 35 1/2 фунтов; 2) мелкой серебряной руды от камня 3 фунта; 3) разбитой намелко с камнем 100 пудов; 4) да особливо серебра в штуфах с камнем 37 фунтов. На то издержано 1423 рубля 51 5/8 копеек»³¹.

Всего же за это время было добыто 30 пудов 32 фунта самородного серебра и 166 пудов 21 ½ фунта серебряной руды, кроме того, 4 пуда 4 фунта 48 золотников чистого серебра было «передано Федором Прядуновым с товарищами». Из серебряной руды гиттепмастером Улихом на Кончозерском заводе было выплавлено 5 пудов чистого серебра. Как видим, за 1 год и 4,5 месяца было получено 39 пудов 36 фунтов 48 золотников чистого серебра. В среднем в год это составило 28 пудов 38 фунтов 77 золотников чистого серебра, разница с Нерченским заводом, где в среднем в год получали около 4 пудов серебра, была колоссальной (см. прим. 22). Поэтому огромную важность Медвежьеостровских рудников для России середины 30-х годов XVIII века Кабинету министров было сложно переоценить.

Не мог Кабинет оставить добычу стратегически важного для казны металла и в частных руках. Несмотря на обещания, данные императрицей в «привилегии», от добычи серебра удачливые компаньоны Егор Собинский, Фёдор Прядунов и Фёдор Чирцов были отстранены указом из Кабинета министров 17 (28) декабря 1735 года, и рудники полностью перешли в ведение казны. «Рудоискателям Федору Прядунову с товарищи дать ныне 1000 рублей, а им стараться еще такая руды приискывать и, когда приищут, тогда им и награждение учинено будет. А в сысканных местах работу производить казенными работниками, а им притом быть не надлежит»³². Ещё раз правительство наградило наших компаньонов за Медвежий остров 19 (30) ноября 1736 года 1 762 рублями 87 копейками³³.

Второй этап реформирования горнозаводского дела Российской империи

Столь важное для государства событие, как открытие серебряной руды на Медвеьем острове, послужило толчком к тому, что в мае 1733 года получила продолжение политика преобразований в горнозаводском деле. Именным указом от 23 мая (3 июня) была создана Комиссия в составе примкнувших к Бирону в борьбе против Миниха и Остермана тайного советника, вице-канцлера, графа Михаила Гавриловича Головкина (1699–1754) и действительного статского советника, обер-прокурора Сената Анисима Александровича Маслова (1685–1735), помощника де Геннина, статского советника Антона Фёдоровича Томилова (1687–1750) и полковника от артиллерии Иоганна Густава Гарбера (?–1734) «для приведения в лучшее состояние казенных медных и железных заводов и для рассмотрения, полезнее ли будет содержать их от казны, или отдать в содержание частным людям»³⁴. Согласно указу, Коммерц-коллегия должна была представить в новую комиссию «обстоятельные, и с полным известием ведомости: 1) где и какие заводы на казенном коште, когда заведены, во что обошлись казне и сколько к ним приписано крестьянских дворов; 2) сколько выдělывают металлов, и по какой цене, также провозные цены, и какая от заводов прибыль; 3) кому какие заводы и когда отданы, сколько платят в казну десятины, и сколько приходится таможенных пошлин с продажи металлов». Здесь, как мы видим, в сравнении с программой 1730 года, Сенат интересуется не только работой казённых заводов, но и работой заводов, построенных казной и уже отданных в частное владение. Коммерц-коллегия подготовила «ведомости» к началу 1734 года.

Для обсуждения вопроса комиссия собралась 20 (31) января 1734 года и пришла к следующим выводам: соглашаясь с тем, что казённые заводы работают с прибылью, она сомневается, что прибыль может быть «повсегодно»; что продажа казённого железа идёт медленно — «деланное в год едва ли продается в 5 лет, и от того прибыль от них разве только пятая доля»; что на заводах много «начальствующих лиц». Поэтому «если продать заводы в частные компании, то предвидится польза: 1. администрация сократится, а чиновники могут перейти в другие службы; 2) крестьянам и мастеровым будет доваться задельная плата; 3) меньше чиновников, больше пользы; заводы в частных компаниях скорее будут умножаться, ибо не будет

надобности требовать и ожидать о построении их указов, как при казенном управлении»³⁵. В заключение комиссия советует: «А между тем ни соизволят-ли Ея Императорское Величество повелеть послать на те заводы кого (либо) освидетельствовать таким-ли порядком на приписных крестьян заводския работы распределяются уроком, и за определенную-ли плату по пробам с прибавкою, как значится в “ведомостях” Оберг-Берг-Амта, и нет-ли им отягощения и разорения, и какая плата? И о том требовать высокога повеления, а до того доходы держать в казне»³⁶. «Доношение» подписали февраля 14 (25) дня: граф М. Головин, Анисим Маслов, советник Томилов.

Кабинет министров и Анна прислушались к мнению комиссии, и было решено отправить на уральские заводы обвинённого во взятках с «Московских денежных компанейщиков фабрики волочильнаго и плющильнаго золота и серебра» и находящегося под следствием Тайной канцелярии В. Н. Татищева. О чём 12 (23) марта последовали два именных указа: первый на имя М. Г. Головина, в нём указывалось, что действительного статского советника Василия Татищева «всемилостивейше простили» и «до помянутаго Татищева дело остановить»³⁷; во втором, адресованном Сенату, сообщалось: «Понеже указом нашим отправляем в Сибирскую губернию для смотрения, как над казенными, так и партикулярными рудокопными заводами действительнаго статскаго советника Василия Татищева»³⁸. Двадцать третьего марта (3 апреля) императрица высочайше утвердила написанную самим Татищевым «Инструкцию Действительному Статскому Советнику Татищеву, посланному в Сибирскую и Казанскую Губернии для смотрения за прежними горными заводами и для учреждения новых»³⁹. Эта «Инструкция» наделяла Василия Никитича огромной властью и не только в горнозаводском деле. Н. И. Павленко справедливо отмечал, что «ни один представитель центральной власти на Урале до этого времени не располагал такой полнотой власти, как В. Н. Татищев. Полномочия Татищева и руководимого им горного начальства были шире прав ликвидированной Берг-коллегии» [16: 154]. Здесь же следует отметить, что ещё до официального указа 10 (21) февраля Анна вызвала к себе находящегося под следствием Татищева и «изволила сама объявить» ему об этом решении.

Но Кабинет-министров не ограничился отправкой одного Татищева на горные заводы в Сибирскую губернию. По инициативе президента Коллегии иностранных дел Андрея Ивановича Остермана, а не Бирона, как считается в исторической литературе, и не в 1736, а в 1734 году для руководства всей горной отраслью Империи было решено пригласить специалиста из Саксонии, о чём говорят документы, хранящиеся в Саксонском государственном архиве. Осенью 1734 года король польский и курфюрст саксонский Август III Саксонец получил письмо, датированное 28 сентября (9 октября) и отправленное 30 сентября (11 октября). Оно было написано от имени Анны Иоанновны «королевства польского и курфюршества саксонского экстраординарным посланником» в Санкт-Петербурге графом фон Линаром⁴⁰ и графом Остерманом. В письме они просили, чтобы король исполнил желание «императрицы Анны» и «соизволил Ей прислать кавалера (Cavalier) или иного знатного человека, которому она могла бы дать большую власть и полномочия среди местного народа; человека, обладающего достаточными знаниями и опытом в горном деле; чтобы он мог изучить местной Империи горные заводы и понимать отчёты и руды, отправляемые ему из них. Больше всего Ей хотелось бы увидеть того, кто хотел бы сам совершить путешествие по Империи и лично посетить уже работающие заводы и сысканные места руд. Её Величество Государыня Императрица пожелала, если такой человек найдётся, он поставит сам на своё усмотрение сколько и каких других рудокопов он возьмёт для такого исследования и подведет под свое начало. Ему будет предоставлена свобода вернуться в Саксонию, когда ему заблагорассудится, а поскольку он сам напишет условия договора, то сможет сам лучше всего их выполнить, когда прибудет сюда, а Государыня Императрица заранее даёт ему Её Величества слово, что с ним и его людьми будет заключено одно из самых великодушных и щедрых соглашений»⁴¹.

Позже, в начале 1735 года, Остерман повторил эту просьбу в отдельном личном письме, в котором он заверил, что дорожные расходы направляемого лица будут либо оплачены заранее, либо возмещены по его приезду в Россию⁴². Король одобрил предложение своего министра фон Брюля⁴³ отправить в Россию обер-берг-гауптмана Курта Александра фон Шёнберга, человека с обширными знаниями в области горного дела, отличной репутацией и лично обязанного Брюлю своей очень быстрой карьерой.

Предложение Остермана пригласить руководителем горных заводов специалиста из Саксонии, скорее всего, было вызвано его желанием убрать Татищева, который в то время был «креатурой» Бирона и, как я уже отмечал выше, отчитывался непосредственно перед ним. В своих письмах Василий Никитич величал последнего своим «милостивым и могущественным покровителем» (*gnädige Gönner und mächtige Beförderer*)⁴⁴. О том, что Остерман от имени императрицы пригласил на должность руководителя горной промышленности

Российской империи знатока из Саксонии, Бирон не знал⁴⁵. Данное обстоятельство очередной раз подтверждает то, что в империи многие важные вопросы решались без участия Бирона, и его не всегда уведомляла о них и сама Анна. Скорее всего, она пыталась поддерживать баланс сил при дворе. Несмотря на свою любовь к Эрнсту Бирону, Анна Иоанновна очень уважительно относилась к Андрею Ивановичу Остерману, цenia его большие знания, солидность и основательность, и часто прибегала к его советам, особенно во внешней политике. Остерман и Бирон были хороши для неё как люди, полностью зависящие от её благосклонности и милостей. В этом отношении очень показательно письмо Анны к Остерману: «Андрей Иванович! Для самого Бога, как возможно, ободрись и завтра приезжай ко мне к вечеру: мне есть великая нужда с вами поговорить, а я вас николи не оставлю, не опасайся ни в чем, и будешь во всем от меня доволен» [1: 164].

О вездущихся Остерманом и Шёнбергом переговорах Бирону стало известно в начале 1735 года, но живейший интерес к ним он проявил лишь осенью, и на то были объективные причины, но о них скажем чуть позже.

Кем был Курт фон Шёнберг и возникновение интереса к нему у Бирона

Курт Александр фон Шёнберг родился 5 мая 1703 года в Лейпциге в семье саксонских дворян: барона Адама Фридриха фон Шёнберга (1654–1707) и баронессы Августы Марии Маршал фон Бирберштейн (1669–1748). Отец и мать принадлежали к старинным баронским родам Германии⁴⁶. Род Шёнбергов в Саксонии являлся польско-восточногерманской ветвью общегерманского рода Шёнбергов⁴⁷, эта ветвь вела свою родословную во Фрейберге с 1168 года⁴⁸. В Саксонии с 1175 года Шёнберги начали заниматься горнодобывающей промышленностью. Почти все представители семьи становились берг-ратами и берг-гауптманами на горных заводах курфюршества, и за несколько веков семья приобрела большие горные знания⁴⁹. Бароны фон Шёнберги были владетельным сеньором трёх крупных поместий Саксонии: Обершона, Линды и Наундорфа⁵⁰. В 1548 году в Саксонии утверждается должность обер-берг-гауптмана, главного горного руководителя всей её горной промышленности. Эту должность можно считать почти наследственной для семьи Шёнбергов. Они занимали её почти со времени утверждения (первым главным горняком Саксонии с 1548 по 1558 годы был Михаэль фон Шлейниц): Вольф фон Шёнберг (1558–1584), Лоренц фон Шёнберг (1584–1588), Генрих фон Шёнберг (1588–1611), Каспар Рудольф фон Шёнберг (1611–1629), Георг Фридрих фон Шёнберг (1629–1651), Каспар фон Шёнберг (1651–1676), Абрахам фон Шёнберг⁵¹ (1651–1714)⁵². По стопам семьи пошёл и Курт фон Шёнберг. Получив хорошее образование в Лейпцигском университете⁵³, он уже в 29 лет 13 июня 1732 года становится вице-берг-гауптманом, а 23 сентября — берг-гауптманом курфюршества Саксонии. Тайным рескриптом от 31 октября 1733 года его назначают обер-берг-гауптманом Саксонии, отправив в отставку его предшественника Карла Христиана фон Титау, занимавшего эту должность с 1732 года⁵⁴. Двадцать шестого января 1734 года король Польский и курфюрст Саксонский⁵⁵ Август III Саконец производит обер-берг-гауптмана Курта Александра фон Шёнберга в камергеры польского двора. Оклад Шёнберга на должности обер-берг-гауптмана составлял 1 800 рейхсталлеров, кроме того, ему причиталось 3 бочки деревенского вина и 3 туши оленей в год⁵⁶.

Курту фон Шёнбергу было, что терять, соглашаясь на переезд в Россию. Конечно, он не хотел оставлять такой обеспеченный и влиятельный пост в Саксонии без достаточных гарантий, а тем более терять его полностью. Он потребовал 12 000 рублей на дорогу для себя и своих спутников, жалованье 1 200 рублей в месяц и 8 000 рублей на обратный путь. Переговоры с Остерманом затянулись. Но осенью 1735 году в переговоры вступил Бирон, он просил Шёнберга приехать как можно скорее, обещая компенсировать все дорожные расходы и 6 000 рублей жалованья в год⁵⁷. Возникает вопрос, почему же так остро, осенью 1735 года, Шёнбергом заинтересовался Бирон. Ответ на него, скорее всего, связан с двумя моментами.

Во-первых, с изменившимся в середине 1735 года поведением Василия Никитича Гатищева. Свои доношения он стал отправлять не Бирону, а в Кабинет министров Остерману и Черкасскому, сначала именуя их «милостивые государи мои», а со временем и «мои сиятельнейшие графы..., премилостивейшие государи мои» [5]. Также он поступил и со своим доношением от 19 (30) сентября о важнейшем открытии богатых железных руд на Урале, отправив его не Бирону, а в Кабинет. Такое вряд ли мог стерпеть Бирон от своей бывшей «креатуры».

Во-вторых, произошло само открытие богатейшего месторождения железных руд. Руда в горе на берегу реки Кушва была открыта в мае 1735 года шихтмейстером Сергеем Ярцевым, а в начале

сентября Татищев сам поехал осмотреть магнитную гору. После осмотра было составлено доношение, в котором Татищев сообщал: «Осматривал гору и шурфы или копи рудныя. Оныя по верху и в середине горы копаны в длину сажень на 200, поперёк до 60 сажень. Вся руда ружная гольян с вохрою, сплошь с разсидинами; горы оныя вверх остры, одна другой выше. На одной рудный камень выставился вверх, как столб, сажени на три, а другия меньше. Со средней горы видно Павдинский камень и за Верхотурье. На верхнюю-же въезд труден, а пешком я идти не мог. Штейгер сказывал, что на оной такая же руда. И я, видя, что оное сокровище подлинно можно благодатию Вышняго назвать, того ради самую высшую гору назвал Благодать, которая значит собственное имя Ея Императорскаго Величества, то есть в честь Императрицы Анны Иоанновны»⁵⁸. Далее он сообщал, что запасы руды столь огромны, что если копать, «кто и во многие годы dna не найдем», поэтому он уже приступил, на основании данной ему «Высочайшей инструкции», к строительству около рудной горы двух горных заводов: на реке Кушва для «проплавки чугуна», на реке Туре для выделки железа⁵⁹, и которые он надеялся построить в два года. К доношению Татищев приложил подробный экономический расчёт, в котором показал, что только эти два завода будут давать в год железа больше, чем все заводы Демидова, и каждый будет приносить чистую прибыль 50 000 рублей в год — сумма по тем временам просто огромная.

Татищев был грамотным специалистом, и не доверять его расчётам ни у Кабинет-министров, ни у Бирона оснований не было. По-видимому, только тогда Бирон по-настоящему и обратил внимание на доходы от горнозаводского дела и решил «прибрать к рукам» эти Горноблагодатские заводы, а заодно устранить от горного ведомства Татищева. Последующее развитие событий подтверждает это, ведь только два этих завода из всех горных заводов Урала и Сибири были приватизированы Шёнбергом, а Татищев сначала был подчинён Шёнбергу, а затем и устранён.

Приезд Шёнберга в Россию и начало его деятельности

Только после того, как Бирон занялся переговорами с Шёнбергом, они стали быстро продвигаться. В саксонской казне, наконец-то, нашлись 10 000 талеров для покрытия дорожных расходов. Они были выданы Шёнбергу из саксонской Ренткамеры и он, не достигнув ещё твердого соглашения с Россией, 1 марта 1736 года уехал в Россию в сопровождении 30 горных чиновников, горняков и плавильщиков⁶⁰.

Перед приездом Шёнберга в Санкт-Петербург 14 (25) мая Кабинет издал подписанный Остерманом и Черкасским указ для полицейской канцелярии о предоставлении квартир прибывающим из Саксонии «рудокопщикам во главе с фон Шенберхом и о сообщении об отведенных квартирах графу Линару» «понеже они из Риги уже отправились и в сих числах сюда прибыть имеют»⁶¹.

Курт фон Шёнберг прибыл в Петербург 20 (31) мая 1736 года. Он был очень тепло принят Бироном и в этот же день представлен Анне Иоанновне, которая благосклонно его встретила. Андрей Иванович Остерман, узнав о том, что Шёнберга у него «перехватил» Эрнст Бирон, начал противиться его назначению. Саксонский посланник граф фон Линар уведомлял об этом короля в своём письме от 16 августа 1736 года: «Наконец-то господин обер-берг-гауптман фон Шёнберг получил копию своего договора. Почти все истории, которые здесь разыгрывал граф Остерман, невозможно рассказать, так как он максимально мешает тому, что говорит и делает граф Бирон. Важнейшие моменты в договоре заключаются в том, что он получает общее управление над всей горной промышленностью, что ему сначала представляются все отчёты, а затем непосредственно им делаются доклады в Кабинет и Её Императорскому Величеству. Его обязательство заключено на не определенное количество лет, потому что у него есть на это королевское разрешение, а также поручения, назначенные ему, требуют этого. Его годовое жалованье составляет 6 000 рублей, но из-за опасений, поднятых графом Остерманом, что нация найдет это слишком большим и будет на этом останавливаться, условлено так, что он будет получать из казны только 3 000 рублей, а другую половину он будет получать от Её Величества Императрицы из её тайной шкапулки — доходов Соляной конторы»⁶². Плата начинает действовать с момента, когда он покинул Саксонию. Пока он живет здесь, он получает от двора бесплатные проезд и жильё, он также может получать бесплатное во всём содержание во время своих путешествий. За свой будущий обратный путь в Саксонию он получит необходимые премии, а из-за денег, которые он потратил на дорогу сюда, с ним будет произведён особый расчёт. Также господин Обер-камергер от имени Её Величества дал обещание, что после выполнения данных ему поручений он ещё может рассчитывать на особые щедрые компенсации. С привезёнными им людьми договоры были заключены по тем пунктам, которые они сами поставили, на четыре года, и так, чтобы причитающееся им жалованье было около 3 000 рублей в год»⁶³.

Из-за противодействия Остермана «капитуляция» с Шёнбергом была заключена только 23 июля (3 августа) 1736 года, причём она была составлена в виде Высочайшего манифеста: «Божиею милостию,

Мы, Анна, Императрица и Самодержица Всероссийская. Ведомо чрез сие да будет: понеже его королевского величества польского и курфюртской светлости саксонского камергер и обер-берггауптман барон фон Шемберг в службу Нашу вступил, и Мы ему генеральную дирекцию горных дел и рудопромышленных заводов в Нашей Империи всемилостивейшее поверили. Того ради мы онаго сим в Наши генерал-берг-директоры утверждаем, определив ему при таком чине, и пока он в службе Нашей обретаться будет, *первое*: годового оклада по три тысячи рублей, который он помесячно из штатс-конторы получать имеет; оное жалование начинается с 1 марта сего 1736 года, то есть: с отъезда его из Саксонии; *второе*: ему. Как здесь в Петербурге, так и когда оному для отправления службы своей в другие места Нашей Империи ехать надлежит, везде свободная квартира; *третье*: при таких его поездках и посылках всегда безденежные подводы даваны будут. Насупротив чего он с своей стороны обязуется поверенную ему должность со всякою верностию и прилежною ревностию отправлять, Нашу службу и интерес при том тщательнейшее хранить, и оной всякими образы и меры по лучшему знанию и возможности споспешествовать. Також во всем так поступать, как доброму и верному служителю предстоит, и к Нашей всемилостивейшей благоугодности быть имеет. Еще он при том и сие себе упросил, и ему от Нас всемилостивейшее дозволено и обнадеживается, что ежели его состоянье и обстоятельства не допустят ему далее в службе Нашей пребывать, тогда он по пристойному своему прошению без задержания милостиво из оной отпущен, и для его возвращения в Саксонию на дорожный проезд пристойная сумма денег из Нашей казны всемилостивейшее пожалована будет. Во уверение же того, сия Наша собственноручно подписанная и Нашею государственною печатью укрепленная капитуляция ему дана в Петергофе июля 23 дня 1736 года. Анна»⁶⁴.

После подписания договора Кабинет 29 июля (9 августа) отправил в Сенат указ о «принятии по именному указу, патенту и капитуляции, саксонского подданного барона фон Шемберга в русскую службу в чине генерал-берг-директора, об отделении горных и рудопромышленных дел от Коммерц-коллегии, об определении ему жалованья и прочее»⁶⁵. Согласно этому указу «онный Шемберг принят в службу Ея Императорского Величества в чине генерал-берг-директора, которому Ея Императорское Величество правление горных и рудопромышленных дел и заводов поручила, и, следовательно оныя дела от Коммерц-коллегии весьма отрешить и особливый о том департамент, под главною дирекциею помянутого барона Шемберга, учредить указала, придав ему коммерц-рата Райсера и прочих, по его требованию, служителей». Сенату этим указом также сообщалось, что Шёнбергу назначено жалование в 3 000 рублей в год и велелось из Штатс-конторы выдать ему его в перёд за полгода, начиная с первого марта. Другим указом из Кабинета, от 16 (27) августа, Штатс-конторе предписывалось выдать «новоопределенному генерал-берг-директору Шембергу, за проездные его из Саксонии сюда иждивения, 2-х тысяч рублей»⁶⁶.

Как видим из приведённых документов, Курт фон Шёнберг с финансовой стороны не был обделён монаршей милостью. Теперь его первоочередной задачей было создание нового «коллегиума» и составление организационного плана его работ, а для этого ему была необходима полная информация о состоянии горнозаводского дела в России.

Первая часть задачи была исполнена 21 августа (1 сентября) 1736 года, когда Кабинет издал следующий именной указ Сенату: «По всеподданнейшему представлению от генерал-берг-директора фон Шемберга о потребных новых учреждениях и определениях Ея Императорское Величество указала: 1) Правление горными делами со всеми рудопромышленными заводами наименовать Генерал-Берг-Директориум, которому непосредственно зависеть от Высочайших Ея Императорского Величества повелений, а в прочем иметь все преимущества, которыми прежняя Берг-Коллегия пользовалась. 2) Определить следующих канцелярских служителей, а именно: канцеляриста из сената Дмитрия Борисова в секретари, Абрама Ионна, переводчика в придворной конюшне, в протоколисты, и Вильгельма Бланкенгагена, комиссара в Коммерц-Коллегии, в переводчики, если его дело за которым он до ныне удержан, очищено быть может, в чем для того без замедления окончить»⁶⁷. 3) Назначить на первоначальное обзаведение Генерал-Берг-Директориума одновременно 3 200 рублей. 4) Понеже фон Шембергу поручено ведать все горные и рудопромышленные дела, то действительному статскому советнику Татищеву, сколько до порученных ему Сибирских заводов касается, равно как и всем прочим заводам под ведомство Шемберга быть надлежит. 5) Дать знать в провинциях губернаторам и воеводам: делать и посылать в новое горное учреждение описание рудам и другим камням, дабы по тому о способности тех мест к рудопромышленному строению разсуждение иметь можно. 6) Объявить всенародно. Дабы и частные лица занялись рудопромышленством, чем им вспоможение чиниться будет. 7) Чтобы губернаторы и воеводы чинили с своей стороны помощь барону Шембергу в случае его требований»⁶⁸.

Для исполнения этого поручения и установления нового административного порядка в горной промышленности России 4 (15) сентября Сенат издал именной указ «О именовании Правления горных

и рудокопных дел Генерал-Берг-Директориумом, с присвоением ему преимуществ прежней Берг-коллегии; о награждении за отыскания руд или за приискание к рудокопному строению способных мест и о дозволении таковым объявителям заводить самим рудокопные заводы»⁶⁹. А именным указом из Сената, данным действительному статскому советнику Татищеву, от 18 (29) сентября «О подведомстве Горных и Рудокопных заводов Генерал-Берг-Директориуму»⁷⁰ Василий Никитич был лишён самостоятельной власти и подчинён Шёнбергу. Согласно этому указу, он теперь был обязан отправлять свои доношения не в Кабинет, а только Шёнбергу, а также выполнять только поручения последнего. Как видим, попытки измены Бирон не прошал.

Для выполнения второй части задачи, ещё до подписания договора с Шёнбергом, 19 (30) июля Кабинет-министров приказал Коммерц-коллегии, чтобы советник Винцент Райзер срочно подготовил для Шёнберга: «1) повеленные генеральные ведомости о генеральных заводах, как скоро возможно, заготовить; 2) чтоб он при сочинении тех ведомостей неотлучно был и пока сочинены не будут, другими делами его не отягощать; 3) всех тех канцелярских служителей, которые при горных делах были, к нему для сочинения тех ведомостей отдать и другим ничем, пока сочинят, не обязывать; 4) все дела, что к сочинению тех ведомостей потребно ему отдать и чего требовать в дополику будет, тотчас сообщать; 5) все дела: 1) о коммерции 2) мануфактуре 3) горная, в коллегии иметь велено по департаментам, ныне так-ли находятся и кто из членов и служителей к чему определен — тотчас подать ведомость»⁷¹.

Затем 30 октября (10 ноября) по сообщению с приложением к нему лично составленной генерал-берг-директором Шёнбергом инструкции, поступившему в Сенат из Кабинета, чтобы исполнить пятый пункт указа от 21 августа, Сенат издал указ, по которому губернаторы «к приращению Горных и Рудокопных заводов должны доставлять сведения из вверенных им Губерний»⁷². Инструкция, составленная Шёнбергом и включённая в указ, содержит 17 пунктов с подробным описанием, что и как нужно изучать, чтобы представить в Берг-директориум обширные и точные, не только географо-геологические, но и ботанико-зоологические сведения о российских губерниях. Все эти пункты разобрать в рамках статьи невозможно. Но стоит отметить, что инструкция столь добротна составлена, что даже в настоящее время её можно использовать при первичных геолого-поисковых работах. Данное обстоятельство подтверждает, что Шёнберг действительно обладал хорошими и обширными научными знаниями в горном деле, и позднейшие его обвинения в некомпетентности не имеют под собой реальной почвы.

Первые шаги нового главы горного ведомства Российской империи были сделаны — новое правление организовано, информация по горным заводам получена, необходимые указы для сбора информации отправлены в губернии. Далее Шёнберг решает отправиться в начале 1737 года, когда установился хороший санний путь, в путешествие по России для ознакомления с горными заводами на местах. Первым в его списке был серебряный рудник на острове Медвежий. О важности этого рудника сказано выше. Но в 1736 году произошло резкое снижение добычи серебра, если, как уже отмечалось, с середины августа 1734 года на начало 1736 года было добыто чистого серебра 39 пудов 36 фунтов 48 золотников, то за 1736 год было добыто всего лишь 3 пуда 12 фунтов 93 золотника серебра. Заведующий разработкой месторождения Конрад де Травес испытывал затруднения. В связи с этим Шёнберг и решил начать с Медвежьего острова, а только потом посетить Урал. Однако вместо поощрения такой поездки Кабинет, в лице Остермана, резко высказался против и начал чинить препятствия, и Бирон пока ничем не мог помочь Шёнбергу. Когда в начале 1737 года первый саксонский кабинет-министр граф фон Брюль спросил советника саксонского посольства в Петербурге Иоганна Сигизмунда Петцольда (1704–1783), как так случилось, что от Шёнберга ничего не слышно, последний в своём письме от 5 апреля 1737 года сообщил, что «медлительность, с которой здесь продолжают отдавать нужные Шёнбергу распоряжения, являются причиной того, что он в настоящее время не в состоянии представить достоверный и обширный отчёт. Шёнбергу приходится предъявлять бесконечные жалобы на Остермана, который с самого начала был против его работы, тем более что Бирон, слишком занятый другими делами в текущей суматохе войны, сказал ему набраться терпения и подождать, как и он сам ждёт подходящего времени. Кроме того, Бирон использовал средства, выделенные на горную промышленность, на другие цели. Также план Шёнберга, как немедленно добыть в казну около 1 500 пудов чистого серебра, не согласован Бироном. В связи с тем, что план предполагал, что два английских купца, имеющих монополию на торговлю серебром и находящиеся в полном согласии не только с Остерманом, но почти со всем Сенатом и Двором, должны были её лишиться, и ему было сказано подождать. Поездку Шёнберга в Архангельск и на Медвежий острова также пришлось отложить, потому что заказы так задержались, что растаяла санная дорога, и теперь ему приходится ждать летней дороги»⁷³.

Но, по-видимому, Бирон не только ждал, но и действовал, аккуратно и не спеша, как он умел. Указ из Кабинета об отправке Шёнберга на Север вышел 5 (16) апреля 1737 года, этим указом

повелевалось выдать генерал-берг-директору барону фон Шёнбергу полугодовое жалование «вперед по случаю командирования его в Поморье на Медвежий остров».

К заключению

Так началась деятельность барона Курта фон Шёнберга в качестве единовластного главы горного ведомства Российской империи. Как только позволили дороги, Шёнберг на лошадях отправился в Архангельск и оттуда на корабле отплыл в Русскую Лапландию: на Медвежий остров и на реку Русеньга. Впереди ещё были взлёт и падение, принятие «Берг-регламента» и создание «Берг-компаний», строительство Лапландского медного завода и приватизация горных заводов при горе Благодать, обвинение в мошенничестве, судебное разбирательство, арест и двухлетнее заключение в тюрьме. Сам Шёнберг вскорости после своего ареста говорил Петцольду, что у него не было дурного намерения через запрошенную и дарованную «Короной» привилегию высвободить её доходы и забирать их в своё распоряжение. Возможно это так. Скорее всего, он при организации «Берг-компаний» переоценил свои финансовые возможности и питал слишком оптимистичные надежды на то, что в России расцветёт его состояние. Возможно, поэтому он не выполнил приказа с требованием вернуться на свою должность в Саксонию до конца года, направленного ему в марте 1740 года графом Брюлем. Да и зачем ему было возвращаться на родину, если у него были прекрасные отношения не только с правящей императрицей, но и с принцессами — Анной Леопольдовной и в особенности с Елизаветой Петровной, которая, со слов Петцольда, после восшествия на престол предложила Шёнбергу занять пост обер-гофмаршала и при всём дворе, сказала, «что он один из самых честных людей, которые есть у меня в Империи и который жил для меня, когда я была княжной»⁷⁴.

Но это темы отдельных статей, поэтому здесь мы остановимся.

Список сокращений

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РИО — Сборник Императорского Русского исторического общества

Примечания

¹ Исследования Е. Н. Савельевой подтверждают, что вице-канцлер граф А. И. Остерман фактически был «душой» Кабинета министров («телом» Кабинета был князь А. М. Черкасский) и министром иностранных дел; содержания журналов Кабинета указывают, что при разработке, принятии и согласовании решений ключевая роль на протяжении всего царствования Анны принадлежала Остерману [5: 11–12].

² Эффективность «Берг-привилегии», объявленной в изданном 10 (21) декабря 1719 года Петром I именном указе «Об учреждении Берг-Коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах» (ПСЗ. Т. V. 1713–1719. СПб.: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 760–762) в ближайшие за её объявлением годы была ничтожной (см. Штоф А. А. Сравнительный очерк горного законодательства в России и Западной Европе. Ч. 1. Главные основания горного и соляного законодательств. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1882. С. 135–171), поскольку крупным промышленникам она была не нужна, они процветали и без неё, а новым и мелким промышленникам она не давала главного — рабочих рук. Данное обстоятельство было учтено В. Н. Татищевым в его проекте 1735 года «О раздаче железных и медеплавильных казённых заводов частновладельческим компаниям» [5: 217–219].

³ Белов В. Д. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1896. С. 37.

⁴ Штоф А. А. Сравнительный очерк горного законодательства в России и Западной Европе. Ч. 1. Главные основания горного и соляного законодательств. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1882. 224 с.

⁵ Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Сочиненный господином Тайным советником и Астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым Ч. 1. А–В. СПб.: Тип. Горного училища, 1793. С. 146.

⁶ Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Сочиненный господином Тайным советником и Астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым Ч. 2. Г–Ж. СПб.: Тип. Горного училища, 1793. С. 22.

⁷ Манштейн Христофор Герман (1711–1757) — полковник русской и генерал-майор прусской армий, в аннинское время адъютант генерал-фельдмаршала Б. Х. Миниха. В 1751 году написал «Записки о России».

⁸ Записки Манштейна о России 1727–1744. Пер. с французского с подлинной рукописи Манштейна. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875. С. 302–303.

⁹ Белов. Исторический очерк... С. 36–38. Лоранский А. М. Краткий исторический очерк Административных учреждений Горного ведомства в России 1700–1900 гг. СПб.: Тип. инж. Г. А. Берштейна, 1900. С. 21–26. Вострокнутов В. Д. Краткий исторический обзор Гороблагодатского горного округа. Екатеринбург: Хромотиполитография К. К. Вурм, 1901. С. 7–8.

¹⁰ Она ещё была Анной Ивановной, Анной Иоанновной она станет во время воцарения.

¹¹ Коронация Анны Иоанновны проходила в Москве 28 апреля (9 мая) 1730 года. (ПСЗ. Т. VIII. 1728–1732. СПб.: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 267.)

¹² От ордена святого Андрея Первозванного он отказался в пользу ланд-гофмейстера Курляндии Бракеля [4: 80].

¹³ Пекарский П. П. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб.: Тип. ИАН, 1864. С. 31–33.

¹⁴ РГАДА Ф. 271. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 1048. Д. 1.

¹⁵ ПСЗ. Т. VIII. С. 137.

¹⁶ РГАДА Ф. 271. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 180. Л. 8–17.

¹⁷ Там же.

¹⁸ РГАДА Ф. 271. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 572. Л. 350–354.

¹⁹ ПСЗ. Т. VIII. С. 549–550.

²⁰ Штоф. С. 147.

²¹ В начале XVIII века для чеканки серебряных российских денег единственным российским поставщиком серебра был Нерчинский сереброплавильный казённый горный завод, начавший свою работу в 1704 году и характеризовавшийся низкой производительностью, выплавляя с 1704 по 1730 годы от 1 до 6 пудов серебра в год, а в среднем — около 4 пудов в год. В 1731–1735 годы из-за проблем с рудой завод вообще не дал серебра [15: 606–607]. Для выпуска денег, даже во время работы Нерчинского завода, серебро приходилось закупать за границей и переплавлять иностранные монеты, поэтому открытие серебряной руды на Медвеьем острове было событием огромной важности.

²² РГАДА Ф. 271. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 1048. Д. 7.

²³ РГАДА Ф. 271. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 181. Л. 125–128.

²⁴ ПСЗ. Т. IX. 1733–1736. СПб.: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 82–83.

²⁵ Там же. С. 126–128.

²⁶ Там же. С. 172–173.

²⁷ РИО. Т. 108. Юрьев: Тип. К. Матисена, 1900. С. 78.

²⁸ Там же.

²⁹ РГАДА Ф. 271. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 1027. Л. 520.

³⁰ Там же. Л. 521

³¹ Там же. Л. 522

³² РИО. Т. 113. Юрьев: Тип. К. Матисена, 1902. С. 529–530.

³³ РИО. Т. 114. Юрьев: Тип. К. Матисена, 1902. С. 562.

³⁴ ПСЗ. Т. IX. С. 137.

³⁵ РГАДА Ф. 271. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 1050. Д. 23.

³⁶ Там же.

³⁷ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. 1725–1740. СПб., Тип. Правительствующего Сената, 1875. С. 335.

³⁸ Там же. С. 336.

³⁹ ПСЗ. Т. IX. С. 290–296.

⁴⁰ Граф Мориц Карл фон Линар (1702–1768), посланник Саксонии в России в 1733–1736 и в 1740–1741 годах. Фаворит регентши Анны Леопольдовны.

⁴¹ Weber K. G. Der Oberberghauptmann Curt Alexander von Schönberg in Russland 1736 slg. Nach archivalischen Quellen // Archiv für die Sächsische Geschichte. Bd. 8. Leipzig: Verlag von Bernhard Tauchnitz, 1870. P. 304. Здесь и далее по тексту приводимые переводы цитат с немецкого языка выполнены автором статьи.

⁴² Там же.

⁴³ Граф Генрих фон Брюль (1700–1763), министр короля Августа III.

⁴⁴ Пекарский П. П. Новые известия... С. 33.

⁴⁵ Weber. Der Oberberghauptmann... P. 305.

⁴⁶ Bernhard von Schönberg. Geschichte des geschlechtes von Schönberg meissnischen stammes. T. I. Leipzig: Verlag von Giesecke & Devrient, 1878. P. 23–42.

⁴⁷ Там же. P. 75–114.

⁴⁸ Там же. P. 36–37.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Stand-Rede Bey der Beerdigung Sr. Excellenz des weiland Hochwohlgebornen Herrn Herrn Curt Alexander von Schönberg, Erb-Herrn auf Naundorfa, Oberschöna und Linda, Ritter des Russischen Alexndri Newsky-Orden, Sr. Königl. Majest. in Pohlen und Churfürstl. Durchl. zu Sachsen, wohlbestallter Cammer-Herr und Ober-Berghauptmann, welcher am 10. Junii 1761. Zu Freyberg, nach einer langwierigen Krankheit, in seinem Erlöser seelig entschlafen, und in der Kirche zu Oberschöna in sein Erbbegrädniß eingesenket wurde / gehalten von m. Günther Ludewig Weinern, Pfarrern zu Oberschöna und Wegefarth. Freyberg: Druck. Johann Christoph Mattbai, 1761. 6 p.

⁵¹ Дед Курта фон Шёнберга, наиболее прославивший фамилию в должности обер-берг-гауптмана. Stand-Rede Bey der Beerdigung..., 1761. P. 3–4.

⁵² Der genealogische Archivarius, welcher alles, was sich taglich unter den ießtlebenden Hohen Personen in der Welt an Gebunten, Vermählungen, Avancements und Todtes-Fällen veränderliches zuträgt, mit Eindrückung vieler Lebens-Beschreibungen sorgfältig anmercket. Der IX. Theil. Leipzig: Berlegts Johann Samuel Heinsius, 1734. P. 234.

⁵³ Stand-Rede Bey der Beerdigung..., 1761. P. 3.

⁵⁴ Der genealogische Archivarius..., 1734. P. 233–235.

⁵⁵ Курфюрст с 11 февраля, а король с 5 октября 1733 года. Здесь же необходимо отметить, что Август III стал польским королём благодаря русской армии. 6 (15) июля 1733 года между Россией и Саксонией был заключён трактат «О взаимной между ими дружбе и оборонительном союзе» (ПСЗ. Т. VIII. С. 186–188). В августе 1733 года русские войска вошли на территорию Польши, а затем под их защитой оппозиционная Станиславу Лещинскому конфедерация шляхты избрала Августа III королём польским. Но ещё больше года король боялся въезжать в Польшу, что вызвало неудовольствие Анны и её Кабинета-министров. Одновременно с вышеупомянутым письмом королю, 30 сентября (11 октября), посланнику России в Дрездене барону Герману фон Кейзерлингу «штафетой» был отправлен рескрипт от имени императрицы «с выражением сожаления об отложении отъезда короля в Польшу». Согласно этому рескрипту Кейзерлинг обязан был уведомить короля, что русские войска для обеспечения безопасности его проезда уже расставлены по всему пути следования, и убедить короля, что войска не будут выведены из Польши, а будут дальше обеспечивать его безопасность: «Нашего намерения весьма нет, чтоб (о чем Вы при случае наилучше внушить имеете) вышепомянутым выведением наших войск дела в Польше и королевский интерес оставить, но Мы паче стараемся оныя к удовольствию его королевского величества, как наискорее, окончать и Наши войска ныне, якоже и прежде, ничего не упустят, чем токмо человеку возможно, и прочих супротивников сократить и его королевскому величеству покорить» (РИО. Т. 108. С. 385–387). Рескрипт подписали кабинет-министры: Андрей Остерман и князь Алексей Черкасский. Вероятность того, что два документа — письмо королю и рескрипт, были случайно в одно время подготовлены и отправлены — крайне мала, слишком тонким политиком был Остерман. Этим и можно объяснить, почему король с такой лёгкостью и признательностью откликнулся на просьбу Анны Иоанновны прислать опытного горняка в Россию, он слишком многим был обязан Российской империи. Кроме того, Науман отмечает, что у Августа III и графа Брюля были и свои стратегические интересы — с помощью Шёнберга они надеялись получить полную информацию о состоянии российской горно-металлургической промышленности [13: 11].

⁵⁶ Weber. Der Oberberghauptmann... P. 304.

⁵⁷ Там же. P. 305.

⁵⁸ Вострокнутов. Краткий исторический... 1901. С. 5–6.

⁵⁹ Кушвинский чугуноплавильный и Верхнетуринский железодельный заводы заработали в 1739 году и тогда же были отданы Шёнбергу.

⁶⁰ Weber. Der Oberberghauptmann... P. 305.

⁶¹ РИО. Т. 114. С. 207.

⁶² Ещё со времён Петра I доходы Соляной конторы являлись той «тайной шкатулкой», из которой государи брали деньги как на содержание двора, так и на непредвиденные расходы [2].

⁶³ Weber. Der Oberberghauptmann... P. 305–306.

⁶⁴ РГАДА Ф. 271. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 13. Л. 1–2.

⁶⁵ РИО. Т. 114. С. 359–360.

⁶⁶ Там же. С. 389.

⁶⁷ Обер-комиссар Коммерц-коллегии Вильгельм Бланкенгаген со своим братом Яганом продали частным лица казённого железа 6 500 пудов и меди 1 000 пудов на общую сумму 7 100 рублей, а деньги присвоили. За это Вильгельм был приговорён к повешению, но по ходатайству то ли Бирона, то ли Остермана, был помилован, освобождён и отдан в Берг-Директориум.

⁶⁸ РГАДА Ф. 271. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 13. Л. 4–5.

⁶⁹ ПСЗ. Т. IX. С. 919–920.

⁷⁰ Там же. С. 937–938.

⁷¹ РИО. Т. 114. С. 333.

⁷² ПСЗ. Т. IX. С. 960–962.

⁷³ Weber. Der Oberberghauptmann... P. 307–308.

⁷⁴ Там же. P. 309–310.

Список источников

1. Анисимов Е. В. Анна Иоанновна. М.: Молодая гвардия, 2002. 362 с.
2. Павленко Н. И. Анна Иоанновна: немцы при дворе. М.: АСТ-Пресс книга, 2002. 384 с.
3. Савельева Е. Н. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны: автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2004. 16 с.
4. Курукин И. В. Бирон. М.: Молодая гвардия, 2006. 426 с.
5. Татищев В. Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М.: Наука, 1990. 440 с.
6. Кашинцев Д. А. История металлургии Урала. Т. 1. Первобытная эпоха XVII и XVIII веков. М.–Л.: ГОИТИ, Ред. лит. по черной и цвет. металлургии, 1939. 293 с.
7. Ушаков И. Ф. Избранные произведения. Т. 2. Кольский Север в досоветское время. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1998. С. 185–188.
8. Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводладельцы. М.: АН СССР, 1962. 567 с.
9. Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 2001. 536 с.
10. Кириллов В. М., Дашкевич Л. А., Корепанов Н. С., Микитюк В. П., Клат С. А., Пермяков А. А., Разинков С. Л., Матвеева Н. В., Арефьев Р. Л. Немцы на Урале XVII–XXI вв. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. 288 с.
11. Ушаков И. Ф. Проходимец Шемберг // Советский Мурман. 30 июня 1993 г. № 124–125. С. 5.
12. Grau C. Russisch-sächsische Beziehungen auf dem Gebiet des Berg- und Hüttenwesens in der ersten Hälfte des 18 // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der Volksdemokratischen Länder Europas. Bd. 4. 1960. Pp. 302–330.
13. Naumann F. Sächsische Bergbaukunst auf dem Weg nach Russland // Acamonta — Sonderbeilage. Vol. 25. 2018. Pp. 1–16.
14. Шмидт С. О. Средневековье в государственном строе России // Государственное управление: история и современность: мат-лы междунар. науч. конф. (Москва, 29–30 мая 1997 г.). М.: Унив. гуманит. лицей, 1998. С. 11–12.
15. Де Геннин В. Г. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. М.: Изд. «История заводов», 1937. 691 с.
16. Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. Промышленная политика и управление. М.: АН СССР, 1953. 564 с.
17. Максимов М. М. Очерк о серебре. М.: Недра, 1981. 207 с.

References

1. Anisimov Ye. V. *Anna Ioannovna* [Anna Ioannovna]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2002, 362 p. (In Russ.).
2. Pavlenko N. I. *Anna Ioannovna: nemtsy pri dvore* [Anna Ioannovna: Germans at Court]. Moscow, AST-Press kniga, 2002, 384 p. (In Russ.).
3. Savelyeva E. N. Kabinet ministrov imperatritsy Anny Ioannovny: avtoref. diss. kand. ist. nauk [Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna: author. diss. cand. ist. Sciences]. Moscow, 2004, 16 p. (In Russ.).
4. Kurukin I. V. *Biron* [Biron]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2006, 426 p. (In Russ.).
5. Tatishchev V. N. *Zapiski. Pis'ma. 1717–1750 gg.* [Notes. Letters. 1717–1750]. Moscow, Nauka, 1990, 440 p. (In Russ.).
6. Kashintsev D. A. *Istoriya metallurgii Urala. T. 1. Pervobytnaya epokha XVII i XVIII vekov* [History of metallurgy of the Urals. T. 1. The Primitive Epoch of the 17th and 18th Centuries]. Moscow, Leningrad, GONTI, Ed. lit. in black and color. metallurgy, 1939, 293 p. (In Russ.).
7. Ushakov I. bF. *Izbrannyye proizvedeniya. T. 2. Kol'skiy sever v dosovetskoye vremya* [Selected works. Vol. 2. The Kola North in the pre-Soviet period]. Murmansk, Murmanskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1998. pp. 185–188. (In Russ.).
8. Pavlenko N. I. *Istoriya metallurgii v Rossii XVIII veka. Zavody i zavodovladel'tsy* [History of metallurgy in Russia in the 18th century. Factories and plant owners]. Moscow, AN SSSR, 1962, 567 p. (In Russ.).
9. *Metallurgicheskiye zavody Urala XVII–XX vv. Entsiklopediya* [Metallurgical factories of the Urals of the XVII–XX centuries. Encyclopedia]. Yekaterinburg, Akademkniga, 2001, 536 p. (In Russ.).
10. Kirillov V. M., Dashkevich L. A., Korepanov N. S., Mikityuk V. P., Klat S. A., Permyakov A. A., Razinkov S. L., Matveeva N. V., Arefiev R. L. *Nemtsy na Urale XVII–XXI vv.* [Germans in the Urals XVII–XXI centuries]. Nizhny Tagil, NTGSPA, 2009, 288 p. (In Russ.).
11. Ushakov I. F. Prokholdimets Shemberg [Rogue Schönberg]. *Sovetskiy Murman* [Soviet Murman], 1993, June 30, no. 124–125, pp. 5. (In Russ.).
12. Grau C. Russisch-sächsische Beziehungen auf dem Gebiet des Berg- und Hüttenwesens in der ersten Hälfte des 18. Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der Volksdemokratischen Länder Europas. Bd. 4. 1960, pp. 302–330.
13. Naumann F. Sächsische Bergbaukunst auf dem Weg nach Russland. *Acamonta — Sonderbeilage*. Vol. 25, 2018, pp. 1–16.
14. Schmidt S. O. Srednevekov'ye v gosudarstvennom stroye Rossii [Middle Ages in the state system of Russia]. Gosudarstvennoye upravleniye: istoriya i sovremennost': mat-ly mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 29–30 maya 1997 g.) [Public administration: history and modernity. Mater. intl. scientific conf. (Moscow, May 29–30, 1997)]. Moscow, Univ. humanit. Lyceum, 1998, pp. 11–12. (In Russ.).
15. De Gennin V. G. *Opisaniye ural'skikh i sibirskikh zavodov. 1735* [Description of the Ural and Siberian factories. 1735]. Moscow, Ed. "Istoriya zavodov", 1937, 691 p. (In Russ.).
16. Pavlenko N. I. *Razvitiye metallurgicheskoy promyshlennosti Rossii v pervoy polovine XVIII veka. Promyshlennaya politika i upravleniye* [The development of the metallurgical industry in Russia in the first half of the 18th century. Industrial policy and management]. Moscow, AN SSSR, 1953. 564 p. (In Russ.).
17. Maksimov M. M. *Ocherk o serebre* [Essay on silver]. Moscow, Nedra, 1981, 207 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М. Н. Петровский — кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

M. N. Petrovskiy — candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022; одобрена после рецензирования 08.10.2022; принята к публикации 10.10.2022.
The article was submitted 01.10.2022; approved after reviewing 08.10.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Научная статья
УДК 371.3(=511.1)(470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.011

ИСТОРИЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ШКОЛ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Ксения Сергеевна Казакова

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра
«Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, k.kazakova@ksc.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5071-4947>*

Аннотация

В статье представлен обзор архивных материалов из фондов Государственного архива Мурманской области и Национального архива Республики Карелия, выявленных в ходе архивоведческой эвристики в процессе изучения истории развития церковно-приходских школ в Кольском уезде Архангельской губернии в конце XIX – начале XX веков. Дан анализ информационного потенциала следующих видов исторических источников: статистических и клировых ведомостей, формулярных списков священников, преподававших в школах.

Ключевые слова:

история Русской православной церкви, исторические источники, церковно-приходская школа, клировые ведомости, статистические ведомости, приход, Кольский уезд

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2022-0028.

Для цитирования:

Казакова К. С. История церковно-приходских школ Кольского Севера в конце XIX – первой трети XX века в архивных документах // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 121–129. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.011

Original article

HISTORY OF PAROCHIAL SCHOOLS OF THE KOLA NORTH IN THE LATE 19TH – FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY IN ARCHIVAL DOCUMENTS

Ksenia S. Kazakova

*Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia,
k.kazakova@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5071-4947>*

Abstract

The article presents an overview of archival materials from the collections of the State Archives of the Murmansk region and the National Archives of the Republic of Karelia, identified in the course of archival heuristics in the process of studying the history of the development of parochial schools in the Kola district of the Arkhangelsk province in the late 19th – first third of the 20th centuries. An analysis of the information potential of the following types of historical sources is given: statistical records, clerical records, formulary lists of priests who taught in schools.

Keywords:

history of the Russian Orthodox Church, historical sources, parochial school, clerical records, statistical reports, parish, Kola district

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” No. FMEZ-2022-0028.

For citation:

Kazakova K.S. History of parochial schools of the Kola North in the late 19th – first third of the 20th century in archival documents Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities. 2022. Vol. 1, No. 1. P. 121–129. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.011

В дореволюционный период церковно-приходские школы являлись особой ступенью в образовательной системе Российской империи. Благодаря активной деятельности Русской православной церкви было положено начало просвещению ее северных окраинных территорий. Процесс распространения церковно-приходских школ на Кольском Севере начался значительно позже, чем это было в соседней Олонецкой епархии [1]. Для северных окраин этот тип начальных школ оказался основным, что было связано как с идеологической программой К. П. Победоносцева, так и с началом активной колонизации Кольского края. Отличительной особенностью развития начального школьного образования в Кольском

уезде Архангельской губернии было отсутствие сети земских школ и начальных училищ Министерства народного просвещения. До начала XX века на территории уезда действовало только Кольское училище в городе Кола. Основным типом школы на Кольском Севере стала одноклассная церковно-приходская школа. Саамские, или, как их называли в XIX веке, «лопарские», погосты располагались в основном на территории I Кольского благочиния, тогда как церковно-приходские школы Терского берега находились в ведении II Кольского благочиния. В 1891 году к первому благочинию относились Кольский, Пазрецкий, Нотозерский, Ловозерский, Териберский и Печенгский приходы, а также Сонгельский и Кильдинский погосты, ко второму благочинию — Петропавловский и Успенский в селе Варзуга, Кандалакшский, Ковдский, Керетский, Понойский, Тетринский, Кузоменьский и Умбский приходы¹. Школ в колониях Мурманского побережья практически не было, за исключением Гавриловской школы грамоты и школы грамоты в селе Териберка. Также малая часть колонистов обучались в Баркинской школе при Трифоно-Печенгском монастыре. В колониях финляндцев русские школы отсутствовали, так как колонисты-финляндцы исповедовали лютеранство. В 1897 году в Кольском уезде действовало 15 школ церковного ведомства².

Основной корпус архивных источников по истории развития начального школьного образования на Кольском Севере представлен в нескольких крупных архивохранилищах РФ: Государственном архиве Архангельской области (ГААО), Национальном архиве Республики Карелия (НА РК) и Государственном архиве Мурманской области (ГАМО). Так как материалы по церковно-приходским школам Кольского уезда Архангельской губернии в ГААО не составляют отдельного фонда и представлены информацией, которая направлялась в центр уездными училищными отделениями, то представляется возможным остановиться на анализе информационного потенциала архивных материалов Государственного архива Мурманской области и Национального архива Республики Карелия.

Большой пласт школьной делопроизводственной документации отложился в фонде Кольского уездного отделения Епархиального Училищного Совета 1888–1898 годов (ГАМО. Ф. И-133) и Кемско-Кольского уездного училищного отделения за 1891–1900 годы (НА РК. Ф. 419). Создание промежуточной инстанции между епархиальным органом управления и отдельными школами было необходимо, вследствие значительного числа уездов, входящих в Архангельскую епархию и большой территориальной разбросанности школ. На уездные отделения возлагалось «попечение о развитии и поддержании церковно-школьного дела» (наем учителей, «изыскание» местных средств, снабжение школ книгами и учебниками, «содействие к устройству» дополнительных классов, уроков для взрослого населения, воскресных школ и др.) в пределах уезда [2: 91].

Материалы, касающиеся просветительской деятельности церкви, отложились также в фонде Первого благочиния Мурманского округа Архангельской и Холмогорской епархии (1779–1928)³ (ГАМО И-17). В фонде собраны дела, касающиеся процесса организации и устройства школ, например, такие, как: «Переписка с приходами о сборах на содержание церковно-приходских школ» (1898 год)⁴, «О постройке дома для церковно-приходской школы в Ловозере» (1888 год)⁵, «Дело об освящении церкви и школы в погосте Нотозерского прихода» (1900 год)⁶. Кроме того, интересными представляются материалы, касающиеся особенностей учебного курса в «инородческих» (саамских) школах, что позволяет проанализировать развитие начального образования в контексте этнической специфики региона⁷. Сведения о Баркинской школе и Печенгской церковно-приходской школе представлены в фонде Трифоно-Печенгского монастыря (ГАМО. Ф. И-87).

В фондах Государственного архива Мурманской области представлены материалы о работе следующих школ: Кашкаранской ЦПШ (Ф. И-11), Ловозерской одноклассной ЦПШ (Ф. И-121), Понойской ЦПШ (Ф. И-18), Териберской ЦПШ (Ф. И-80). В небольших по объему фондах собрана текущая школьная документация: расписание уроков⁸, классные журналы по разным предметам⁹, табеля успеваемости учащихся, списочный состав по классам¹⁰ и т. д. Анализ источников позволяет проследить деятельность духовного ведомства в развитии начального образования на Кольском Севере, определить роль церкви в создании системы школ, ее участие в решении вопросов по просвещению коренного населения края в конце XIX — первой трети XX века.

Большой объем архивных документов включает в себя несколько видов источников. Самыми информативными из них являются: статистические и клировые ведомости; формулярные списки священников, преподававших в школах; а также делопроизводственная документация по организации обучения.

Статистические ведомости

Фонды Кольского уездного отделения Епархиального Училищного Совета (ГАМО. Ф. И-133) и Кемско-Кольского уездного училищного отделения (НА РК. Ф. 419) содержат большое разнообразие делопроизводственных документов, среди которых наиболее информативными являются статистическая документация и годовые отчеты. К статистическим материалам относятся ведомости о количестве школ в уезде, списки учеников по школам с указанием пола, возраста, сословной и национальной принадлежности, сметы расходов на содержание школ и т. д. Статистические ведомости в различных источниках сгруппированы по-разному. В некоторых документах представлены данные отдельно по школам I или II Благочиния, в других — по типу школы: церковно-приходская или школа грамоты, главным отличием между которыми был срок обучения и уровень образовательной программы. Также в статистических ведомостях приводятся сведения по приходам: общее число душ, число детей школьного возраста и число детей, которые посещают школу с разделением по полу.

Из представленной ниже таблицы видно, что в I благочинии Кольского уезда действовала только одна школа в городе Кола, подведомственная Министерству народного просвещения, в которой обучалось около 30 детей. Другие школы, открытые в Кильдинском, Пазрецком, Нотозерском, Ловозерском приходах были церковно-приходские, число учащихся в которых не превышало 20 человек.

Статистические сведения о приходах Кольского уезда Архангельской епархии¹¹

Название приходов	Общее число жителей в приходе	Число детей, учившихся в истекшем учебном году в школах прихода				
		церковно-приходских	грамоты	министерских	земских	народных (в западн. крае)
Кольского уезда I ^{го} благочиния:						
1. Кольский уездный градской собор в г. Коле	614	—	—	30	—	—
в Масельском погосте	46	—	—	—	—	—
в Разноволоцком погосте	56	—	—	—	—	—
в Кильдинском погосте	180	14	—	14	—	—
2. Пазрецкий приход в Пазрецком погосте	162	11	—	—	—	—
3. Нотозерский приход в Нотозерском погосте	189	17	—	—	—	—
в Сонгельском погосте, приписном к Нотозерскому погосту	164	18	—	—	—	—
4. Ловозерский приход в Ловозерском приходе	125	12	—	—	—	—
в Ловозерском погосте	61	—	—	—	—	—
в Вороненском погосте	85	—	—	—	—	—
5. Тириберский приход в Тириберском становище	90	4	—	—	—	—
в Кильдинском становище	5	—	—	—	—	—
в Гавриловском становище	58	—	—	—	—	—
6. Печенский приход в колониях:		Нет школы				
Печеньга	66					
Княжегуба	85					
Баркино	43					
в Мотовском погосте	45					
Оленья гора	43					

Согласно анализу статистических ведомостей, выявленных в фондах ГАМО и НА РК, в конце XIX века в церковно-приходских школах Кольского уезда в общей сложности обучалось около 300 детей, большинство из которых составляли мальчики. Учениками были сельские жители, лишь единицы принадлежали к духовному и дворянскому званию, это были дети местных чиновников

и священников, которые служили в приходах. Количество учащихся в школе варьировалось в зависимости от числа населения села (погоста) и желания родителей обучать детей. Количество учащихся в школах Кольского уезда варьировалось от 8–9 человек в небольших селах и саамских погостах, до 40–50 человек в крупных поморских поселениях таких, как Умба и Варзуга. На каждую школу приходилось по 1–2 учащихся, один из которых был священник прихода, как правило, заведовавший школой. Из 15 школ в 4 (Пазрецкой, Кильдинской, Сонгельской, Нотозерской) состав учеников полностью состоял из «инородцев», как тогда было принято называть представителей коренных народов [3]. Смешанным состав учеников был в Ловозерской школе, где учились русские, коми-зыряне, саамы, самоеды. Статистические данные о финансировании школ дают информацию о средствах, которые тратились на их содержание. Согласно «Правилам о церковно-приходских школах», главным источником их финансирования являлись «местные средства прихода». Наличие других источников — «от сельских или городских обществ, приходских попечительств и братств, земских и других общественных и частных учреждений и лиц, епархиального и высшего духовного начальства, а равно и казны» — оказывалось необязательным. Как отмечают исследователи, фактически это означало, что разыскание материальных средств, необходимых для существования школы, возлагался на руководителя прихода — священника [4]. В ведомостях указывалась сумма, которая ежегодно согласно приговору вносилась сельскими жителями на денежное содержание школы, что, в свою очередь, позволяет рассуждать об отношении населения Кольского уезда к школе и заинтересованности родителей в получении детьми начального образования.

Клировые ведомости и формулярные списки

О клировых ведомостях как историческом источнике существует целый ряд работ. Это исследования по церковной истории как северных [5], так и южных епархий [6]. Клировые ведомости, или акты состояния приходского духовенства, составлялись с 1769 года местными священниками и далее заверялись благочинным, они отражали деятельность прихода за прошедший год: указывались сведения о состоянии храма и краткая история прихода; материальная обеспеченность; сведения о каждом члене причта; социальный, численный, этнический состав прихожан; расположенность деревень, относящихся к приходу [7: 45].

Структурно клировые ведомости состоят из трех частей. Для историко-демографического изучения наибольшее значение для исследователей имеет третья часть клировых ведомостей — «Ведомость о приходе», в которой указывались: общая численность прихожан с градацией по населенным пунктам, сословиям и полу, количество домов, наличие старообрядческого населения, расстояние между населенными пунктами и церковью, наличие препятствий в сообщении [8]. В контексте изучения развития церковного образования интересна первая часть клировых ведомостей, в которую вносили сведения о здании церкви, о церковном имуществе и доходах, о наличии школы и богадельни. Во второй части находились послужные списки причта, в которых был указан возраст, семейное положение, сюда же были внесены сведения о детях членов причта. Клировые ведомости Первого благочиния Кольского уезда представлены в фонде И-17 ГАМО.

Отчасти послужные списки причта дублируются в формулярных списках учителей, сохранившихся в делопроизводственных материалах Кольского уездного училищного отделения, так как многие из учащихся в церковно-приходских школах уезда были священниками (рис. 1). Так, например, в формулярном списке о законоучителе и учителе Ловозерской школы указано, что в школе преподавал и был законоучителем священник Николай Шмаков, сын священника Понойского прихода (рис. 2). Приводятся сведения о том, где был рукоположен, где обучался. Указан возраст — 37 лет, его семейное положение. Также приведены сведения о втором учащем, Иване Яковлевиче Иванове, сыне священника Мезенского уезда, учившегося в образцовой школе при Архангельской Духовной академии и по собственному прошению определенному в Ловозеро¹². Полный анализ клировых ведомостей и формулярных списков с использованием просопографического метода позволит получить представление о клире, преподававшем в церковно-приходских школах Кольского уезда Архангельской губернии в конце XIX — первой трети XX вв.

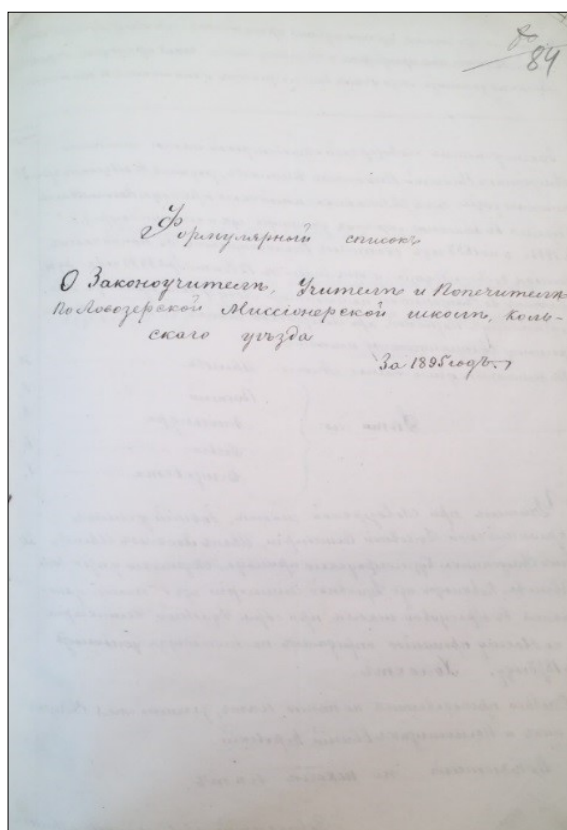

Рис. 1. Формулярный список о законоучителе, учителе и попечителе по Ловозерской миссионерской школе Кольского уезда за 1895 год. НА РК Ф. 419. Оп. 1. Л. 3. Л. 84

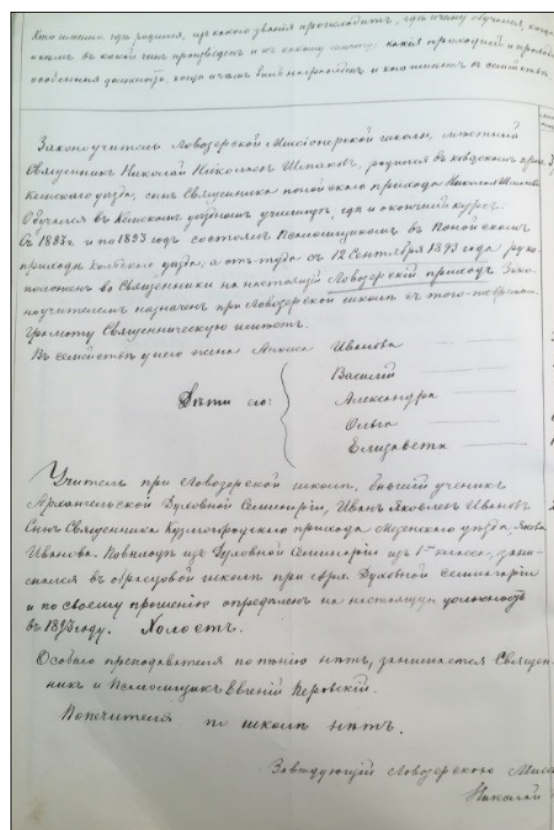

Рис. 2. Формулярный список о законоучителе, учителе и попечителе по Ловозерской миссионерской школе Кольского уезда за 1895 год. НА РК Ф. 419. Оп. 1. Л. 3. Л. 84 об.

Отчеты инспекторов начальных училищ

Институт наблюдателей согласно § 21 «Правил о церковноприходских школах» был введен для «ближайшего руководства и наблюдения» за начальными церковными школами в епархиях¹³. Инспектора народных училищ избирались из лиц духовного или светского ведомства для непосредственного контроля за работой учителей и ходом обучения в церковно-приходских школах. Инспектирование церковно-приходских школ, особенно в отдаленных северных погостах, как правило, осуществляли местные благочинные или в редких случаях служители церковного ведомства, назначенные Архангельским епархиальным училищным советом. Отчеты о таких проверках содержат ценную информацию о различных сторонах учебного процесса в начальных церковно-приходских школах Кольского Севера. Как отмечают исследователи, единой инструкции для уездных наблюдателей так же, как и для епархиальных, разработано не было. Как правило, они в своей деятельности руководствовались инструкциями, разработанными в епархиях, причем не всегда в Епархиальных училищных советах [9]. Так как единая форма отчета отсутствовала и документ составлялся в произвольной форме, то отчеты инспекторов отличаются большим разнообразием и представляют несомненный интерес для исследователя.

В инспекторских отчетах дается характеристика особенностей учебного процесса, характеризуются успехи учеников по тем или иным предметам. Кроме того, в свободной форме оценивался профессиональный уровень преподавания. В инспекторских отчетах приводятся данные об особенностях финансирования деятельности школ, наличии необходимых учебных принадлежностей. Кроме того, в отчетах содержатся замечания инспекторов об «отношении местного населения к делу образования», то есть о стремлении родителей отдавать детей в школу, а также об их участии в денежном содержании школы. Проверяющий обязательно указывал на необходимость конкретных мер по улучшению деятельности инспектируемой школы. Это могли быть как частные замечания, касающиеся методики преподавания, так и пространные суждения автора о путях повышения уровня грамотности коренного населения и привлечения детей в школы. Например, в отчете проверяющего Ловозерской миссионерской церковноприходской школы, состоявшей

под наблюдением Кемско-Александровского отделения Архангельского епархиального училищного совета, за 1906 год дается следующая характеристика работы школы: «Твердому усвоению материала препятствовало неединовременное поступление детей в школу, неаккуратное посещение детьми школы вследствие небрежения родителей, также и краткость учебного времени для детей, в домашнем и кочевом быту не говорящих по-русски, отчего забывается ими излагаемое в школе»¹⁴. Проверяющий констатирует и существующие проблемы с дисциплиной: «Бороться со своеволием детей — задача трудная: вне школы они все время проводят без надзора и попечения родителей об их поведении. Состоятельность ижемцев дает им возможность не ограничивать себя ни в чем и баловать детей, для которых праздность взрослого населения в учебное время заразительна. Вообще стоит заметить, что труд учащего в подобных условиях оказывается крайне неблагоприятным»¹⁵. В целом в отчетах инспекторов начальных училищ конца XIX — начала XX века фиксируются основные трудности в работе школ в северных погостах: недостаточность финансирования, малое количество учащихся, большинство из которых не знают русского языка, несоответствие учебного цикла хозяйственному календарю традиционной промысловой деятельности коренного населения.

Кроме инспекторских проверок школ уездными наблюдателями (как правило, священниками), в отдаленные уезды время от времени направляли проверяющих из Архангельска. Так, в 1911 году для проверки работы начальных церковно-приходских школ архангельское епархиальное начальство решило командировать в северные уезды своего чиновника Николая Козмина [10]. После возвращения инспектор, имеющий тягу к литературному творчеству, опубликовал свои наблюдения в виде путевого очерка, который получил название «По школам Лапландии. Дневник наблюдателя»¹⁶.

Документы по организации обучения в церковно-приходских школах

Среди делопроизводственной документации Кольского уездного училищного отделения представлены документы, которые позволяют получить представление об особенностях преподавания в церковно-приходских школах, в том числе расписания уроков, экзаменационные ведомости, контрольные работы учащихся и т. д. Например, согласно расписанию Ловозерской миссионерской школы на 1898/99 уч. год дети учились 6 дней в неделю, по 4 урока ежедневно каждый продолжительностью 1 час. Обучение начиналось в 9-м часу утра с молитвы и заканчивалось в 2 часа дня. Первым уроком всегда был Закон Божий, далее предметы распределялись по отделениям, младшему и старшему. Преподавалось счисление, русский язык, чтение, церковно-славянский язык (рис. 3). Согласно делопроизводственным документам Кольского уездного училищного отделения в школах законодательно закрепленные сроки обучения и учебные программы приходилось подстраивать под местные условия. Курс одноклассной церковно-приходской школы согласно «Правилам...» предусматривал двухлетнее обучение, при этом в северных районах, чаще в школах I благочиния Кольского уезда, прием детей происходил каждый год. Архангельский училищный комитет пытался согласовать учебный график с промыслово-хозяйственной жизнью населения епархии.

В фондах сохранились списки библиотечных книг, благодаря которым можно получить представление о том, какие книги выписывались для школьных библиотек, также в этих документах имеются отметки о количестве учеников и взрослых, посещавших библиотеку и бравших книги для чтения. Для внеклассного чтения в библиотеки выписывалась литература религиозно-нравственного содержания, книги по истории церковной, художественная литература.

Курс обучения в церковно-приходской школе заканчивался переводными и выпускными экзаменами. Экзаменационные ведомости также представлены в фондах ГАМО и НА РК. Перевод из младшего отделения в старшее осуществлялся на основе среднего балла. Переводные экзамены проводились по Закону Божьему, церковно-славянской грамоте, русскому языку, по счислению и чистописанию. При среднем балле 2 ученик оставлялся в том же отделении. Для перевода из среднего отделения в старшее средний балл должен был быть не ниже 3 ½ или 4. Согласно утвержденным Святейшим Синодом в 1886 году «Правилам для выдачи свидетельств о знании курса начальных училищ воспитанникам церковно-приходских школ, желающих при отбывании воинской повинности воспользоваться льготой» ученики, успешно сдавшие экзамены в присутствии специальной комиссии, получили право на льготу IV разряда по отбыванию воинской повинности, то есть сокращение сроков службы до 4 лет в сухопутных войсках и 6 лет на флоте. Для получения свидетельства ученик должен был сдать экзамены по программе одноклассной церковно-приходской школы специальной комиссии. В фондах сохранились экзаменационные работы учащихся. Анализ содержания экзаменационных заданий по арифметике позволяет сделать вывод о том, что они, как правило, отражали торгово-денежные отношения своего времени, то есть школа давала знания, необходимые сельскому жителю в повседневной жизни (рис. 4).

Расписание уроков на 1898/99 г. год.

Дни	Во 2-ой час урока	Во 3-ий час урока	Среды	Суббота	Воскресенье	Во 11 час. 2-й урок	Во 12 час. 2-й урок	Во 13 час. 2-й урок
Понедельник		Законы, Математика	Народное чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение
		Стороны	Народное чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение
Вторник		Законы, Математика	Народное чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение
		Стороны	Народное чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение
Среда		Законы, Математика	Народное чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение
		Стороны	Народное чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение
Четверг		Законы, Математика	Народное чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение
		Стороны	Народное чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение
Пятница		Законы, Математика	Народное чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение
		Стороны	Народное чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение
Суббота		Законы, Математика	Народное чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение
		Стороны	Народное чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение	Русское чтение

Исполнитель: Еремеевская Дарьякина

Рис. 3. Расписание уроков в Ловозерской церковно-приходской школе на 1898/9 уч. г. ГАМО. Ф. И-121. Оп. 1. Д. 2. Л. 116

Уохотной было в лесных 4/10 35.
 шкурки, одну шкурку шкурам
 продал шесть частей всякой
 шкурки, другую 5 частей
 шкурки, а все оставшиеся
 шкурки продал по рублю 4 тор-
 говцам. Сколько шкурки
 купил каждый торговец
 купил?

48:6=8 сталь. шкур. скор. прод. ох.
 78:4=19,5 сталь шкур. ох. отг. шкур.
 75:5=15 сталь шкур. пох. прод. 2 скор.

6-2=4 сталь. шкур. ох. у ох. отг. шкур.
 9:4=2,25 сталь. шкурки купил. шкур.
 78:6=13 сталь. шкур. куп. скор.
 78-13=65 сталь. шкур. ох. у ох. отг.
 65:5=13 сталь. шкур. куп. 2 скор.
 65-13=52 сталь. шкур. ох. у ох.
 52:4=13 сталь. шкур. куп. шкур.
 Александръ Теченинъ.

Рис. 4. Экзаменационная работа ученика Чапомской школы Александра Чеченина. НА РК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 25. Д. 55, 55 об.

В целом, рассмотренный комплекс делопроизводственной документации позволяет осуществить анализ особенностей развития начального образования на Кольском Севере в XIX веке, выявить специфику, связанную с крайним положением региона и этническими особенностями состава его населения.

Список сокращений

- ЦПШ — церковно-приходская школа
- ГАМО — Государственный архив Мурманской области
- НА РК — Национальный архив Республики Карелия

Примечания

- ¹ НА РК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–6.
- ² НА РК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 12. Л. 83.
- ³ Существовало как: в 1883 году — Первое благочиние Кольского уезда, в 1899 году — Первое благочиние Александровского уезда, в 1921 году — Первое благочиние Мурманской губернии, в 1927 году — Первое благочиние Мурманского округа.
- ⁴ ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 177.
- ⁵ ГАМО Ф. И-17, Оп. 1. Д. 127.
- ⁶ ГАМО Ф. И-17, Оп. 1. Д. 221.
- ⁷ ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 111.
- ⁸ ГАМО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 8.
- ⁹ ГАМО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3.
- ¹⁰ ГАМО. Ф. И-121. Оп. 1. Д. 2.
- ¹¹ НА РК Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- ¹² НА РК. Ф. 419. Оп.1. Д. 3. Л. 84-84 об.
- ¹³ Сборник правил и программ для церковно-приходских школ с относящимися к ним определениями Святейшего Синода / Сост. Д. Тихомиров. Могилев на Днепре, 1887. С. 6.
- ¹⁴ ГОКУ ГАМО Ф. И-121. Оп. 1. Д. 2. Л. 82.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Козмин Н. По школам Лапландии (Дневник наблюдателя). С-Петербург, 1912. 31 с.

Список источников

1. Калинина Е. А. Духовное образование в Олонецкой губернии в XIX — начале XX века. Петрозаводск, 2019. 561 с.
2. Красницкая Т. А. Управленческая структура церковно-школьной образовательной системы в Российской империи: последняя треть XIX — начало XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1–1 (15). С. 87–98.
3. См. подробнее Пулькин М. Начальное образование для «инородцев» на Европейском Севере России (конец XIX – начало XX в.)// Антропологический форум. 2006. № 4. С. 163–176.
4. Житенев Т. Е. Создание «правил о церковно-приходских школах» от 13 июня 1884 года и реформа начальных школ Святейшего Синода // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2009. № 3. С. 154–175.
5. Пшеницын Д. А. Клировые ведомости Христорожественского собора г. Грязовца как источник по демографии духовенства XIX – начала XX вв. // Церковь. Богословие. История. 2020. № 1. С. 340–347.
6. Щукина Т. В. «Клировые ведомости» Донской духовной консистории как источник по изучению региональной истории XIX века // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11, № 4–3. С. 47–53.
7. Евдокимова А. Н. Первичные материалы церковного происхождения русского православия XIX в.: правовой аспект // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: сборник материалов II Всероссийской научной конференции с международным участием (Чебоксары, 01 марта 2022 г.) / ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова». Чебоксары: «Издательский дом «Среда», 2022. С. 41–44.
8. Сарафанов Д. Е. Городское и сельское население в церковных приходах Барнаула во второй половине XVIII–XIX вв. // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 5(115). С. 47–51. DOI: 10.14258/izvasu(2020)5-06
9. Козлов К. В., Меньшикова Е. Н. Уездные наблюдатели в системе управления церковными школами в епархиях центрального Черноземья в конце XIX — начале XX веков // Via in tempore. История. Политология. 2022. 49 (1): 119–129. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-119-129
10. Жуковская Т. Н., Калинина Е. А., Казакова К. С. Система инспектирования и контроля деятельности училищ светского и духовного ведомств в XIX веке: цели, формы, эффективность // Труды КНЦ РАН. 2019. Т. 10, № 2–16. С. 77–92. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.77-92

References

1. Kalinina E. A. *Dukhovnoye obrazovaniye v Olonetskoj gubernii v 19 — nachale 20 veka* [Church education in the Olonets province in the 19th – early 20th centuries]. Petrozavodsk, 2019, 561 p. (In Russ.).
2. Krasnitskaya T. A. Upravlencheskaya struktura tserkovno-shkol'noy obrazovatel'noy sistemy v Rossiyskoy imperii: poslednyaya tret' XIX – nachalo XX veka [Management structure of the church and school educational system in the Russian Empire: the last third of the 19th – early 20th centuries]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 2012, no. 1–1 (15), pp. 87–98 (in Russ.).
3. Pul'kin M. Nachal'noye obrazovaniye dlya “inorodtsev” na Yevropeyskom Severe Rossii (konets 19 – nachalo 20 v.) [Primary education for “foreigners” in the European North of Russia (late 19th – early 20th centuries)]. *Antropologicheskij forum* [Anthropology forum], 2006, vol. 4, pp. 163–176 (in Russ.).
4. Zhitenev T. Ye. Sozdaniye “pravil o tserkovno-prikhodskikh shkolkh” ot 13 iyunya 1884 goda i reforma nachal'nykh shkol svyateyshego sinoda [Creation of “rules on parochial schools” dated June 13, 1884 and the reform of primary schools of the Holy Synod]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva* [Bulletin of the Volga University], 2009, no. 3, pp. 154–175 (in Russ.).
5. Pshenitsyn D. A. Klirovyye vedomosti Khristorozhdestvenskogo sobora g. Gryazovtsa kak istochnik po demografii dukhovenstva XIX – nachala XX vv. [Clerical records of the Nativity Cathedral in Gryazovets as a source on the demography of the clergy of the 19th – early 20th centuries]. *Tserkov'. Bogosloviye. Istoriya* [Church. Theology. History], 2020, no. 1, pp. 340–347 (in Russ.).
6. Shchukina T. V. “Klirovyye vedomosti” Donskoy dukhovnoy konsistorii kak istochnik po izucheniyu regional'noy istorii XIX veka [Clerical Records of the Don Consistory as a Source for the Study of Regional History of the 19th Century]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Research on Social Problems], 2019, vol. 11, no. 4–3, pp. 47–53 (In Russ.).
7. Yevdokimova A. N. Pervichnyye materialy tserkovnogo proiskhozhdeniya russkogo pravoslaviya 19 v.: pravovoy aspekt [Primary materials of the church origin of Russian Orthodoxy in the 19th century: legal aspect]. *Aktual'nyye voprosy arkheologii, etnografii i istorii: sbornik materialov II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (Cheboksary, 1 marta 2022 g.)* [Actual issues of archeology, ethnography and history: collection of materials of the Second Russian scientific conference with international participation, Cheboksary, March 01, 2022]. Cheboksary, “Sreda”, 2022, pp. 41–44 (In Russ.).
8. Sarafanov D. E. Gorodskoye i sel'skoye naseleniye v tserkovnykh prikhodakh Barnaula vo vtoroy polovine 18–19 vv [Urban and rural population in the church parishes of Barnaul in the second half of the 18–19 centuries]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Altai State University], 2020, no. 5 (115), pp. 47–51. DOI: 10.14258/izvasu(2020)5-06. (In Russ.).
9. Kozlov K. V., Menshikova E. N. Uyezdnyye nablyudateli v sisteme upravleniya tserkovnymi shkolkami v yeparkhiyakh tsentral'nogo Chernozem'ya v kontse XIX – nachale XX vekov [County supervisors in the management system of church schools in the dioceses of the Central Chernozem region in the late XIX – early XX centuries]. *Via in tempore. History. Political science* [Via in tempore. History and political science], 2022, 49 (1): 119–129. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-119-129. (In Russ.).
10. Zhukovskaya T. N., Kalinina E. A., Kazakova K. S. Sistema inspektirovaniya i kontrolya deyatel'nosti uchilishch svetskogo i dukhovnogo vedomstv v XIX veke: tseli, formy, effektivnost' [System of inspection and control of the schools activities of secular and religious departments in the 19th century: purposes, forms, efficiency]. *Trudy KNC RAN, Gumanitarnyye issledovaniya* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Humanitarian Studies], 2019, vol. 10, no. 2–16, pp. 77–92. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.77-92. (In Russ.).

Информация об авторе

К. С. Казакова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

K. S. Kazakova — PhD (History), Senior Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.
The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Научная статья
УДК 930.253 (470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.012

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА КОЛЬСКОГО СЕВЕРА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Юлия Николаевна Кожевникова

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра
«Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, yukozevnikova@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-2570-8641>*

Аннотация

В статье рассматривается малоизученный вопрос о материальном положении сельского духовенства Кольского Севера в последней трети XIX века, другими словами, после введения в 1873 году в крае нового штатного расписания приходских церквей. Основным источником сведений для настоящего исследования стали ранее не привлекавшиеся историками клировые ведомости за 1884 год. Они сохранились в фонде Третьего благочиннического округа Кемского уезда Архангельской губернии, в состав которого тогда входили приходы, располагавшиеся на Карельском и Терском берегах Белого моря. Определяются основные источники доходов местных причтов и их значение; анализируются сведения о казенном жалованье белого духовенства; выявляется степень обеспеченности клириков разными угодьями. На основании выявленных данных делается вывод о существенной разнице в благосостоянии отдельных причтов Кольского Севера. Отдельное внимание уделяется жилищной проблеме, существовавшей почти во всех приходах и значительно осложнявшей повседневную жизнь священников и причетников.

Ключевые слова:

приходы Кольского Севера, Архангельская и Холмогорская епархия, духовенство, причты, материальное обеспечение, источники доходов клириков

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2022-0028.

Для цитирования:

Кожевникова Ю. Н. Материальное обеспечение приходского духовенства Кольского Севера в последней трети XIX века // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 130–135. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.012

Original article

MATERIAL SUPPORT OF THE PARISH CLERGY OF THE KOLA NORTH IN THE LAST THIRD OF THE 19TH CENTURY

Yulia N. Kozhevnikova

*Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia,
yukozevnikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2570-8641>*

Abstract

The article deals with the little-studied question of the financial situation of the rural clergy of the Kola North in the last third of the XIX century, in other words, after the introduction in 1873 of a new staffing list of parish churches in the region. The main source of information for the study was the clear sheets for 1884, which had not been previously involved by researchers. They were preserved in the fund of the Third Deanery District of the Kemsky uезд (county) of the Arkhangelsk province, which then included parishes located on the Karelian and Tersk shores of the White Sea. The main sources of income of local clergy are determined; information on the state salary of the white clergy is analyzed; the degree of security of clerics with different lands is revealed. Based on the revealed data, it is concluded that there is a significant difference in the welfare of individual parishes of the Kola North. Special attention is paid to the housing problem that existed in almost all parishes and significantly complicated the daily life of priests and clergymen.

Keywords:

parishes of the Kola North, Archangelsk and Kholmogory eparchy, clergy, material support, source of income

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences No. FMEZ-2022-0028.

For citation:

Kozhevnikova Yu. N. Material support of the parish clergy of the Kola North in the last third of 19th century // Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities. 2022. Vol. 1, No. 1. P. 130–135. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.012

Введение

Сложные вопросы о материальном обеспечении православного приходского духовенства, его денежных доходах и жизненном уровне в XIX веке плодотворно изучаются последние два десятилетия. В отечественной историографии звучат разные выводы, подкрепленные общероссийскими статистическими данными или региональными материалами из фондов духовных консисторий; в некоторых работах предпринимаются попытки развенчать тезис, устоявшийся в научной литературе, о бедственном положении причтов [1–3]. При этом современные исследователи не обращали отдельного внимания на экономическое положение священников и причетников, служивших в церквях поморских селений Кольского уезда в пореформенный период, ограничиваясь общими словами об «экономической слабости» приходов сурового заполярного края [4: 435].

Основными источниками настоящего исследования стали клировые ведомости за 1884 год, сохранившиеся в Национальном архиве Республики Карелия в фонде Третьего благочиннического округа Кемского духовного правления (Ф. 663)¹, в состав которого тогда входили приходы, располагавшиеся на Карельском и Терском берегах Белого моря.

Штатное расписание приходских церквей

В 1869 году Святейший Синод устанавливает утвержденное императором новое положение, регламентирующее состав приходов и причтов в Русской православной церкви². При составлении штатных расписаний городских и сельских приходских церквей в разных епархиях должны были учитываться «населенность приходов», расположение деревень (расстояние до храма и удобство сообщения с ним), «поместительность зданий храмов», нравственно-религиозное состояние прихожан, «степень привязанности их к своим церквям». Нормированный штат теперь состоял только из двух человек — настоятеля и одного причетника в звании псаломщика (без диаконов, дьячков и пономарей). При самостоятельных приходских церквях в случае «многочисленности приходского населения» или «по значительному числу приходских деревень и отдаленности их от церкви» настоятелю могли назначаться помощники, или младшие священники. В такие расширенные штаты определялся и второй псаломщик. Таким образом, положение 1869 года было направлено на укрупнение приходов в российских епархиях и сокращение численности штатного духовенства.

Необходимые для составления штатного расписания письменные сведения о положении клириков Архангельской епархии собирались духовными и светскими властями в течение нескольких лет, поэтому на территории Кольского уезда новые штаты вводятся только в 1873 году. До этого времени здесь продолжало действовать расписание церквей 1843 года, по которому государственное пособие получали причты семи приходов с центрами в селах Кандалакша, Кереть, Умба, Поной, Варзуга и Тетрино³.

В клировых ведомостях сохранились сведения о девяти приходах, относившихся в 1884 году к Третьему благочинническому округу Кемского уезда Архангельской губернии — Кандалакшском, Ковдском⁴, Керетском, Умбском, Кузоменском, Варзужских Успенском и Петропавловском, Тетринском и Понойском. Причты всех перечисленных приходов, располагавшихся на Карельском и Терском берегах Белого моря, включали по одному священнику и причетнику вне зависимости от размеров местных общин (наименьшее число прихожан зафиксировано в Кандалакшском приходе — 424 человека, наибольшее в Тетринском — 1095 человек). Многовековую историю к тому времени имели сельские приходы с церквями в Поное, Варзуге, Кандалакше, Керети, Умбе. Остальные открывались на протяжении 1840–1860-х годов и существовали не более 40 лет: Тетринский (1843 год), Ковда (1845 год), Кузомень (1861 год).

После введения в крае нового штатного расписания в 1873 году территориально-приходская структура оставалась без изменений до 1890-х годов, когда были созданы Кашкаранский (1890) и Чапомский (1894) приходы, соответственно, отсоединенные от Петропавловского Варзужского и Тетринского приходов. Количество штатных священников не сократилось (расписание 1843 года предусматривало одного иерея для сельских и городских приходов с общиной менее 1500 человек), тогда как число причетников должно было значительно уменьшиться.

Основные источники доходов причтов

Каковы же были источники доходов клириков девяти приходов на Карельском и Терском берегах согласно выявленным архивным документам? Прежде всего, новое штатное расписание 1873 года конкретно определяло размер казенного жалованья для настоятеля-священника и церковного служителя каждого местного прихода. Как видно из представленной таблицы, наибольшие суммы в 1884 году получали причты Никольских церквей в старинных селах Кереть и Ковда — священники Александр Зимин и Михаил Ковтунов, псаломщики Ферапонт Бутаков и Алексей Красовский. Помимо ежегодного жалованья, оба иерея довольствовались от казны дополнительными деньгами «на разъезды» по приходским деревням — 60 руб. Штатные оклады этих клириков были увеличены по особому ходатайству епархиального начальства для Ковдинского прихода в 1882 году, Керетского — в 1883 году. «Содержание причта достаточно», — указывается про них в клировой ведомости. Для прочих священников и причетников предназначались более скромные суммы. При этом следует учитывать, что деньги из казначейств на содержание духовенству выдавались только в конце полугодий, что ставило всех клириков «в кабалу у торговцев, благодельствующих за большой процент»⁵.

Казенное жалованье клириков приходов Кольского Севера в 1884 году*

Приход	Жалованье, руб.	
	священника	причетника
Кандалакшский	160	60
Ковдский	400 + 60	200
Керетский	400 + 60	200
Умбский	160	60
Кузоменский	140	60
Варзужский Успенский	140	60
Варзужский Петропавловский	140	60
Тетринский	160	60
Понойский	140	50

*Источник: НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/5.

По сравнению со старым штатным расписанием после 1873 года заметно сократилось денежное пособие, выдаваемое священноцерковнослужителям Кандалакшского прихода: в 1845 году из его состава был исключен старинный Никольский храм в Ковде с переданной ему многолюдной деревней Чернорецкая, где издавна стояла деревянная часовня Воскресения Христова. Также уменьшился размер казенных выплат для Варзужского Успенского прихода, так как территория, которую он охватывал, тоже сузилась: в 1861 году получила самостоятельность кузоменская церковь великомученика Дмитрия Солунского.

Одним из важных источников средств для пропитания белого духовенства в Русской православной церкви обычно были земельные и сенокосные участки, а иногда и рыбные ловли, выделенные сельским «миром» причту при открытии прихода⁶. На Карельском и Терском берегах, однако, сложилась особенная ситуация, обусловленная природно-географическим положением этой территории: во владении местных клириков полностью отсутствовали пахотные земли. Из девяти перечисленных выше приходов только в селе Варзуга иерей Сильвестр Заринский и причетник Александр Гурьев из Петропавловской церкви пользовались небольшим приусадебным участком 600 кв. саженей⁷.

При этом сенокосами разного качества были обеспечены семеро из девяти причтов: в Кандалакшском (покос «Студеный Лудожный»), Ковдском (200 кв. саженей), Керетском (1 десятина 500 кв. саженей), Кузоменском (три пожни «Фартиха», «Бузун» и «Мякоть», «пользуется сам и снимает сена до 80 пудов»⁸), Варзужском Петропавловском («три пожни и два поля, могущих прокормить двух коров»⁹), Тетринском (до 12 десятины), Понойском («Попов ручей», около 1 десятины «на одну корову»¹⁰) приходах. Священнику Савватию Гурьеву и псаломщику Николаю Азлову из церкви Воскресения Христова в Умбе от прихожан полагалось ежегодно около четырех возов сена; клирикам Успенского храма в Варзуге, настоятелю Николаю Шкорбатову и дьячку Александру Сидорову — сено «на две коровы».

Не все причты пользовались и рыболовными угодьями. Такую возможность имели клирики в Кандалакшском (тоня Зарецкий наволок, приносящая причту 2–3 руб. в год; также клирики имели право ловить семгу в реке Ниве дважды в год¹¹), Керетском (две тони, сдававшиеся в аренду за 20 руб. в год), Умбском (рыбная ловля на речке Вельмешка, за которую получали от 10 до 25 руб.), Понойском (тоня Попова лахта, где причт сам ловил рыбу) приходах. Служивший в тетринской церкви святителя Василия Великого священник Василий Свериев и помогавший ему псаломщик Николай Иоилев по договоренности со своими прихожанами довольствовались уже выловленной рыбой: *«от прихожан положено причту восьмая часть улова из рыбного участка реки Стрельной, откуда доходу получается до 40 руб. в год»*¹². Следует учитывать, что доходность рыболовных угодий различалась год от года. Об этом сообщали сами причты. Так, в ведомости за 1844 году понойские клирики писали: *«на содержание священно- и церковнослужителей жалованья от казны не положено, и дана от прихожан семужья рыбная тоня, называемая Лахтою, в которой улавливается неравномерное количество пудов семги и продается неодинаковою ценою, а потому содержание <...> в промышленный год бывает посредственно, а не в промышленный очень бедно»*¹³.

Как показывают данные ведомостей 1884 года, хорошим источником денежных средств для местных причтов была плата за требоисправления. В Русской православной церкви фиксированная такса на совершение «обязательных треб» (церковных таинств и обряда отпевания) для прихожан была отменена в начале XIX века: вступающие в церковный брак, крестившие младенцев или хоронившие умерших родственников по своему желанию могли вознаградить причт любой суммой или не платить вовсе [7: 319]. Такие требы, как молебны или панихиды, всегда оплачивались по договоренности со священником. В Кольском уезде за требоисправление в разных приходах за год собиралось от 40 до 180 руб.: в Кандалакшском — около 70 руб., Ковдском — до 85 руб., Керетском — *«получено от прихожан за исправление треб, молебствий и поминовений и славы по праздникам 85 руб.»*, Кузоменском — до 180 руб., Успенском, Петропавловском и Тетринском — до 40 руб., Понойском — от 60 до 80 руб.

Обращают на себя внимание значительные суммы, поступающие в пользу причта, жившего в Кузомени, — богатом промышленном поселении на реке Варзуге с тремя приходскими храмами, великомученика Димитрия Солунского (построен в 1844 году), Сретения Господня (1863 год), Покрова Божией Матери (приписной в устье Варзуги, 1861 год) сельским училищем Министерства народного просвещения и соляным общественным магазином. Побывавший здесь в конце XIX века архангельский вице-губернатор Дмитрий Николаевич Островский отмечал, что *«благодаря славящемуся по всему Белому морю обильному улову семги, известной под именем Варзуги, сюда осенью собирается многочисленный поморский флот»*¹⁴.

Только два прихода — Керетский и Кандалакшский — имели скромный церковный капитал в банковских билетах, пожертвованный прихожанами в пользу причта (по одному 5 % билету в 100 руб., хранившемуся в конторе государственного банка в Архангельске).

Причтовые дома

По «Уставу Духовных консисторий» (статья 46) при открытии нового прихода по инициативе местных жителей они должны были предоставить причту жилье (построить дом или выделить средства на его аренду)¹⁵. При этом отсутствовал закон, по которому прихожане в дальнейшем обязывались капитально ремонтировать или перестраивать причтовые дома¹⁶. Таким образом, в решении насущного квартирного вопроса клирики «старых» приходов полностью зависели от возможностей и желания прихожан.

Сносным жильем была обеспечена только часть причтов местных церквей. В лучшем положении находились священник Кандалакшского прихода Стефан Попов и псаломщик Василий Колчин: в 1873 году *«усердием прихожан»* для них был сооружен добротный двухэтажный деревянный дом *«в пять покоев»* (правда, без *«надворных строений»*). В новом же доме, устроенном *«на общественный счет»*, проживал псаломщик Варзужского Петропавловского прихода. Причт, служивший в Успенской церкви в Варзуге, имел два дома с *«принадлежащими службами»*. Ковдинские клирики были вынуждены снимать жилье, так как поставленная когда-то для причта изба пришла в полную ветхость. В Тетринском приходе священник и псаломщик размещались в двух домах, построенных *«от общества»*, а в Керетском — делили один на две семьи. Настоятели Кузоменского, Умбского и Варзужского Петропавловского приходов были вынуждены жить в обветшавших *«общественных домах»*. Для псаломщика в Умбе прихожане арендовали *«квартиру в крестьянском доме»*, в Кузомени имелась старенькая изба *«в два покоя»*. Только в Понойском приходе оба причтовых дома были построены на церковные деньги и *«не принадлежали обществу»*.

Выводы

Основными источниками доходов для местного духовенства служили прежде всего казенное жалование, которое в последней трети XIX века получали все без исключения священники и псаломщики; плата прихожан за совершенные для них таинства и требы; небольшие сенокосные участки и рыболовные угодья, которые можно было сдавать в аренду, а при желании — пользоваться самим. Уровень материального достатка сельских причтов сильно разнился. В лучшем положении находились клирики, служившие в многолюдных или богатых приходах, в чьем владении были ценные семужьи тони, приносявшие ощутимый доход: в Керети, Ковде, Кузоmeni. Наиболее бедными и малообеспеченными оказались клирики Умбского и Тетринского приходов. Благополучие понойских клириков во многом зависело от объемов выловленной ими семги на тоне «Попова лахта». При полном отсутствии пахотных земель местные причты могли пользоваться только сенокосами, способными обеспечить корм для 1–2 коров. Сведения о ружном содержании от прихожан продуктами в клировых ведомостях за 1884 год не выявлены. По всей видимости, от него отказались одновременно с переводом духовенства на казенное жалование. Насущный жилищный вопрос решался в приходах в зависимости от финансовых возможностей местных прихожан. Священники и причетники не могли выделить средства из семейных бюджетов для возведения домов на собственный счет. В будущих исследованиях для лучшего понимания материального положения местных причтов предполагается привлечь аналогичные сведения за более ранний период вместе с данными по остальным благочиниям Архангельской епархии, чтобы провести их сравнительный анализ.

Примечания

¹ НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/5.

² ПСЗ II. СПб., 1873. Т. 44. № 46974.

³ По расписанию 1843 года. семь уездных церквей были разделены на классы в соответствии с числом прихожан: Предтеченская в Кандалакше (относилась к 4-му классу, ей полагалось 404 руб.), Успенская в Варзуге, Никольская в Керети, святителя Василия Великого в Тетрино, Воскресенская в Умбе (6-го класса, по 270 руб.), Петропавловские в Поное и Варзуге (обе последнего, 7-го класса, по 190 руб.) [5: 115].

⁴ Несмотря на то, что в 1881 году входившая ранее в состав Ковдского прихода Петропавловская церковь в селе Оланга Кемского уезда получила самостоятельность, в архивном деле есть сведения и об Олангском приходе.

⁵ Цит. по: *Н. Логоваракский приход // Архангельские епархиальные ведомости. 1910. № 1. С. 150–151.*

⁶ Так, в Олонецкой епархии полученные от прихожан угодья были наиболее стабильным источником доходов белого духовенства [6: 126].

⁷ НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 47.

⁸ НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 37.

⁹ НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 47.

¹⁰ НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 56.

¹¹ *«Крестьянами издавна положено улавливать рыбу семгу в две ночи в реке Ниве на 29 число августа и 8 число сентября, от чего церковь средним числом получает пользы от 10 рублей до 25 рублей в год».* См.: НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 1.

¹² НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 51.

¹³ НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 23–23 об.

¹⁴ *Островский Д. Н. Путеводитель по Северу России. СПб.: Издание Товарищества Архангельско-Мурманского пароходства, 1898. С. 79.*

¹⁵ Устав Духовных консисторий с дополнениями и разъяснениями Святейшего Синода и Правительствующего Сената / сост. М. Н. Палибин. СПб.: Издание юридического книжного магазина Н. К. Мартынова, 1990. С. 19.

¹⁶ *«Это достигается добровольным согласием прихожан, иначе ремонт должен быть произведен на церковные средства».* См.: Ивановский Я. И. Обзор церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к Уставу духовных консисторий и своду законов). С историческими примечаниями и приложениями. СПб.: Синодальная типография, 1900. С. 167.

Список источников

1. Миронов Б. Н. Жизненный уровень российского приходского православного духовенства в имперской России // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 1 (25). С. 65–80.
2. Мангилева А. В. Материальное положение приходского духовенства Екатеринбургского уезда накануне церковных реформ Александра II // Вестник Вятского гуманитарного университета. 2014. № 9. С. 65–71.
3. Морозан В. В. Материальное обеспечение сельского приходского духовенства Санкт-Петербургской губернии в XIX в. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской духовной академии. 2021. № 1 (6). С. 155–170.
4. Федоров П. В. Православные кочевники среди ландшафтов Русской Лапландии (XIX – начало XX в.) // Святейший Синод в истории российской государственности: сборник материалов всероссийской научной конференции с международным участием. СПб.: Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина, 2017. С. 432–449.
5. Кожевникова Ю. Н. Документы по истории приходов Кольского Севера в фонде Кемского духовного правления Национального архива Республики Карелии // Труды КНЦ. Гуманитарные исследования. 2022. Вып. 22. Т. 13, № 2. С. 109–120.
6. Пулькин М. В. Православный приход и власть в середине XVIII – начале XX в. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 422 с.
7. Павлов А. С. Курс церковного права. СПб.: Лань, 2002. 384 с.

References

1. Mironov B. N. Zhiznennyj uroven' rossijskogo prihodskogo pravoslavnogo duhovenstva v imperskoj Rossii [The standard of living of the Russian Orthodox parish clergy in Imperial Russia]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovanija* [History magazine: Researches], 2015, no. 1 (25), pp. 65–80. (In Russ.)
2. Mangileva A. V. Material'noe polozhenie prihodskogo duhovenstva Ekaterinburgskogo uezda nakanune cerkovnyh reform Aleksandra II [The financial situation of the parish clergy of the Yekaterinburg district on the eve of the church reforms of Alexander II]. *Vestnik Vjatskogo gumanitarnogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], 2014, no. 9, pp. 65–71. (In Russ.)
3. Morozan V. V. Material'noe obespechenie sel'skogo prihodskogo duhovenstva Sankt-Peterburgskoj gubernii v XIX v. [Material support of the rural parish clergy of St. Petersburg province in the XIX century]. *Vestnik Istoricheskogo obshhestva Sankt-Peterburgskoj duhovnoj akademii* [Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy: scientific journal], 2021, no. 1 (6), pp. 155–170. (In Russ.)
4. Fedorov P. V. Pravoslavnye kochevniki sredi landshaftov Russkoj Laplandii (XIX – nachalo XX v.) [Orthodox nomads among the landscapes of Russian Lapland]. *Svjatejshij Sinod v istorii rossijskoj gosudarstvennosti: sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [The Holy Synod in the history of the Russian Statehood. Collection of materials of the Russian National Scientific Conference with the international participation]. Saint Petersburg, 2017, pp. 432–449. (In Russ.)
5. Kozhevnikova Ju. N. Dokumenty po istorii prihodov Kol'skogo Severa v fonde Kemskogo duhovnogo pravlenija Nacional'nogo arhiva Respubliki Karelii [Documents on the history of the parishes of the Kola North in the fund of the Kem' spiritual collegium of Nationak archive of Republic of Karelia]. *Trudy KNC RAN. Gumanitarnye issledovanija* [Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies], 2022, vol. 13, no. 2, pp. 109–120. (In Russ.)
6. Pavlov A. S. *Kurs cerkovnogo prava* [The course of Church law]. Saint Petersburg, Lan', 2002, 384 p. (In Russ.)
7. Pul'kin M. V. *Pravoslavnyj prihod i vlast' v seredine XVIII – nachale XX v.* [Orthodox parish and government in the middle of the XVIII – early XX century]. Petrozavodsk, Karel'skij nauchnyj centr RAN, 2009, 422 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю. Н. Кожевникова — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Information about the author

Yu. N. Kozhevnikova — PhD (History), Leading Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 08.10.2022.
The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 08.10.2022.

Научная статья
УДК 94 (470.22) «1917/1991»
doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.013

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ АКТИВИСТОВ КАРЕЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ О ПЕРСПЕКТИВАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ КАРЕЛИИ

Елена Юрьевна Дубровская

*Карельский научный центр Российской академии наук, Институт языка, литературы и истории,
Петрозаводск, Россия, ldubrovskaya@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1893-7873>*

Аннотация

Статья основана на материалах выявленных документов Национального архива Республики Карелия, Научного архива Карельского научного центра РАН, Национального архива Финляндии, а также опубликованных источников, относящихся к периоду российской революции 1917 года. Автор рассматривает один из наиболее важных аспектов истории карельского национального движения — предпочтения, ожидания и просчеты его лидеров в контексте трансформации их программных установок в 1905–1917 годах. Показаны эволюция представлений активистов движения о политическом будущем и экономической жизни Российской Карелии, возникновение новых общественных институтов и обновление политических программ в условиях демократизации российского общества. Отмечены причины резкого усиления, расхождения и дальнейшего противостояния разнонаправленных сил в карельской глубинке весной – осенью 1917 года.

Ключевые слова:

Российская Карелия, революция 1917 года, национальное движение, лидеры активистов, программные установки, трансформация представлений

Благодарности:

исследование выполнено в рамках государственного задания Карельского научного центра Российской академии наук (тема FMEN-2021-0009 «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII–XXI вв.: новые подходы и интерпретации»).

Для цитирования:

Дубровская Е. Ю. Российская революция 1917 года и трансформация представлений активистов карельского национального движения о перспективах политического и экономического развития Российской Карелии // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 136–148. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.013

Original article

RUSSIAN REVOLUTION 1917 AND TRANSFORMATION OF IDEAS OF KARELIAN NATIONAL MOVEMENT ACTIVISTS ON PROSPECTS OF RUSSIAN KARELIA POLITICAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Elena Yu. Dubrovskaya

*Institute of Language, Literature and History of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia, ldubrovskaya@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1893-7873>*

Abstract

The article is based on the documents of the National Archive of the Republic of Karelia, the Scientific Archive of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, the National Archive of Finland, as well as published sources dating back to the period of the Russian revolution 1917. The author considers one of the most important aspects of the history of the Karelian national movement — the preferences, expectations and miscalculations of its leaders in the context of the transformation of their program installations in 1905–1917.

The evolution of the ideas common to movement activists on the political future and economic life of Russian Karelia, the emergence of new public institutions and the renewal of political programs in the context of the democratization of Russian society are shown. The reasons for the sharp strengthening, divergence and further confrontation of multidirectional forces in the Karelian outback in spring – autumn of 1917 were noted.

Keywords:

Russian Karelia, revolution 1917, national movement, leaders of activists, program installations, transformation of ideas

Acknowledgments:

the study was carried out as a part of the state task of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (subject FMEN-2021-0009 “Karelia in the context of social transformation in the 17th — 21st centuries: new approaches and interpretations”).

For citation:

Dubrovskaya E. Yu. Russian revolution 1917 and transformation of ideas of Karelian national movement activists on prospects of Russian Karelia political and economic development // Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities. 2022. Vol. 1, No. 1. P. 136–148. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.013

Введение

Социокультурные, экономические и политические трансформации, характерные для российской истории периода Первой мировой войны (1914–1918) и раннесоветского времени, выдвигают на первый план вопросы изменения и воспроизводства социальной жизни. Как показывают новейшие исследования, Гражданская война, «уходящая корнями в десятилетия и века предшествующей истории страны, была тесно связана прежде всего, с Первой мировой войной, которая ей непосредственно предшествовала и из которой она в определенной мере вытекала, и с российской революцией 1917 года, ставшей реакцией российского общества на груз нерешенных властью проблем» [1: 175].

Во время революции состояние напряжения в обществе оказалось спровоцировано трансформацией многих прежних социальных ценностей и было связано с всесторонними радикальными преобразованиями российской действительности [2: 116]. Наряду с культурными и социально-психологическими аспектами этих преобразований немаловажную роль в дестабилизации власти Временного правительства сыграли этнополитические аспекты, вызвавшие резкое усиление деятельности оппозиционных сил на окраинах бывшей Российской империи. Это в совокупности предопределило и общую, крайне противоречивую и драматическую картину последовавшей Гражданской войны как в России в целом, так и на территории Российской Карелии, объединявшей часть тогдашней Олонецкой и приграничные уезды Архангельской губерний.

В издательстве «Нестор-История» недавно увидела свет монография М. А. Витухновской-Кауппала и А. Ю. Осипова, наших коллег, живущих в Финляндии. Она посвящена переломному периоду в истории российского приграничья, когда карельские регионы также оказались в фокусе противостояния различных военных и политических сил. Здесь воевали отряды Красной армии и белого Временного правительства Северной области, действовавшего в Архангельске, подразделения Антанты и отряды эмигрировавших в Советскую Россию «красных финнов», созданный при помощи англичан «Карельский полк» и финские добровольческие части [3].

Одним из несомненных достоинств книги стало использование неизвестных российским читателям, да и исследователям, материалов финляндских архивов. Это позволило авторам не только проанализировать политическую психологию карельского крестьянина, попавшего в центр ожесточенного военного противостояния, но и охватить, казалось бы, хорошо известные по отечественной исследовательской литературе события Гражданской войны в Российской Карелии взглядом с «другой стороны». Прежде всего глазами оказавшихся в Финляндии карельских беженцев, чья травмированная память удержала многое из того, что не могло сохраниться ни в официальных источниках, ни в документах личного происхождения, которые создавались в 1930–1950-е годы и попали в советские архивы [4: 6–16].

В работах М. А. Витухновской-Кауппала особое место занимают изучение специфики пробуждения национального самосознания карельского народа и так называемый «карельский вопрос», который стал важным фактором, повлиявшим на развитие общественно-политической ситуации в Российской Карелии в период Первой мировой и Гражданской войн¹. Проведенные ею исследования [3: 57–76], а также результаты многолетних научных изысканий крупнейшего специалиста по истории Гражданской войны на севере России архангелогородского историка В. И. Голдина [5: 123–172] подводят к постановке вопроса о том, как по мереразвития революционных событий 1917 года менялись представления активистов карельского национального движения о путях дальнейшего политического и экономического развития Российской Карелии.

Общественно-политическая ситуация в карельском приграничье в начале XX века

Ко времени окончания Первой мировой войны территория населенных карелами уездов Олонецкой губернии и западных волостей Кемского уезда Архангельской губернии (Беломорская Карелия) оказалась вовлечена в орбиту международной политики, прежде всего в сферу интересов России и Финляндии. Численность карельского населения Российской Карелии накануне 1917 года составляла чуть меньше 40 % от общей численности карелов (208 110 человек), живших в пределах российских губерний, включая Тверскую, Новгородскую и Петербургскую². По данным статистики в 1914 году в Кемском уезде проживало 27 075 человек карелов, составляя большинство среди общего количества его населения (42 738 человек)³.

Начало национального движения в Российской Карелии, центром которого стали северо-западные волости края, связано с революционной эпохой 1905–1907 годов. По существу, первой значительной политической акцией, в ходе которой были открыто поставлены вопросы национального развития карельского народа, явился митинг в селе Ухта (совр. Калевала) 21 декабря 1905 года по поводу предстоящего созыва I Государственной думы. Новые тенденции в развитии карельского национального движения набирали силу и в 1906–1907 годах. На собрании в Ухте 1 января 1906 года с участием двухсот местных жителей и приехавших из Финляндии на родину на праздники карелов-переселенцев принимается решение о создании волостного комитета конституционно-демократической партии. По мнению собравшихся, программа этой партии перекликалась с резолюцией декабрьского ухтинского митинга 1905 года [6: 287, 303–304].

В состав комитета вошло 35 человек, в том числе постоянно проживавшие в Финляндии торговцы П. Афанасьев, И. Дорофеев, И. Митрофанов, К. Ремшуев и некоторые другие. Однако уже вскоре, в ходе консультаций и переговоров с наиболее влиятельными и состоятельными представителями северо-карельской диаспоры в Финляндии, фактические руководители комитета П. Афанасьев и И. Митрофанов пришли к мнению о необходимости создания особой, независимой от российских партийно-политических структур организации для решения проблем развития Северной (или Беломорской) Карелии. Несмотря на то, что такое предложение не нашло единодушной поддержки активистов карельского движения, началась работа по его реализации. 24–25 апреля 1906 года на собрании в финском городе Николайстаде (ныне Вааса), в котором участвовало 20 купцов-карелов, было принято решение о проведении учредительного съезда нового общественного объединения, получившего название Союза беломорских карел [7: 123].

Сам учредительный съезд Союза с участием 50 делегатов прошел 3–4 августа 1906 года также в Финляндии, в городе Таммерфорсе (Тампере). К концу года в организацию записалось 627 человек, из них 494 были финнами и только 133 — карелами. Представители купечества и интеллигенции, в основном финской, образовали в ней наиболее многочисленные группы. Крестьян и рабочих насчитывалось всего 16 человек (2,5 %). Среди вступивших в общество карелов преобладающей категорией (75 человек, или 56,4 %) являлись торговцы, занимавшиеся как стационарной, так и разносной торговлей в Финляндии (коробейники) [6: 303–305]. Председателем Союза был избран купец из финского города Ювяскюля, уроженец Ухтинской волости Алексей Митрофанов (Митро), которого кемский уездный полицейский исправник характеризовал как человека «весьма развитого, энергичного и настойчивого»⁴. В состав правления вошли также переселившиеся в Финляндию карельские купцы Пааво Афанасьев (Ахава), И. Естоев (Таннер), Т. Ремшуев (Маннер), И. Софронов, финские национальные активисты архитектор Ю. Бломстедт, историк О. Хейнари, писатель И. Хяркёнен и др.

Союз, как провозглашалось в его уставе, видел своей целью «улучшение духовного и материального положения беломорских карел». Достичь этого предполагалось на основе всемерного сближения населения Российской Карелии с этнически родственным населением Финляндии при помощи и поддержке финской общественности и властей. В публичных выступлениях ряда лидеров организации высказывалась и мысль о возможности в перспективе объединения «всех финских племен» в составе Финляндии⁵.

Вскоре Союз инициировал подачу петиции в адрес I Государственной думы с требованием о предоставлении ограниченной автономии для карел (ответа Думы не последовало), а также развернул соответствующую пропагандистскую работу в северо-карельских волостях. Деятельность Союза беломорских карел и лютеранских миссий вызвала растущую обеспокоенность в административных и религиозных кругах Архангельской и Олонецкой губерний. В июне – июле 1907 года полиция блокировала попытки А. Митрофанова (Митро), П. Афанасьева (Ахава), В. Еремеева (Ряйхя) и некоторых других активистов пропагандировать идеи Союза на собраниях в Ухте и в селе Вокнаволоок. Непосредственно на территории Российской Карелии Союзу беломорских карел не удалось создать каких-либо организационных структур. Поступавшая из Финляндии литература, включая даже буквари, изымалась полицией. Принимались меры к высылке лютеранских проповедников и национальных активистов за границу автономного Великого княжества Финляндского⁶.

В годы Первой российской революции вопрос о судьбе Карелии стал предметом острых дискуссий между приверженцами так называемого «панфеннизма» и деятелями православных просветительских организаций. С наступлением центральной имперской власти на автономию Финляндии карельское национальное движение пошло на спад. Политический орган движения — Союз беломорских карел — фактически прекратил свою работу [8: 295–301].

Эхо мировой войны на страницах журнала «Карельские известия»

Многовековое противостояние России и Швеции на карельском пограничном рубеже использовалось православными миссионерами для активизации памяти об историческом прошлом «своих-чужих» финнов. С началом военных действий на фронтах Первой мировой войны возникла необходимость внести коррективы в коллективную память населения, и одним из способов ее актуализации являлось обращение авторов журнала «Карельские известия», издававшегося в Выборге Главным (Финляндским) отделением Православного карельского братства, к теме всенародного отпора общему врагу, поднимавшейся в каждом номере [9: 90–94].

Так, своеобразным «местом памяти» должен был стать для читателей созданный на пожертвования работников российских школ санитарный отряд имени Русского учительства. В январе 1915 года в журнале было опубликовано «Открытое письмо русскому учительству в Финляндии», где сообщалось о начале работы на передовых позициях «Лазарета имени Русского учительства» и содержался призыв к преподавателям русских начальных училищ ежемесячно отчислять в его пользу хотя бы по 2 % от получаемого жалования. Журнал регулярно печатал списки жертвователей, где, в частности, встречается имя Н. Г. Кучепатова, впоследствии известнейшего педагога Карелии⁷.

Просветительская деятельность православных миссионеров не сводилась лишь к вопросам вероучения и затрагивала различные стороны жизни карельской деревни, прежде всего организацию школьного дела. Так, в начале декабря 1914 года в подведомственной Министерству народного просвещения Пелдожской школе на острове Мантсинсаари ученики слушали «чтение со световыми картинами» о Смутном времени на Руси и «об избрании на царство Дома Романовых». Были показаны «живые картины», сюжеты которых были связаны с реалиями войны (раненая на поле боя сестра милосердия, возвращение раненого к семье, чтение раненому письма в лазарете, «летающий аэроплан и расстреливающая его пушка»). Реквизит для последней изготовил учитель ремесленного отделения школы, а пояснения к картинам давал председатель школьной дирекции, один из редакторов «Карельских известий» священник Петр Шмарин.

Перед Рождественскими праздниками 1914 года иеромонах Исаакий (Трофимов) разъяснял читателям «Карельских известий» о решении, принятом Карельским православным братством «в виду войны с немцами» и распространявшемся на полтора десятка школ в карельском приграничье, которые были подведомственны братству. Речь шла об отказе от установки елок на Святки. Взамен предлагалось «повсеместно сделать “звезду”», чтобы дети могли ходить с ней по домам «славить Христа», собирая пожертвования на нужды войны⁸.

По наблюдениям исследователей, пришедший из лютеранской Германии обычай устанавливать к Рождеству новогоднюю елку и прежде встречал противодействие со стороны Православной церкви. Во время же войны подобные настроения стали проявляться в резких выступлениях против елки в российской печати и в запретах на ее устройство в учреждениях⁹. Решением Карельского православного братства 26 декабря 1914 года в школе при заводе св. Анны в Суоярви (Выборгская губерния) был поведен «вечер-звезда», заменивший традиционную школьную елку. Вместе с учительницей школьники «обошли весь завод», принимая пожертвования на Красный Крест, а вечером участвовали в чтениях со «световыми картинами», исполнении песен «религиозно-патриотического содержания» и в «живых картинах» («молитва дитяти» и «сестра милосердия перевязывает раненого солдата»). Ученики прослушали «несколько рассказов из современной войны — сначала по-русски, затем и на карельском языке», а учительница «в костюме сестры милосердия обошла переполненный класс», собрав пожертвования в пользу больных и раненых воинов. На следующий день «вечер-звезда», противопоставленный «лютеранскому» обычаю главного противника России в мировой войне, а заодно и «своих-чужих» жителей финляндского княжества, прошел в Вуондельской братской школе¹⁰.

Разумеется, и финляндская сторона прибегала к приемам индоктринации, включавшим в себя как выступления в прессе против усилий империи по «перетягиванию» карелов на свою сторону, так и создание концепции единства карельского и финского этносов. Финляндцы также обращались к памяти населения приграничья об общем прошлом этносов-соседей, не без основания рассчитывая, что эта память должна поддерживать ощущение их единства на протяжении длительного времени, несмотря на более или менее радикальные перемены минувших эпох.

Национальное движение карелов весной – осенью 1917 года

Февральская революция 1917 года в России, коренным образом изменившая ситуацию в стране, открыла новые возможности для постановки вопроса о национальном самоопределении карелов. Первым признаком оживления карельского национального движения под воздействием революционных событий стал созыв съезда Союза беломорских карел в финляндском городе Таммерфорс (Тампере) 9 апреля 1917 года [5: 161].

На съезде, собравшем около 20 делегатов, было решено преобразовать Союз в новую организацию для содействия «духовному» развитию и улучшению экономического положения карельского народа. Она получила название Карельское просветительское общество. Такое название указывало на стремление инициаторов создания нового общества распространить его влияние и на Олонецкий край. В руководство были избраны прежние члены правления Союза беломорских карел: председателем и казначеем стал Алексей Митрофанов (Митро), его заместителем — Т. Маннер, секретарем — И. Хяркёнен, в состав правления общества вошли Е. Митрофанов, С. Аланко, В. Кеуняс, П. Ахава [3: 60–61].

Основные принципы деятельности оставались теми же, что и у Союза беломорских карел, а непосредственные цели общества были обнародованы в листовке, распространявшейся в карельских уездах. В ней говорилось, что на предстоящих осенью 1917 года выборах в Учредительное собрание карелы должны выдвинуть свои национальные требования, рекомендовалось голосовать за тех кандидатов, которые будут выступать за автономию национальностей в составе России по федеральному образцу североамериканских штатов. Таким образом, лидеры национального движения по существу склонялись к поддержке национальной программы эсеров [10: 32–40].

Общество развернуло активную пропагандистскую деятельность в приграничных с Финляндией карельских волостях. В Ухте, Вокнаволоке, Каменном озере, Реболах и близлежащих к ним деревнях в 1917–1918 учебном году было открыто более десятка школ с преподаванием на финском языке, общее количество учащихся в них превысило 400 человек¹¹. Активисты общества совершали поездки в карельские волости, проводили собрания крестьян, открывали в крупных селах читальни и библиотеки, куда стали поступать брошюры и газеты из Финляндии. 13 мая увидел свет первый номер газеты “Karjalaisten Sanomat” («Карельские новости»). В ней печатались как заметки на финском языке, так и их перевод на карельский, записанный кириллицей. В первом номере была опубликована статья писателя, переводчика и преподавателя Ииво Хяркёнена по истории карельского народа. В Ухте, Вокнаволоке, Реболах создавались местные комитеты Карельского просветительского общества. Иногда их работа становилась причиной конфликтов с населением волостей, больше ориентировавшихся в своей хозяйственной жизни на российские промышленные центры. Так, 21 мая 1917 года съезд крестьянских депутатов Повенецкого уезда, выслушав сообщение об активизации работы общества, вынес постановление принять решительные меры по пресечению подобной деятельности [11: 360].

Еще 19 апреля 1917 года собрание правления общества приняло обращение к Временному правительству, в котором были отмечены «особенности положения народа Беломорской и Олонецкой Карелии» в границах Российской империи, «его языка, обычаев и общности проживания». Авторы документа подчеркивали, что Карелии необходимо предоставить автономию в составе Российского государства. В адресе подчеркивалась, что новому правительству необходимо решить «карельский вопрос». В первой половине мая делегация от Карельского просветительского общества во главе с Алексеем Митро доставила обращение в Петроград [5: 161], впоследствии оно было опубликовано в Выборге отдельным изданием¹².

В состав делегации вошли уроженец села Ухта П. Афанасьев, товарищ председателя общества, купец из финского города Ваза (Вааса) Т. Ремшуев (Маннер), присяжный поверенный З. Дорофеев (Аланко) и выходец из села Паданы И. Естоев (Таннер), ставший купцом в Ваза. Делегация была принята прокурором святейшего Синода В. Н. Львовым, министром просвещения А. А. Мануйловым и канцелярией председателя Совета министров. Они дали устное согласие на деятельность общества. Однако каких-либо конкретных практических шагов в ответ на обращение Общества со стороны правительства не последовало [3: 65–66].

В обращении Карельского просветительского общества поднимались острые проблемы развития национальной культуры и образования в крае, отмечалось, в частности, что «народ Карелии считает себя своеобразным народом, у которого ясно развито национальное чувство и который говорит на своем особом языке». Призвав Временное правительство энергично развивать в карельских волостях

школьное дело, культурно-просветительную работу и наладить продовольственное снабжение, его лидеры изложили общие данные о численности, расселении и хозяйственной деятельности карелов, их экономических и культурных контактах с Финляндией, привели обзор деятельности Союза беломорских карел¹³. Однако вопрос о полном отделении Карелии от России в документе не ставился.

Причину выдвижения на первый план проблемы автономии карелов следует искать не в антирусских настроениях среди лидеров движения, как считают финские авторы, и не во влиянии «финляндской националистической пропаганды», о чем писали отечественные историки, а в восприятии революционных событий 1917 года под тем углом зрения, как они виделись карельскому населению, получавшему информацию о событиях либо из финских, либо из русских источников.

На эту позицию, как отмечает английский исследователь С. Черчилль, повлияли два фактора. Во-первых, следует учитывать, в какой мере ход революции изменил отношение правительственных кругов России к судьбам Карелии и Финляндии, а во-вторых, «насколько политически подготовленным оказалось само национальное движение, испытывавшее в течение нескольких лет воздействие русификаторских тенденций» [10: 33–34].

Обострившийся летом 1917 года конфликт между приверженцами идеи так называемого «панфеннизма» и русской национальной идеи сыграл заметную роль в дальнейшем развитии национального движения в Карелии. 14 июня 1917 года в Петрозаводске состоялось чрезвычайное земское собрание Олонецкой губернии, которое обсудило вопрос об автономии Карелии. Внимание к этому вопросу усилилось в связи с кампанией в финляндской прессе, начатой после того, как сейм Финляндии утвердил устав Карельского просветительского общества. Появившаяся в кадетской газете «Речь» публикация из Гельсингфорса «об автономии Карелии» вызвала оживленные прения делегатов собрания, в котором принимали участие гласные от карельских уездов, в том числе социал-демократ В. М. Куджиев.

По этому вопросу деятели земства продемонстрировали позиции, весьма далекие от позиций лидеров Карельского просветительского общества. Известный в губернии специалист в области лесоводства И. А. Кищенко со всей определенностью высказался «против раздела губернии» и подчеркнул, что «не понимает автономии Карелии, у которой нет ни письменности, ни литературы, ни культуры, ни истории, ни государственных деятелей-карел». Гласные Мартынов, Лукин и Григорьев заявили, что карелы Олонии «по складу ума, по характеру, по вере — русские, и не имеют тяготения к финнам». А поскольку «карелы вместе с русскими получили свободу», то стоило надеяться, что «земство и другие учреждения обратят должное внимание на удовлетворение необходимых нужд карел», прежде всего на образование, строительство путей сообщения, организацию продовольственного снабжения¹⁴.

Обсуждение вопроса продолжилось и на следующий день, несмотря на то, что ряд земцев настаивал на прекращении прений. Кищенко мотивировал необходимость дальнейших дебатов особой важностью поднятой проблемы и требованием оказать противодействие агитационной работе «финских шовинистов». Собравшиеся признали, что «карелы не склонны к автономии, желают жить вместе с русскими и составлять с ними одно целое». Единогласно была принята резолюция, подчеркивавшая, что Карелия должна сохранить связи с Россией и что «в культурно-просветительном отношении губернское земство должно широко идти навстречу карелам». По предложению Кищенко в резолюцию внесли дополнение о том, что губернской земской управе необходимо немедленно начать проводить «практические меры» в этом направлении. Однако поскольку сделанное дополнение по существу не обсуждалось, Куджиев воздержался от голосования¹⁵.

Между тем Карельское просветительское общество, обратившись к Временному правительству, выразило пожелание, чтобы оно сочувственно отнеслось к деятельности лидеров национального движения и оказало им необходимую поддержку. Выдвигались предложения просветительского характера: о скорейшем введении родного языка в карельских школах и церквях, об издании на нем богослужебной литературы, о назначении учителей и священников, владеющих карельским языком. Такое же требование должно было предъявляться и к чиновникам «из среды местного населения», которыми предлагали заменить прежних государственных служащих. Планировалось открыть в селах Ухта, Реболы, Паданы, Сямозеро или в городе Олонец двух училищ, дававших среднее образование, а также учительской и духовной семинарий, построить за счет казны «крайне необходимых проезжих дорог в Архангельской и Олонецкой Карелии». Для осуществления этих мероприятий должны были назначаться соответствующие комиссии, включавшие представителей от карельского населения, Карельского просветительского общества и Временного правительства¹⁶.

Эти положения нашли отражение в проекте конституции автономной Карелии, который был обнаружен на собрании представителей почти всех волостей Беломорской Карелии во время народного собрания 13 июля 1917 года в селе Ухта. На собрание прибыли представители приблизительно от 9 тыс. жителей края — делегаты от всех деревень Ухтинской волости, от волостей Вокнаволоцкой, Тихтозерской, Контолки и Панаярви, а также от карелов, работавших на Мурманской железной дороге. Председателем собрания был избран Т. Ремшуев (Маннер), заместителями — З. Дорофеев (Аланко), секретарями — И. Митрофанов (Каукониemi) и С. Логинов.

На большом летнем празднике, традиционно организованном в «столице Беломорской Карелии» селе Ухта 12–14 июля в честь Петрова дня (по григорианскому календарю, которым пользовалась Финляндия), раздавались радикальные требования решения вопроса о судьбе Карелии. Меньшая часть участников собрания, состоявшая в основном из пожилых людей, высказалась за присоединение к Финляндии, а большинство настаивало на проведении в жизнь проекта конституции, разработанного Карельским просветительским обществом.

Автономная Карелия, по этому проекту, оставалась в составе Российского государства, а органы самоуправления создавались на основе всеобщих выборов. Управление Карелией должен был осуществлять комиссар, назначаемый правительством России. На территории Архангельской и Олонецкой Карелии предполагалось образовать особую «Карельско-северную административную область», которая объединила бы карельское и вепсское население в границах, проходящих на юге по реке Свирь, на востоке — по Онежскому озеру, реке Выг и Белому морю, на севере — от северной части залива Кандалакша до границы с Финляндией, а на западе — по границе с Финляндией до Ладожского озера¹⁷. Обозначенные границы области были бы «частью национальные, частью естественные, частью государственные», а вопрос о том, целесообразно ли и Кольский полуостров «присоединить к этой области по практическим соображениям», передавался на усмотрение будущего Учредительного собрания¹⁸.

Окончательное определение границ предполагали доверить особой комиссии из равного числа карелов и русских, назначенной Учредительным собранием. В общероссийском ведении должны были остаться финансовые, почтовые, военные и судебные дела этой новой области, тогда как вопросы земледелия, путей сообщения, образования, здравоохранения, торговли, промышленности, внутреннего управления и внутреннего налогообложения авторы проекта собирались передать в ведение особой областной администрации с центром в Петрозаводске¹⁹.

В качестве низшего уровня самоуправления конституция предусматривала деревенскую сходку, где право голоса могли иметь все достигшие 20-летнего возраста жители деревни обоего пола, однако оговаривалось, что они должны «пользоваться гражданским доверием» и владеть имуществом. Карельский язык предлагали ввести в качестве официального наряду с русским. В церковном отношении в границах области создавалась особая Карельская епархия во главе с карельским архиепископом, назначаемым Всероссийским церковным управлением [5: 162].

Чтобы заручиться поддержкой крестьян, проект предусматривал проведение аграрной реформы. Вся земля и природные ресурсы объявлялись достоянием народа. Половина земельной площади передавалась для раздела в вечную собственность крестьянам, четверть земельного фонда отдавалась в распоряжение волостных самоуправлений и еще четверть становилась достоянием всей автономной области. Для прежних владельцев земли было предусмотрено вознаграждение, «равное труду, употребленному на ее возделывание». Этим положением проект напоминал программу кадетской партии (отчуждение у помещиков части земли для крестьян за выкуп). В проекте конституции автономной Карелии поднимались также вопросы развития народного образования, налаживания телефонной, телеграфной, почтовой связи, путей сообщения, упорядочения торговли с Финляндией и др.²⁰

Время проведения древнего летнего праздника карелов, который был приурочен к дню памяти православных святых Петра и Павла, лидеры карельского национального движения намеревались в будущем сделать датой нового общекарельского празднества. Вскоре после июльского собрания представителей карельских волостей в Ухте прошло собрание солдат-отпускников, уроженцев северо-карельской глубинки. Побывавшие на фронте радикально настроенные солдаты здесь, как и повсеместно, становились инициаторами перемен в патриархальном укладе жизни родных деревень. Созванное ими 17 июля 1917 года собрание обсудило вопрос о создании особых карельских частей, явно по образцу национальных воинских формирований, возникавших в российской армии

в условиях ее «демократизации». Солдаты постановили обратиться к властям с требованием скорейшего создания таких частей, которые комплектовались бы карелами Архангельской и Олонецкой губерний, а также финнами-ингерманландцами из Петроградской губернии²¹.

Карелы-рабочие, занятые на строительстве Мурманской железной дороги, в эти же дни провели свое собрание на станции Энгозеро. Они решили просить «об образовании находящегося в зависимости от России Карельского государства», в котором главным языком делопроизводства и школьного обучения должен был стать карельский «с финской азбукой», то есть с использованием латинской графики. Согласно их желанию, школьных учителей следовало «назначать из карелов», а таможенную границу между Карелией и бывшим автономным Финляндским княжеством упразднить²².

В течение осени 1917 года ухтинский проект конституции Карелии обсуждался и находил одобрение на многих сельских собраниях в Кемском уезде, в частности в селе Вокнаволок²³. Правление Карельского просветительского общества было уполномочено довести положения конституции до Временного правительства. Однако в обстановке нараставшего в стране хаоса правительство не нашло времени на рассмотрение проекта об автономии Карелии [11: 360].

Доверие карельского населения к местным властям было подорвано и их невниманием к крестьянским нуждам. Так, в апреле 1917 года житель деревни Регозеро Ухтинской волости обратился в Кемский уездный съезд по крестьянским делам с просьбой войти в его бедственное положение и назначить ему казенное пособие на содержание семьи, в которой воспитывались шесть малолетних детей. Пятидесятирехлетний Кирилл Луккоев сообщил о том, что его старший сын был принят на военную службу в 1915 году и через год умер, находясь в армии, а в июне 1916 года в досрочный призыв попал единственный совершеннолетний сын Василий²⁴.

В июле 1917 года по предписанию Ухтинского съезда по крестьянским делам Ухтинское волостное попечительство провело обследование состояния семейства новобранца, который прежде занимался «крестьянством и отхожим промыслом». Уполномоченные пришли к заключению, что Луккоевы нуждаются в казенном пособии как лишившиеся единственного в семье работника. Однако и полгода спустя после заявления крестьянина, еще весной находившегося «в самом бедственном положении», вопрос о назначении пособия оставался не решенным²⁵.

27 ноября односельчане фронтовика на общем собрании засвидетельствовали, что Луккоев, не способный к труду по болезни, по-прежнему не получал пособие на содержание семьи, хотя прошение об этом подано своевременно. Как и сам проситель, крестьяне-карелы были неграмотными, но заверили документ, скрепленный печатью регозерского сельского старосты, девятью особыми карельскими знаками собственности²⁶. Обычно они использовались для обозначения территории промысловой деятельности того или иного карельского рода [12: 281].

Захват власти большевиками в октябре 1917 года первоначально не вызвал каких-либо изменений в направлениях деятельности Карельского просветительского общества. Поскольку большевики признали право наций на самоопределение, его лидеры надеялись при благоприятных условиях прийти к соглашению с большевистской властью.

Идея государственной независимости, вызревавшая в финляндском обществе, укоренялась в общественном сознании одновременно с представлением о том, что подлинную независимость страны будет гарантировать присоединение находившейся в составе России восточной половины древней исторической Карелии. По мнению многих политических деятелей, лишь такое присоединение могло обеспечить Финляндии «естественную» восточную границу, проходящую по Ладожскому озеру – реке Свирь – Онежскому озеру – Белому морю. Рабочая революция и гражданская война зимы – весны 1918 года, увенчав процесс обретения Финляндией независимости, вывели представления о необходимости территориального расширения на восток в плоскость реальной политики [13: 3].

И все же население Карелии неоднозначно отнеслось к проблемам автономии края. Позже, 27 января 1918 года, народный съезд в Ухте решил, что требование автономии Карелии в составе России является недостаточным и что целью беломорских и олонецких карелов должно стать создание своей карельской республики. Рассматривалось также предложение о присоединении к получившей независимость Финляндии, однако эту идею поддержало меньшинство. Аналогичное собрание олонецких карелов в Повенце 24 февраля 1918 года, напротив, ограничилось поддержкой идеи автономии в составе России, а о присоединении к Финляндии даже не шло речи [14: 351].

В 1918 года, на завершающем этапе мировой войны, после выхода из нее Советской России и обретения независимости Финляндией, Карелия из тылового и относительно стабильного района стала превращаться в приграничную прифронтовую окраину, а в дальнейшем сама оказалась одним из первых очагов международной интервенции и Гражданской войны. В столкновениях весны – осени 1918 года прослеживается переплетение противоборствовавших интересов сторон — комбатантов продолжавшегося мирового конфликта, участников ожесточенных социальных битв и отягощенных опытом четырех лет войны карельских крестьян, которые с оружием в руках по-разному решали вопрос о судьбе Российской Карелии [15: 309–324].

Заключение

Поскольку социальная трансформация наиболее отчетливо проявляется в переходные периоды, бурные годы Первой российской революции (1905–1907) были тем временем, когда впервые стали оформляться представления активистов карельского национального движения о политическом будущем родного края и о путях развития его экономической жизни.

На митинге в селе Ухта в декабре 1905 года в духе программы партии кадетов формулировались требования к имперскому правительству уничтожить таможенные притеснения при взаимном обмене товарами между жителями автономного финляндского княжества и населением карельских уездов, улучшить «торгово-промышленное положение дел» в крае и привести налогообложение торгово-промышленной деятельности в строгое соответствие с подходящим принципом. Ухтинцы настаивали на том, чтобы служба призывников проходила как можно ближе к родным местам, чтобы избранные местные чиновники владели родным языком, чтобы в Северной Карелии открывались больницы, а врачебный персонал содержался за казенный счет.

Высказывались пожелания об обязательности школьного обучения, улучшении материального положения учителей, переходе школ в ведение и на содержание казны из расчета по одной школе на каждую тысячу населения. Резолюция митинга требовала вести обучение в школах на родном карельском языке, обеспечив доступ лиц из низших школ «с инородческим языком» в русские учительские семинарии.

Несколько месяцев спустя устроители Ухтинского митинга стали активными деятелями организованного в апреле 1906 года Союза беломорских карел, задачей которого провозглашалось всемерное сближение карельских волостей с Финляндией. И все же в конце 1905 года в резолюции Ухтинского митинга эта направленность еще не просматривалась так явно, как в программе Союза, обнародованной в январе 1907 года на первом годичном собрании в финском городе Тампере (Таммерфорс).

В постановлении Ухтинского митинга еще отсутствовало требование самоопределения карельского народа. Оговаривалась лишь желание добиться конституционного образа правления с равным правом голосования при решении общегосударственных вопросов всеми лицами, достигшими 21 года без различия пола, звания и национальности, а также соблюдения основных свобод, гарантии права приобретения земельной собственности, улучшения экономического положения крестьян, исправления государственными органами плачевного состояния путей сообщения в крае.

В период между российскими революциями лейтмотивом деятельности Союза беломорских карел стала идея «Великой Финляндии». В исторической литературе достаточно подробно проанализирован арсенал средств имперской национальной политики, который сложился к концу XIX – началу XX века и, в свою очередь, предполагал наряду с экономической и церковно-миссионерской просветительной деятельностью идеологически-пропагандистские приемы, включавшие публикации в прессе и создание конструкций, направленных на доказательство «прорускости» карелов. Провинциальная православная периодика, в частности, материалы журнала «Карельские известия», передают ту обстановку противостояния сторон, которая еще больше накалилась в годы Первой мировой войны. Обострившийся конфликт сыграл заметную роль в развитии национальных процессов в Российской Карелии.

Весной – осенью 1917 года стала очевидной усиливавшаяся вовлеченность Российского Севера, автономного Великого княжества Финляндского, местных сообществ приграничных территорий Олонецкой и Архангельской губерний в те перемены, которые шли в масштабах всего государства. Поскольку в свое время I Государственная дума никак не прореагировала на обращенную к ней петицию Ухтинского митинга, активисты вновь созданного после Февральской революции Карельского просветительского общества свои надежды на рассмотрение «карельского вопроса» на общегосударственном уровне связывали с приходом

к власти Временного правительства. Под воздействием революционных событий трансформация политической системы в стране проходила через институционализацию политической власти, и возникновение Карельского просветительского общества свидетельствует о появлении таких политических инструментов, которые бы способствовали большему вмешательству общественного мнения в процесс принятия политического решения [2:117].

Однако на первых порах в условиях общей неопределенности в стране и при неясном будущем курсе нового постимперского демократического режима эта организация действовала осторожно, придерживаясь вектора, обозначившегося в годы Первой российской революции. По справедливому наблюдению М. А. Витухновской-Кауппала, речь шла об элементах национально-культурной автономии для карелов, «но еще не было намека на более глубокий национально-территориальный статус» [3: 63].

Кризисы легитимности режима свидетельствовали о неспособности Временного правительства адаптироваться к изменяющимся условиям жизни в революционной России. Одним из проявлений слабо управляемой политической трансформации общества стало участие разнонаправленных сил в борьбе за власть. Даже на локальном уровне карельской деревни это можно проиллюстрировать вовлеченностью в названный процесс весьма не похожих друг на друга действующих лиц, которые различались уровнем социального статуса, ценностными позициями и культурно-политическими интересами [2:119]. Наряду с известными активистами карельского национального движения все заметнее стали заявлять о себе не менее харизматичные земские деятели Олонецкой губернии, радикально настроенные солдаты-отпускники и их земляки — рабочие Мурманской железной дороги.

Список сокращений

НА КарНЦ РАН — Научный архив КарНЦ РАН

НА РК — Национальный архив Республики Карелия

КА — Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии)

Примечания

¹ Витухновская-Кауппала М. А. «Карелия для карел!»: Гражданская война как катализатор национального самосознания // *Ab Imperio*. 2010. № 4. С. 245–282; Она же. Карельский крестьянин в горниле гражданской войны 1917–1922 // *Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв.: сб. ст. / ред. А. М. Пашков*. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2013. С. 172–211; Vituhnovskaja M., Kauppala P. *Itäkarjalaiset eri kansallisten projektien subjekteina ja objekteina, 1917–1922* // *Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа / Russia and Northern Europe: Faces of Cooperation: сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. И. Р. Такала, И. М. Соломещ*. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2012. С. 309–320 и др.

² Крохин В. История карел. СПб., 1910. С. 1; Машезерский В. И. Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии. Петрозаводск: «Карелия», 1978. С. 9. Следует отметить, что основанная на вероисповедании национальная статистика автономного в составе Российской империи Великого княжества Финляндского считала карелами лишь православных, живших в уездах финляндского приграничья. По подсчетам финских исследователей, на рубеже XX–XIX веков их численность составляла 36 697 человек. (Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск: «Барс», 1998. С. 197).

³ Памятная книжка Архангельской губернии на 1915 г. Архангельск, 1915. С. 52–53.

⁴ Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Документы периода подъема национально-демократического движения в Беломорской Карелии (1905–1922 гг.) // *Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы*. № 10. Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. Источники, исследования, историография. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 17–19.

⁵ Подробнее об этом см.: Мусаев В. И. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.). СПб.: изд-во Политехнического ун-та, 2007. С. 89–105; Он же. «Финнизаторы» и «обрусители». Документы по истории борьбы за влияние в Карелии (конец XIX – начало XX в.) // *Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы*. № 10.

Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. Источники, исследования, историография. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 47–71; Шейкин А. А. Конструируя «панфинскую пропаганду» (Начальный этап «панфинской пропаганды» в документах канцелярии архангельского губернатора) // Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2005. С. 160–164.

⁶ См. также: Витухновская М. А. Карельские приходы и «панфинская пропаганда» (1906–1914 гг.) // Православие в Карелии. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2003. С. 113–129; Илюха О. П. Школа и просвещение в Беломорской Карелии во второй половине XIX – начале XX в. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2002. С. 30–38; Она же. Семья Еремеевых-Ряйхя на фоне общественной жизни Беломорской Карелии начала XX века // Еремеевы-Ряйхя: человек, семья, политика в карельском пограничье начала XX века. Исследование. Документы. Материалы. Studia Nordica II. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. 363 с.

⁷ Открытое письмо русскому учительству в Финляндии // Карельские известия. 1915. № 1. С. 6.

⁸ I. И. // Карельские известия. 1914. № 23. С. 12.

⁹ См., например: Адоньева С. Б. Категория ненастоящего времени (антропологические очерки). СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 46–51; Душечкина Е. В. Русская елка: история, мифология, литература. СПб.: Норинт, 2002. С. 123–126, 247; Илюха О. П. Повседневная жизнь сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX – начале XX в.: Очерки. Документы. Материалы. Петрозаводск: КарНЦ РАН 2010. С. 89–92.

¹⁰ Завод св. Анны // Карельские известия. 1915. № 3. С. 8.

¹¹ Подсчитано по данным, опубликованным в кн.: Härkönen I. Karjalan sivistysseura — Vienen karjalaisten Liitto — 1906–1936. Helsinki, 1936. S. 48.

¹² За Карелию Архангельской и Олонецкой губернии. Российскому Временному правительству. Выборг, 1917; Машезерский В. И. Указ. соч. С. 24.

¹³ За Карелию... С. 3, 5, 8–10.

¹⁴ Чрезвычайное Олонецкое губернское земское собрание // Вестник Олонецкого губернского земства. 1917. № 16. 30 августа. С. 20.

¹⁵ Там же; Машезерский В. И. Указ. соч. С. 26.

¹⁶ За Карелию... С. 6–8.

¹⁷ Kansallisarkisto (КА — Национальный архив Финляндии). Коллекция «Русские военные бумаги». Д. 3942: Обзор финляндской периодической печати. № 1153. 2 (15) сентября. С. 7–8. «Стремление к автономии в русской Карелии».

¹⁸ Протокол, составленный на народном собрании в селе Ухтуя, Ухтинской волости, Кемского уезда, Архангельской губернии 13-го июля нов. ст. 1917 года // Витухновская-Кауппала М. А., Осипов А. Ю. В пучине гражданской войны: Карелы в поисках стратегий выживания. 1917–1922. М., СПб.: Нестор-История, 2021. С. 282 (Экземпляр документа, хранящийся в архиве Министерства иностранных дел Финляндии, пер. с финского).

¹⁹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 61. Л. 1–2. «Протокол общего собрания граждан с. Ухта Кемского уезда Архангельской губ. о наказе Учредительному собранию» (русскоязычная версия).

²⁰ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 61. Л. 1–2, 8–11.

²¹ КА. «Русские военные бумаги». Д. 3942. С. 8.

²² КА. «Русские военные бумаги». Д. 3942. С. 9 (из финляндской газеты “Uusi Päivä” от 10 сент. 1917).

²³ Там же.

²⁴ НА РК. Ф. 553. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 21.

²⁵ НА РК. Ф. 553. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 18, 19 об., 22.

²⁶ НА РК. Ф. 553. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 20.

Список источников

1. О работе над XII томом «Гражданская война в России. 1917–1922» 20-томной академической «Истории России» // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып.4–5: Гражданская война в России. История и современность, память и уроки / ред. кол.: В. И. Голдин и др.; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск: САФУ, 2021. С. 164–281.

2. Зими́на В. Д. Революция 1917 года в контексте трансформации политической системы в России // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века. Сб. матер. Всерос. науч. конф. М.: ИГУМО, 2007. С. 116–121.
3. Витухновская-Кауппала М. А., Осипов А. Ю. В пучине гражданской войны: Карелы в поисках стратегий выживания. 1917–1922. М., СПб.: Нестор-История, 2021. 352 с.
4. Усачева Е. В. Карельские беженцы. Дорога домой = Itä-Karjalan pakolaiset. Tie kotiin: [книга-альбом]. Петрозаводск: Периодика, 2020. 224 с.
5. Голдин В. И. Север России на пути к Гражданской войне: попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918. Архангельск: САФУ, 2018. 619 с.
6. Кораблев Н. А. В годы революции (1905–1907) // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 283–305.
7. Кораблев Н. А. Создание и деятельность Православного карельского братства на территории Российской Карелии // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв. Сб. статей / ред. А. М. Пашков. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2013. С. 121–171.
8. Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб.: Норма, 2006. 384 с.
9. Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов / под. общ. ред. О. В. Змеевой. М.: Наука, 2022. 366 с.
10. Churchill S. Itä-Karjalan kohtalo 1917–1922. Porvoo–Helsinki: WSOY, 1970. 218 s.
11. Шумилов М. И. От февраля к октябрю 1917 г. // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 342–361.
12. Конкка А. П. Карсикко. Деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2013. 206 с.
13. Левкоев А. А. Национальная политика в советской Карелии (1920–1928 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Санкт-Петербургский филиал ИРИ РАН. СПб., 1995. 20 с.
14. Йокиппи М. Финляндия и Восточная Карелия в период так называемых «племенных войн» 1917–1922 гг. // Прибалтийско-финские народы; история и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 311–333.
15. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.

References

1. O rabote nad XII tomom “Grazhdanskaja vojna v Rossii. 1917–1922” 20-tomnoj akademicheskoi “Istorii Rossii” [On the work on the XII volume “Civil War in Russia. 1917–1922” of the 20-volume academic “History of Russia”]. *Al'manah Assotiacii issledovatelej Grazhdanskoj vojny v Rossii* [Almanac of the Association of Civil War in Russia Researchers], no. 4–5. Archangelsk, Severnyi (Arkticheskij) federal'nyi universitet, 2021, pp. 164–281. (In Russ.).
2. Zimina V. D. Revoljucija 1917 goda v kontekste transformacii politicheskoi sistemy v Rossii [Revolution of 1917 in the context of the transformation of the political system in Russia]. *Oktjabr' 1917 goda: vzgljad iz XXI veka. Sb. mater. Vseros. nauch.konf.* [Proceedings of the All-Russian Scientific Conference]. Moscow, Publishing House of the IGUMO, 2007, pp. 116–121. (In Russ.).
3. Vituhnovskaja-Kauppalaa M. A., Osipov A. Ju. *V puchine grazhdanskoj vojny: Karely v poiskah strategij vyzhivaniija. 1917–1922* [In the abyss of the civil war: the Karelians in search of survival strategies. 1917–1922]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-History, 2021, 352 p. (In Russ.).
4. Usacheva E. V. *Karel'skie bezhency. Doroga domoj = Itä-Karjalan pakolaiset. Tie kotiin* [Karelian refugees. Road home = Itä-Karjalan pakolaiset. Tie kotiin]. Petrozavodsk, Periodika, 2020, 224 p. (In Russ., In Finn.).
5. Goldin V. I. *Sever Rossii na puti k Grazhdanskoj vojne: popytki reform. Revoljucii. Mezhdunarodnaja intervencija. 1900 – leto 1918* [North of Russia on the way to the Civil War: Attempts to reform. Revolutions. International intervention. 1900 – Summer 1918]. Arhangel'sk, Severnyi (Arkticheskij) federal'nyi universitet, 2018, 619 p. (In Russ.).
6. Korablev N. A. *V gody revoljucii (1905–1907)* [During the Revolution (1905–1907)]. *Istorija Karelii s drevnejshih vremen do nashih dnei* [The history of Karelia from ancient times to the present day]. Petrozavodsk, Periodika, 2001, pp. 283–305. (In Russ.).

7. Korablev N. A. Sozdanie i dejatel'nost' Pravoslavnogo karel'skogo bratstva na territorii Rossijskoj Karelii [Creation and activities of the Orthodox Karelian Brotherhood in the territory of Russian Karelia]. *Karely rossijsko-finskogo pogranich'ja v XIX–XX vv.* [Karelians of the Russian-Finnish borderland in the XIX–XX centuries]. Petrozavodsk, Petrozavodskij gosudarstvennyj univvrsitet, 2013, pp. 121–171. (In Russ.).
8. Vituhnovskaja M. A. *Rossijskaja Karelija i karely v imperskoj politike Rossii, 1905–1917* [Russian Karelia and the Karelians in imperial Russian politics, 1905–1917]. Saint Petersburg, Norma, 2006, 384 p. (In Russ.).
9. *Naselenie Kol'skogo poluostrova mezhdru dvumja mirovymi vojnami: vzgljad istorikov i antropologov* [The population of the Kola Peninsula between the two world wars: the view of historians and anthropologists]. Moscow, Nauka, 2022, 366 p. (In Russ.).
10. Churchill S. *Itä-Karjalan kohtalo 1917–1922*. The fate of the East Karelia 1917–1922. Porvoo–Helsinki, WSOY, 1970, 218 p.
11. Shumilov M. I. Ot fevralja k oktjabrju 1917 g. [From February to October 1917]. *Istorija Karelii s drevnejshih vremen do nashih dnei* [The history of Karelia from ancient times to the present day]. Petrozavodsk, Periodika, 2001, pp. 342–361. (In Russ.).
12. Konkka A. P. *Karsikko. Derev'ja-znaki v obrjadah i verovanijah pribaltijsko-finskih narodov* [Karsikko. Sign trees in the rites and beliefs of the Baltic-Finnish peoples]. Petrozavodsk, Petrozavodskij gosudarstvennyj univvrsitet, 2013. 206 p. (In Russ.).
13. Levkoev A. A. *Nacional'naja politika v sovetskoj Karelii (1920–1928 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [National politics in Soviet Karelia (1920–1928): autoref. dis... PhD. History Sciences]. Saint Petersburg, 1995, 20 p. (In Russ.).
14. Jokipii M. *Finljandija i Vostochnaja Karelija v period tak nazываемыh “plemennyh vojn” 1917–1922 gg.* [Finland and East Karelia during the so-called “tribal wars” of 1917–1922.] *Pribaltijsko-finskie narody; istorija i sud'by rodstvennyh narodov* [Baltic-Finnish peoples; history and fates of related peoples]. Jyväskylä, 1995, pp. 311–333. (In Russ.).
15. Dubrovskaja E. Ju., Korablev N. A. *Karelija v gody Pervoj mirovoj vojny: 1914–1918* [Karelia during the First World War: 1914–1918]. Saint Petersburg, Nestor-History, 2017, 432 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. Ю. Дубровская — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

E. Yu. Dubrovskaya — PhD (History), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 08.10.2022.
The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 08.10.2022.

Научная статья
УДК 94(470.11 + 470.21 + 470.22)"1918/1919"
doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.014

НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ РЕСПУБЛИК-ФАНТОМОВ ВОЛОГДАЧЕ И БЕЛОМОРЬЕ В ЗАПАДНЫХ СМИ

Евгений Олегович Сушко

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, eugene55611@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0262-4856>

Аннотация

В статье впервые рассмотрены упоминания в средствах массовой информации о двух государственных образованиях, которые никогда не существовали в реальности, так называемых Республики Вологдаче и Беломорской Республики. В качестве основных источников используются статьи, газетные колонки и заметки из периодики США за июль – август 1918 года. Также в исследовании проанализированы необходимые материалы из западноевропейской печатной продукции за этот же период. Автор приходит к выводу, что, несмотря на относительно хорошую осведомлённость о политических событиях на Севере России, большая часть журналистов не смогла правильно сопоставить имеющиеся данные, при этом множество фактов было выдуманно, а некоторые из них были значительно искажены. По мнению автора, эта дезинформация была ненамеренной, так как журналистское сообщество передавало информацию таким образом, что изначальный посыл хотя и был ложным, но находился в контексте реальных событий.

Ключевые слова:

Север России, Беломорская республика, Республика Вологдаче, Гражданская война, СМИ

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2022-0028.

Для цитирования:

Сушко Е. О. Непродолжительная история существования республик-фантомов Вологдаче и Беломорье в западных СМИ // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 149–158. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.014

Original article

A SHORT HISTORY OF THE PHANTOM REPUBLICS OF WOLOGDACHE AND THE WHITE SEA IN THE WESTERN MASS MEDIA

Eugene O. Sushko

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, Eugene55661@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0262-4856>

Abstract

The paper for the first time allows us to consider the mention in the media of two state entities that never existed in reality, so-called Republic of Wologdache and the White Sea Republic. The author uses articles and notes in the US press for July – August 1918 as the main source. The study also contains the necessary information from some European media. The author comes to the conclusion that despite the relatively good awareness of the events in the North of Russia, most of the journalists could not correctly compare the available data, while many theses were invented. According to the author, this disinformation was unintentional, since the journalistic community conveyed information in such a way that the original message, although false, was in the context of real events.

Keywords:

Russian North, Allied Intervention, Russian Civil War, Wologdache, White Sea

Acknowledgments:

the study was funded from the federal budget as a part of the state project No. FMEZ-2022-0028 assigned to the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation:

Sushko E. O. A short history of the phantom republics of Wologdache and the White Sea in the Western mass media. // Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities. 2022. Vol. 1, No. 1. P. 149–158. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.014

Введение

Великая русская революция привела к тому, что во всех уголках бывшей Российской империи запылало пламя противостояния между различными политическими группами. Некоторые из них были национальными, стремились к независимости, какие-то ставили своей целью свергнуть большевистскую власть. Часть и вовсе выжидала, пытаясь найти баланс в такой нестабильной общественно-политической ситуации. Русский Север был органичной частью всех этих событий. Однако нельзя говорить о том, что течение хода Гражданской войны на Севере России ничем не отличалось от течения хода ее на иных территориях, ведь одним из главных факторов для возникновения политических разногласий стало присутствие на территории Мурмана иностранных вооружённых сил, чей ввод был санкционирован руководителями Советской России. Союзнические войска (США, Франция, Великобритания) являлись на тот момент одними из основных акторов, сформировавших главные противоречия между большевистским центром и местными властями.

Сложившаяся в марте 1918 года ситуация меняла расстановку сил на Русском Севере. Если ранее большевистское руководство опасалось объединённого нападения белофиннов и немцев на Север, что перерезало бы Мурманскую железную дорогу, то после заключения всеобъемлющего договора Мурманского Совета с союзниками был зафиксирован новый порядок вещей¹. Отныне вплоть до конца июня 1918 года наступил этап мирных отношений между англо-франко-американскими силами и большевиками ради защиты края от Германии и Финляндии. По мнению профессора и североведа А. А. Киселёва и его коллеги Ю. Н. Климова, это был удивительный период мирного сосуществования советской власти и западных государств в России: на территории Мурмана сохранялись большевизированные советы, велась революционная агитация, существовали профсоюзы, действовали отряды Красной гвардии [1: 146]. Конечно, союзники не делали никаких попыток свергнуть местные советские органы власти вооружённым путём, это им было просто не нужно. Выбранная ими тактика была изящней, они оказывали давление на председателя Мурманского совета А. М. Юрьева, активно вмешивались в работу местных органов власти, так как почва для этого была уже значительно подготовлена.

Мурман стремился к административной самостоятельности от Архангельска, 22 апреля 1918 года была принята Конституция Мурманского краевого совета, регламентировавшая вопросы функционирования нового территориального субъекта². Однако если вопрос отделения от Архангельского губисполкома был, скорее, административным и экономическим, то в дальнейшем впервые возникают политические идеи создания неких сепаратистских государств. Председатель Краесовета А. М. Юрьев 6 июня 1918 года заявил, что не исключает создания отдельного государства, так как у него есть право на самоопределение, территория должна включать в свой состав Архангельск, а по своему статусу это должен быть протекторат Соединённого Королевства [2: 111]. В конце июня 1918 года произошёл разрыв Мурманского совдепа с центральной властью, отныне А. М. Юрьев и его сторонники видели своё будущее лишь только при поддержке союзников. Примерно в это же время стокгольмская пресса сообщает о «заседании советов Петрозаводска, Александровска, Кандалакши, Кеми, Повенца, Вытегры» вместе с некоторыми представителями финских вооружённых сил [3]. Целью данного совещания советов было создание Беломорско-Онежской республики, которая будет включать в свой состав территории Карелии и Мурмана, а также Ладожское и Онежское озера, при этом, как заявил адмирал Т. У. Кемп, новое государство будет признано Великобританией (то есть повторяется идея Юрьева) [3]. Проходило это совещание в Мурманске [2: 111]. По мнению В. И. Голдина, «идея Беломорской республики под протекторатом Великобритании оказалась мертворожденной» [4: 43]. У этой идеи не было поддержки как со стороны Франции и США, так и со стороны антисоюзнической группы, которая включала Германию и Финляндию, а уж тем более слабо представляли подобное положение вещей сторонники Белого движения [4]. Более того, шведский журналист Гроциус Хуго Вестман вообще отрицал всякие слухи о подобном государстве, которые появились в финской и германской прессе [5: 180].

Мурманский Краесовет 6 июля 1918 года заключает соглашение с союзниками, в котором подробно описаны полномочия и обязанности сторон³. Несмотря на то, что Мурманский край обладал признаками государственного образования, никакого провозглашения Беломорской, Беломорско-Онежской или Онежской республик не происходит, как не происходило и раньше. Но с самого начала июля 1918 в прессе начинается «эпидемия» сообщений о государственно-политических субъектах, которые никогда не существовали.

Цель исследования — выявить главные журналистские интерпретации сущности Республики Вологодче и Беломорской республики в момент публикации материала.

Для реализации данной цели был проведен анализ публикаций в периодической печати США и Западной Европы в июле – августе 1918 года, освещавших «жизненный цикл» государственных новообразований на территории Севера России. При сопоставлении упомянутых в газетах событий с реальным историческим контекстом был выявлен ряд противоречий.

Новизна исследования определяется вводом в научный оборот источников данных о двух фантомных политических субъектах — Вологодской и Беломорской республиках, никогда не существовавших в исторической реальности.

Актуальность основана на возможности расширить традиционную историю Гражданской войны на Севере, рассмотреть её особое освещение в СМИ западных государств.

Источниковую базу составила периодическая печать США, которая не имеет определённой территориальной привязки к штатам, округам и городам. Также в исследовании использована информация из отдельных различной регулярности печатных изданий Нидерландов, Швеции, Бельгии и Германии. Все эти СМИ упоминали республики в своих публикациях. Таким образом, можно сразу отметить наличие лишь иностранных источников по этому вопросу, большая их часть по своему типу является газетами.

Обсуждение

Первые новости о создании новых республик появляются в газете штата Колорадо “The Idaho Springs siftings-news”⁴. Вот текст газетной заметки за 5 июля без заголовка: «Амстердам. Одновременно с образованием Беломорской республики⁵, по советам из Москвы, еще одно государство было создано на севере России под названием Вологодская республика⁶. Он охватывает всю северо-восточную часть России от Белого моря до азиатской границы. Говорят, что Республика Вологодче поддерживает цели союзников по Антанте».

Сразу бросается в глаза, что одновременно заявлено о двух государствах — Беломорская республика и Вологодче (Вологодская республика, Республика Вологодче). Никакой информации более не отмечается. Авторы ссылаются на Амстердам как на источник, в некоторых других газетах аналогично будут ссылаться на информацию из этого города. Вполне вероятно, первоисточник находится именно там.

В статье говорится о советах из Москвы, а также ориентации на союзников, что уже само по себе противоречит объективной реальности того исторического момента. После разрыва Мурманского Крассовета с большевиками союзники на военном совете окончательно договорились о расширении интервенции 2 июля 1918 года [4: 47.]. Они ставили своей целью захват Архангельска и продвижение к Вологде. В первых числах июля началось разоружение красногвардейцев в Кемь и Кандалакше и, более того, сербами и британцами были расстреляны члены Кемского совета [4: 49]. Следовательно, Центральное советское правительство не могло в тот момент поддержать подобную инициативу. Что касается Беломорской Республики, то её существование подаётся как уже свершившийся факт ещё до соглашения между Мурманским советом и союзниками от 6 июля 1918 года, которое можно было бы считать хотя бы какой-то основой для заявления о «новом государстве».

Если исходить из того, что Вологодче — это прообраз Северной области, то в тот момент вряд ли можно было говорить о контроле территории «до азиатской границы», так как войска союзников захватили Кемь 3 июля, а Онегу — лишь 30 июля [6: 104]. В Архангельске власть взяло Временное Управление Северной Области после антибольшевистского переворота в ночь с 1 на 2 августа и высадки союзников 2 августа.

Достаточно большое количество газетных публикаций вышло 10 июля (далее все публикации без указания числа будут от этой даты).

Информацию без каких-либо изменений по сравнению с публикацией от 5 июля перепечатывает газета “The Daily Ardmoreite. A Newspaper of Character”⁷ штата Оклахома, город Адмор. За исключением того, что текст представлен наряду с другими новостями в заметке «Новая республика в Сибири» под общим заголовком «Большевики объединяются с гуннами⁸ и борются с интервенцией».

Сьюардская газета из штата Аляска “The Seward gateway Daily Edition, and the Alaska weekly post”⁹ даёт несколько изменённый текст под заголовком «Северо-восточная Россия с союзниками»: «По сообщениям Республика Вологодче была создана на Северо-Востоке России, охватывая все части Северо-Востока России от Белого моря до азиатской границы. Говорят, Республика сочувствует делу союзников и будет помогать союзникам, как только правительство будет сформировано».

Аризонская газета “The Arizona Republic. An Independent Progressive Journal”¹⁰ даёт аналогичный текст, что и предыдущая газета, но под заголовком «Новая республика в России»¹¹.

Калифорнийская газета “San Jose Mercury-news”¹² сообщила следующую информацию о происходящих на Севере России событиях, ссылаясь на информацию из Амстердама: «Две новых республики созданы русскими¹³. Вологдаче и Беломорские народы¹⁴ объединились воедино».

Еженедельная канадская газета “The Daily News”¹⁵ использует тот же текстовый вариант, который был впервые опубликован в американской прессе 5 июля. Журналисты вновь ссылаются на источники из Амстердама, но уже за 9 июля, при этом подчёркивается, что информация передана по выделенному телефонному/телеграфному проводу газеты (leased wire). Единственное отличие — иное наименование текстовой колонки: «Вологдаче. Всё нормально. Они союзники». Также здесь есть информация о беспокойстве немцев по поводу высадки британцев на берегу Мурмана со ссылкой на лондонские источники.

Нидерландская газета “Leidsche Courant”¹⁶ сообщила о произошедших событиях в статье под названием «Новая республика». Текст публикации повторяет самый первый текст американской прессы. Данное издание не имеет никакого отношения к амстердамским источникам, на которые постоянно ссылаются другие газеты, так как оно печаталось в городе Лейден.

Журнал бельгийских беженцев “La Belgique: journal des réfugiés”¹⁷ среди всей западноевропейской прессы наиболее подробно осветил происходившие в тот момент события. Сначала была заметка «На берегу Мурмана» от корреспондента Wolf из Москвы 6 июля 1918 года, в которой написано о прибытии союзников в Кемь 16 июня якобы для защиты города от финнов. Также написано о Мурманских железнодорожниках, которые 28 июня в Кемь «высказались за большевиков» и «исключили революционных социалистов и минималистов (меньшевиков) из железнодорожных советов».

Далее информация продолжается уже в следующей заметке под заголовком «Новая республика союзная Белому морю» с информацией от 8 июля, полученной из Берлина: «Берлин, 8 июля (В. Д.). — Из Москвы телеграфировали, что одновременно с Беломорской республикой было выделено еще одно государство, носящее название Вологдачская республика, которая включает всю территорию России на северо-востоке от Белого моря до азиатской границы. Это республика “просоюзническая”». В тексте заметки описывается собрание моряков на Мурмане для обсуждения дальнейших шагов в сложившейся ситуации.

Все эти публикации за 10 июля имеют несколько проблем. С одной стороны, журналистское сообщество было информировано на должном уровне, знало подробности различных политических событий, но, с другой стороны, так и не удалось объяснить, что вообще такое Республика Беломорье и Республика Вологдаче. Отсутствует информация о лидерах, дате провозглашения республик, о государственной символике. Такое отношение к информационному субъекту со стороны сотрудников СМИ сохранялось на протяжении всех дальнейших публикаций, а попытки конкретизировать данные лишь ещё больше искажали действительность.

В газете “Evening journal”¹⁸ от 11 июля напечатана статья «Новые республики родились в России. Беломорский и Вологодский регионы¹⁹ порывают с большевиками. Московские планы отвергаются населением» со ссылкой на источник в Амстердаме. Здесь необходимо отметить сам заголовок, где сообщается именно о регионах, хотя в самом тексте речь о государственных образованиях. Можно допустить ситуацию, при которой оригинальный амстердамский источник писал именно об этом, а последующие публикации исказили изложенные факты, однако даже в этом случае изначальные данные от нидерландского СМИ были бы достаточно сомнительными, что ещё больше запутывает ситуацию с подачей информации.

В первой части газета использует впервые опубликованный текст от 5 июля, но с дополнительным обстоятельным комментарием: «Ранее не было объявления о создании Беломорской республики, но вполне вероятно, что недавнее заявление населения Мурманского побережья в пользу союзников и арест большевиками местных гражданских властей в Архангельске были связаны с этим событием. Беломорская республика, очевидно, образовалась из старого Архангельского правительства, простираясь от Финляндии до Уральских гор и включая Кольский полуостров. Правительство Вологды или Вологда, в честь которой названа Вологдачская Республика, находится к юго-востоку от Правительства Архангельска. Это крупнейшее Правительство или провинция европейской части России, общая площадь которой составляет около 500 000 квадратных миль, однако с населением всего около 2 миллионов человек. Столица Вологда — одноименный город, где находится штаб-квартира американского посла».

Это достаточно странные заявления. С точки зрения газеты есть Беломорская Республика, созданная из старого Архангельского правительства (без уточнения, что это такое) и с территорией до Уральских гор (то есть здесь предсказывается появление Северной области), и некая Вологдачская Республика с «правительством Вологды», существующая на юго-востоке от «правительства Архангельска».

Если говорить о реально происходивших событиях, то 7 июля в Вологде было объявлено осадное положение, в городе был вскрыт внутренний заговор польских легионеров и антибольшевистской оппозиции, ожидавших прибытия союзников [4: 58–59]. После попыток антисоветских сил взять власть в свои руки большевик М. С. Кедров начал достаточно яростную борьбу с контрреволюцией на грани террора [7]. В то же время в Вологде стали размещаться послы иностранных государств при согласии Советского правительства.

Таким образом, в данном тексте под Правительством Архангельска понимается Республика Беломорье, а под Вологдаче — просто Вологодская губерния, ставшая, по мнению автора заметки, независимой, что в корне ломает всякую логику повествования о двух северных республиках, сложившуюся на тот момент в журналистской среде. При этом авторы после текста дополнительно ссылаются на информацию от союзников о защите Мурманского берега, на заявление Льва Троцкого от 1 июля, в котором любая помощь иностранным войскам объявляется государственной изменой, а также упоминают о провозглашении председателя Мурманского краевого совета Юрьева врагом народа²⁰, что говорит о возможности получать и анализировать самую свежую информацию без сильных искажений. Однако продолжали воспроизводиться рассуждения, игнорировавшие реальную ситуацию с территориальной и политической точек зрения.

Новостная газета города Воватоса из штата Висконсин “Wauwatosa news” от 12 июля²¹ 1918 года сообщает о создании новой республики с подробным первым открывающим заголовком: «Вологдаче вслед за Беломорским Государством создаёт новое правительство в Северной России» и вторым подзаголовком: «Новые республики в России» с тем же текстом, который использовался в первой упомянутой газете (от 5 июля), без изменений.

Не отставала от своих коллег-журналистов и аляскинская газета “The weekly Alaska citizen”²². В вышедшем 15 июля 1918 года номере информация подаётся как свершившийся 10 июля факт. Журналисты вновь ссылаются на амстердамские источники с названием «На Севере России появляется новая республика»: «Новая республика, созданная на севере России, огромна. Она простирается от Белого моря до азиатской границы. Принято название — Вологдачская Республика. Это сильное движение, заслуживающее серьезного внимания. Говорят, что оно симпатизирует союзническому делу, но которое в первую очередь заинтересовано в формировании собственного сильного правительства. После получения независимости Финляндия сделала первый шаг к присоединению к Германии²³ и тем самым дала лидерам дополнительные причины думать, что Вологдаче является другом союзников».

Авторы здесь вообще не упоминают Беломорскую Республику и говорят ещё о формировании правительства, что можно толковать как продолжительный процесс. Более того, они упоминают об альянсе Германии и Финляндии, то есть, скорее всего, смогли изучить ранее указанные заметки шведской прессы, в которых сообщалось о финско-немецкой угрозе. Следовательно, авторы правильно определили направление общей деятельности белых властей Севера, но, как и остальные СМИ, ошиблись с информацией о республиках.

Газета округа Вайлас штата Висконсин под названием “Vilas County news”²⁴ 17 июля публикует небольшой текст с заголовком: «США противостоят военной помощи русским»²⁵ и подзаголовками: «Союзники должны сокрушить гуннов во Франции первыми. Ослабнет ли Западный фронт. Две новых республики созданы», где повторяется текст самой первой публикации “The Idaho Springs siftings-news”, поднявшей эту тему, а датой создания республик обозначено 11 июля.

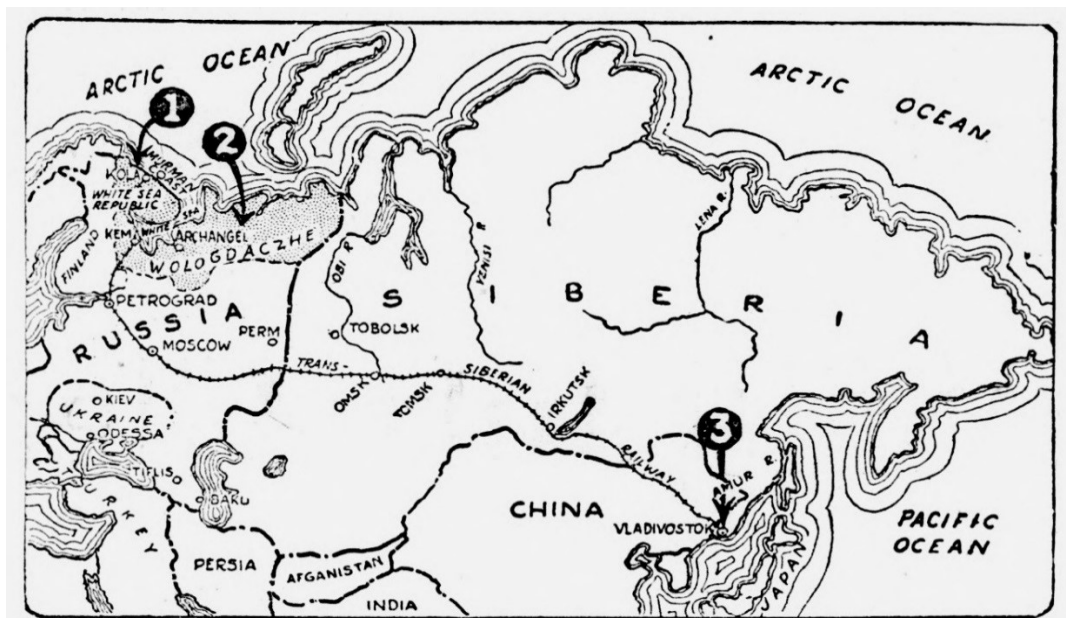
Ричмондская газета “The Richmond palladium and sun-telegram”²⁶ в выпуске от 15 июля уже предлагает другой уровень аналитики. Текст колонки «В России почти за ночь родилось три новых правительства» впервые снабжён картой, на которой показана территория двух стран-фантомов.

Журналистский текст, сопровождавшийся картой (рис.), был следующим: «Почти за ночь в России сформировалось три новых правительства. Все они настроены просоюзнически, и все против того, чтобы большевики контролировали Россию.

(1) Цифра на карте обозначает Беломорскую республику со столицей в Коле. Большое количество военных припасов, отправленных в Россию в прошлом году союзниками, но так и не перемещённые, находятся на Кольском полуострове и охраняются военно-морскими силами союзников. Эти припасы предлагается передать в руки армии Беломорской Республики, которая будет сражаться с немецко-финскими войсками, которые сейчас идут к побережью Мурмана.

(2) Обозначает республику Вологдаче со столицей в Архангельске.

(3) Владивосток — столица Сибирской Республики, основанной людьми, которые были активными членами первого Временного правительства России. Это новое Сибирское правительство заявляет, что его цель — создание Российской Республики с автономной Сибирью. Правительство отвергает Брест-Литовский договор и стремится восстановить российскую армию с конечной целью отправки новой армии против Германии. Он признает государственный долг России и готов нести его долю».

Карта с новыми отделившимися государствами. Республика Беломорье обозначается цифрой 1, Республика Вологдаче — цифрой 2. Границы между северными республиками проходят таким образом, что отмеченная на ней Мурманская железная дорога является одновременно границей фантомных государств, разделяя их между Кемским и Онежским уездами Архангельской губернии. Общие границы республик отмечены пунктирной линией, а их территория дополнительно выделена контрастным цветом. Газета “The Richmond palladium and sun-telegram”, 15 июля 1918 года

С одной стороны, эта информация даёт представление о сложившейся ситуации, но, с другой, при подробном изучении можно увидеть совершенно неправильное ее понимание. Под Беломорской Республикой автор заметки понимает Мурманский Край, то есть территорию Александровского и Кемского уездов, на карте это указано. Оба уезда отмечены в соглашении Мурманского краевого совета с союзниками от 6 июля в специальном примечании²⁷, что позволяет нам понять журналистскую мысль, ассоциирующую Беломорскую Республику с Мурманским Краем. При этом столицей новой республики на карте считается Кола, а не Мурманск. Полноценной армией государственного образца Мурманский Край тоже не обладал, хотя уже тогда существовал как Славяно-Британский регион, так и формирования на уровне ополчения — так называемая «Русская Мурманская армия», по сути своей, просто все солдаты на территории Мурманского Края, так как официально его армия была создана 1 августа 1918 года [4: 54] за день до провозглашения Северной Области на территории бывшей Архангельской губернии.

Что же касается Вологдаче, то здесь журналист обозначил столицей Архангельск, а территорией нового государства — всю Архангельскую губернию, но без территорий Кемского и Александровского уездов. Тем самым автор предвосхитил появление Северной области, только в «урезанном» виде. Эта же статья без каких-либо изменений продублирована в газете “Grand Forks herald”²⁸ за 22 июля.

В рубрике «Истории недели» нью-йоркской газеты “The Independent”²⁹ от 27 июля была напечатана небольшая статья, озаглавленная «Под Северной Звездой» (“Under the North Star”), описывающая события на Севере России. В тексте упоминается Мурман, контролируемый союзниками, и то, что новые власти Кольского полуострова отвергнуты большевиками. Есть там информация и о новом государстве: «Большевистские власти также приказали арестовать нескольких чиновников местного самоуправления в Архангельске. К востоку от Белого моря, на крайнем северо-востоке европейской части России, была создана еще одна новая республика, воспевающая благозвучное название Вологдачская республика».

В августе 1918 года информация о «новых республиках» тоже никуда не исчезла. Кноксвилльское СМИ “The Knoxville independent”³⁰ в колонке «Две новые республики для Русской Арктики. Вологдате следует за Беломорьем и простирается до азиатских границ» повторяет информацию из заметки начала июля от “The Idaho Springs siftings-news”.

В выпуске “Los Angeles Herald”³¹ за 14 августа наличествует газетная полоса с заголовком: «Россия из-за внутренних разногласий распадается от единой нации в состояние полного хаоса». Авторская колонка журналиста Флойда МакГриффа описывает все происходящие события на момент августа 1918 года. Не была проигнорирована и информация о Севере России: «Дружественная союзникам Беломорская республика была провозглашена, а также было создано другое новое государство, называемое Вологдачской республикой, включающее северо-восток России от побережья Белого моря до азиатской границы и симпатизирующее Антанте. Союзники контролируют Мурманское побережье, населенное саамами». Эта же статья без изменений была помещена Флойдом МакГриффом в газету “Baxter Springs news”³² от 23 августа 1918 года. Однако если 3 августа всё было не столь очевидно в анализе событий на Русском Севере, то 23 августа можно бы понять обстановку, ибо, как мы уже упоминали, журналисты имели возможность анализировать самые свежие политические события на текущий момент.

Например, печатное издание из Нью-Йорка “The Sun” в обширной статье под названием «Стратегическое значение Мурманского берега»³³ за 11 августа вполне подробно описало сложившуюся на Севере России ситуацию: журналисты писали о важности северной территории в качестве незамерзающего порта; описывали рельеф Кольского полуострова; основываясь на российских источниках, сообщили о том, что «большевизм был свергнут в Архангельске и на остальной территории провинции контрреволюционерами, которые установили правительство, дружественное противникам Германии, и они готовы установить полные отношения с ними»³⁴. Однако никаких фактов о Республике Вологдате и Беломорской Республике, массово используемых до этого, не было упомянуто. И если мы будем рассматривать информацию в СМИ о военно-политической обстановке на Севере за тот период без привязки к «новым республикам», то можно предположить иную информационную картину.

В дальнейшем какие-либо упоминания о двух созданных журналистами государственных образованиях отсутствуют вовсе. Они более не существуют в контексте Гражданской войны или взаимодействия с союзными силами на Русском Севере. Лишь после завершения Первой мировой войны в различных газетах появляется летопись Мировой войны. В висконсинской газете “Wausau pilot” выходит составленный И. В. Пикардом «календарь» событий. Информационный дайджест гласит: «События года вкратце. Полный разгром Центральных держав в Мировой войне отмечает эпоху в истории. Даты падения тевтонцев³⁵. Двенадцать месяцев окончились, и лидеры победивших наций собрались для установлений условий мира — также другие и внутренние события»³⁶. Среди всего списка дат указывается: «По сообщениям 7-ого июля 1918 года в России были созданы Беломорская республика и Республика Вологдате»³⁷. Та же информация о провозглашении республик в летописях Первой мировой без изменений текста появилась одновременно 3 января в газетах “Vernon County censor”³⁸, “Fulton County tribune”³⁹, “The Aberdeen weekly”⁴⁰ и “New Mexico State Record”⁴¹ города Санта-Фе штата Нью-Мексико.

Заключение

Таким образом, вся история двух несуществующих республик уместилась в период с июля 1918 по январь 1919 года, а активные упоминания в периодической печати этих территорий закончилось уже в августе 1918, уступив место другим новостям с Русского Севера. Меньше чем за неделю с момента прекращения взаимодействия между властями Мурмана и Центральным большевистским правительством в прессе США и Западной Европы был сформирован политический стереотип о двух новых республиках, которые:

- отделились от России;
- имеют различные административно-территориальные границы;
- обе со всей своей территорией простираются от Севера до «азиатской границы»;
- поддерживаются союзническими войсками.

Эти тезисы присутствуют во всех публикациях, что говорит об общем их информационном фоне. Причём главную роль тут играли не какие-либо заявления официальных лиц или представителей Севера России, нормативно-правовые акты или сообщения послов. Газеты сами стали субъектом распространения определенных данных, опорой информационной стереотипизации, закрепив все эти термины, мысли, слова и рассуждения в сознании обывателей, специалистов и политиков. Безусловно, влияние журналистов огромно, ведь «средства массовой информации активно внедряют в сознание людей стереотипы — стандарты поведения, социальные мифы, политические иллюзии.» [8: 90]. С этим утверждением нельзя не согласиться.

Вместе с тем ничто не свидетельствует о намеренной дезинформации для достижения актуальных на тот момент военно-политических целей в рамках информационной войны, так как никто среди журналистов не ставил такой цели (еще раз подчеркнем доступность своевременной и, главное, адекватной информации для авторов публикаций). Скорее, главную роль здесь сыграли погоня за «волнующими» фактами и желание поскорее рассказать о новой политической реальности в России своим читателям, не затрудняясь верификацией найденной информации при наличии в сознании самих газетных обозревателей общего понимания ситуации на Русском Севере.

Список сокращений

Мурманский Краесовет — Мурманский краевой Совет рабочих и солдатских депутатов

СМИ — средства массовой информации

США — Соединённые Штаты Америки

Примечания

¹ Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане: сборник документов и материалов // Партийн. арх. Мурман. обкома КПСС, Арх. отд. Мурман. облисполкома, Гос. арх. Мурман. обл. / сост. А. С. Мошкин (ред.) и др. Мурманск: Кн. изд-во, 1960. С. 146–147.

² Государственное областное казённое учреждение «Государственный архив Мурманской области» (ГОКУ ГАМО). Ф. Р478. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

³ Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане: сборник документов и материалов. Мурманск: Кн. изд-во, 1960. С. 217–221.

⁴ The Idaho Springs siftings-news. Idaho Springs, Colo. Friday, July 5, 1918. Vol. 14. P. 8. В текущем исследовании средства массовой информации из США за период июль 1918 года – январь 1919 года без указания URL-источника взяты с интернет-ресурса «Хроники Америки» (англ. Chronicling America), предоставляющем удалённый информационный доступ к историческим газетам. Ресурс был создан при партнёрстве Национального фонд гуманитарных наук (англ. National Endowment for the Humanities) и Библиотеки Конгресса (англ. Library of Congress) Соединённых Штатов.

⁵ В оригинале англ.: “White Sea Republic”.

⁶ В оригинале англ.: “Wologdaczhe Republic”.

⁷ The Daily Ardmoreite. A Newspaper of Character. Ardmore, Oklahoma, Wednesday, July 10, 1918. Vol. 25. No. 277. P. 1.

⁸ Гунны — уничижительное прозвище для немцев, используемое Антантой в годы Первой мировой войны.

⁹ The Seward gateway Daily Edition, and the Alaska weekly post. Seward, Alaska, Wednesday, July 10, 1918. Vol. XI. Number 371. P. 1.

¹⁰ The Arizona Republic. An Independent Progressive Journal. Twenty-Ninth Year, Phoenix, Arizona, Wednesday Morning, July 10, 1918. Vol. XXIX. No. 48. 1 p.

¹¹ В оригинале англ.: “New republic in Russia”.

¹² San Jose Mercury-news, Vol. XCV, Number 10, 10 July. 1918. P. 1.

¹³ В оригинале не используется ни “Russian” — русские, ни “Russia” — Россия, а сокращённо: “russ” — Россия, русские.

¹⁴ В оригинале на английском языке именно “nations” — народы, нации.

¹⁵ The Daily News. Vol. 15. No. 76. Nelson, B. C., Wednesday Morning, July 10, 1918. P. 2.

¹⁶ Leidsche Courant. 9e Jaargang. Woensdag. 10 juli 1918. No. 2663. P. 1 // Historische Kranten, Erfgoed Leiden en Omstreken. URL: <https://leiden.courant.nu/issue/LC/1918-07-10/edition/0/page/1> (дата обращения: 10.10.2022).

¹⁷ La Belgique: journal des réfugiés. Mercredi 10 Julliet 1918. 4me Annee. No. 225. P. 1. // News of the Great War. Het Archief. URL: <https://nieuwsvandegrooteoorlog.hetarchief.be/fr/pid/sb3ws8jg11> (дата обращения: 10.10.2022).

¹⁸ Evening journal. Thirty-first year. No. 31. Wilmington, Delaware. Thursday, July 11, 1918. P. 7.

- ¹⁹ В оригинале англ.: «White Sea and Vologda Regions»
- ²⁰ Evening journal. Thirty-first year. No. 3. P. 7.
- ²¹ Wauwatosa news. Vol. XX. No. 22. Wauwatosa, Wis., July 12, 1918. P. 2.
- ²² The weekly Alaska citizen. Vol. XI. No. 21. Fairbanks, Alaska, Monday morning, July 15, 1918. P. 8.
- ²³ Здесь имеется ввиду присоединение в качестве союзника Германии.
- ²⁴ Vilas County news. Twenty-sixth year. No. 5. Eagle River, Villas Co., Wednesday, July 17, 1918. P. 2.
- ²⁵ В этом случае идёт речь о помощи со стороны Германии, так как Великобритания, Франция и США считали большевиков союзниками немцев.
- ²⁶ The Richmond palladium and sun-telegram. Vol. XLII. No. 209. Richmond, Ind., Monday Evening, July 15, 1918. P. 9.
- ²⁷ Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане: сборник документов и материалов. Мурманск: Кн. изд-во, 1960. С. 218.
- ²⁸ Grand Forks herald. North Dakota's Greatest Newspaper. Vol. 13, no. 193. Grand Forks Herald, Monday, July 22, 1918. P. 9.
- ²⁹ The Independent with which is incorporated Harper's Weekly. 119. West Fortieth Street, New York. Independent Corporation. July 27, 1918. P. 112. // Internet Archive. Digital library. URL: <https://archive.org/details/independen95v96newy/mode/2up> (дата обращения: 10.10.2022).
- ³⁰ The Knoxville independent. Vol. XXIV. No. 42. Knoxville tennessee. Saturday. Aug 3 1918. Whole number 1238. P. 1.
- ³¹ Los Angeles Herald, Vol. XLIII, no. 245, 14 August 1918. P. 14.
- ³² Baxter Springs news. Vol. XXXVII Baxter Springs, Cherokee County, Kansas, Friday, August 23, 1918. No. 29. P. 2.
- ³³ The Sun. Vol. LXXXV. No. 345. New Your, Sunday, August 11, 1918. P. 40.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Тевтонцы — пропагандистское прозвище немцев в годы Первой мировой войны.
- ³⁶ Wausau pilot. E. B. Thayer. Editor and Prop. Vol. LIV. No. 8. Tuesday, December 31, 1918. P. 1.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Vernon County censor. Vol. LXIII. No. 1. Viroqua, Wisconsin. January 1, 1919. P. 6.
- ³⁹ Fulton County tribune. Vol. XXXV. No. 39. Wauseon, Ohio, Friday, January 3, 1919. P. 2.
- ⁴⁰ The Aberdeen weekly. Vol. 40. No. 30. Aberdeen, Miss., January 3, 1919. P. 3.
- ⁴¹ New Mexico State Record. Number 222. Santa Fe, New Mexico, Friday, January 3, 1919. P. 2.

Список источников

1. Киселев А. А., Климов Ю. Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск: Кн. изд-во, 1977. 224 с.
2. Журавлев П. С. Регионализм и политическая децентрализация на Европейском Севере России в годы революции и гражданской войны. 1917–1920. дисс... канд. истор. наук. Архангельск: Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2002. 215 с.
3. Беломорско-Онежская республика // Альманах «Белая гвардия». М.: Посев, 2006. № 9. С. 35.
4. Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М.: Изд-во МГУ, 1993. 200 с.
5. Lyytinen E. Finland in British Politics in the First World War // Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Helsinki: Suomalaisen Tiedeakatemia Toimituksua. 1980. Vol. 207. 219 p.
6. Новейшая история России в 2 ч. Ч. 1. 1914–1941: учебник для вузов. М. В. Ходяков [и др.]; под ред. М. В. Ходякова. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2020. 270 с.
7. Вологда в годы революционных потрясений и Гражданской войны // Информационный проект «Город Насонь». URL: <https://nason.ru/godipotryaseniю> (дата обращения: 28.09.2022).
8. Попова В. О., Балезина Е. А. Роль средств массовой информации в формировании стереотипов массового сознания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. № 2. С. 88–94.

References

1. Kiselev A. A., Klimov Yu. N. *Murman v dni revolyucii i grazhdanskoj vojny* [Murman in the days of revolution and civil war]. Murmansk, Murmansk book publishing house, 1977, 221 p. (In Russ.).
2. Zhuravlev P. S. *Regionalizm i politicheskaya decentralizaciya na Evropejskom Severe Rossii v gody revolyucii i grazhdanskoj vojny* [Regionalism and political decentralization in the European North of Russia during the years of Revolution and Civil war. 1917–1920.: diss. ... cand. sci. (History)]. Archangel, Pomor State University named after M. V. Lomonosov, 2002, 215 p. (In Russ.).
3. Belomorsko-Onezhskaya respublika [White Sea-Onega Republic]. *Al'manah "Belaya gvardiya"* [Almanac "White Guard"]. Moscow, Posev, 2006, no. 9, pp. 35. (In Russ.).
4. Goldin V. I. *Intervenciya i antibol'shevistskoe dvizhenie na Russkom Severe. 1918–1920* [Intervention and anti-Bolshevik movement on the Russian North. 1918–1920]. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 1993, 200 p. (In Russ.).
5. Lyytinen E. Finland in British Politics in the First World War. *Annales Academiae Scientiarum Fennicae*. Helsinki, Suomalaisen Tiedeakatemia Toimituksua, 1980, vol. 207, 219 p.
6. *Novejshaya istoriya Rossii v 2 ch. Ch. 1. 1914–1941* [The latest history of Russia in 2 parts. Part 1. 1914–1941]. Moscow, Yurayt Publishing House, 2020, 270 p. (In Russ.).
7. *Vologda v gody revolyucionnyh potryasenij i Grazhdanskoj vojny* [Vologda during the years of revolutionary turmoil and the Civil War]. *Informacionnyj proekt "Gorod Nason"* [Information project "City of Nason"]. (In Russ.). Available at: <https://nason.ru/godipotryaseniy> (accessed: 28.09.2022).
8. Popova V. O., Balezina E. A. Rol' sredstv massovoj informacii v formirovanii stereotipov massovogo soznaniya [Role of mass media in formation of stereotypes of mass consciousness]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Series Philosophy. Psychology. Sociology], 2015, no. 2, pp. 88–94. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. О. Сушко — аспирант, старший лаборант сектора формирования цифровой информации.

Information about the author

E. O. Sushko — Postgraduate Student, Senior Laboratory Assistant of the Digital Information Generation Sector.

Статья поступила в редакцию 25.09.2022; одобрена после рецензирования 05.10.2022; принята к публикации 10.10.2022.
The article was submitted 25.09.2022; approved after reviewing 05.10.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Научная статья
УДК 908+614.2
doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.015

ОБ ИСТОРИИ БОЛЬНИЦЫ КОЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Алла Александровна Мартынова¹, Светлана Викторовна Асминг²

¹ Научно-исследовательский центр медико-биологических проблем адаптации человека в Арктике Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Россия, martynovaalla@medknc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0701-8698>

² Кольский филиал Единой геофизической службы Российской академии наук, Апатиты, Россия, asming@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2766-1066>

Аннотация

В хронологическом порядке приводятся сведения о становлении больницы КНЦ РАН в городе Апатиты — от создания в 60-х годах XX века до настоящего времени. Приводятся биографические сведения о ее работниках, в том числе врачах и медицинских сестрах, внесших значительный вклад в развитие системы здравоохранения города и области. Освещены основные факты и обстоятельства создания и реорганизации больницы КНЦ: от простого медпункта при Кольском филиале Академии наук СССР до современного Научно-исследовательского центра медико-биологических проблем адаптации человека в Арктике КНЦ РАН (НИЦ МБП ФИЦ КНЦ РАН). Представлены основные направления работы НИЦ МБП ФИЦ КНЦ РАН на сегодняшний день.

Ключевые слова:

история, медицина, больница, Апатиты, Кольский научный центр, Мурманская область

Благодарности:

Авторы благодарят коллектив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН за предоставление информации для написания статьи. Отдельная благодарность — врачу-урологу стационара и ультразвуковой диагностики Е. Г. Смирновой.

Для цитирования:

Мартынова А. А., Асминг С. В. Об истории больницы Кольского научного центра Российской академии наук // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 159–167. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.015

Original article

ABOUT THE HISTORY OF THE KOLA SCIENCE CENTRE HOSPITAL

Alla A. Martynova¹, Svetlana V. Asming²

¹ Research Centre for Human Adaptation in the Arctic — Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”, Apatity, Russia, martynovaalla@medknc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0701-8698>

² Kola Branch of Geophysical Survey of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, asming@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2766-1066>

Abstract

The information about the formation of the Kola Scientific Center of RAS hospital in Apatity is presented in chronological order — from its creation in the 1960s to the present time. Biographical data about the hospital staff, including doctors and nurses, who have made a significant contribution to the development of the health care system of the city and region, is given in the article. The main facts and circumstances of the creation and reorganization of the KSC hospital are highlighted: from simple infirmary at Kola Branch of the USSR Academy of Sciences to the modern scientific research center of medical and biological problems of human adaptation in the Arctic of KSC RAS (RCHAA KSC RAS). The main directions of the work of RCHAA KSC RAS at the present day are presented.

Keywords:

history, medicine, hospital, Apatity, Kola Science Centre, Murmansk region

Acknowledgments:

the authors would like to thank the staff of the RCHAA KSC RAS hospital for providing information for this article. Special thanks to the hospital urologist and ultrasound surgeon E. G. Smirnova.

For citation:

Martynova A. A., Asming S. V. About the history of the Kola science center hospital // Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities. 2022. Vol. 1, No. 1. P. 159–167. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.015

Жизнь и успешная работа человека неразрывно связана с его здоровьем. Поэтому забота о здоровье населения всегда являлась одной из основных задач не только государства, но и работодателя. Особенно важно это для людей, проживающих на арктических территориях. Сейчас мы и представить себе не можем отсутствия доступной медицинской помощи, хотя бы первичного звена.

В конце 1920 – начале 1930-х годов началось активное исследование районов Крайнего Севера. Открытие крупных месторождений полезных минералов на Кольском полуострове способствовало созданию Хибинской горной станции Академии наук, которая впоследствии (в 1934 году) переросла в Кольскую базу Академии наук СССР¹, а в 1949 году — в Кольский филиал Академии наук (КФАН) СССР², в состав которого вошли 2 института (геологический и биологический), 2 отдела (экономики и гидроэнергетики), научная библиотека и административно-хозяйственные отделы.

В связи с развитием КФАН у его руководства возникает необходимость организации собственной медицинской помощи сотрудникам и членам их семей. Поэтому в начале 1960-го года было принято решение о создании собственного *медпункта*³. Медпункт расположился в пристройке жилого здания — одного из домиков Академического городка.

Первыми сотрудниками медпункта стали медсестра Глибина Зоя Савватьевна (с 21.12.1960⁴) и терапевт Волкова Ирина Леонидовна (с 18.09.1961)^{5, 6}. Он обслуживал 637 человек. Работа в медпункте в то время была ненормированной — приёмы проводились в любое время суток, в том числе в выходные и праздничные дни. Помимо лечения и ведения пациентов, его работники осуществляли медицинские осмотры и допуски сотрудников к полевым условиям, проводили мониторинг здоровья тех, у кого имелись вредные факторы труда на рабочем месте.

Зоя Савватьевна Глибина (рис. 1) переехала на Север вместе со своим мужем в 1957 году. Вначале они жили в Кировске, она работала в Кировской городской больнице, а муж — в Кольском филиале АН в Апатитах. В 1958 году им дают комнату в квартире дома №16 на улице Ферсмана, и уже в сентябре 1960 года она переходит работать в медпункт при Кольском филиале АН. Зоя Савватьевна выполняла большой объем работ: работала с терапевтом и зубным врачом, делала процедуры в поликлинике и на дому, занималась ведением документации, обеспечением здравпункта лекарственными препаратами. Долгое время была медсестрой кабинета функциональной диагностики. За 38 лет трудовой биографии она стала работником высшей категории, была отмечена знаком «Отличник здравоохранения», званием «Ветеран труда» и множеством поощрений за добросовестный труд⁷.

Рис. 1. Первая медсестра больницы — З. С. Глибина (годы работы: 1960–1998). Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН

Ирина Леонидовна Волкова (рис. 2 и 3) переехала на Север в 1958 году также вместе с мужем, который работал в Кольском филиале АН (КФАН) СССР. Первое время по приезде она работала врачом-терапевтом в медсанчасти рудника им. С. М. Кирова и участковым терапевтом больницы Кировского района. В сентябре 1960 года она перешла в медпункт и начала работать семейным врачом, оказывая необходимую медицинскую помощь не только взрослым, но и детям. За 57 лет работы Ирина Леонидовна активно участвовала в развитии и расширении медпункта, одной из первых стала заниматься вопросами акклиматизации человека на Севере. Ей было присвоено звание «Заслуженный врач России», она была награждена значком «Отличнику здравоохранения», медалями «Ветеран труда» и «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

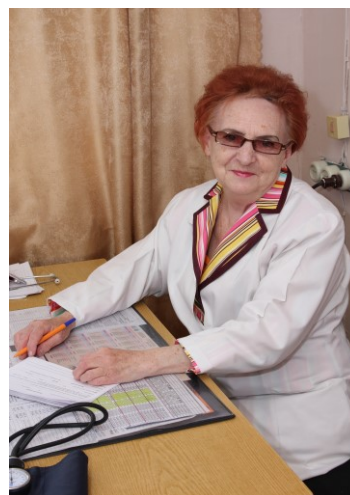

Рис. 2. На приеме, начало 1970-х годов. Заслуженный врач России И. Л. Волкова. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН
Рис. 3. На приеме, 2015 год. Заслуженный врач России И. Л. Волкова. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН

В 1962 году медпункт был перенесен в более просторное помещение в пристройке дома № 18 на улице Ферсмана и переименован в *здравпункт*⁸. В том же году на ставку педиатра были приняты фельдшер по образованию Анна Георгиевна Денисова и медсестра Вера Ивановна Журавлева, которая проработала в больнице более 20 лет (1962–1987 годы). В здравпункте теперь числилось 4 врача и 4 медсестры, которые обслуживали более 1300 человек.

Свыше 40 лет проработала в больнице фельдшер Зинаида Васильевна Соколова. Она начала здесь свою деятельность в 1963 году в качестве патронажной медсестры и акушерки, а с введением в эксплуатацию в 1970-х годах нового здания больницы перешла в приёмный покой⁹. За 42 года работы она получила знак «Отличник здравоохранения» и звание «Ветеран труда».

В 1964 году по распоряжению Президиума АН СССР № 43-900 от 13 мая¹⁰ здравпункт был переименован в *медсанчасть*, заведующей была С. Ф. Логинова. В том же году в состав медсанчасти вошли процедурный и физиотерапевтические кабинеты, а также биохимическая лаборатория. На работу в физиотерапевтический кабинет была принята Серафима Абрамовна Федорова. В период организации работы биохимической лаборатории на добровольных началах помогала Алла Александровна Иванова. Большую организационную помощь в работе стационара оказывала старшая медсестра Зоя Евгеньевна Кузнецова.

В 1965 году заведующей медсанчастью была назначена Екатерина Иннокентьевна Фролова. В то время организация активно развивалась: был приобретен новый медицинский инструментарий, усовершенствовалась зубоветеринарная помощь, увеличилось число штатных единиц медицинского персонала. В двухкомнатной квартире жилого дома была открыта новая амбулатория, в которой вели приём больных теперь 2 терапевта, педиатр и стоматолог, открылся также кабинет функциональной диагностики¹¹. Старшей медсестрой медсанчасти в тот период работала Зинаида Александровна Кожина, помимо этого, она выполняла обязанности участковой медсестры, а с февраля 1981 года работала главной медсестрой больницы. За более чем 40 лет своей работы (26.11.1965 по 25.12.2006) она получила звания «Заслуженный работник здравоохранения», «Ветеран труда» и знак «Отличник здравоохранения»¹². В 1965 году медсанчасть уже обслуживала 1365 сотрудников КФАНа.

В 1966 году заведующим стал Е. В. Маневич, в мае этого же года для улучшения обслуживания населения на первом этаже приспособленного селикальцитного домика (д. 22а, Академический городок) был открыт стационар на 25 коек (рис. 4). Позже в нём расположилась клинично-биохимическая лаборатория. В штатном расписании к тому времени числилось 36 единиц медперсонала (рис. 5)¹³. Сотрудники больницы активно осваивали смежные специальности, новые методики лечения и диагностики. В 1968 году к обязанностям участкового врача-терапевта приступила Марина Андреевна Зарубина, она проработала в больнице более 35 лет (30.09.1968–29.09.2006), ей было присвоено звание «Ветеран труда».

Рис. 4. Первый стационар больницы, д. 22а, Академический городок. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН

Рис. 5. Медперсонал в 1960-е годы. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН

В 1970 году медсанчасть возглавил Эдуард Никитич Бунятов. Под его руководством был составлен и утвержден план новой больницы, а сотрудники стали принимать участие в научно-практических конференциях с докладами по медицине.

В 1971 году руководителем медсанчасти и главным врачом был назначен Алексей Георгиевич Труфанов (рис. 6). В период его руководства в 1975 году было построено и введено в эксплуатацию новое здание больницы с поликлиникой. Он принимал участие в организации пионерского лагеря и профилактория при КФАН СССР. В тяжелые «перестроечные» годы (особенно в конце 1990-х годов), когда не стало ассигнований на оборудование, «заморозили» строительство нового корпуса больницы, сократились затраты на здравоохранение Алексею Георгиевичу удалось не только сохранить медицинский персонал, но и не снизить уровень обеспечения ученых бесплатной квалифицированной медицинской помощью. Продолжить проводить всеобщую диспансеризацию, сохранить кабинет профилактики. Ему удалось наладить тесную связь медицины с разными отраслями науки не только в пределах Кольского научного центра (ранее КФАН), но и с другими центрами и зарубежными северными соседями. Сотрудники принимали участие в международных научных мероприятиях. На посту главного врача Алексей Георгиевич находился 36 лет. Ему было присвоено звание «Заслуженный врач России»⁹.

Рис. 6. Главный врач больницы КНЦ с 1971 по 2007 годы — заслуженный врач России А. Г. Труфанов. Встреча А. Г. Труфанова с коллективом больницы, середина 1980-х годов

В 1972 году утверждается план новой больницы с поликлиникой (рис. 6), а в 1974 году согласно Распоряжению Президиума АН СССР №39-4¹⁴ от 3 января медико-санитарная часть Кольского филиала Академии наук СССР была переименована в *больницу с поликлиникой Кольского филиала АН СССР*.

В 1975 году согласно Распоряжению Президиума АН СССР №10133-58¹⁵ было введено в эксплуатацию новое здание больницы по адресу: Академический городок, д. 58а. Больница была рассчитана на 50 коек в стационаре и 300 посещений поликлиники в день. С вводом новой больницы появилась возможность увеличить штат персонала за счет большого количества молодых специалистов. Медицинское учреждение было в состоянии оказывать все виды необходимой медицинской помощи как в стационарных условиях, так и в поликлинике¹⁶. Приоритетом развития стало как можно более полное удовлетворение потребностей сотрудников КФАН и членов их семей в медицинской помощи на современном уровне, с использованием новейших достижений медицины.

В состав больницы вошли стационар с терапевтическим и хирургическим отделениями по 25 коек в каждом, детская и взрослая поликлиники, отделение физиотерапии, стоматологический кабинет, рентгенологический кабинет, кабинеты ультразвуковой (УЗИ) и функциональной диагностики, клинично-биохимическая лаборатория, впоследствии переименованная в клинично-диагностическую лабораторию (КДЛ)¹⁷.

В терапевтическом отделении палаты теперь были одно-, четырёхместными, улучшились санитарные условия и добавлена палата интенсивной терапии, оснащённая необходимыми средствами для диагностики и оказания экстренной помощи.

Хирургическое отделение проводило как плановые, так и urgentные хирургические операции (рис. 7): операции на желудочно-кишечном тракте, в том числе резекцию желудка; операции на желчевыводящих путях и в области мочевыделительной системы; на сосудах нижних конечностей; гинекологические и ЛОР-операции. Кроме того, пациентам оказывалась неврологическая помощь.

В поликлиническое отделение входили 6 терапевтических участков (рис. 8) и кабинеты узких специалистов: гинеколога, невропатолога, хирурга, окулиста, отоларинголога, дерматолога, психоневролога и стоматолога (позже стоматологический кабинет перерос в стоматологическое и зубопротезное отделение). Кабинеты были оснащены всем необходимым для диагностики и оказания помощи на данном этапе времени.

Рис. 7 Плановое оперативное вмешательство: оперирует врач В. С. Михалев. Фотография из архива больницы НИЦ МБП КНЦ РАН

Рис. 8. На приёме у терапевта. Фотография из архива больницы НИЦ МБП КНЦ РАН

В кабинете функциональной диагностики, наряду с обычными методами обследования, такими, как электрокардиография, спирография, электроэнцефалография, применяли новые методики — велоэргометрию, реографию и реоэнцефалографию. Рентгенологический кабинет был оборудован новейшей аппаратурой. Постоянно расширялась диагностика с внедрением новых методик (метод двойного контрастирования, дуоденография и др.).

В физиотерапевтическом кабинете постоянно внедрялись новые методики и разработки, был налажен тесный контакт со всеми специалистами. Имелась барокамера.

Клинико-диагностическая лаборатория выполняла весь необходимый спектр лабораторных исследований для диагностики (рис. 9). Сотрудники постоянно совершенствовали свои знания на базе ведущих институтов и клиник.

Рис. 9. В процедурном кабинете: забор крови из пальца. Фотография из архива больницы НИЦ МБП КНЦ РАН

Детское отделение включало 5 педиатрических участков. С момента рождения ребёнка помощь максимально осуществлялась на дому. В работе детского отделения преобладало профилактическое направление.

В 1988 году согласно Постановлению № 1113 Академии наук СССР от 27 сентября¹⁸ Кольский филиал Академии наук СССР был переименован в Кольский научный центр АН СССР.

В 1991 году согласно Распоряжению Президиума академии наук № 10103-790 от 04 декабря¹⁹ была организована Российская академия наук (РАН), как преемница Академии наук СССР. В соответствии с Указом Президента РСФСР¹⁵ «Об организации Российской Академии наук» научные учреждения, находящиеся в составе Академии наук СССР, в том числе и КНЦ АН, были переданы в Российскую академию наук²⁰.

В 2000 году Постановлением Президиума РАН № 297 от 26 декабря больница с поликлиникой КНЦ РАН была переименована в больницу КНЦ РАН²¹. В это время штат больницы уже насчитывал 58 врачей по 17 специальностям и 117 средних медицинских работников, 16 сотрудников больницы имели знак «Отличник здравоохранения».

Несмотря на тяжёлые времена для здравоохранения, руководством больницы и КНЦ РАН были приложены все усилия для оказания медицинских услуг на должном уровне. Президиум КНЦ РАН помог получить новое помещение — на базе ликвидированного детского сада по адресу Академгородок, улица Ферсмана, 41а — и выделил средства на ремонт здания. В нем разместились детская поликлиника, стоматологическое отделение, отделение восстановительного лечения и клинико-диагностическая лаборатория, окулисты и гинекологи.

В 2007 году по Постановлению Президиума Российской академии наук № 274 от 18 сентября больницу КНЦ РАН переименовывают в Учреждение Российской академии наук Больницу КНЦ РАН²². Главным врачом больницы назначают Татьяну Борисовну Новикову (рис. 10).

В 2012 году по очередному Постановлению Президиума РАН от 13.12.2011 года № 262 «Об изменении типа учреждений, подведомственных Российской академии наук, и их переименовании» Учреждение Российской академии наук Больница КНЦ РАН была переименована в Федеральное государственное бюджетное учреждение здравоохранения Больницу КНЦ РАН²³. Несмотря на тяжёлые времена, которые в это время переживала больница, признанное профессиональное мастерство и высокая культура врачей, медицинских сестёр, всех подразделений и служб больницы КНЦ РАН сохранило высокий уровень оказания медицинских услуг (рис. 11).

В августе 2015 года исполняющей обязанности главного врача больницы была назначена Людмила Фёдоровна Бойкова. В этом же году 14 июля в соответствии с Приказом Федерального агентства научных организаций России (ФАНО России) № 337 от 30 июня 2015²⁴ больница была присоединена к Федеральному государственному бюджетному учреждению науки КНЦ РАН путем реорганизации, а 8 сентября 2015 года Постановлением Президиума ФГБУН КНЦ РАН № 02/1²⁵ она

уже в юридическом статусе структурного подразделения Филиала КНЦ РАН была интегрирована путем объединения с отделом «Медико-биологических проблем адаптации человека в Арктике» в *Научно-исследовательский центр медико-биологических проблем адаптации человека в Арктике ФГБУН КНЦ РАН (НИЦ МБП КНЦ РАН)* с сохранением преемственности материального и кадрового потенциала и функций больницы КНЦ РАН.

Рис. 10. 16 Главный врач больницы КНЦ РАН с 2007 по 2015 годы — Т. Б. Новикова. Фотография из архива больницы НИЦ МБП КНЦ РАН

Рис. 11. Вырезка из газеты «Дважды два», № 8, от 20 февраля 2015 года. Фотография из архива больницы НИЦ МБП КНЦ РАН

В мае 2016 года больницу возглавила Людмила Анатольевна Стёпина. В сентябре 2016 года согласно записи в Едином государственном реестре юридических лиц № 2165190346814 Федеральное государственное бюджетное учреждение здравоохранения Больница КНЦ РАН прекратила свою деятельность²⁶.

Первым директором НИЦ МБП КНЦ РАН стал кандидат медицинских наук, врач анестезиолог-реаниматолог Владимир Владимирович Мегорский (рис. 12), заместителем по медицине и главным врачом — Людмила Анатольевна Стёпина.

Целью и предметом деятельности Центра стали организация и проведение фундаментальных, поисковых и прикладных научных исследований, внедрение достижений науки и передового опыта, получение и применение новых знаний по биологическим, физиологическим и медицинским наукам, направленных на изучение влияния арктической природной среды и ассоциированных агентов на здоровье человека; подготовка высококвалифицированных научных кадров, осуществление медицинского обслуживания населения Мурманской области с использованием инновационных технологий сохранения и укрепления здоровья²⁷. Основная задача Центра — повышение качества и продолжительности активной жизни населения Евро-Арктического региона.

С 17 декабря 2021 года директором НИЦ МБП КНЦ РАН стал член-корр. РАН, д. б. н. Владимир Константинович Жиров (рис. 13).

На сегодняшний день штат НИЦ МБП КНЦ РАН состоит из клинического и научного отделов, штатом в 145 человек, из них: 27 врачей, 56 сотрудников среднего и 5 младшего медицинского персонала, 12 научных сотрудников (в том числе 2 докторов и 4 кандидата наук).

Штат научного отдела насчитывает 12 научных сотрудников, в их числе и врачи из клинического отдела. Огромный вклад в развитие научного отдела внесла д. б. н. Наталья Константиновна Белишева. На момент создания НИЦ МБП ФИЦ КНЦ РАН она была руководителем отдела медико-биологических проблем адаптации человека в Арктике. С марта 2019 года Наталья Константиновна работает главным научным сотрудником НИЦ МБП КНЦ РАН.

Сотрудники научного отдела занимаются изучением интегративных эффектов и механизмов раздельного и комбинированного воздействия природных факторов арктической среды и сопутствующих агентов на организм коренного и приезжего населения, проживающего в Арктическом регионе; изучением особенностей минерального обмена в организме человека при комплексном воздействии природной и техногенной среды в условиях Арктики; изучением медико-биологических эффектов высокоширотного экстремального воздействия геокосмических агентов на организм человека

в условиях архипелага Шпицберген; оценкой распространенности и особенности течения хронического болевого синдрома (ХБС) у населения Арктической зоны как маркера «срыва» защитно-компенсаторных механизмов адаптационного синдрома и устойчивости организма к экстремальным воздействиям; разработкой новых «здоровье сберегающих технологий», ориентированных на особенности проживания в экстремальных условиях Арктики.

Рис. 12. Директор НИЦ МБП КНЦ РАН с 2016 по 2021 годы, к. м. н. В. В. Мегорский. Пресс-служба ФИЦ КНЦ РАН

Рис. 13. Директор НИЦ МБП КНЦ РАН с 2021 года по настоящее время, член-корр. РАН, д. б. н. В. К. Жиров. Пресс-служба ФИЦ КНЦ РАН

Клинический отдел состоит из стационара с дневным отделением — терапия и стационара круглосуточного пребывания — хирургия; взрослой поликлиники; клиничко-диагностической лаборатории; стоматологического отделения; кабинетов функциональной и ультразвуковой диагностики, рентгеновского кабинета. Операционная хирургического отделения оснащена современным оборудованием и является одной из лучших в Мурманской области. Клинический отдел активно принимает участие в научно-исследовательской работе.

Сохраняя лучшие традиции и опыт «академической» медицины советского периода, успешно сочетая их с новейшими диагностическими и терапевтическими технологиями, больница КНЦ РАН оказывала и продолжает оказывать медицинскую помощь практически по всем ведущим специальностям. Такое взаимодействие фундаментальной науки и прикладной медицины в рамках одной научной организации позволяет с использованием наукоемких технологий отвечать на современные вызовы в области социально-значимых проблем в здравоохранении Арктического региона РФ.

Список сокращений

- СССР — Союз Советских Социалистических Республик
- АН — Академия наук
- КФАН — Кольский филиал Академии наук
- РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- РАН — Российская академия наук
- КНЦ РАН — Кольский научный центр Российской академии наук
- ФГБУН — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
- НИЦ МБП КНЦ РАН — Научно-исследовательский центр медико-биологических проблем адаптации человека в Арктике Кольского научного центра Российской академии наук

Примечания

¹ История ФИЦ КНЦ РАН «Хибинская горная станция АН СССР (1930–1934)» URL: <https://www.ksc.ru/o-tsentre/istoriya/1930-1934-gornaya-stantsiya-an-sssr/> (дата обращения: 01.09.2022).

² История ФИЦ КНЦ РАН «Кольская база АН (КБАН) СССР (1934–1949)». URL: <https://www.ksc.ru/o-tsentre/istoriya/1934-1949-kolskaya-baza-an-sssr/> (дата обращения: 01.09.2022).

³ Историческая справка // Нач. отд. кадров Т. П. Болотова, 2010 г. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.

- ⁴ Список старейших работников больницы, 2009 г. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.
- ⁵ Приказ Кольского филиала АН СССР № 152-к от 23.09.1960 г. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.
- ⁶ Приказ Кольского филиала АН СССР № 207-к от 05.10.1961 г. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.
- ⁷ Бадушко Т. Первые лекари КФАНа. Вырезка из газеты от 24 августа 2006 г. № 34. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Список старейших работников больницы, 2009 г. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.
- ¹⁰ Распоряжение Президиума АН СССР № 43-900 от 13.05.1964. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.
- ¹¹ Труфанов А. Г. История развития медицинской службы в КНЦ и ее настоящее. Вырезка из газеты «Наука Заполярья» от 17 июня 2000 г. № 17. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.
- ¹² Список старейших работников больницы, 2009 г. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.
- ¹³ Историческая справка // Нач. отд. кадров Т. П. Болотова, 2010 г. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.
- ¹⁴ Распоряжение Президиума Академии наук СССР № 39-4 от 03.01.1974. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.
- ¹⁵ Распоряжение Президиума Академии наук СССР № 10133-58 от 13.01.1975. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.
- ¹⁶ Историческая справка 1964–1975 гг. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Постановление № 1113 Академии наук СССР от 27.09.1988 г. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.
- ¹⁹ Распоряжение Президиума Академии наук № 10103-790 от 04.12.1991. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.
- ²⁰ Указ Президента РСФСР № 228 от 21.11.1991. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.
- ²¹ Постановление Президиума РАН № 297 от 26.12.2000. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.
- ²² Постановление Президиума Российской академии наук № 274 от 18.12.2007. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.
- ²³ Постановление Президиума Российской академии наук от 13.12.2011 г. № 262 «Об изменении типа учреждений, подведомственных Российской академии наук, и их переименовании». Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.
- ²⁴ Приказ Федерального агентства научных организаций России (ФАНО России) от 30 июня 2015 года № 337. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.
- ²⁵ Постановление Президиума Федерального государственного бюджетного учреждения науки Кольского научного центра Российской академии наук от 08 сентября 2015 г. № 02/1. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.
- ²⁶ Запись в Едином государственном реестре юридических лиц от 16.09.2016 г. № 2165190346814. Архив больницы НИЦ МБП КНЦ РАН.
- ²⁷ Сайт НИЦ МБП КНЦ РАН. URL: <http://medknc.ru/science/napravleniya-deyatelnosti/> (дата обращения: 01.09.2022).

Информация об авторах

А. А. Мартынова — кандидат биологических наук, зав. научного отдела, старший научный сотрудник.
С. В. Асминг — кандидат биологических наук, ученый секретарь, научный сотрудник.

Information about the authors

A. A. Martynova — PhD (Biology), Head of Research Department, Senior Research Fellow.
S. V. Asming — PhD (Biology), Scientific Secretary, Research Associate.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 08.10.2022.
The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 08.10.2022.

Научная статья
УДК 39(=511.12)
doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.016

ХОЗЯЙСТВО КОЛЬСКИХ СААМОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ СТАТИСТИЧЕСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ)

Дарья Александровна Чаплыгина

*Государственный архив Мурманской области, Мурманск, Россия, dariabeattis@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0396-015X>*

Аннотация

Тема статьи находится на стыке таких актуальных направлений исторической науки, как история массовых источников и региональная история. Предметом исследования является хозяйство кольских саамов во второй половине XVIII века. Объектом — статистические ведомости 1764, 1784 и 1785 годов. Первые две ведомости введены в научный оборот сравнительно недавно, а третья стала известна еще в начале XX века. Анализ источников позволил выявить некоторые аспекты хозяйственного развития саамского населения уезда: ведущими отраслями хозяйства кольских саамов были рыбные и звериные промыслы, удельный вес которых мог варьировать в зависимости от природно-климатических условий; кольских саамов нельзя назвать традиционными оленеводами, поскольку оленеводство было представлено в виде не крупного скотоводческого хозяйства, выполняющего в основном продуктивную и транспортную функции; ещё одним подсобным занятием было животноводство, которое не получило широкого распространения из-за невозможности содержать крупный рогатый скот в большом количестве; земледелие также не играло большой роли в хозяйстве кольских саамов, поскольку природные условия и полукочевой образ жизни не располагали их к этому занятию.

Ключевые слова:

Кольский уезд, саамы, хозяйство саамов, статистические ведомости, погост, вежа, традиционные промыслы

Для цитирования:

Чаплыгина Д. А. Хозяйство кольских саамов во второй половине XVIII в. (по материалам статистических ведомостей) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 168–174. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.016

Original article

THE ECONOMY OF THE KOLA SAMI IN THE SECOND HALF OF 18TH CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF STATISTICAL STATEMENTS)

Daria A. Chaplygina

*State Archive of the Murmansk Region, Murmansk, Russia, dariabeattis@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0396-015X>*

Abstract

The topic of the article is at the junction of such topical areas of historical science as the history of mass sources and regional history. The subject of the study is the economy of the Kola Sami in the second half of the 18th century. The object is the statistical statements of 1764, 1784 and 1785. The first two statistical statements were introduced into scientific circulation relatively recently, and the third became known at the beginning of the 20th century. The analysis of these sources allowed us to identify some aspects of the economic development of the Sami people population of the county: the leading branches of the Kola Sami economy were fish and animal husbandry, the proportion of which could vary depending on natural and climatic conditions; the Kola Sami cannot be called traditional reindeer herders, since reindeer husbandry was represented in the form of a medium-sized cattle breeding farm, performing mainly food and transport functions; another subsidiary occupation was animal husbandry, which was not widespread due to the inability to keep cattle in large numbers; agriculture also did not play a big role in the economy of the Kola Sami, since natural conditions and a semi-nomadic lifestyle did not encourage them to this occupation.

Keywords:

Kola uezd, Sami people, Sami economy, statistical statements, pogost, vezha, traditional crafts

For citation:

Chaplygina D. A. The economy of the Kola Sami in the second half of 18th century (based on the materials of statistical statements) // Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities. 2022. Vol. 1, No. 1. P. 168–174. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.016

Введение

О хозяйственном укладе саамов написано немало работ. К этой теме исследователи начали обращаться уже в конце XVIII века в рамках академических экспедиций, отправлявшихся на Север. Н. Я. Озерецковский описал полукочевой образ жизни саамов, их основные (рыбный промысел, охоту и оленеводство) и вспомогательные занятия (пряжение льна и пеньки, изготовление неводов и др.)¹. Во второй половине XIX века появляются труды Н. Дергачева и Н. Н. Харузина. Они отмечали, что хозяйственный уклад саамов основывался на сочетании рыболовства, охоты и оленеводства. При этом, сравнивая развитие общества кольских саамов и саамов Фенноскандии, исследователи пришли к выводу, что первое место у кольских саамов занимали рыбные промыслы, так как с их помощью саамы могут платить казённые подати и торговать с русскими².

В конце 1920 – начале 1930 года особую роль в изучении материальной и духовной культуры саамов сыграл В. К. Алымов [1–4]. Он также способствовал проведению Лопарской этнографической экспедиции от Русского географического общества в 1927 году в составе Д. А. Золотарева [5], В. В. Чарнолуцкого [6, 7] и Ф. Г. Иванова-Дятлова [8], которые по итогам работы издали ряд ценных работ по лапонистике.

Преимущественно исследователи уделяли внимание хозяйству саамов в XIX–XX веках, в то время как более ранний период истории народа не вызывал подобного интереса. Исключением являются работы И. Ф. Ушакова, С. А. Никонова, М. Г. Кучинского.

И. Ф. Ушаков выделил две основные группы кольских саамов, исходя из их мест проживания и характера хозяйственной деятельности: 1) саамы, проживающие внутри полуострова; 2) саамы, погосты которых располагались вдоль морского побережья [9: 212]. Для первой группы было характерно занятие рыболовством и охотой, для второй — морские рыбные и звериные промыслы.

С. А. Никонов на основе данных статистических ведомостей 1764, 1785 годов дал характеристику рыбного и звериного промысла саамов на побережье Баренцева и Белого морей. Исследователь отметил, что отличительными чертами морского прибрежного хозяйства саамов были вовлеченность в товарно-денежные отношения и совместное участие в промыслах всех членов погоста [10: 333].

М. Г. Кучинский в своей работе рассматривает одну из малоизученных тем — предпринимательство у саамов в XVI–XVIII веках. Исследователь приходит к следующему выводу: в данный временной период у саамов зарождаются рыночные отношения, которые нашли своё отражение в таких видах деятельности, как продажа продукции, организация торгов, найм извозчиков и другое. Таким образом, черты предпринимательства появляются у северных народов практически одновременно с другим миром, но при этом не выделяются в виде ключевой и постоянной деятельности, а существуют совместно с другими занятиями³.

Что касается источников, то здесь есть свои определённые трудности. Писцовые и переписные книги содержат наиболее полные данные о территории расселения и хозяйстве саамов, и при этом в качестве объекта налогообложения в них фиксируются промысловые угодья и вежи. Такие отрасли хозяйства, как охота, собирательство, ремесло, животноводство, остались без внимания переписчиков.

В XVIII веке, с целью изучения социально-экономического состояния Российской империи, создаются программы описаний губерний, проводятся академические экспедиции в разные части страны. В итоге, в это же время появляются статистические ведомости, в которых содержатся разнообразные сведения о географических особенностях местности, составе дворов, веж, занятиях, грамотности населения и др. К их числу относятся и документы, которые мы использовали в работе.

Ведомость 1764 года⁴ была введена в научный оборот С. А. Никоновым [10, 11: 69–70]. Оригинал хранится в Государственном архиве Архангельской области. Источник даёт нам информацию о каждом поселении русских, саамов и карелов на территории Кольского уезда: природно-климатические особенности местности, состав двора и вежи, традиционные промыслы, другие занятия населения и др. В конце каждого описания составители подводят итоги, где сводят всю полученную информацию, а также указывают конкретные меры для развития в данном поселении промыслов. Саамы заверяли правильность информации, приведённой в ведомости, изображением клейм, которые принадлежали семьям данного поселения.

В описи 1784 года⁵ тоже содержатся статистические данные, касающиеся поселений, конкретных дворов, состояния хозяйства. Источник также позволяет нам проанализировать и другие стороны повседневной жизни саамов. Например, здесь вежи разделены на три категории в зависимости от имущественного состояния: «достаточные», «посредственные» и «в бедности». Есть также информация о степени грамотности населения.

Описание Архангелогородской губернии 1785 года⁶ было начато по распоряжению губернатора Т. И. Тутолмина, который уже имел опыт составления описаний других губерний. В начале XX века текст описания был обнаружен в архиве Архангельского Губернского Правления вице-губернатором А. Ф. Шидловским. Обработкой данных в это время занялся политический деятель и публицист Н. Н. Гиммер. В итоге, в 1916 году описание было опубликовано в Архангельске⁷. Этот источник содержит в себе разноплановые и ценные сведения как о поморских волостях Кольского уезда, так и о саамских погостах. Каждая ведомость, касающаяся саамов, состоит из двух тетрадей. В первой приводятся сведения о хозяйстве, грамотности населения, местах кочевий, количестве оленей и об уплате податей. Вторая тетрадь содержит ответы на 53 вопроса, большая часть которых связана с разными отраслями хозяйства.

Историческим районом проживания кольских саамов являлся Кольский уезд, который до конца XVIII века находился в составе Двинской провинции Архангелогородской губернии, а после 1780 года вошёл в состав Архангельской области Вологодского наместничества. Саамы вели полукочевой образ жизни, их место жительства постоянно менялось. В связи с этим саамские поселения, именуемые *погостами*, были как зимними, так и летними⁸, а располагались они либо внутри полуострова, либо вдоль морского побережья. В зависимости от местных природных условий выделяются две группы саамов: жители внутренних районов полуострова и саамы, проживавшие вдоль морского побережья.

К основным занятиям жителей внутренних районов полуострова относилась охота на лесного зверя, озерный и речной рыбный лов. Охотились саамы на медведя, лисицу, дикого оленя, белку, зайца, куницу, горностаю и выдру. В Нотозерском и Сонгельском погостах также ловили бобров. Больших зверей били винтовками, малых ловили капканами или собаками. В озерах ловили сига, щуку, окуня, плотицу, гольца, налима, ряпушку, кумжу. Основными орудиями лова были *невод*⁹ и *заборы*¹⁰. По озерам и рекам передвигались в лодках длиной в две сажени или в *карбасах*¹¹.

Морской промысел саамы вели на побережье Баренцева моря на Западном и Восточном Мурмане, а также на побережье Белого моря¹². По данным 1764 года в морях ловили треску, палтуса и пикшу. Ведомость 1785 года содержит информацию о ловле этими погостами также сайды и камбалы. В озерах и реках ловили сёмгу, сига, кумжу, щуку, окуня, налима, хариуса, плотву.

В ведомостях указаны традиционные орудия морского рыбного промысла. Треску, палтуса и пикшу ловили *удами*¹³ и *ярусами*¹⁴. Озерную и речную рыбу ловили с помощью *неводов*, *гарвов*¹⁵, *заколов* и *заборов*. В осеннее время рыбу били *острогами*¹⁶. Для выхода в море использовались небольшие промысловые суда — *шнеки*¹⁷ или *тройник*¹⁸. Длина шнеки могла составлять от четырех до пяти сажений¹⁹.

Охота на морского зверя играла незначительную роль в прибрежном морском хозяйстве и носила отходнический характер²⁰.

В лесах приморские группы саамов охотились на медведя, дикого оленя, лисицу, выдру, горностаю, зайца, белку, песца и куницу. Таких больших зверей, как медведя, дикого оленя, били из винтовки. Горностаю ловили удавными петлями, а песца — с помощью стальных пружин (капканов).

Свежую рыбу, пушнину кольские саамы продавали приезжающим на промысел купцам из Колы, Архангельска и других мест Поморья «за полюбовную цену». С дохода от продажи рыбы и пушнины выплачивались казённые подати, а оставшаяся часть шла на пропитание.

Оленеводство занимало особое место в хозяйстве саамов, но имело ряд отличительных черт. Во второй половине XVIII века оно было распространено во всех погостах уезда, но при этом довольно неравномерно (см.: Приложение, табл. 1). Так, анализ группы оленеводов показал, что большинство погостов владело менее сотни оленей и лишь в восточной части полуострова сложилась иная ситуация — здесь поголовье оленей было в разы больше²¹. Каковы причины данной разбалансированности? С одной стороны, это могло быть связано с особенностями природно-климатических условий в разных частях полуострова. Именно на востоке они сложились благоприятными для занятия оленеводством, так как здесь сочетались разные природно-географические зоны — лес, тундра и лесотундра. В зависимости от сезонов олень здесь мог перемещаться из одной зоны в другую [б: 62–65]. С другой стороны, влияние могли оказать определённые экономические и политические события, которые затронули в то время Кольский уезд. Например, экспедиция В. Я. Чичагова затребовала большие затраты на перевозку по территории уезда. Власти привлекли к извозу саамов, которые имели оленьи стада. В итоге, поголовье стало сокращаться, так как из-за непосильных нагрузок животные погибали. Это, в свою очередь, приводило к тому, что целые семьи оставались без пропитания и транспорта. В 1767 году на имя архангелогородского губернатора Е. А. Головцына было подано доношение от вороненских, семиостровских и терских саамов²². В итоге, саамы этих погостов были освобождены от подводной повинности. Это могло в дальнейшем поспособствовать росту оленеводства в восточной части полуострова.

Внутри погостов олени стада распределялись также неравномерно. Ведомость 1785 года содержит информацию о количестве оленей, которыми владели рядовые саамы и «лучшие». В зависимости от погостов обычный размер оленьего стада в хозяйстве колебался в пределах от 5 до 15 голов, и лишь «лучшие» саамы могли владеть стадами, где количество оленей достигало 30. Другая ситуация была у семиостровских и терских саамов. Так как здесь оленей было больше всего, то и распределение было иное: обычная семья могла держать от 3 до 60 голов, а зажиточные — от 100 до 500.

Кольские саамы были знакомы и с животноводством, правда, не игравшего значительной роли в их хозяйственном укладе. Так, они занимались овцеводством и держали крупный рогатый скот. В рассматриваемых ведомостях при этом обнаруживаются существенные расхождения. Так, если по материалам ведомости 1764 года разведением крупного рогатого скота занималось 3 поселения, то по данным ведомости 1784 года этот вид животноводства охватывал 12 погостов. Каким из этих данных стоит доверять больше, сказать затруднительно.

Овцеводство было распространено в большем количестве погостов, чем разведение крупного рогатого скота. Так, им занимались саамы 8 (ведомость 1764 года) и 9 (ведомость 1784 года) погостов (см.: Приложение, табл. 2). Ведомости 1785 года не дают нам точную информацию о количестве овец и другого скота. На вопросы 5 и 6 либо ответ отрицательный, либо такого типа, как в Печенгском погосте: «Держат овец по одной и по две, а лучший лопарь и по три»²³. Значительную роль животноводство играет в жизни Орьезерского и Пяозерского погостов, крестьяне которых не вели кочевой образ жизни и не занимались оленеводством.

В связи с полукочевым образом жизни земледелие не было распространено среди кольских саамов, да и климатические условия к этому не располагали. Поэтому саамы питались в основном привозным хлебом, как и русское население. Исключением был Пяозерский погост. В ведомости 1785 года отмечено, что крестьяне этого селения сеют рожь²⁴.

Заключение

Таким образом, ведомости второй половины XVIII века позволили рассмотреть разные стороны хозяйственной жизни кольских саамов и прийти к следующим выводам.

1. Хозяйственный уклад саамов во второй половине XVIII века основывался на сочетании рыболовного и звериного промыслов. При этом в зависимости от местных природных условий их удельный вес мог варьировать.

2. С дохода от продажи рыбы и пушнины саамы выплачивали казённые подати, а остатки шли на пропитание членов семьи.

3. Оленеводство не являлось ведущей отраслью хозяйства. Держать большие стада могли только зажиточные саамы. Благоприятные условия для занятия оленеводством сложились лишь на востоке полуострова. В это время оленеводство выполняло в основном две главные функции — продуктовую и транспортную.

4. Помимо оленеводства, кольские саамы занимались овцеводством и держали крупный рогатый скот. Но скотоводство не играло в хозяйственном укладе большую роль, так как климатические условия не позволяли содержать большое количество скота.

5. Из-за климатических условий не получило своего распространения и земледелие. Местность, где проживали саамы, была в основном каменистая и болотистая.

Примечания

¹ Озерецковский Н. Я. Описание Колы и Астрахани / Из сочинений академика Николая Озерецковского. СПб.: При Императорской Академии наук, 1804. С. 66–82.

² Дергачев Н. Этнографический очерк // Русская Лапландия. Архангельск: Тип. Губернского правления, 1877. С. 11–14; 17–24; 33–34; 44–54; Харузин Н. Н. Русские лопари: (очерки прошлого и современного быта). М.: т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1890. С. 103.

³ Кучинский М. Г. А был ли предприниматель? Кольские саамы в XVI–XVIII вв. // Go Arctic. URL: <https://goarctic.ru/society/a-byli-li-predprinimatel-kolskie-saamy-v-xvi-xviii-vv/> (дата обращения: 01.05.2022).

⁴ ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 217.

⁵ ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 762.

⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 73–74, 77–80, 88–89, 96, 119, 121–125, 127, 129, 134, 257–258.

⁷ Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 года: (итоги подвор. переписи). Архангельск: Арханг. губ. стат. ком., 1916. [2], II, 37, 117 с.

⁸ На территории Кольского уезда проживали саамы следующих погостов — Екостровского, Масельгского, Бабенского, Орьезерского, Ловозерского, Вороненского, Пяозерского, Семиостровского, Сонгельского, Нотозерского, Кильдинского, Пазрецкого, Печенгского, Нявдемского, Мотовского, Терской лопи пять погостов.

⁹ Невод — сеть, забрасываемая в воду с судна.

¹⁰ Заборы — конструкции, перегораживающие реку и оснащенные ловушками для лова рыбы.

¹¹ Карбас — парусно-гребное промысловое и транспортное судно среднего размера.

¹² Мотовской, Нявдемский, Пазрецкий и Печенгский погосты — Западный Мурман; Вороненский, Кильдинский и Семиостровский погосты — Восточный Мурман; пять погостов Терской лопи — Восточный Мурман и Белое море.

¹³ Уда — рыболовный снаряд для ловли рыбы, состоящий из крючка, шнура и удилица.

¹⁴ Ярус — орудие рыбной ловли, которое представляет собой конструкцию с крючками и наживкой.

¹⁵ Гарва — ставная сеть.

¹⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 77. Л. 2; Д. 78. Л. 3 об.; Д. 96. Л. 4–4 об.; Д. 119. Л. 2, 7 об.–8; Д. 123. Л. 2, 5 об.; Д. 125. Л. 2, 5 об.; Д. 127. Л. 2, 7 об.; Д. 129. Л. 5 об.–6, 9; Д. 257. Л. 2; Д. 258. Л. 4; Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 517. Л. 73 об.–84, 210 об.–213, 214 об.–217, 222 об.–225.

¹⁷ Шнека — беспалубное, одномачтовое рыболовецкое судно, на котором промышляло четверо рыбаков.

¹⁸ Тройник — судно меньшего размера, на котором промышляло трое рыбаков.

¹⁹ ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 517. Л. 25 об.–30, 94 об.–101, 222 об.–225.

²⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 119. Л. 8; Д. 123. Л. 6; Д. 125. Л. 5 об.; Д. 127. Л. 7 об.; Д. 129. Л. 6; Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 517. Л. 222 об.–225; Д. 258. Л. 4.

²¹ Чаплыгина Д. А. Оленеводство саамов Кольского уезда во второй половине XVIII в. (по материалам статистических ведомостей) // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 5. С. 29–40. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.5.36864. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36864 (дата доступа: 01.05.2022).

²² ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 7637. Л. 1–1 об.

²³ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 129. Л. 3 об.

²⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 978. Л. 2 об.

Список источников

1. Алымов В. К. Озерное рыболовство в Мурманском округе // Мурманское Общество краеведения (Общество изучения Мурманского края). Доклады и сообщения. Мурманск, 1928. Вып. II. С. 91–98.
2. Алымов В. К. Лопари. М.: Крестьянская газета, 1930. 63 с.
3. Алымов В. К. Лопари Кольского полуострова // Василий Кондратьевич Алымов — следователь по важнейшим делам Особой сессии по уголовным делам Мурманской губернии, этнограф, краевед / А. В. Ковалев. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2019. С. 99–116.
4. Алымов В. К. Оседлые и полuosедлые хозяйства Мурманского округа // Василий Кондратьевич Алымов — следователь по важнейшим делам Особой сессии по уголовным делам Мурманской губернии, этнограф, краевед / А. В. Ковалев. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2019. С. 121–126.
5. Золотарев Д. А. Кольские лопари: труды Лопарской Экспедиции Русского Географического Общества по антропологии лопарей и великорусов Кольского полуострова. Л.: Издание государственного русского географического общества, 1928. 206 с.
6. Чарнолуцкий В. В. Материалы по быту лопарей. Л.: Издание государственного русского географического общества, 1930. 344 с.
7. Чарнолуцкий В. В. Заметки о пастьбе и организации стада у лопарей // Кольский сборник. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Л.: Изд-во Акад. наук. Вып. 23, 1930. С. 23–69.
8. Иванов-Дятлов Ф. Г. Наблюдения врача на Кольском полуострове (11 января – 11 мая 1927 г.). Л.: Издание государственного русского географического общества, 1928. 128 с.
9. Ушаков И. Ф. Избранные произведения историко-краеведческие исследования. Т. 1. Кольская земля. Мурманск: Кн. изд-во, 1998. 345 с.
10. Никонов С. А. Морское прибрежное хозяйство саамов Кольского уезда во второй половине XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 5: Пятые чтения памяти академика © Чаплыгина Д. А. 2022

РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции (Москва, 9–10 ноября 2017 г.). М.: [б. и.], 2017. С. 327–334.

11. Никонов С. А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»: промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI–XVIII вв. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 496 с.

References

1. Alymov V. K. *Ozernoe rybolovstvo v Murmanskom okruge* [Lake fishing in the Murmansk district]. *Murmanskoe Obshhestvo kraevedenija (Obshhestvo izuchenija Murmanskogo kraja). Doklady i soobshhenija* [Murmansk Society of Local Lore (Society for the Study of the Murmansk Region). Reports and communications]. Murmansk, 1928, vol. II, pp. 91–98. (In Russ.).
2. Alymov V. K. *Lopari* [Lapps]. Moscow, 1930, 63 p. (In Russ.).
3. Alymov V. K. *Lopari Kol'skogo poluostrova* [Lapps of the Kola Peninsula]. *Vasilij Kondrat'evich Alymov — sledovatel' po vazhnejshim delam Osoboj sessii po ugovolnym delam Murmanskoj gubernii, jetnograf, kraeved* [Vasily Kondratievich Alymov — investigator for the most important cases of the Special Session on Criminal Cases of the Murmansk province, ethnographer, local historian]. Krasnojarsk, 2019, pp. 99–116. (In Russ.).
4. Alymov V. K. *Osedlye i polusedlye hozjajstva Murmanskoj okruga* [Settled and semi-settled farms of the Murmansk district]. *Vasilij Kondrat'evich Alymov — sledovatel' po vazhnejshim delam Osoboj sessii po ugovolnym delam Murmanskoj gubernii, jetnograf, kraeved* [Vasily Kondratievich Alymov — investigator for the most important cases of the Special Session on Criminal Cases of the Murmansk province, ethnographer, local historian]. Krasnojarsk, 2019, pp. 121–126. (In Russ.).
5. Zolotarev D. A. *Kol'skie lopari: trudy Loparskoj Jekspedicii Russkogo Geograficheskogo Obshestva po antropologii loparej i velikorusov Kol'skogo poluostrova* [Kola Lapps: Proceedings of the Lappish Expedition of the Russian Geographical Society on the Anthropology of Lapps and Great Russians of the Kola Peninsula]. Leningrad, 1928, 206 p. (In Russ.).
6. Charnoluskij V. V. *Materialy po bytu loparej* [Materials on the life of lapps]. Leningrad, 1930, 344 p. (In Russ.).
7. Charnoluskij V. V. *Zametki o past'be i organizacii stada u loparej* [Notes on herding and herd organization at Lapps]. *Kol'skij sbornik. Materialy komissii jekspedicionnyh issledovanij* [Kola collection. Materials of the Expedition Research Commission]. Leningrad, vol. 23, 1930, pp. 23–69. (In Russ.).
8. Ivanov-Djatlov F. G. *Nabljudenija vracha na Kol'skom poluostrove (11 janvarja – 11 maja 1927 g.)* [Observations of a doctor on the Kola Peninsula (January 11 – May 11, 1927)]. Leningrad, 1928, 128 p. (In Russ.).
9. Ushakov I. F. *Izbrannye proizvedenija istoriko-kraevedcheskie issledovanija. T. 1. Kol'skaja zemlja* [Selected works of historical and local history studies. Vol. 1. Kola land]. Murmansk, 1998, 345 p. (In Russ.).
10. Nikonov S. A. *Morskoe pribrezhnoe hozjajstvo saamov Kol'skogo uezda vo vtoroj polovine XVIII v.* [Marine coastal economy of the Sami of the Kola district in the second half of the 18th century]. *Rus', Rossija: Srednevekov'e i Novoe vremja. Vypusk 5: Pjatyje chtenija pamjati akademika RAN L. V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 9–10 nojabrja 2017 g.)* [Rus, Russia: The Middle Ages and Modern Times. Issue 5: Fifth readings in memory of Academician of the Russian Academy of Sciences L. V. Milov. Materials for the international scientific conference (Moscow, November 9–10, 2017)]. Moscow, 2017, pp. 327–333. (In Russ.).
11. Nikonov S. A. *“Kto v more ne hodil, tot Bogu ne malivalsja”:* *promyslovaja kolonizacija Murmanskoj berega i Novoj Zemli krest'janami i monastyryami Pomor'ja v XVI–XVIII vv.* [“Who did not go to sea, he did not give in to God”: Commercial colonization of the Murmansk coast and Novaya Zemlya by peasants and monasteries of Pomerania in the 16–18th centuries]. Moscow; Saint Petersburg, 2020, 496 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. А. Чаплыгина — ведущий архивист отдела обеспечения сохранности и государственного учета архивных документов.

Information about the author

D. A. Chaplygina — Leading Archivist of the Department for Ensuring THE Preservation and State Accounting of Archival Documents.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 08.10.2022.
The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 08.10.2022.

Приложение

Таблица 1

Оленеводство саамских погостов

Погост	Ведомость 1764 г.	Ведомость 1784 г.	Ведомости 1785 г.
	кол-во оленей	кол-во оленей	кол-во оленей
Бабенский	92	60	68
Вороненский	98	100	232
Кильдинский	49	133	178
Ловозерский	225	100	166
Масельгский	203	25	88
Мотовский	41	104	119
Нотозерский	92	165	173
Нявдемский	13	45	11
Екостровский	102	50	159
Орьежерский	7	0	0
Пазрецкий	87	100	105
Печенгский	67	100	96
Пяозерский	1	100	0
Семиостровский	325	1293	1295
Сонгельский	123	163	157
Терской лопи пять погостов	442	1240	1866
Итого	1967	3778	4713

Таблица 2

Животноводство саамских погостов Кольского уезда во второй половине XVIII века

Погост	Ведомость 1764 г.		Ведомость 1784 г.	
	овец	коров	овец	коров
Бабенский	56	5	10	19
Вороненский	0	0	0	10
Кильдинский	0	0	7	8
Ловозерский	0	0	0	13
Масельгский	0	0	10	9
Мотовский	6	0	0	0
Нотозерский	46	0	44	16
Нявдемский	0	0	8	2
Екостровский	0	0	15	12
Орьежерский	26	10	10	3
Пазрецкий	9	0	0	10
Печенгский	8	0	15	0
Пяозерский	67	11	0	10
Семиостровский	0	0	0	0
Сонгельский	48	0	10	22
Терской лопи пять погостов	0	0	0	0
Итого	266	26	129	134

АРХЕОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 902.2(470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.017

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В РУССКОЙ ЛАПЛАНДИИ В 2017 И 2019 ГОДАХ

Марк Михайлович Шахнович

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, marksuk62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X>

Аннотация

Археологическая экспедиция Национального музея Республики Карелия в 2017 и 2019 годах проводила полевые изыскания на территории Русской Лапландии по темам «Памятники позднего Средневековья и Нового времени Карелии и Кольского полуострова: динамика межкультурного взаимодействия» и «Древние сакральные объекты» Восточной Фенноскандии. В статье представлен общий обзор результатов этих исследований. Зафиксированы три места с культовыми камнями — гора Лисья, озеро Ташечное и полуостров Средний. На реке Хлебная открыт комплекс валунных ям. В селе Тиреберка проведены поиски места церкви Грузинской иконы Божией Матери. На побережье Баренцева моря осмотрены три места с названием «волоки». На острове Кильдин найдена группа каменных куч, которые, возможно, являются кенотафами.

Ключевые слова

Мурманская область, археологические работы, культовые камни, волоки, валунные ямы

Благодарности

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2022-0028.

Для цитирования:

Шахнович М. М. Археологические работы в Русской Лапландии в 2017 и 2019 годах // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 175–184. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.017

ARCHEOLOGY

Original article

ARCHAEOLOGICAL WORK IN RUSSIAN LAPLAND IN 2017 AND 2019

Mark M. Shakhnovitch

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, marksuk62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X>

Abstract

In 2017 and 2019, the archaeological expedition of the National Museum of the Republic of Karelia conducted field surveys in the territory of Russian Lapland on the topics “Monuments of the Late Middle Ages and Modern Times of Karelia and the Kola Peninsula: dynamics of intercultural interaction” and “Ancient sacred objects” of Eastern Fennoscandia. The article presents a general overview of the results of these studies. Three places with cult stones have been recorded — Mount Lisya, Lake Tashechnoye and the Sredny Peninsula. A complex of boulder pits has been opened on the Khebnaya River. In the village of Teriberka, searches were conducted for the site of the church of the Georgian Icon of the Mother of God. Three places with the name “portage” were examined on the coast of the Barents Sea. A group of stone constructions has been found on Kildin Island, which may be cenotaphs.

Keywords:

Murmansk region, archaeological works, cult stones, portages, boulder pits

Acknowledgments:

the study was funded from the federal budget as a part of the state project No. FMEZ-2022-0028 assigned to the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation:

Shakhnovitch M. M. Archaeological work in Russian Lapland in 2017 and 2019 // Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities. 2022. Vol. 1, No. 1. P. 175–184. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.017

В 2017 и 2019 годах археологическая экспедиция Национального музея Республики Карелия проводила полевые изыскания на территории Русской Лапландии по темам «Памятники позднего Средневековья и Нового времени Карелии и Кольского полуострова: динамика межкультурного взаимодействия» и «Древние сакральные объекты» Восточной Фенноскандии. Представляем вниманию общий обзор результатов этих исследований.

Работы в селе Териберка

В досоветский период в селе Териберка существовали две церкви, которые в настоящее время не сохранились: Грузинской иконы Божией Матери (1885 год) и во имя святого пророка Божия Ильи (1874 год). Целью работ в 2017 году был поиск местонахождения первой из них, разобранной в 1996 году.

В мае 2016 года специалистом ООО «Север» В. А. Шевельковым был проведен натурный осмотр и сделано заключение по месту обнаружения деревянного сруба, выявленного в прибрежной полосе южного берега залива Лодейного Териберского залива, во время прокладки траншеи для электрического кабеля¹. С экспертными строительно-техническими задачами, в 1 м к югу от современного поклонного креста, был заложен «шурф» размерами 1,2 x 0,7 м. На глубине 0,3 м от с. д. п., под слоем навесного темно-серого песка, прослежены фрагменты погребенной фундаментной части деревянного сруба здания, исследована структура и степень износа его остатков, сделаны фиксация и обмерные работы. Определены следующие деревянные сильно истлевшие части здания: заглублённый опорный вертикальный столб диаметром 30 см, обложенный кусками красного кирпича; две балки из бревен диаметром 10 и 20 см, опирающиеся на столб; дощатый настил толщиной 3 см; вертикальная дощатая обшивка толщиной 2 см. На основе исторического фотографического и архивного материала (обмерный план 1969 года) сделан вывод, что это остатки северо-западной части церкви Грузинской иконы Божией Матери². (рис. 1)

Рис. 1. Здание бывшей церкви Грузинской иконы Божией Матери в селе Териберка. 1969 год. Вид с юга. Фото В. Н. Гурьева

В 2017 году для постановки объекта на государственный учет М. М. Шахновичем проведено дополнительное натурное обследование данного участка береговой территории, соотнесение архивных картографических и фотоматериалов с современным состоянием.

Остатки церкви Грузинской иконы Божией Матери села Териберка находятся в прибрежной зоне южного берега губы Лодейной Териберского залива Баренцева моря, в 0,3 км к востоку от восточного берега устья реки Териберка, в 70 м к югу от моря.

Ровная площадка, где находилась церковь, незначительно поросла травой, древесная растительность отсутствует. На поверхности существуют многочисленные песчаные обнажения и выдувы, визуально наблюдаются следы от современных мусорных ям, канава для электрокабеля, проложенная параллельно берегу моря. Средняя высота над уровнем моря — 3,5 м. В северо-западной части площадки находится памятный поклонный крест под навесом, возведённый в 1990-е годы. Площадь памятника по данным исторических фотодокументов и топографии определена в 400 м² (25 x 15 м).

Для получения информации о стратиграфии памятника решено было расчистить засыпанный шурф 2016 года на площади в 1 м². После удаления слоя засыпки в шурфе выявлены все описанные экспертом деревянные конструкции: вертикальное бревно, части обшивки стены, кирпичи. Стратиграфия шурфа стандартная для песчаных участков морского побережья: дёрн — 0,05 м; темно-серый песок с мелким углем — 0,5 м; желтый песок — материк. Культурный слой — темно-серый песок мощностью 0,45–0,5 м. Находки в шурфе: осколки зелёного стекла винной тары первой половины XX века и второй половины XIX века, один кованый гвоздь.

Из образца древесины из шурфа получена дата 180±25 BP — 1727–1812 calAD (SPb-2417)³. Один из пиков соотносится со временем существования церкви — начало XX века, но в калиброванном значении определение существенно древнее даты её строительства — 1885 год. Возможно, это удревнение связано с тем, что образец был взят из центральной части ствола дерева или для строительства использовался морской плавник.

Работы на острове Кильдин

В 2017 году на южном берегу острова Кильдин (Кольский район Мурманской области), в 2,5 км к северо-западу от поселка Восточный Кильдин, в прибрежной зоне найдена группа валунных сложений — Чёрный I. Остров Кильдин располагается в 17 км к востоку от входа в Кольский залив Баренцева моря, и от материка его отделяет пролив шириной в самом узком месте 0,8 км. В настоящее время на острове и прилегающем участке материкового побережья известно более 70 разновременных памятников археологии. Они находятся на первой и второй морских террасах, на высоте от 4–5 до 20 м над уровнем моря [1].

Залив Могильный в юго-восточной части острова перспективен для поиска существовавших здесь саамских и поморских поселений XVI–XIX веков. Голландские путешественники в конце XVI века описывают находившееся здесь большое промысловое сезонное становище «московитов и лопарей», которое в XVII–XVIII веках сменили фактории Соловецкого и Печенгского монастырей. Около ручья Чёрный на исторических картах никакие объекты не отмечены.

Пятнадцать найденных в 2017 году сложений располагаются компактной группой (100 x 30 м) на прибрежном участке южного берега острова, в 0,2 км к западу от ручья. Поверхность берега имеет ощутимый наклон в сторону моря, частично поросла кустарником, задернована, есть небольшие скальные выходы. Грунт — крупнозернистый песок.

Валунные сложения находятся в 7–15 м от воды, на высоте 2–4 м над уровнем моря в период прилива, расстояние между кладками — 5–12 м. Для строительства использовались необработанные валуны среднего размера (0,25–0,4 м), взятые с каменистого пляжа. Небольшое число сооружений частично заросло дерном, камни покрыты лишайниками. У самого нижнего сложения растительность на камнях отсутствует, что можно объяснить близостью к морю (рис. 2).

Рис. 2. Остров Кильдин. Валунное сложение. 2017 год. Фото М. М. Шахновича

Перечислим основные конструкционные признаки сложений. Округлый в плане контур имеют только три объекта, у остальных — прямоугольная форма. Строители выкладывали прямые углы, оформляя их крупными камнями (до 0,45 м), выдерживали вертикальность внешних стенок высотой до 0,4–0,45 м, складывая их из более крупных валунов, уложенных в 2–3 ряда. В центр конструкции помещались более мелкие камни (0,25–0,3 м). У шести сложений верхняя плоскость аккуратно сделана ровной. Пять кладок «пристроены» с востока к большим вросшим в землю валунам. Направление длинной оси объектов — параллельно берегу моря — запад – восток. В одном случае на верхней плоскости объекта сложена кучка небольших камней высотой 0,3 м.

В 2,7 км к востоку от места наших работ, в юго-восточной части острова, на озере Могильное в 2005 году зафиксированы три выкладки из крупных валунов (Могильное 1). Они находятся на удалении друг от друга на морской террасе, на высоте 10–13 м над уровнем моря. Одна кладка имеет прямоугольную форму (8 x 2,5 м), две — округлой формы (диаметром 2,5 и 3 м) с провалами в центре (основания поморских крестов?).

Ряд общих признаков позволяет предварительно отнести данные сооружения к группе памятников, связанных с православной погребальной традицией. Это широтная ориентированность каменных сложений, общее расположение «за водой», визуальное сходство с надгробными земляными холмиками или деревянными «домиками мертвых». По нашему мнению, они были наземными кенотафами для утонувших — местом упокоения души при отсутствии тела.

Обследование «волоков» на Мурманском побережье Баренцева моря

В Мурманской области на побережье Баренцева моря известно четыре пункта с топонимом «волок», которые традиционно в краеведческой литературе связываются с местами, где в Средневековье, предположительно, перетаскивали суда. Это четыре залива при узких перешейках: на полуострове Святой Нос, в устье Кольского залива и между полуостровами Рыбачий и Средний и материком. Но упоминания в письменных источниках или другая определенная информация по этим местам отсутствует. Существование подобной транспортной практики подразумевает наличие специализированных памятников, поэтому в 2017 году было решено впервые провести предварительное археологическое обследование этих мест на Мурманском побережье Баренцева моря [2].

Методика работы по выявлению предполагаемых трасс волоков простая: первоначально в рельефе местности определялся самый физически малозатратный путь по перешейку — это озёра и болотистые участки, распадки между скал. Ручьи из-за извилистости, обвалуненности ложа и большой врезанности русел, на наш взгляд, мало подходили для перетаскивания судов. Намеченный маршрут проходил пешком, с осмотром обнажений и поиском наземных признаков специализированной деятельности, которые можно было бы связать с функционированием волоков (канавы, колеи, эскарпированные или выровненные съезды и подъёмы и т. п.).

Полуостров Святой Нос находится на восточном побережье Кольского полуострова, в 280 км на восток – юго-восток от города Мурманска. Он считается условной границей Баренцева и Белого морей, а также Мурманского и Терского берегов. Полуостров узкий (в основании — 3,6 км) и сильно выдается в море — на 15 км, по длинной оси ориентирован по направлению северо-запад – юго-восток, Берега скалистые, обрывистые, максимальная высота — 180 м. Растительность тундровая (рис. 3).

На полуострове Святой Нос планировалось обследовать два возможных маршрута: от губы Лопское Становище (западный берег полуострова) до губы Волоковая (1,4 км) и губы Становая (1,3 км) на восточном берегу. Предполагаемые трассы волоков преимущественно проходили по двум небольшим озёрам и ровной, с твёрдым торфяниковым покровом, незначительно обводнённой низине между скальными массивами и прибрежным песчаным площадкам. На перемычках между водоёмами и на площадках около заливов визуальными различимыми следы от наземных приспособлений и земляных сооружений для перетаскивания (канавы, ямы), как и остатки построек, не обнаружены. Маршрут до бухты Волоковая более простой и физиически менее затратный. Большая его часть — это озера, которые 500 лет назад были больше на 10–15 %, и, соответственно, он более предпочтителен для трассы волока, чем путь до губы Становая.

Отдельно отметим, что на вершине западного берега губы Становой выявлены три крупных камня, установленные на маленькие камни-«ножки», так называемые сейды. Расположение их типовое: доминирующая над местностью ровная скальная площадка, установлены на скальные выходы-«постаменты», ориентация на обрыв и воду, в нашем случае — в сторону поселенческой площадки в основании залива (рис. 4).

Рис. 3. Полуостров Святой Нос. Волок. 2017 год. Фото Д. С. Лоскутова

Рис. 4. Полуостров Святой Нос. Губа Становая. Сейд. 2017 год. Фото М. М. Шахновича

В Кольском заливе Баренцева моря осмотрены два маршрута — из губы Большая Волоковая в Малую Волоковую (2,7 км) и в Зеленецкую Западную (2,7 км). На исторических картах XVIII–XIX веков здесь поселения отсутствуют. Это глубокие распадки, прорезающие с юго-запада на северо-восток и с запада на восток скальный массив полуострова Летинский. Из-за сложности (значительные перепады высот, небольшая протяжённость движения по воде) и незначительности сокращения пути по морю, выскажем предположение, что эти маршруты не использовались для перетаскивания судов и, скорее всего, здесь происходило перемещение грузов (ручная переноска, переволакивание) (рис. 5).

Рис. 5. Кольский залив Баренцева моря. Губа Большая Волоковая. 2017 год. Фото М. М. Шахновича

На полуострове Средний в районе губы Большая Волоковая предпологаемое место «волока» находится в западной, самой узкой (2 км), части перешейка, соединяющего полуострова Средний и Рыбачий. Данный участок на перешейке полуостровов Средний и Рыбачий из всех обследованных «волоков» наиболее удобен для выполнения функции перетаскивания лёгких плавсредств. В Средневековье, когда уровень моря был выше *min* на 1 м и заболоченные участки были меньшими по площади, протяжённость перешейка составляла около 1 км. Следы антропогенной деятельности не найдены, но вероятность прохождения здесь волока значительна.

Таким образом, участки морского побережья с характерным топонимом «Волоковая» можно рассматривать как «волока местного значения» или так называемые «малые волока», проходившие по перешейкам полуостровов морского побережья. Они использовались не как часть межрегионального каботажного пути, а местным населением и промысловиками для сообщения в данном микрорайоне.

Камни-сейды

В 2019 году с целью обследования «перспективных» мест палеосейсмодислокаций был осмотрен небольшой участок восточного склона горы Лисья (418 м) в 17 км к востоку от города Кола. До 1950-х годов на этом участке Кильдинской тундры исторические поселения отсутствовали. Почтовый тракт от Колы через саамский Кильдинский погост к Териберскому и Харловскому погостам проходил южнее. Археологические изыскания на горе Лисья ранее не проводились. На восточном отроге сопки, в 1,9 км к югу от шоссе обнаружен «классический» сейд. Он располагается на ровной, с заметным наклоном к востоку обвалуненной безлесной площадке.

Сейд — это небольшой валун красного цвета, размерами 0,8 x 0,85 м, установленный на ровной поверхности плоской плиты-основания. «Платформа» в плане подпрямоугольной формы (2,9 x 2,2–2,3 x 0,35–0,4 м). Поперек ее через центр по линии запад – восток проходит сквозная трещина (ширина — до 3 см), вероятно, результат сейсмоколебания. Сейд преднамеренно положен поверх трещины, в условном центре плиты. Небольшой камень-«ножка» (0,11 x 0,08 м), также красного цвета, поставлен под валун с южной стороны. Высота сейда с «ножкой» — 0,5 м. Около «ножки» лежит кусок расколотого молочного кварца (5 x 6 см). На плите, с запада от валуна, располагаются шесть отдельных небольших камней (размерами *max* 0,26 x 0,19 x 0,14 м), покрытые мхом, предположительно, символический «очажок». (рис. 6)

Опираясь на опыт работы с подобными объектами, можно утверждать, что это искусственное сооружение. Данный объект имеет все признаки сейда — культового камня саамов: установка на скальное основание, «ножка», следы сейсмической деятельности, «приношение» — белый кварц, символический «очаг». Датировка объекта может рассматриваться в широких пределах — I тыс. до н. э. – II тыс. н. э.

Еще один сейд зафиксирован на озере Ташечное в 20 км к юго-востоку от поселка Риколатва. Это относительно небольшой верховой мелководный водоём гидросистемы реки Пасма (Кюме), впадающей в озеро Имандра.⁴

Сейд находится на небольшом мысу в северо-западной части озера, в 0,4 км к юго-западу от безымянного ручья, вытекающего из водоёма на севере. Берег каменистый, не ровный, порос смешанным средневозрастным лесом. Расстояние от камня до воды — 21 м к юго-востоку, высота нижней части скального выступа над водой — 3 м.

Камень стоит на «постаменте» — скальном выходе, имеющем отвесную, обращённую на озеро восточную плоскость, высотой 0,9 м. В плане он подтреугольной формы, его размеры: запад – восток — 2,8 м, север – юг — 1,9 м, высота с восточной стороны — 1,06 м, с западной — 0,4 м. Под верхний валун с севера и юга подложены два небольших камня: 0,38 x 0,18 x 0,22 и 0,23 x 0,13 x 0,15 м, со скалой он соприкасается в восточной части. Расстояние между камнями-«подставками» — 0,45 м. Промежуток между камнем и скалой с западной стороны — 0,3 м. Плоская верхняя поверхность скалы, непосредственно под объектом, не задернована. Следы обработки на камнях отсутствуют. В 3 м к западу от объекта под дерном прослежены остатки кострища 1970-х годов: крупные угли, две алюминиевые водочные пробки, осколки оплавленного зелёного бутылочного стекла (рис. 7).

Визуально данный «камень на ножках» схож с так называемыми культовыми камнями — «сейдами», единично встречающимися на территории Кольского полуострова и Карелии. Они традиционно соотносятся с саамским этносом, датируются в широком диапазоне: Средневековье – Новейшее время. По сложившейся классификации сложения на озере Ташечное и горе Лисья можно отнести к сакральным объектам, определяемым как «хозяин места», которому приносились жертвы перед промыслом или во время пути [3].

Рис. 6. Гора Лисья. Сейд. Вид с востока. 2019 год. Фото М. М. Шахновича

Рис. 7. Озеро Ташечное. Сейд. Вид с севера. 2019 год. Фото М. М. Шахновича

По нашему мнению, подобные объекты, несмотря на существующую их общую дискуссионность, неясность культурной принадлежности и датировки, необходимо предварительно фиксировать для банка данных «мегалитов Заполярья». Дополнительные работы, например, геохимические исследования, раскопки, вероятно, позволят получить более расширенный ответ на возникающие вопросы.

Работы на северном берегу Белого моря

Озеро Колвицкое — это крупный материковый водоём, располагающийся в 24 км к северу от Кандалакшского залива Белого моря. Первые археологические изыскания непосредственно на озере проведены в 1946 году Н. Н. Гуриной: на южном берегу найдены два небольших местонахождения каменного века с кварцевым инвентарём и ямочно-гребенчатой керамикой [4]. В 1972–1973 годах поиск памятников каменного века продолжила П. Э. Песонен, открывшая в юго-западной части озера, около истока реки Колвица 11 стоянок с кварцевым инвентарём «мезолитического облика» и три размытые стоянки на полуострове Сосновый Наволок [5].

В июне 2018 года жителями города Полярные Зори Иваном Красавиным и Анатолием Куликовским на южном берегу озера сделана неожиданная находка оригинального памятника — камня со старославянской надписью. В мае 2019 года его осмотрели сотрудники музея-заповедника «Петроглифы Канозера», осуществившие фото и видеофиксацию, что позволило сделать 3D-модель объекта. В том же году совместно с В. А. Лихачёвым проведено его натурное обследование М. М. Шахновичем.

Камень найден на восточном берегу глубокого залива в юго-западной части озера, в 0,4 км к северу от устья ручья Верес. При обнаружении он находился на мелководье, в 5,5 м от суши, перпендикулярно берегу, надписью вверх. В 2018 году он был вытаскен из воды на пляж и при обследовании в 2019 году находился в 3 м от воды. (рис. 8)

Обратимся к контексту находки. Песчано-гравийный пляж, где находится камень, примыкает с запада к низине — перешейку (шириной 50 м) между Колвицким озером и небольшим внутренним озерком (270 x 60 м). По ложбине протекает небольшой ручей — сток из озерка. Перешеек имеет намывное происхождение и сформировался, скорее всего, в последний период процесса общего изостатического и сводового поднятия региона, которое привело к перекосу озерной котловины: поднятие северного и северо-западного берегов и подтопление южного и юго-восточного. Вероятно, 500–600 лет назад береговая линия в этом месте имела другие очертания, и существовал глубокий, врезающийся в тело полуострова, узкий залив, ныне трансформировавшийся в отсечённую от озера Колвицкое ламбину. Плотиной в истоке реки Колвица в 1930–1960-е годы уровень водоема был значительно поднят, что привело к существенному размыву и изменению контура береговой линии за последние 80 лет. Поэтому можно утверждать, что камень изначально не был помещен в воду, а находился на берегу.

Мастер выбрал камень с относительно мягкой структурой (гнейс), хорошо подходящей для ручной резьбы. Его длина — 68 см, ширина — 45 см, толщина — 38 см, в плане он подтреугольной формы. Наблюдается общая окатанность его поверхности водой. Следы от абразивного воздействия на нём отсутствуют. Он имеет относительно солидный вес (около 70 кг), но усилия трёх мужчин позволяют его перемещать. Форма камня не предполагает возможности установки его вертикально без неких уравнивающих подставок по сторонам.

На ровной плоскости камня (31 x 20 см) металлическим предметом вырезаны пять рядов литер старославянского алфавита, всего 28 букв: первый ряд — 4, второй ряд — 7, третий ряд — 8, четвертый — 6, пятый — 3. Размеры букв (на примере буквы В — второй ряд, четвёртая слева): высота — 39 мм, ширина нижней части буквы — 21 мм, глубина резьбы — 3 мм, ширина резьбы — 3 мм. Надпись сохранилась полностью, все буквы легко и однозначно читаются. Разделение на слова и диакритика отсутствуют.

Надпись тщательно процарапана и первоначально хорошо просматривалась и легко читалась. По мнению д. и. н. А. Г. Авдеева, особенности палеографии надписи указывают на её создание в 30–50-е годы XV века [6].

В полевой сезон 2019 года на Терском берегу Белого моря, около реки Хлебной, зафиксирована группа из 27 валунных сложений — *Хлебная I*. [7] На памятнике, представляющем единый комплекс, отмечены четыре типа сооружений из камней: кольцевидные выкладки с углублением в центре (24), «сейд», «куча», плоский валун с уложенными на него камнями. Расстояние от памятника до моря — 1,1 км к югу, до реки — 0,2 км к востоку⁵.

Около реки Хлебной обширный прибрежный склон валунника образовался в процессе формирования Белого моря в период финального ледниковья и начального этапа послеледниковья. Поверхность каменистого участка берега поросла крупным сосняком. Почва хорошо дренируется. Дерновый покров и песчаный грунт отсутствуют.

Сооружения начинают встречаться на четвертой морской террасе. Площадь выходов валунника на данном участке правого берега реки Хлебная значительна — около 15 га (0,5 x 0,3 км), но сложения локализуются в двух группах, только в южной части каменистого склона.

Сохранность комплекса хорошая. Следы очевидных разрушений, подновлений или перестройки отсутствуют, система конструкции (форма, размеры, характер кладки) легко «читается», расчистка камней от грунта не требуется. Какие-либо действия по разборке сложений в 2019 году не проводились.

Комплекс можно разделить на две условных группы: восточную (11) и западную (15), которые не только разнесены на местности, но имеют и определённые качественные различия. (рис. 9)

Рис. 8. Озеро Колвицкое. Камень с надписью. Вид с востока. 2019 год. Фото М. М. Шахновича

Рис. 9. Хлебная I. Валунная яма 11. Вид с запада. 2019 год. Фото М. М. Шахновича

В восточную группу отнесены одиннадцать валунных ям. Сооружения располагаются узкой полосой с запада на восток, длиной около 200 м, в нижней части скального склона, на контакте с песчаной террасой. Кроме валунных ям, в данную группу входят и другие, ранее упомянутые оригинальные объекты из валунов: «сейд», «куча» и плоский валун с уложенными на него камнями. Валунные ямы неглубокие, с оформленными невысокими валиками из камней, внешний диаметр — 3–5 м. В одном случае яма примыкает к плоскому камню.

В западную группу включены 15 валунных ям, находящихся в 80 м к западу. Сложения в целом единообразны и отличаются только общими размерами и разной тщательностью выкладки внешнего валика. Одно сложение примыкает к крупному валуну. Находки на поверхности отсутствовали.

Не вызывает сомнения искусственный характер исследованных валунных ям. Это единый памятник, скорее всего, многократного использования. Они приурочены к одному участку рельефа и в дошедшем до нас состоянии имеют общие конструктивные особенности: одна технология изготовления, простое, единообразное устройство, сходные линейные характеристики и конфигурация. Морфология сложений может определяться технологическим процессом, особенностями эксплуатации или определённой смысловой моделью.

Рядом с масштабными сооружениями (внешний диаметр до 5,5 м) соседствуют «мелкие» ямы, поверхностные, с углублением в почву на один камень, с небольшим внутренним объемом, но с обязательным созданием невысокого кругового валика.

Предположительно, конструкции из камней могли дополняться какими-то деревянными постройками, например, столбовым сооружением типа чума с берестяным покрытием или «крышей», накрывающей яму, или внешним срубом-рамой. Возможно, внутренняя полость выстилалась берестой, кожей.

На начальном этапе изучения валунных ям Беломорья отсутствует объективный набор данных для конкретного заключения об их датировании и этнической принадлежности. По небольшой высоте нахождения (3–5 м) некоторых подобных объектов на островах Белого моря можно относительно датировать их периодом Средневековья. Возможно, это так называемые «саамские древности», обследование которых в Русской Лапландии только начинается, но нельзя и полностью исключить вероятность, что их строителями были какие-то другие этнические группы, присутствующие в Восточной Фенноскандии в Средневековье.

Список сокращений

КФ АН СССР — Карельский филиал Академии наук СССР

МОКМ — Мурманский областной краеведческий музей

РГПУ — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры АН СССР

Примечания

¹ Шевельков В. А. Заключение специалиста по результатам строительно-технического исследования конструкций, обнаруженных при производстве земляных работ в п. Териберка, на предмет их классификационной принадлежности к строительным конструкционным элементам зданий и их возможной принадлежности к зданию церкви, располагавшейся ранее на исследуемой территории. Мурманск, 2016.

² В июне 2017 года научным сотрудником МОКМ А. А. Бертошем проведены дополнительные архивные изыскания по истории церкви и осуществлён повторный выезд на место находки. В своём отчете он подтверждает выводы эксперта. См. Бертош А. А. Отчёт по установлению историко-культурной ценности объекта — заглублённые деревянные конструкции (Мурманская обл., Кольский р-н, с. п. Териберка, вблизи прибрежной полосы губы Лодейной). Мурманск, 2017.

³ Определение произведено к. г.-м. н. М. А. Кульковой (изотопная лаборатория РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург).

⁴ Информация об объекте получена от жителя города Ковдор С. Бабича.

⁵ Информация о памятнике получена от Л. Барташ.

Список источников

1. Колпаков Е. М., Шумкин В. Я., Мурашкин А. И. Кольская археологическая экспедиция // Археологические открытия. 2016. М., 2018. С. 9.
2. Шахнович М. М. Средневековые волоки Мурманского побережья Баренцева моря // Вестник Кольского научного центра РАН. 3/2019. (11). С. 101–123.
3. Аикас Т. Саамские сакральные места — археологическое изучение в Финляндии // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь: Паренто-Принт, 2016. Вып. 9. С. 159–176.

4. Гурина Н. Н. Результаты археологического обследования южного побережья Кольского полуострова // КСИИМК. 1947. Вып. XXI. С. 55–57.
5. Песонен П. Э. Мезолитические памятники Кандалакшского берега // Мезолитические стоянки Карелии. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1978. С. 94–160.
6. Авдеев А. Г., Шахнович М. М. Колвицкий камень: новый памятник русской эпитафии на Кольском полуострове // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 5–8.
7. Шахнович М. М. Валунные ямы Беломорья // Труды КНЦ РАН. 2021. № 21. С. 104–125.

References

1. Kolpakov E. M., Shumkin V. Ja., Murashkin A. I. Kol'skaja arheologičeskaja jekspedicija [Kola Archaeological Expedition]. *Arheologičeskie otkrytija-2016* [Archaeological discoveries-2016]. Moscow, 2018, pp. 9. (In Russ.).
2. Shakhnovich M. M. Srednevekovye voloki Murmanskogo poberezh'ja Barenceva morja [Medieval Portages (“Voloki”) on the Murmansk Coast of the Barents Sea]. *Vestnik Kol'skogo nauchnogo centra RAN* [Herald of the Kola Scientific Center of RAS], 2019, no. 3 (11), pp. 101–123. (In Russ.).
3. Aikas T. Saamskie sakral'nye mesta — arheologičeskoe izučenie v Finljandii [Sami sacred sites — archaeological study in Finland]. *Tver', Tverskaja zemlja i sopredel'nye territorii v jepohu Srednevekov'ja* [Tver, Tver land and adjacent territories in the Middle Ages]. Tver', Parento-Print, 2016, vol. 9, pp. 159–176. (In Russ.).
4. Gurina N. N. Rezul'taty arheologičeskogo obsledovanija južnogo poberezh'ja Kol'skogo poluostrova [Results of the archaeological survey of the southern coast of the Kola Peninsula]. *KSIIIMK* [KSIIMK], 1947, vol. XXI, pp. 55–57. (In Russ.).
5. Pesonen P. E. Mezoliticheskie pamjatniki Kandalakshskogo berega [Mesolithic monuments of the Kandalaksha coast]. *Mezoliticheskie stojanki Karelii* [Mesolithic sites of Karelia]. Petrozavodsk, KarF Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1978, pp. 94–160. (In Russ.).
6. Avdeev A. G., Shakhnovich M. M. Kolvickij kamen': novyj pamjatnik russkoj jepigrafiki na Kol'skom poluostrove [Stone of Kolvitsa: A new monument of Russian epigraphy on the Kola peninsula]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2022, vol. 44, no. 6. pp. 5–8. (In Russ.).
7. Shakhnovich M. M. Valunnye jamy Belomor'ja [Boulder pits of the White Sea Region]. *Trudy KNC RAN* [Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies], 2021, series 21, vol. 12, no. 4, pp. 104–125. (In Russ.).

Информация об авторе

М. М. Шахнович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, исполняющий обязанности директора.

Information about the author

M. M. Shakhnovitch — PhD (History), Leading Researcher, Acting Director.

Статья поступила в редакцию 20.09.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.
The article was submitted 20.09.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Научная статья
УДК 903.27
doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.018

ДРЕВНЯЯ «КАМЕНОЛОМНЯ» НА КАНОЗЕРЕ: СЛЕДЫ РАЗРАБОТКИ КАМНЯ И НОВЫЕ ПЕТРОГЛИФЫ ПАНЕЛИ КАМЕННЫЙ 5

Вадим Алексеевич Лихачев

*Музей-заповедник «Петроглифы Канозера», Умба Апатиты, Россия, lihva@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4770-6468>*

Аннотация

Известно, что некоторые места находок наскального искусства соседствуют со следами заготовки полезных ископаемых: каменного материала для изготовления орудий, асбеста для керамики, охры для краски и т. п. Петроглифы Канозера также оказались связаны с «горными разработками». Так, возле группы петроглифов Каменный 5 на острове Каменный выявлен скальный участок, где разрабатывался кристаллический сланец, вероятно, использовавшийся для изготовления каменных орудий. В статье приводится описание данного участка, следы выработки, этапы заготовки камня, которые удалось проследить. Предлагается дискуссия по поводу связи данной выработки камня с созданием петроглифов. Также публикуются недавно выявленные в данном скоплении петроглифы.

Ключевые слова:

Фенноскандия, Канозеро, петроглифы, наскальное искусство, каменоломня, горные разработки, каменные орудия, кристаллический сланец, талькохлорит

Благодарности:

Благодарю организаторов семинара «Антропологические аспекты современных исследований северо-западной части Арктической зоны Российской Федерации» (26–27 мая 2022 год) Центра гуманитарных проблем Кольского научного центра за приглашение выступить с докладом по теме, представленной в статье. За помощь с литературой, использованной при подготовке статьи, благодарю В. Я. Шумкина. За помощь в проведении исследования благодарю сотрудников Музея-заповедника «Петроглифы Канозера».

Для цитирования:

Лихачев В. А. Древняя «каменоломня» на Канозере: следы разработки камня и новые петроглифы панели Каменный 5 // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 185–195. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.018

Original article

ANCIENT QUARRY AT KANOZERO: TRACES OF CRYSTALLINE SCHIST QUARRING AT THE KAMENNY 5 PANEL

Vadim A. Likhachev

The Kanozero Petroglyphs Museum, Umba, Russia, lihva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4770-6468>

Abstract

It is known that some sites of rock art finds coexist with traces of mining: stone material for making tools, asbestos for ceramics, ocher for paint, etc. The petroglyphs of Kanozero also turned out to be associated with “mining”. So, near the group of petroglyphs Kamenny 5 on Kamenny Island, a rocky area was discovered where crystalline schist was mined, probably used to make stone tools. The article provides a description of the traces of mining at this rock outcrop, the stages of separating stone blocks that could be traced. A discussion is proposed regarding the connection of this mining of stone with making of petroglyphs. Recently discovered petroglyphs of this panel are also published.

Keywords:

Kanozero, petroglyphs, Fennoscandia, rock art, crystalline schist, soapstone, quarrying

Acknowledgments:

I thank the organizers of the seminar “Anthropological aspects of modern research in the Northwestern part of the Arctic zone of the Russian Federation” (May 26–27, 2022) of the Center for Humanitarian Problems of the Kola Science Center for the invitation to make a presentation on the topic presented in the article. For help with the literature used in the preparation of the article, I thank V. Ya. Shumkin. I would like to thank the staff of the Petroglyphs of Kanozero Museum-Reserve for their assistance in conducting the study.

For citation:

Likhachev V. A. Ancient quarry at Kanozero: traces of crystalline schist quarrying at the Kamenny 5 panel // Transactions of the Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities. 2022. Vol. 1, No. 1. P. 185–195. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.018

Вместо предисловия

В июле 2019 году во время пребывания возле скопления петроглифов на острове Каменный (рис. 1) автору данной работы попала статья шведского исследователя Йоакима Гулдхана (Joakim Goldhahn) [1], которая была посвящена соседству некоторых скоплений наскального искусства Фенноскандии с местами заготовки каменного материала и других полезных ископаемых (охра, асбест). Тема статьи побудила по-новому взглянуть на углубления (выколы) в скале возле группы петроглифов Каменный 5 (рис. 2). Осмотр показал, что эти выколы искусственного происхождения — удалось обнаружить этапы подготовки пласта камня к отделению.

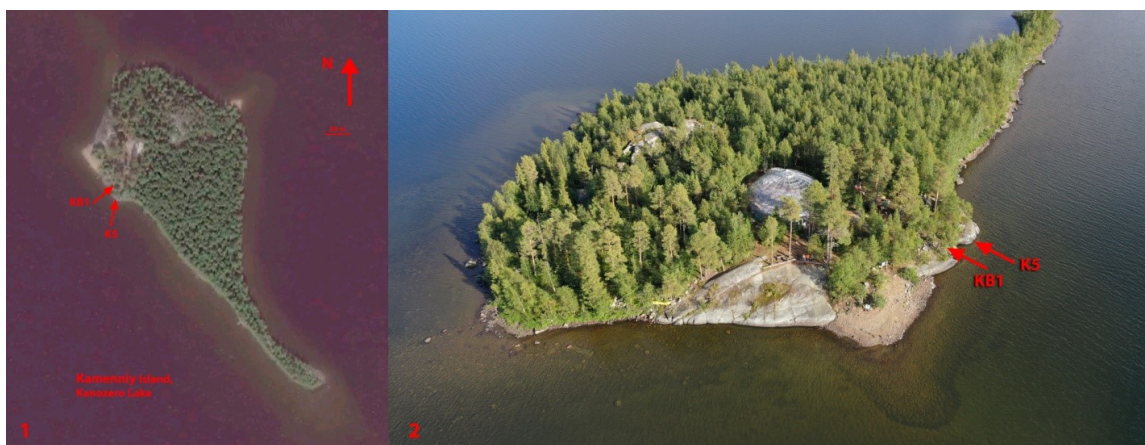

Рис. 1. Остров Каменный с указанием месторасположения скалы с петроглифами и местом разработки камня. K5 — скопление петроглифов Каменный 5, возле которого найдены выколы кристаллического сланца. KB1 — отдельный валун с двумя выколами антропогенного происхождения. 1 — вид на остров сверху (космоснимок: HereWeGo); 2 — вид на остров сверху с северо-запада. (Фото с квадрокоптера: А. Василина, иллюстрация: В. Лихачев)

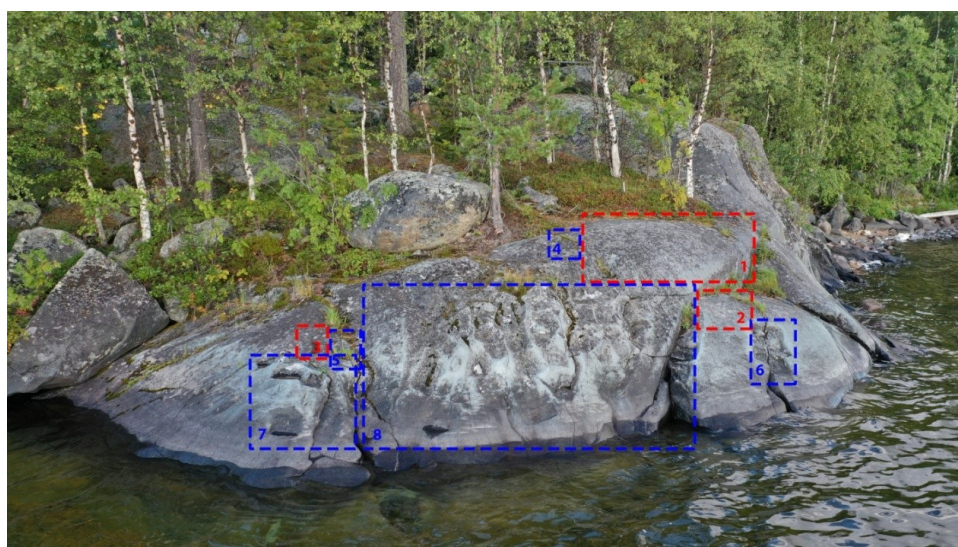

Рис. 2. Скальный выход Каменный 5: 1–3 — красной пунктирной линией обведены места нахождения петроглифов; 4–8 — синей пунктирной линией обведены некоторые места выколов антропогенного происхождения и места подготовки к выкалыванию. (Фото: Алексей Василина, иллюстрация: В. Лихачев)

Описание панели¹ с петроглифами — Каменный 5

Петроглифы Канозера, открытые в 1997 году, являются на данный момент крупнейшим памятником наскального искусства в Мурманской области [3, 4]. На данный момент выявлено более 1500 изображений в 23 скоплениях [5–7]. Панель Каменный 5 является одним из 10 мест скоплений петроглифов на острове Каменный (рис. 1). Она расположена на круто спускающемся к воде скальном выходе на западном побережье острова и имеет два выраженных уступа, на плоскостях которых обнаружены фигуры (рис. 2).

Основная часть петроглифов находится на верхней площадке скалы, полого изгибающейся к воде и обращенной на юго-запад (рис. 3). Еще несколько фигур — лодка и два китообразных выявлены ниже на площадке уступа под основным скоплением (рис. 4). Отдельная фигура «лодки с линем»² находится на уступе к северо-западу (рис. 5).

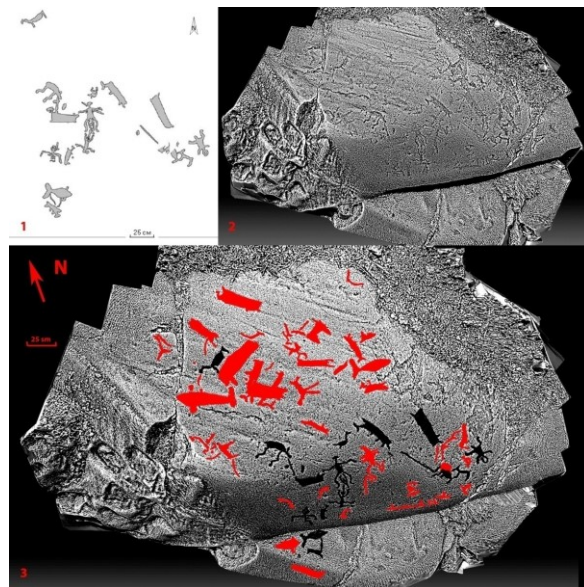

Рис. 3. Фрагмент панели Каменный 5: 1 — согласно каталогу [4]; 2 — 3D-визуализация на основе фотограмметрии; 3 — 3D-визуализация с прорисовкой фигур. Черным цветом показаны выбивки, приведенные в каталоге, красным выделены выбивки, не представленные в каталоге. Петроглифы соответствуют указанному масштабу только в верхней половине рисунка. Масштаб в нижней части рисунка искажен за счет искривления поверхности скалы. (Иллюстрация на основе 3D-модели: В. Лихачев)

Согласно каталогу группа содержит 24 фигуры: «3 антропоморфа, 3 зооморфа, китообразное, орнитоморф, 6 лодок, 3 чашевидных углубления и 7 неясных фигур. ... основная часть расположена на площади 1,8x1 (одна фигура в 4,3 м к северо-западу от нее), в 1 м от уреза воды, на высоте 1–2 м над уровнем моря» [4: 53] (рис. 3).

Группа содержит единственную четко определяемую композицию — сексуальную сцену: «...две антропоморфные фигуры ногами друг к другу и головами в противоположные стороны. У одной изображены вульва и грудь, у другой — длинный фаллос, направленный к вульве, и тестикулы» [4: 53] (рис. 6).

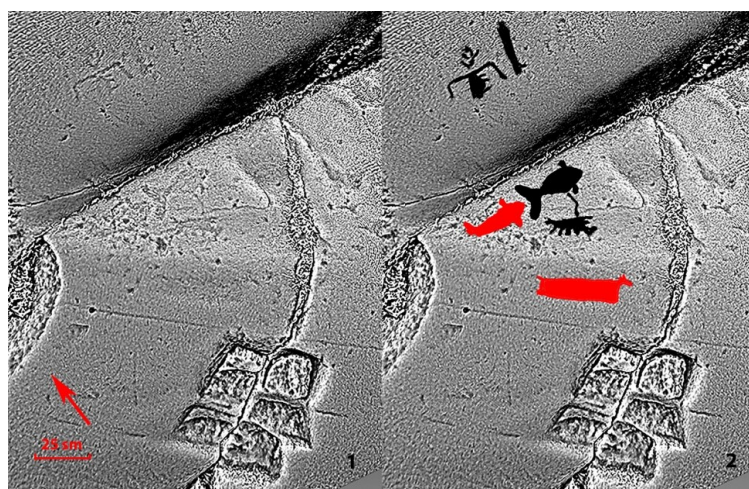

Рис. 4. Изображения на нижнем уступе и выколы-«ступени», Каменный 5: 1 — 3D-визуализация на основе фотограмметрии; 2 — то же само, выбивки подкрашены: черным — известные, красным — выявленные. (Иллюстрация на основе 3D-модели: В. Лихачев)

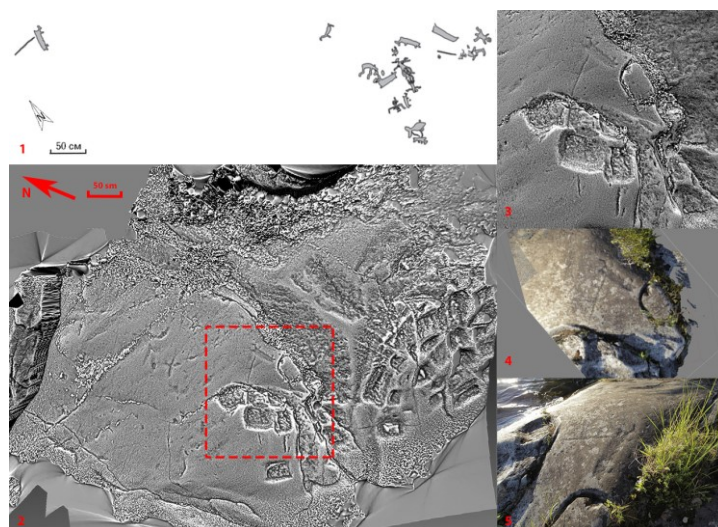

Рис. 5. Изображение «лодки с линем» в северо-западной части панели Каменный 5: 1 — «лодка с линем» изображена в левом верхнем углу, прорисовка петроглифов Каменный 5 согласно каталогу [4]; 2 — 3D-визуализация северо-западной части скалы, поверхность скалы показана без текстуры; 3 — фрагмент, выделенный пунктиром на картинке (2), фигура лодки с линем и соседствующие выколы, вертикальные черты в нижней части рисунка под выколами — начало подготовки к выкалыванию других пластов камня; 4 — фигура лодки и контур для отделения пласта камня, 3D-визуализация с текстурой; 5 — фото участка скалы с фигурой лодки. (Иллюстрация и фото: В. Лихачев)

Рис. 6. Композиция «любовь» (сцена соития) из панели Каменный 5: 1 — ночное фото; 2 — выбивка подкрашена мелом. (Фото: В. Лихачев)

Новые находки петроглифов в группе Каменный 5

При документировании панели Каменный 5 с помощью фотограмметрии [8, 9] было выявлено еще около 20 выбивок (рис. 3). Из них 2 — на нижнем уступе. Около 8 выявленных фигур, вероятно, представляют собой лодки, как минимум 3 фигуры можно трактовать как китообразные, имеются фрагменты зооморфных изображений, возможно, лосей. Значительная часть фигур не опознается в силу плохой сохранности. На нижнем уступе выявлено изображение китообразного (рис. 4). Данная фигура изображена непосредственно позади другой известной фигуры кита. Обе имеют сходство в пропорциях и стилистических деталях (сходным образом изображены плавники и нос китообразного). Вероятно, обе фигуры являются частью сцены морской охоты с лодки. Чуть ниже плоскости данного уступа, на склоне скалы, обращенном к воде, выявлена еще одна фигура лодки, она сильно затерта льдами, но читается широкий корпус лодки и украшающая форштевень лосиная голова.

Антропогенные выколы на скале с панелью Каменный 5

Обратимся к другим находкам на данной скале — антропогенным выколам,³ позволяющим нам заявить, что здесь производилась добыча каменного материала.

Горные породы, слагающие скальные выходы Канозера, относятся к одной из разновидностей кристаллических сланцев: метаперидотит, метапироксенит, тремолитовые и хлоритовые талько-, серпентинито- и карбонатсодержащие породы [10].

С момента открытия группы с петроглифами Каменный 5 отмечалось наличие рядом с ней «ступеней» (рис. 7 (б)), выбитых в скале и высказывалось их антропогенное происхождение [3: 88]. В то же время схожие по размеру прямоугольные выколы в северо-восточной части данной скалы ранее не рассматривались как имеющие искусственное происхождение.

Рис. 7. Выколы на скале: 1 — вид с запада, с воды; 2 — вид сверху; 3 — вид с юга; 4 — вид с севера; 5 — вид с запада, со льда; 6 — группа выколов — «ступени». (Фото: В. Лихачев)

Данный фрагмент скалы выделяется среди других своей неровной поверхностью, образованной серией близких по размеру углублений. Внимательный их осмотр показал, что углубления не связаны с природными факторами разрушения скалы, а вызваны направленным механическим воздействием человека с целью отделения блоков каменного материала.

Описание выколов. Выколы имеют близкую к прямоугольнику или квадрату форму (рис. 7). Ближе к воде их углы и грани сглажены льдами и прибойной волной. Размер выколов: по короткой стороне — от 15 до 30 см, чаще около 20 см, по длинной стороне — от 20 до 40 см, чаще 30 см, глубина — от 3 до 10 см. Выколы нередко располагаются под разными углами относительно друг друга (рис. 7). Нами выявлено свыше 50 углублений данных параметров и формы. Еще имеется около 10 мест, где камень мог быть отделен иным способом — определены только ложбины (рис. 8).

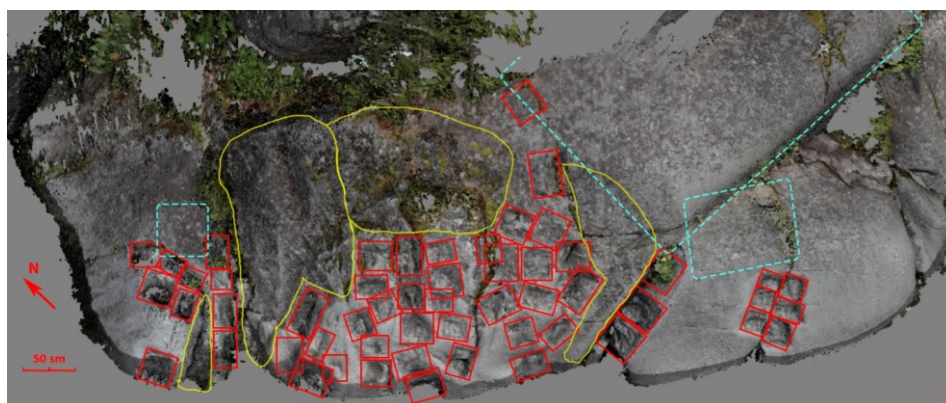

Рис. 8. 3D-модель панели Каменный 5: 1 — голубым пунктиром показаны поверхности с петроглифами; 2 — красными контурами показаны места идентифицированных выколов; 3 — желтыми контурами показаны вероятные места выемки каменного материала, размеры и количество кусков которого сложно установить. Визуализация на основе 3D-модели. (Иллюстрация: В. Лихачев)

Этапы заготовки камня можно проследить на скале в нескольких местах. В одном месте имеется начало подготовки куска породы к отделению — две черты протерты перпендикулярно трещине (рис. 9). Судя по всему, контур отделяемого пласта скалы протирался твердым орудием. Глубина канавки в рассматриваемом случае имеет подтреугольную форму (рис. 9 (3)). В ряде случаев краем подготавливаемого к отделению пласта камня становилась естественная трещина либо край уже отделенного пласта скалы (рис. 7 (б)).

В другом месте оконтуренный, но по какой-то причине не отделенный пласт материала (рис. 9 (4, 5)). В ряде мест возле выколов выявлены протертые канавки-линии как возможное начало разметки для выкалывания (рис. 5 (3)). Большинство выколов представляют собой углубление, но иногда в центре выкола мы видим бугорок (рис. 7 (б), верхний слева выкол). Возможно, это говорит о том, что непосредственно на скале вытесывалась заготовка изделия, а затем она отделялась.

Рис. 9. Подготовка к отделению каменного материала: 1 — две проточки — начало контура, по которому проводилось выкалывания, общий вид; 2–3 — крупный план проточек; 4 — контур подготовки для отделения пласта камня; 5 — контур и другие выколы, общий вид. (Фото: В. Лихачев)

Отдельный камень

Выколы сходной формы и размера также обнаружены на отдельном камне рядом со скалой с панелью Каменный 5 (рис. 10). Данный камень, вероятно, представляет собой обломок коренной скалы: визуально определяются те же зеленые ультраосновные породы, что слагают и соседние выходы скал. Он простирается острым углом в направлении СЗ-ЮВ и имеет подчетырёхугольную форму следующих размеров: длина — 2 м, в наиболее широкой части — 1,2 м, высота — 1 м. Высота над уровнем воды в отмеченное время (14 августа 2011 год) — 0,65 м, расстояние от воды — 0,4 м. Выколы на камне обращены к воде — на запад.

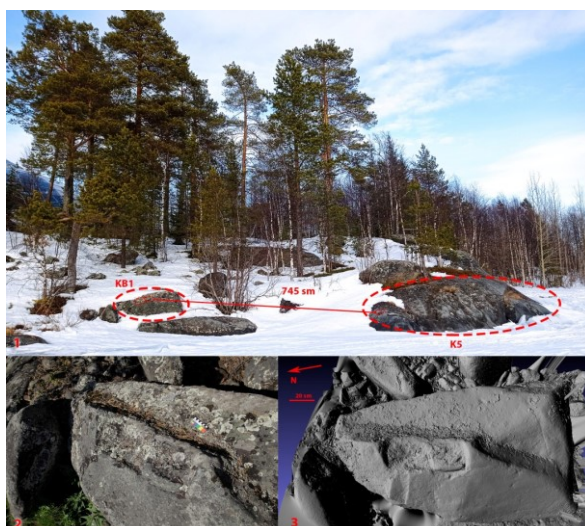

Рис. 10. Выколы на отдельном камне KB1: 1 — расположение камня с выколами KB1 относительно панели Каменный 5. Указано расстояние (745 см) от края крайнего выкола панели K5 до края крайнего выкола камня KB1; 2 — выколы в центре фото; 3 — 3D-модель камня KB1, два соседствующих подпрямоугольных выкола в центре кадра. (Иллюстрация и фото: В. Лихачев)

Дискуссия и продолжение исследования

Выкалывание зимой со льда. Рассматриваемый скальный выход (панель Каменный 5) обращен своей открытой поверхностью на запад и юго-запад, поэтому ранее других скал острова Каменный оттаивают из-под снега (рис. 11). Наиболее крутая часть его панели не покрывается снегом вовсе. Судя по высоте расположения выколов, удобнее всего их было делать с поверхности льда озера. Можно предположить, что скала использовалась для заготовки каменного материала в зимне-весенний период — с февраля по май, когда лед сохраняется на поверхности озера, но скала уже очистилась от снега. Местонахождение и ориентация некоторых петроглифов относительно поверхности воды, например, фигура лодки возле выколов «ступени» (рис. 4. (2)), также позволяет говорить о том, что, по крайней мере, часть фигур выбивалась с поверхности льда.

Рис. 11. Панель Каменный 5. Съемка сделана: 1 — 2 апреля 2022 год; 2 — 26 апреля 2017 год (на фото — В. Конухин); 3 — 5 мая 2019 год; 4 — 2 мая 2021 год. (Фото: В. Лихачев)

Аналогичные памятники. Разработки камня, предполагающее подобное «ступенчатое» выкалывание камня на наклонной скале сегментами размера 20x40 см, выявлено в некоторых местах Фенноскандии (рис. 12) где подобным образом добывался талькохлорит [11–13]. Данные выработки датируются как бронзовым, железным веком, так и саамским Средневековьем. Визуальное сходство данных памятников вряд ли определяется преемственностью в «технологии горных разработок», а, скорее, близостью свойств горных пород, удобством последовательного выкалывания и размером удобным для отделения.

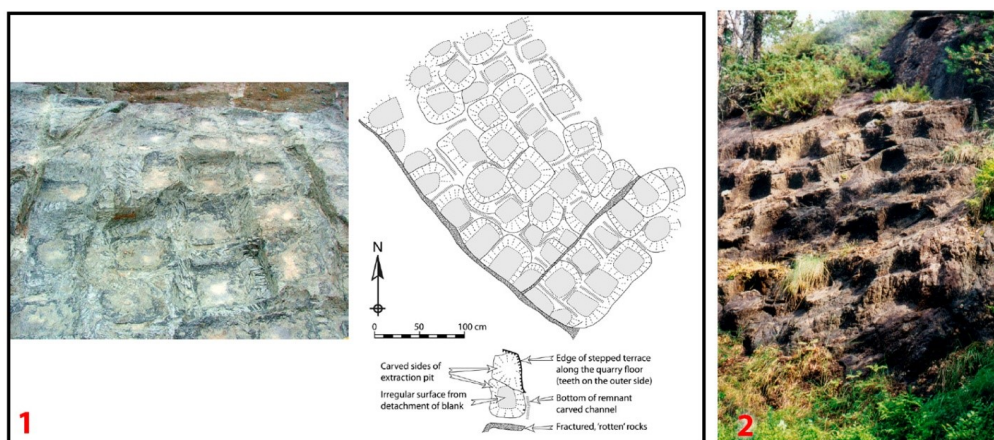

Рис. 12. Способы разработки талькохлорита в Скандинавии: 1 — прямоугольные углубления из северного карьера, рисунок из [13]; 2 — способ извлечения камня, напоминающий лестницу. (Фото: В. Østerås [12])

Датировка. Связь выколов и петроглифов. Датировать данные выколы сложно. Но некоторые шаги для датировки можно предпринять. Например, сопоставив степень эрозии поверхности выкола, связанной с естественными причинами (прибойная волна и ледоходы) с поверхностью расположенных рядом петроглифами, современных выбивок и сколов скалы последних лет. Вариантом измерения степени эрозии может быть измерение толщины коры выветривания поверхности скалы. Для этого сопоставляется толщина коры выветривания горной породы под протертой поверхностью контура или под поверхностью самого выкола с современной толщиной коры выветривания (на той же скале) и с толщиной коры выветривания под выбивкой петроглифа либо под современной выбивкой.

Могут ли выколы быть недавним явлением? Действительно, на Канозере, начиная с 1925 года, работали геологи, которые вели отборы проб горных пород, в том числе на скалах островов с петроглифами и рядом с некоторыми скоплениями петроглифов, они оставили свои граффити [3; 10]. О том, что выколы возле Каменный 5 не могут являться следами геологического опробования говорит следующее: 1) нигде в отчетах не указано это место; 2) для геологов нет необходимости брать в таком количестве пробы с одного места и именно такого размера; 3) способ отбора образцов у геологов совершенно отличен, нет следов геологического молотка, которым откалывалась бы порода; 4) эрозия поверхности выколов больше коррелирует с эрозией расположенных рядом петроглифов, чем с граффити геологов, выявленных на той же высоте что и выколы, например, возле скопления Горелый 1, Скала Одинокая; 5) геологи производили обследования в летний период [10], когда брать пробы с этого участка скалы было весьма неудобно.

Могут ли выколы относиться к саамскому Средневековью? Вопрос остается открытым. Известно, что саамы Кольского полуострова в Средневековье использовали каменные орудия [14: 130]. При этом выдвигаются предположения, что некоторые петроглифы на скалах Канозера создавались саамами в именно в эту эпоху [15]. Таким образом, саамы могли совмещать разработку камня и создание некоторых петроглифов на Канозере.

Как могут быть связаны петроглифы и выколы? В Скандинавии известны места, где возле петроглифов отмечается разработка талькохлорита как в бронзовом веке, так и в саамском Средневековье [1, 16, 17]. Нам кажется, что нельзя исключить создание петроглифов как часть обряда, сопровождавшего заготовку камня, ведь технику протирания контуров для выемки каменного материала можно сопоставить с техникой исполнения некоторых петроглифов [4].

В то же время не исключена и более опосредованная связь — священные скалы Канозера придавали заготавливаемому здесь камню и, соответственно, орудиям, из него изготавливаемым, особые свойства. Заготовка камня могла являться как частью «обмена дарами» с духами/божествами данного места. Кроме того, «дарообмен» мог включать дары-жертвоприношения, изображенные на петроглифах (животные, ценные предметы), а также готовые орудия из местного и привозного материала, обнаруженные возле скал при археологических раскопках [18: 43, 45].

Для подтверждения или опровержения выдвинутых гипотез целесообразно сопоставить по петрографическому составу образцы горных пород, взятые со скал с выколами и каменные орудия из кристаллического сланца, которые обнаружены здесь же на острове Каменный (рис. 13).

Рис. 13. Изделия из сланца, обнаруженные при раскопках Кольской археологической экспедиции в 2018 году возле панели с петроглифами Каменный 7 [18]: 1 — наконечник стрелы № 128; 2 — заготовка макроорудия инв. № 89; 3 — желобчатое тесло из сланца

Также необходимо провести анализ горных пород других скальных выходов на Канозере. Таким образом, можно попытаться определить, были ли орудия сделаны из местного материала и тем самым подтвердить или опровергнуть гипотетическую возможность использования местных кристаллических сланцев для изготовления орудий, в частности, скалы с выколами и петроглифами Каменный 5. Проведение археологические раскопок возле панели Каменный 5 поможет обнаружить дополнительные следы разработки камня: фрагменты скал, заготовки орудий из сланца, отщепы кристаллического сланца и т. п.

Примечания

¹ В данной статье термином «панель» (panel) (согласно принятой международной терминологии в исследованиях наскального искусства) обозначается поверхность скалы, на которой выявлены петроглифы (в русском значении слово «панель» применяется в строительстве как «облицовка», «лицевая поверхность»). В контексте изучения наскального искусства панель — это «лицевая поверхность скалы». В отличие от термина «группа» (предполагающее группу фигур), данное определение предполагает не только сочетание выбивок, но и другие элементы поверхности и ее свойства (изгибы, уступы, трещины). В отечественной литературе для поверхностей скал с петроглифами применяется термин «плоскость» (например, [2]), но в данном случае он мне кажется не совсем подходящим, поскольку панель Каменный 5 имеет сложный рельеф, состоит из нескольких элементов, рассечена трещинами.

² Литье — веревка к которой крепится гарпун.

³ *Выколом* (*extraction*) в данной статье мы называем углубление, оставшиеся в месте отделения блока каменного материала (*blank*) от массива скалы.

Список источников

1. Goldhahn J. Emplacement and the hau of Rock Art // Changing pictures: rock art traditions and visions in Northern Europe / edited by Joakim Goldhahn, Ingrid Fuglestedt, and Andrew Jones. Papers from a workshop held at Linnaeus University, Sweden, in 2008. 2010. Pp. 106–126.
2. Шер Я. А. Первобытное искусство: учеб. пособие. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. 351 с.
3. Лихачев В. А. Рисунки Канозера. Апатиты: Кольский центр охраны дикой природы, 2011. 124 с.
4. Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с.
5. Likhachev V. Kanozero petroglyphs: history of discovery and investigation // Adoranten. 2018. P. 48–71.
6. Лихачев В. А. Новые находки скоплений петроглифов на Канозере (период 2017–2019) // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты, 2020. № 18. С. 85–108.
7. Likhachev V. New motives and compositions of the Kanozero petroglyphs (On materials of new findings of 2016–2019) // Adoranten. 2021. P. 72–87.
8. Лихачев В. А. Петроглифы Канозера: новые методы изучения и новые находки // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2017. № 9. С. 113–120.
9. Лихачев В. А. Документирование петроглифов Канозера: от контактных методик к фотограмметрии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021. № 2 (72). С. 145–164.
10. Лихачев В. А. Горные породы скал с петроглифами на островах Канозера: история и перспективы изучения // Вестник КНЦ РАН. 2020. № 2. С. 15–28.
11. Bunse L. Multi-ethnic Involvement? Production and Use of Soapstone in Northern Norway // Soapstone in the North. Quarries, Products and People. 7000 BC – AD 1700 / Gitte Hansen and Per Storemyr (eds). Bergen: University of Bergen Archeological Series. 2017, no. 9. P. 59–72.
12. Østerås B. Slipsteinberget Soapstone Vessel Quarry. Home Production or Professional Craft? // Soapstone in the North. Quarries, Products and People. 7000 BC – AD 1700 / Gitte Hansen and Per Storemyr (eds). Bergen: University of Bergen Archeological Series. 2017, no. 9. P. 153–164.
13. Grenne T., Bodil Østerås B., Stenvik L. The Sandbekkdalen Quarry, Kvikne: A Window into Early Iron Age Soapstone Exploitation in Norway // Soapstone in the North. Quarries, Products and People. 7000 BC – AD 1700. Gitte Hansen and Per Storemyr (eds). University of Bergen Archeological Series. University I Bergen. 2017, no. 9. P. 93–106.

14. Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. 233 с.
15. Шумкин В. Я. Древности саамов российской Лапландии // In situ: К 85-летию проф. А. Д. Столяра. СПб., 2006. С. 130–146.
16. Wigglesworth, Melanie. Krabbestig. Vågsøy kommune Sogn og Fjordane fylkeskommune. Rapport fra Sikring av bergkunst 2003. Bergen: Bergen Museum / Universitetet i Bergen. 2003.
17. Mulk I.-M., Bayliss-Smith T. Rock art and Sami sacred geography in Badjelannda, Lapponia, Sweden. Sailing boats, anthropomorphs and reindeer. Umeå: Archaeology and Environment. 2006.
18. Колпаков Е. М. Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о раскопках на Канозере в Мурманской области 2018 г. Открытый лист № 471 от 22.05.2018. 48 с.

References

1. Goldhahn J. Emplacement and the hau of Rock Art. Changing pictures: rock art traditions and visions in Northern Europe / edited by Joakim Goldhahn, Ingrid Fuglestedt, and Andrew Jones. Papers from a workshop held at Linnaeus University, Sweden, in 2008. 2010.
2. Sher Ya. A. *Pervobytnoye iskusstvo: ucheb. posobie* [Prehistoric art: study book]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2006, 351 p. (In Russ.).
3. Likhachev V. A. *Risunki Kanozera: otkrytiye, izucheniye, sokhraneniye* [Rock art of Kanozero: discovery, study, preservation]. Apatity, Kola biodiversity conservation center, 2011, 124 p. (In Russ.).
4. Kolpakov E. M., Shumkin V. Ya. *Petroglify Kanozera* [Petroglyphs of Kanozero]. Saint Petersburg, Iskusstvo Rossii, 2012, 424 p. (In Russ.).
5. Likhachev V. Kanozero petroglyphs: history of discovery and investigation. Adoranten, 2018, pp. 48–71.
6. Likhachev V. A. *Novyye nakhodki scopeniy petroglifov na Kanozere (period 2017–2019)* [New findings of clusters of petroglyphes on Kanozero (period 2017–2019)]. *Trudy KNTS RAN GI* [Proceedings of the KSC RAS GI], 2020, no. 18, pp. 85–108. (In Russ.).
7. Likhachev V. New motives and compositions of the Kanozero petroglyphs (On materials of new findings of 2016–2019). Adoranten, 2021, pp. 72–87.
8. Likhachev V. A. *Petroglify Kanozera: novyye metody izucheniya i novyye nakhodki* [Rock carvings of Kanozero: new methods of documentation and the new findings]. *Trudy KNTS RAN GI* [Proceedings of the KSC RAS GI], 2017, no. 9, pp. 113–120. (In Russ.).
9. Likhachev V. A. *Dokumentirovaniye petroglifov Kanozera: ot kontaknykh metodik k fotogrammetrii* [Documentation of petroglyphs of Kanozero: from contact methods to photogrammetry] // *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 2021, no. 2 (72), pp. 145–164. (In Russ.).
10. Likhachev V. A. *Gornie porody skal s petroglifami na ostrovah Kanozera: istoriya i perspektiva izucheniya*. [Rock formations with petroglyphs on the Kanozero islands: history and prospects of study]. *Vestnik KNTS RAN* [Herald of the KSC RAS], 2020, no. 2, pp. 15–28.
11. Bunse L. Multi-ethnic Involvement? Production and Use of Soapstone in Northern Norway // Soapstone in the North. Quarries, Products and People. 7000 BC – AD 1700, Gitte Hansen and Per Storemyr (eds). Bergen, University of Bergen Archeological Series, 2017, no. 9, pp. 59–72.
12. Østerås B. Slipsteinberget Soapstone Vessel Quarry. Home Production or Professional Craft? Soapstone in the North. Quarries, Products and People. 7000 BC – AD 1700, Gitte Hansen and Per Storemyr (eds). Bergen: University of Bergen Archeological Series. 2017, no. 9, pp. 153–164.
13. Grenne T., Bodil Østerås B., Stenvik L. The Sandbekkdalen Quarry, Kvikne: A Window into Early Iron Age Soapstone Exploitation in Norway. Soapstone in the North. Quarries, Products and People. 7000 BC – AD 1700. Gitte Hansen and Per Storemyr (eds). University of Bergen Archeological Series. University I Bergen. 2017, no. 9, pp. 93–106.
14. Gurina N. N. *Istoriya kul'tury drevnego naseleniya Kol'skogo poluostrova* [History of culture of the ancient population of the Kola Peninsula]. Saint Petersburg, Center “Petersburg Oriental Studies”, 1997, 233 p.

15. Shumkin V. Ya. *Drevnosti saamov rossiyskoy Laplandii* [Antiquities of the Saami of Russian Lapland]. *In situ: K 85-letiyu prof. A. D. Stolyara* [In situ: To the 85th anniversary of prof. Stolyar A. D]. Saint Petersburg, 2006, pp. 130–146. (In Russ.).
16. Wrigglesworth, Melanie. *Krabbestig. Vågsøy kommune Sogn og Fjordane fylkeskommune. Rapport fra Sikring av bergkunst 2003*. Bergen: Bergen Museum/Universitetet i Bergen, 2003.
17. Mulk I.-M., Bayliss-Smith T. Rock art and Sami sacred geography in Badjelannda, Lapponia, Sweden. Sailing boats, anthropomorphs and reindeer. Umeå: Archaeology and Environment, 2006.
18. Kolpakov E. M. *Otchet Kol'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii IIMK RAN o raskopkakh na Kanozere v Murmanskoy oblasti 2018 g. Otkrytyy list № 471 ot 22.05.2018* [Report of the Kola archaeological expedition of IIMK RAS on excavations at Kanozero in the Murmansk region in 2018. Open sheet No. 471 of 05/22/2018]. Saint Petersburg, p. 48.

Информация об авторе

В. А. Лихачев — аспирант факультета дизайна и искусств университета Лапландии (Рованиеми, Финляндия), специалист по сохранению объектов культурного наследия.

Information about the author

V. A. Likhachev — Post-graduate student of the Faculty of Design and Arts of the University of Lapland (Rovaniemi, Finland), the specialist for preservation of the cultural heritage.

Статья поступила в редакцию 14.09.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.
The article was submitted 14.09.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 10.10.2022.

